

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Русские архиереи XV—XVII вв.

Как появился посольский храм в Париже

*Российские дипломаты
и православные приходы в США
после продажи Аляски*

*Церкви Новгорода и его окрестностей
в период оккупации*

Поездка кардинала по Советскому Союзу в 1980 г.

*Юбилей и усталость
от революции
в современной зарубежной историографии*

*85 лет
Институту российской истории РАН*

Обсуждаем книгу
С.Д. Яхонтов. Воспоминания 1853–1942 гг.

МОСКВА
ГАУН-ПРЕСС

5
сентябрь
октябрь
2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блом, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дёниннгахус, С.В. Журавлёв,
В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: В.М. Васнецов. Нестор-летописец (1893)

© Российская академия наук, 2021

© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2021

© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2021

Архиерейская хиротония и «исповедания» епископов в первой трети XV в.

Мария Корогодина

Consecration of Bishops and «Lists of Creed» in the first third of the 15th century

Maria Korogodina

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016611-3

Система церковной иерархии в Киевской митрополии претерпела существенные изменения в первой половине XV в. Взаимоотношения архиерея с митрополитом и паствой во многом определялись обещаниями, даваемыми во время хиротонии, и наставлениями, получаемыми будущим епископом от главы Церкви. Эти тексты, которые ставленник подписывал и зачитывал вслух, по пунктам перечисляют его обязанности и обещания. Чины поставления епископов, входящие в них исповедания (т.е. обещания от имени будущего епископа) и наставления от имени митрополита являются важнейшими документами, содержащими уникальные сведения. Они привлекали внимание исследователей со второй половины XIX в. преимущественно в рамках изучения богослужения в Русской церкви¹. Некоторые ранние тексты были опубликованы в XIX и начале XX столетия². Тем не менее история формирования чинов поставления епископов в Московской Руси и Великом княжестве Литовском остаётся малоизученной.

Наиболее ранним примером использования «исповедания» епископа обычно считается формуляр с датой 1423 г., сохранившийся в списках конца XV в.³

© 2021 г. М.В. Корогодина

Статья подготовлена в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00171 «Moscovia & Ruthenia XV—XVII вв.: взаимовлияние письменных традиций в сфере богослужения, канонического права, системы образования и богословия».

¹ Дмитриевский А.А. Богослужение в Русской церкви в XVI веке. Ч. 1: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Историко-археологическое исследование. Казань, 1884. С. 353—380; Неселовский А. Чины хиротесий и хиротоний. Опыт историко-археологического исследования. Каменец-Подольск, 1906; Вагрик М. Флорентійські унійні традиції в Київській митрополії 1450—60 pp. // Series II. Sectio II. «Analecta OSBM». Vol. IV(X). Fasc. 3—4: Miscellanea in honorem cardinalis Isidori (1463—1963). Romae, 1963. P. 329—362; Вагрик М. До історії єпископської присяги в XV—XVI вв. // Ibid. P. 363—390.

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836. № 370, 375. С. 463, 467—473; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). Т. VI. СПб., 1880. № 52, 105. Стб. 437—464, 738.

³ Богданов С.В. Отрывок чина на избрание и поставление епископов в тексте летописей Новгородско-Софийского круга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4(42). С. 56—69; Корогодина М.В. Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2(44). С. 113—117; Белякова Е.В. Замечания к полемике о чине поставления епископов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2(44). С. 118—119; Тара-

Этот текст входит в чин поставления («Устав, како подобает избирати епископа») и фиксирует время, к которому текст «исповедания» приобрёл законченную форму. Более поздние «исповедания» позволяют увидеть изменения, вносившиеся в документ, подписываемый будущим архиереем. Однако документ 1423 г. не появился одновременно, а стал результатом долгого процесса формирования чина поставления епископов, что заставляет обратиться к обстоятельствам складывания текстов подобного рода.

Если киевские митрополиты на протяжении нескольких столетий почти без исключений ставились Константинопольским патриархом и синодом, и уже по этой причине в русских богослужебных книгах не мог находиться чин поставления митрополита, то с епископами дело обстояло иначе. Часть из них также были рукоположены в Константинополе, но другие хиротонисаны митрополитом в русских землях. Совершение хиротонии требовало определённых молитв и священнодействий, которые формируют чин; однако мы не находим подобных текстов в богослужебных книгах до XIV в. Можно полагать, что на протяжении долгого времени хиротония совершалась во время торжественной литургии через чтение одной или нескольких молитв. Возможно, эти молитвы не переводились на славянский язык, а читались митрополитами на греческом языке — этого было достаточно в условиях малого числа епархий и редкости подобного богослужения.

Наиболее ранней рукописью, включающей чин хиротонии епископа, является архиерейский Требник второй половины XIV в., содержащий комплекс чинов поставления, состоящих только из молитв без каких-либо наставлений или «исповеданий» со стороны рукополагаемого. Кодекс был полностью издан и исследован М.С. Желтовым⁴, который пришёл к выводу, что в рукопись вошли переводы чинов из греческого Евхология, наиболее распространённого в Константинопольской церкви в X—XI вв.⁵ Согласно наблюдениям Т.И. Афанасьевой, данная рукопись содержит особый перевод Требника, связанный с именем Саввы Сербского и появившийся на Руси не ранее последней трети XIII в.⁶ Этот чин не включает особого формуляра для наставлений будущему епископу или описания его обязанностей и обещаний.

Данный перевод вышел из употребления на Руси уже в начале XV в., поскольку его вытеснил перевод Требника митрополита Киприана⁷. В последнем, однако, не было комплекса чинов поставлений клириков. Они присутствуют в другом переводе конца XIV в., появившемся в Сербии и условно названном

сов А.Е. Чины избрания и поставления епископов и роль светской власти в рукоположении архиереев конца XV—XVII вв. // *Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV—XVII в.* Калуга, 2019. С. 230—234.

⁴ Желтов М. Чиновник архиепископов Новгородских. Древнерусский Требник РНБ, Соф. 1056. М., 2017. С. 58—178.

⁵ Желтов М.С. Чины рукоположений по древнейшему славянскому списку: Рукопись РНБ, Соф. 1056, XIV в. // *Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия.* 2005. Вып. 14. С. 149—150; Желтов М. Чиновник архиепископов Новгородских... С. 19—21.

⁶ Афанасьева Т.И. «Евхологий Саввы Сербского» и его рецепция в Древней Руси XIII—XIV вв. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2019. № 4(78). С. 146, 152.

⁷ Афанасьева Т.И. Литургическая реформа при митрополите Киприане и формирование Большого требника в Московской Руси // *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI международный съезд славистов. Доклады российской делегации.* М., 2018. С. 20—33.

Т.И. Афанасьевой Требником Стефана Душана⁸. Время его попадания в Киевскую митрополию неизвестно; наиболее ранний русский список, содержащий чины поставления клириков вне Требника Стефана Душана, относится к третьей четверти XV в.⁹ Чин поставления епископа из Требника Стефана Душана не включал ни «исповедания» будущего архиерея, ни перечня обязанностей со стороны митрополита.

Таким образом, ни один богослужебный чин, который мог быть известен в Киевской митрополии в конце XIV — первой половине XV в., не содержит наставлений епископу или его «исповедания». Если какие-либо поучения произносились митрополитом при рукоположении нового архиерея, то они целиком оставались на усмотрение митрополита. В Греческой церкви в тот же период уже были приняты иные традиции: текст «исповедания», произносимого претендентом на епископскую кафедру, сформировался при патриархе Константинопольском Николае Музалоне к середине XII в. и был существенно расширен во второй половине XIV в.¹⁰

В Киевской митрополии наиболее ранние тексты, описывающие обязанности епископа, относятся к 1413—1414 гг. Митрополит Фотий прибыл в Киевскую митрополию в 1410 г.; из летописей известно о двух совершённых им поставлениях на кафедры в землях Великого княжества Литовского: Севастиане, епископе Смоленском (хиротонисан в 1411 г. в Киеве), и Евфимии, епископе Туровском (хиротонисан в 1412 г. в Луцке)¹¹. О хиротонии епископа Владимирского Герасима не сохранилось летописного известия, однако митрополичий формулярник донёс ставленную грамоту митрополита Фотия, данную этому архиерею в 6922 (1413/14) г.¹² Дата поставления неизвестна, что не позволяет точно определить время хиротонии. Епископ Герасим назван среди участников первого собора галицких и литовских епископов, созванного в конце 1413 — начале 1414 г.¹³, и это заставляет предполагать, что он был посвящён в сан незадолго до собора, в осенние месяцы 1413 г. Однако, как мы увидим ниже, в ставленной грамоте митрополит Фотий немалое внимание уделяет «мятежам» в Церкви и идее единства митрополии; это указывает на то, что ко времени посвящения епископа Герасима конфликт, грозивший расколом, уже разгорелся, но митрополит ещё сохранял власть над епархиями Великого княжества Литовского. Поэтому более вероятным представляется, что епископ Владимирский был поставлен во время поездки митрополита Фотия в Великое княжество Литовское весной 1414 г., а в более раннем соборе Герасим принимал участие в качестве наречённого, но не рукоположенного епископа.

Ставленная грамота епископу Герасиму, являющаяся наиболее ранним русским образцом документа подобного рода, содержит все необходимые элементы: обоснование права митрополита Фотия распоряжаться «Русской митрополией»; подтверждение хиротонии владимирского епископа; перечень его обязанностей; наставление пастве о подчинении новому епископу. Несомнен-

⁸ Афанасьева Т.И. «Требник Стефана Душана», его состав и место в славянской традиции Требника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. Вып. 3(81). С. 127—142.

⁹ РНБ, Соф. 1488. Датировка рукописи: Шибачев М.А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодинологическое исследование. М.; СПб., 2013. С. 40.

¹⁰ Ваврик М. До історії єпископської присяги... Р. 364—365.

¹¹ ПСРЛ. Т. XVII. СПб., 1907. С. 55.

¹² Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Ч. 1. М., 1986. № 21. С. 119—120.

¹³ Афанасенко Ю.Ю. Новогрудский собор 1415 г. в церковной политике великого князя Витовта // Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник. Вып. 8. Минск, 2015. С. 94.

но, образцом для митрополита Фотия послужили греческие тексты; позднее эта форма воспроизводилась в ставленных грамотах в Великом княжестве Литовском на протяжении XV—XVI вв. Наибольшей оригинальностью обладает первая часть грамоты, говорящая о соединении Русской церкви и укреплении Русской митрополии после многих мятежей. Согласно грамоте, основанием для сохранения единства митрополии служит обычай, идущий со времён Крещения Руси («то изначала пошло от святого крещения»), и грамота патриарха и византийского императора с решением Константинопольского синода о посвящении Фотия на Киевскую митрополию. Эта часть, подчёркивающая опасность мятежей и разделения митрополии, несомненно, появилась как ответ на неприятие митрополита Фотия в Великом княжестве Литовском, завершившееся спустя недолгое время посланием литовских епископов с отказом подчиняться митрополиту и избранием Григория Цамблака. Показательным является упоминание в грамоте митрополита Фотия, что он поставлен не только соборным решением патриарха, но и «боговенчанным царем». Это демонстрировало великому князю литовскому Витовту образец единства светской и церковной власти в решении препоручить Русскую митрополию Фотию.

Позже, в 1452 г., эту часть ставленной грамоты в схожей ситуации использовал митрополит Иона при утверждении в правах занимать епископскую кафедру в той же Владимиро-Волынской епархии епископа Даниила. Последний был хиротонисан митрополитом Исидором. После того как митрополит Исидор бежал в Рим и был признан в Москве еретиком, встал вопрос о его ставленниках. Согласно церковным правилам, клирики, рукоположенные архиереем-еретиком, извергались из сана как не имеющие благодати или рукополагались повторно¹⁴. Митрополит Иона решил оставить епископа Даниила, приняв его через покаяние и отречение от Исидора и его последователей и дав ему новую ставленную грамоту¹⁵. Показательно, что митрополит Иона в качестве образца использовал грамоту митрополита Фотия, данную одному из предшественников епископа Даниила. Очевидно, грамота митрополита хранилась у Владимиро-Волынского епископа.

Вторая часть грамоты митрополита Фотия, начинающаяся со слов «По благодати, данной ми от Пресвятого и Живоначального Духа», представляет собой стандартную формулу, которая позднее использовалась в Великом княжестве Литовском при рукоположении различных чинов церковной иерархии, от дьяконов до епископов. Третья часть представляет собой перечень обязанностей епископа: рукополагать клириков от чтецов до священников, ставить игуменов, наставлять паству. Тот же перечень обязанностей должен был воспроизводиться в «исповедании» рукополагаемого епископа, однако «исповедание» епископа Герасима неизвестно. Заключительная часть обязывает паству подчиняться епископу.

В списках XVI в. сохранился ряд подобных грамот, данных епископам в XV столетии. Такие грамоты с похожей, но постоянно меняющейся формой писались непосредственно для будущего архиерея с его именем и датой хиротонии. Сходным образом шло формирование ставленных грамот другим клирикам: наиболее ранние из них отличаются значительной вариативностью

¹⁴ Правило святых апостол 68 (ОР ГИМ, Синод. собр., д. 132, л. 48г (Новгородская синодальная Кормчая, 1280—1282 гг.)).

¹⁵ Грамоты епископа Даниила и митрополита Ионы сохранились в митрополичьем формулярике в списке XVI в. (ОР РГБ, ф. 98 (собр. Е.Е. Егорова), д. 215, л. 520 об.—523, 534 об.—535).

текста и известны в виде именных грамот. Формуляр ставленных грамот клирикам был выработан уже ко второй половине XV в. В отличие от них, грамоты архиереям не приобрели формулярного вида и не вошли в богослужебный чин поставления епископа.

Тем же временем, к которому относится первая ставленная грамота, данная митрополитом Фотием, можно датировать первый в Киевской митрополии опыт использования «исповедания» архиерея. В митрополичьем формулярнике середины XVI в. сохранился текст, озаглавленный «Исповедание Григориево на поставление его митрополитом» и включённый в чин поставления митрополита Иоасафа 1539 г.¹⁶ Практика включать в новый чин сохранившиеся более ранние образцы грамот, предназначенные для той же ступени церковной иерархии, как именные, так и формулярные, характерна для XVI в.¹⁷ Это «исповедание» значительно отличается от всех подобных текстов XV—XVI вв.: оно полностью сосредоточено на подтверждении ортодоксальности кандидата и ничего не говорит об основании для поставления архиерея. Начинаясь с Символа веры, «исповедание» перечисляет отцов Церкви, учению которых следует будущий митрополит, и содержит подробный раздел с перечнем ересиархов, которых он проклинает. В особый пункт выделена ересь Варлаама Калабрийского и Григория Акиндина, которые в ходе долгой полемики с Григорием Паламой были осуждены на соборах 1341 и 1351 гг.; описание сути их ереси соответствует Вселенскому синодику в редакции 1370—1380-х гг., который рассылался по епархиям Киевской митрополии с конца XIV в.¹⁸ Подтвердив, что сан получен без мзды, всю вторую половину «исповедания» будущий митрополит посвящает обещаниям во всём соблюдать интересы епископов, советоваться с каждым из них, ни в чём им не противоречить и воздавать им честь; при этом в «исповедании» не упоминаются ни патриарх, ни синод.

Содержание «исповедания» однозначно указывает на то, что оно предназначалось для митрополита Григория Цамблака (1415—1419/20), который был возведён в сан собором епископов Великого княжества Литовского. Несомненно, условием избрания Цамблака стало соблюдение интересов епископов, а молчание будущего митрополита о Константинопольском патриархе объясняется тем, что он занял кафедру вопреки отказу патриарха Евфимия II посвятить Григория Цамблака в митрополиты. Показательно, что в отличие от других ересиархов, которые лишь перечислены в «исповедании», ересь Варлаама и Акиндина подробно охарактеризована; это объясняется тем, что их учение лишь незадолго до того было осуждено и потому требовало пристального внимания. Митрополит Григорий Болгарин (1458—1473) позднее был поставлен патриархом Григорием Маммой и не мог в своём «исповедании» игнорировать обязательства по отношению к Константинопольскому патриарху. Ко времени поставления митрополита Григория Болгарина в Великом княжестве Литовском был принят особый чин поставления архиереев, включавший «исповедание» совсем в другой форме, чем в описанном выше тексте¹⁹.

¹⁶ Там же, л. 518—519.

¹⁷ Так, сборник, принадлежавший митрополиту Даниилу, включал три различных «исповедания» епископов и митрополитов (Там же, ф. 113 (Волоколамское собр.), д. 571).

¹⁸ О Вселенском синодике см.: *Дергачёв В.В.* Вселенский синодик в древней и средневековой России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. Вып. 1(3). С. 24—25. Постановления о ереси Варлаама и Акиндина в составе Вселенского синодика изданы: *Успенский Ф.И.* Синодик в неделю православия. Сводный текст с приложениями. Одесса, 1893. С. 30—31.

¹⁹ *Ваврик М.* Флорентійські унійні традиції... С. 330—343.

Это показывает, что «Исповедание Григориево» следует относить ко времени посвящения Григория Цамблака, состоявшегося 15 ноября 1415 г., — заключительного этапа его долгого пути к митрополичьему престолу²⁰. Отсутствие параллелей с другими «исповеданиями», использовавшимися позднее при хиротонии епископов в Московии и Великом княжестве Литовском, показывает, что к тому времени их форма ещё не была выработана. Основная содержательная часть «исповедания» Григория Цамблака, обеспечивающая права епископов, полностью оригинальна и, без сомнения, составлена специально перед его посвящением. Первая часть с перечнем учителей Церкви и ересиархов и описанием ереси Варлаама и Акиндина опирается на Вселенский синодик, а статья, подтверждающая бескорыстность хиротонии, восходит к греческим чинам поставления²¹.

Наконец, ещё один текст, связанный с деятельностью митрополита Фотия, показывает, что в первой четверти XV в. в Киевской митрополии не было сложившегося и общепринятого чина поставления клириков. Согласно церковным правилам, епископу запрещалось совершать архиерейскую службу, в том числе хиротонию, на территории чужой епархии²². Лишь в редких случаях это становилось возможным с разрешения митрополита. Именно так произошло после смерти новгородского архиепископа Симеона: новгородцы избрали Феодосия, который был возведён на архиепископский двор 1 сентября 1421 г.²³ Однако новый архиерей так и не был хиротонисан и управлял Новгородской епархией, будучи лишь наречённым, но не рукоположенным архиепископом. Долгий конфликт митрополита Фотия с новгородскими владыками заставил его наложить запрет на нового ставленника. В 1422 г. митрополит дал грамоту тверскому епископу Илие, позволяющую ставить клириков в Новгородской епархии, чтобы предотвратить возможные попытки архиепископа Феодосия совершать таинства²⁴.

Условия, на которых дано это право, непросты: ставленник должен явиться к епископу Илие вместе с духовным отцом и шестью священниками, готовыми поручиться за кандидата. Каждый из них должен был подготовить и подписать поручную грамоту, которая в дальнейшем оставалась на хранении у епископа Илии. Эта сложная процедура требовала участия многих лиц, которым предстояло преодолеть путь от Новгорода до Твери. Текст не находит соответствий ни в более ранних, ни в позднейших последованиях поставления священников, использовавшихся в Киевской митрополии. Грамота свидетельствует о поиске Фотием формы процедуры поставления клириков, но данный вариант, предполагающий поездку со ставленником семи священников и написание ими грамот, был оставлен за трудностью исполнения. Позднее такая процедура не практиковалась, и за достоинство и правоверие ставленника ручался только его духовник, который давал грамоту, хранившуюся у епископа²⁵.

Хотя митрополит Фотий впоследствии отказался от использования процедуры, описанной им в послании епископу Илие, именно в этом послании было

²⁰ Афанасенко Ю.Ю. Новгородский собор... С. 99—101.

²¹ Ваерик М. До історії єпископської присяги... С. 364.

²² Правило Антиохийского собора 22 (ОР ГИМ, Синод. собр., д. 132, л. 95г—96а).

²³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 431.

²⁴ РГБ, ф. 98, д. 215, л. 570—572 об.

²⁵ См., например, ставленную грамоту священнику Якиме от епископа Филофея, 1473 г. (РИБ. Т. VI. Стб. 738).

впервые чётко сформулировано обоснование прав митрополита: его поставление «вселенским» собором Константинополя. Здесь отсутствует разброс в доказательствах прав митрополита Фотия, характерный для его грамоты владимирскому епископу Герасиму — и древность обычая, идущего со времён Крещения Руси, и участие в поставлении византийского императора. Обоснование прав митрополита, ставшее впоследствии неременной составляющей всех митрополичьих грамот, касавшихся церковной иерархии, в грамоте епископу Илие было сформулировано предельно лаконично. Уже в следующем 1423 г. в «уставе» избрания епископа митрополит Фотий предложил немного изменённую формулировку: «Не хотети ми приимати иного митрополита, разве кого поставят из Цариграда, как то изначала есми прияли», которая отчасти соединяла в себе оба доказательства прав митрополита: поставление в Константинополе и давность обычая.

Таким образом, именно митрополит Фотий разрабатывал процедуру поставления клириков в Киевской митрополии: искал форму поставления, продумывал количество участников, вводил использование грамот, дававшихся ставленником, архиереем, совершающим хиротонию, и духовником рукополагаемого. Он формулировал обязанности будущего епископа или священника; обосновывал права архиерея на совершение таинств. В более ранний период в текстах были зафиксированы только молитвы, читавшиеся при рукоположении; переведённый в конце XIV в. Требник Стефана Душана, включавший чины поставления, пришёл на Русь не ранее середины XV в. Это позволяет нам связать формирование чинов поставления как церковно-административной процедуры с деятельностью Фотия. Истоки этого процесса относятся к началу 1410-х гг., когда митрополит столкнулся с неприятием его как главы единой Киевской митрополии со стороны епископов Великого княжества Литовского и Королевства Польского.

После Исидора: русская митрополичья кафедра в 1440-е гг.

Аркадий Тарасов

After Isidor: Russian Metropolitan See in the 1440th

Arkadiy Tarasov

*(Lomonosov Moscow State University, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870016622-5

Обстоятельства, в которых к середине XV в. оказалась митрополия Киевская и всея Руси, были исключительными. Избрание епископа Рязанского Ионы в митрополиты собором русских архиереев (1448) положило начало становлению автокефалии Русской церкви¹. Одновременно назревало окончательное разделение митрополии Киевской на две независимые друг от друга части — Западнорусскую и Московскую. Общерусские митрополиты, имевшие резиденцию в Москве, могли не допускаться к управлению западнорусскими епархиями на территориях Литвы и Польши, архиереи же западных епархий часто не имели возможности или просто не хотели подчиняться их власти, а в 1415 г. при непосредственном участии великого князя литовского Витовта и вовсе возвели на митрополичью кафедру Григория Цамблака². Несколько позднее епископ Смоленский Герасим, рукоположенный в Константинополе между 1 сентября 1432 г. и началом 1433 г., по-видимому, в качестве общерусского митрополита, остался на землях Великого княжества Литовского и впоследствии не признавался в Московской части митрополии³. Владыки Новгородской кафедры, единственной (до 1448 г.) архиепископии Московской части митрополии Русской церкви, традиционно отстранялись от общерусских церковных мероприятий, избирая путь отправки повольных грамот, в которых выражали заочное согласие с решениями, которые примут другие владыки во главе с митрополитом⁴. Показательно, что архиепископ Новгородский Евфимий II Вязицкий — православный ортодокс, один из первых на Руси яростных про-

© 2021 г. А.Е. Тарасов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218 «Институты управления Русской церковью в XVI в.».

¹ Я разделяю мнение исследователей, полагающих, что учреждение автокефалии Русской Православной Церковью было длительным процессом, занявшим почти полтора века и формально завершившимся в 1589 г. с возведением в патриаршее достоинство митрополита Иова. Фактическая автокефалия, заключавшаяся в самостоятельном избрании русскими архиереями главы Церкви, установилась в середине XV в.

² Турилов А.А. Григорий Цамблак // Православная энциклопедия. Т. 12. М., 2006. С. 583—592; Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 336—339; Назаренко А.В., Флоря Б.Н. Киевская епархия. Попытки разделения митрополии в XIV — сер. XV в. // Православная энциклопедия. Т. 33. М., 2013. С. 156—158; Петрушко В.И. Между Вильно и Москвой: Русская митрополия и государственно-церковные отношения в 1-й трети XV в. // Вестник церковной истории. 2014. № 3/4(35/36). С. 204—235.

³ Тарасов А.Е. Герасим, митр. Киевский и всея Руси // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 152—154; Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV в. М., 2015. С. 682.

⁴ Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 83—84.

тивников Флорентийской унии — не участвовал в соборе 1441 г., созванном для выработки позиции в отношении последней⁵. По мнению А.С. Хорошева, деятельность архиепископа Евфимия II свидетельствовала «о стремлении дальнейшего освобождения от московской митрополии»⁶.

В этих условиях среди архиереев, принимавших участие в соборной церковной жизни митрополии, первыми после митрополита по старшинству кафедры оказывались во второй четверти XV в. владыки Ростовские, что подтверждается собственноручно составленным митрополитом Исидором перечнем епархий митрополии Киевской и всея Руси⁷. В случае отсутствия предстоятеля Церкви или невозможности исполнения им своих полномочий первоиерархами на соборах должны были являться ростовские архиереи. С 13 апреля 1427 г. по 29 марта 1454 г. Ростовскую кафедру занимал владыка Ефрем. По мнению С.В. Сазонова, обретение Ефремом архиепископского титула в 1448 г. имело церковно-политические причины и связано как с его позицией в годы московской княжеской междоусобицы второй четверти XV в., так и с высоким статусом Ростовской кафедры⁸.

Считается, что именно Ефрем в марте 1441 г. участвовал в качестве первоиерарха в созванном в Москве по приказу великого князя Василия II соборе⁹, осудившем Флорентийскую унию, избличил подписавшего её митрополита Исидора, а также принял решение обратиться в Константинополь с просьбой о поставлении на Русь другого митрополита¹⁰. Он должен был первенствовать и на декабрьском соборе 1448 г., избравшем рязанского епископа Иону митрополитом всея Руси. В обоих случаях имя Ефрема упоминается в источниках первым среди имен архиереев-участников соборных деяний. О.А. Абеленцева полагает, что «владыка Ефрем писался на первом месте по чести его кафедры —

⁵ Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 194—217; Водов В. Новгород и Флорентийская уния // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 42—46; Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. М., 2008. С. 270—281; Хорошев А.С. Из истории борьбы Новгорода против Москвы (местная канонизация 30—40-х годов XV в.) // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1971. № 6. С. 56.

⁶ Хорошев А.С. Из истории борьбы... С. 56.

⁷ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 348; Акишин С.Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390—1463). Екатеринбург, 2018. С. 82, примеч. 38. Первой в перечне указана Новгородская кафедра, второй — Ростовская. Архиепископский титул, на который с начала XV в. претендовали владыки западнорусской Полоцкой епархии, не признавался в Северо-Восточной Руси; в перечне Исидора Полоцкая кафедра находится на пятом месте. Епископ Феодосий Полоцкий получил сан архиепископа в Константинополе между 1407 и 1409 гг. Следующий известный полоцкий владыка, Симеон II Старый, в ранних грамотах (1440-е гг.) с титулом архиепископа не упоминается, а в грамоте, составленной после 11 февраля 1452 г., архиепископом уже назван. Его преемник епископ Каллист получил титул архиепископа при участии польского короля Казимира IV Ягеллончика не позднее лета 1459 г. (См.: Кузьмин А.В. Грамоты, связанные с деятельностью Полоцких епископов и архиепископов в XIV — середине XV в. как источник по истории Полоцкой епархии // Вестник церковной истории. 2012. № 1/2 (25/26). С. 237—244; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. М., 2015. С. 242; Т. 2. М., 2015. С. 73, 290).

⁸ Сазонов С.В. О версиях крещения Русской земли в историографии XV в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 1. Ростов, 1991. С. 39—40.

⁹ Собор мог пройти между 19 и 22 марта 1441 г. (Плигузов А.И. От Флорентийской унии к автокефалии Русской церкви // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 522).

¹⁰ Кузьмин А.В. Ефрем, свт., архиеп. Ростовский, Ярославский и Белозерский // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 34—35.

самой древней на Северо-Западе, либо по старшинству хиротонии»¹¹. По моим предварительным наблюдениям, статус архиереев одного ранга в XIV—XV вв. определялся на Руси статусом занимаемых кафедр, зависевшим, как и в Константинополе, от их древности¹².

Отстранение митрополита Исидора, его заточение в Чудовом монастыре, а затем и отъезд из Москвы в сентябре 1441 г., в источниках отмеченный как «бегство»¹³, означали, что Русская церковь осталась без архипастыря. Прямых указаний, был ли выбран местоблюститель митрополичьей кафедры¹⁴, когда это произошло и кто им стал, источники не содержат. Ближайшие по времени свидетельства об управлении кафедрой после Исидора относятся к 1446 г. и противоречат друг другу. Они связаны с последствиями победы князя Дмитрия Юрьевича Шемяки над Василием II. По сведениям ряда летописей (Вологодско-Пермской, Никаноровской и более поздних великокняжеских) епископ Рязанский Иона сел «на дворе митрополиче» после того, как исполнил просьбу Дмитрия Шемяки забрать детей Василия II из Муром и передать их в его руки. По сообщению же Ермолинской летописи, Иона находился «на митрополиче дворе на Москве» уже в момент обращения к нему Шемяки, т.е. до муромской поездки¹⁵. В историографии конца XX — начала XXI в. преобладает точка зрения, согласно которой Иона занял митрополичью резиденцию в связи с событиями 1446 г.¹⁶ Некоторые исследователи склоняются к версии Ермолинской летописи¹⁷, а другие, указывая на положение Ионы как «наречённого»

¹¹ Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009. С. 213, примеч. 48; 218, примеч. 69.

¹² Ср.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 218—219; Цыпин В., *прот.* Кафедра епископская // Православная энциклопедия. Т. 32. М., 2013. С. 114.

¹³ Исидор прибыл в Москву 19 марта 1441 г., 22 марта его арестовали, а 15 сентября он покинул Москву (Акишин С.Ю. Митрополит Исидор Киевский... С. 123—125). О том, что «бегство» Исидора из Москвы могло быть санкционировано, см.: Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 107; Абеленцева О.А. Митрополит Иона... С. 128; Петрушко В.И. Между Вильно и Москвой... С. 120.

¹⁴ Слово «местоблюститель», видимо, стало использоваться с XVI в. (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 118), но принцип временного управления вдовствующей кафедрой существовал и ранее.

¹⁵ Сазонов С.В. Летописное известие 1446 г. о поездке рязанского епископа Ионы в Муром // Уваровские чтения.—II. Муром, 21—23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 62—64; Абеленцева О.А. Митрополит Иона... С. 71—73; Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 115.

¹⁶ Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 114; Лурье Я.С. Две истории Руси... С. 108; Белякова Е.В. Учреждение автокефалии Русской церкви в политической мысли XV—XVI вв. // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 291; Успенский Б.А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и её переосмысление). М., 1998. С. 250, примеч. 59; Lenhoff G. The Cult of Metropolitan Iona and the Conceptualization of Ecclesiastical Authority in Muscovy // Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Later Middle Ages. М., 2004. Р. 124; Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси (X—XVI века). М., 2016. С. 674; Тулянов В.А. Когда выбор решает всё: первый автокефальный русский митрополит Иона // Наше Отечество. Страницы истории. Вып. 13. М., 2016. С. 8—9.

¹⁷ Скрынников Р.Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX—XVII вв. СПб., 2000. С. 116; Флора Б.Н. Исследования по истории Церкви... С. 398; Беляев С.А., Абеленцева О.А. Митрополия Киевская и всяя Руси (с кафедрой в Москве) Константинопольского патриархата в первой половине XV века и автокефалия Русской церкви // Московский Кремль XV столетия. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники. М., 2011. С. 20; Назаров В.Д. Московская усо-

в митрополиты в 1440-е гг. (ранее 1446—1447 гг.), считают, что он не управлял кафедрой¹⁸. Высказывалось и предположение, что до поставления Ионы митрополитом всея Руси в декабре 1448 г. кафедра в Москве пустовала¹⁹.

В изучаемое время статус человека, «нареченного в святейшую митрополию Рускую», предполагал исполнение функций, которыми обычно обладал избранный митрополит²⁰. Известно, что Иона являлся наречённым после смерти 2 июля 1431 г. митрополита Фотия и до поставления митрополита Исидора (1436)²¹, выполняя в первой половине 1430-х гг. иерархические действия, какие мог выполнять именно митрополит в своей епархии, но не архиерей другой епископии, т.е. он определённо выступал митрополичьим местоблюстителем, пребывая в сане епископа Рязанского²². Сведений о конкретных действиях Ионы по управлению митрополией в 1440-х гг. нет. Во всех известных случаях, когда Иона в 1440-х гг. упоминался в числе архиереев (вплоть до возведения в митрополиты в декабре 1448 г.), он не называется «наречённым», и его имя никогда не ставили на первое место — первым всегда упоминался ростовский владыка Ефрем.

В отсутствие источников, которые бы однозначно свидетельствовали об управлении Русской церковью после отстранения митрополита Исидора, исследователи вынуждены прибегать к допущениям. Представления об исполнении Ионой митрополичьих обязанностей в статусе наречённого в митрополиты после 1441 г. основаны на экстраполяции известий об Ионе как местоблюстителе кафедры в период от смерти Фотия до поставления на Русь Исидора. На исследователей влияет и факт избрания Ионы в митрополиты в 1448 г. Зная обстоятельства пути Ионы к митрополичьей кафедре, можно поверить в неизбежность его возвышения.

Однако подобный детерминизм вряд ли приемлем. Из того, что Иона управлял Московской частью митрополии до поставления Исидора в 1436 г., не следует, что он автоматически должен был занять кафедру после отстранения последнего в 1441 г. Похоже, византийская дипломатия в момент посещения Ионой Константинополя в 1430-х гг. нашла способ дать ему «какие-то заверения общего характера» о преемстве кафедры вслед за Исидором²³, но такое

бица 1425—53 // Большая российская энциклопедия. Т. 21. М., 2012. С. 270; *Петрушко В.И.* Между Вильно и Москвой... С. 132; История Русской Православной Церкви. В 2 т. Т. 1. М., 2015. С. 306.

¹⁸ *Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986. С. 156—157; *Кистерёв С.Н.* Источники о пребывании рязанского епископа Ионы в Константинополе // Россия и Христианский Восток. Вып. II—III. М., 2004. С. 66.

¹⁹ *Плигузов А.И.* От Флорентийской унии... Р. 522.

²⁰ Сведения о полномочиях местоблюстителя появляются в более позднее время. Местоблюститель патриаршего престола Иона (Архангельский) (декабрь 1613 г. — июнь 1619 г.) не обладал правом благословлять печатные издания (*Опарина Т.А.* Иона, митр. Сарский и Подонский (Крутицкий), местоблюститель Патриаршего престола // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2011. С. 443—445).

²¹ *Тарасов А.Е.* Иона, свт. митр. Киевский и всея Руси // Православная энциклопедия. Т. 25. С. 393. Это положение Ионы священник Михаил Желтов определяет как руководство Русской церковью *de facto* (*Желтов М., свящ.* Историко-канонические основания единства Русской церкви // Церковь и время. 2018. № 3(81). С. 44).

²² *Кистерёв С.Н.* Источники о пребывании... С. 65—66; *Тарасов А.Е.* Возвышение митрополита Ионы (Из истории церковно-политической борьбы во второй четверти XV в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 2. С. 97—118.

²³ *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 69.

«благословение» не могло быть каноническим основанием для обязательного возведения Ионы на кафедру²⁴ и в первое время зачастую вовсе не упоминалось в качестве главного аргумента законности этого действия²⁵. Более того, в 1441 г. русские иерархи хотя и отстранили Исидора от управления, тем не менее были бессильны объявить его еретиком, лишить сана и свести с кафедры. Это мог сделать только патриарх Константинопольский²⁶.

В условиях «вдовства» митрополии при живом и официально не лишённом сана митрополите, а также в обстоятельствах неизвестности дальнейшей судьбы унии в самом Константинополе высшее управление Русской церковью должно было находиться в состоянии растерянности. Присутствие Ионы «на дворе митрополиче» с 1446 г., воспринимаемое исследователями как данность, видимо, было довольно специфическим. Степень полномочий Ионы, если он на самом деле занимал митрополичью кафедру до его соборного утверждения 15 декабря 1448 г., остаётся неясной. В межкняжеских грамотах июля и сентября 1447 г. используются формулы, предполагающие, что удельные князья не поедут в Москву до поставления на кафедру нового митрополита, причём ни имя Ионы, ни какое-либо иное имя кандидата в митрополиты или местоблюстителя кафедры в них не называется²⁷. Иона упомянут только на третьем месте среди пяти архиереев, подписавших послание духовенства князю Дмитрию Шемяке 29 декабря 1447 г., после ростовского владыки Ефрема и суздальского епископа Авраамия²⁸.

Управлял ли Иона митрополией после отстранения Исидора? Недавно я дал утвердительный ответ на этот вопрос²⁹. Вне поля моего зрения остался источник, введённый в научный оборот О.Л. Новиковой³⁰, дающий дополнительные основания говорить об особой роли владыки Ефрема в высшем управлении Русской церковью в 1440-х гг., — летописный текст в сборнике РНБ, Q.XVII.57, включивший в себя материалы Пермской архиерейской канцелярии и составленный в начале XVI в. монахом-насельником Кирилло-Белозерского монастыря³¹.

В исследуемом тексте под 1450/51 г. содержится свидетельство о рукоположении епископа Пермского Питирима собором епископов, на котором первенствовал Ефрем: «В лѣто 6959 скорыя татарове под Москвою были. Того же лѣта поставлен бысть 4 епископ Перми Питирим епископы русскими: архиепископом Ростовским Ефремом и иными епископы, и бысть епископом 8 лѣт, и убьен бысть от волулич, и положен у тое же церкви в Перми»³². Новикова

²⁴ Абеленцева О.А. Митрополит Иона... С. 177.

²⁵ Белякова Е.В. Учреждение автокефалии... С. 293—294.

²⁶ Корогодина М.В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. В 2 т. Т. 1. М.; СПб., 2017. С. 498.

²⁷ Абеленцева О.А. Митрополит Иона... С. 70; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 47, 53.

²⁸ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Вып. 1. М., 1986. С. 103.

²⁹ Тарасов А.Е. Питирим, сщмч., Великопермский, Усть-Вымский, еп. Пермский // Православная энциклопедия. Т. 56. М., 2019. С. 552.

³⁰ Выражаю признательность О.Л. Новиковой за добрые советы.

³¹ Новикова О.Л. Сборник книжника рубежа XV—XVI веков с рассказами о Флорентийской унии и афонских монастырях: опыты атрибуции // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 9. М., 2011. С. 5—25.

³² Новикова О.Л. Из истории редактирования летописных памятников в Кирилло-Белозерском монастыре на рубеже XV—XVI веков // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011—2012. М.; СПб., 2012. С. 233.

полагала, что автор сборника мог использовать выписки бывшего епископа Пермского Филофея (находился в Кириллове на покое), сделанные им «для собственных нужд из сборников материалов своей же канцелярии»³³. Она указала, что данное свидетельство в числе других, связанных с пермскими иерархами, может восходить к гипотетическому краткому летописцу Пермской владычной кафедры, составленному между 1501—1507 гг. самим Филофеем непосредственно в Кирилло-Белозерском монастыре³⁴. Так или иначе, вряд ли приходится сомневаться в пермском происхождении свидетельства о рукоположении Питирима.

Это не единственное сообщение о хиротонии владыки. До введения в научный оборот летописного текста из кирилловского сборника исследователи опирались на Вычегодско-Вымскую летопись конца XVI — начала XVII в., согласно которой рукоположение Питирима состоялась в 1443/44 г. Совершивший её архиерей не указан: «Лета 6952 поставлен бысть в епискупы Пермские епархия архимандрит Питирим Чудова монастыря»³⁵. Вычегодско-Вымская летопись — поздний источник относительно событий середины XV в., однако её свидетельство о хиротонии Питирима принимается исследователями, поскольку начавший в 1580-х гг. составление летописи «чорный поп Мисаил» из Усть-Выми использовал летописные записи, ведшиеся непосредственно при Пермской владычной кафедре³⁶. Существует также краткое житие Питирима, известное в двух списках конца XV — начала XVI в., в соответствии с которым его хиротония состоялась «причтом Святейшаго и Вселеньскаго събора и рукоположением Ионы, митрополита Киевскаго и всея Руси». Ни год хиротонии, ни продолжительность архиерейского служения в Житии не указаны³⁷.

Летописный текст в кирилловском сборнике (ЛТКС) и Вычегодско-Вымская летопись (ВВЛ) представляют разные традиции (или этапы) пермского владычного летописания, о чём свидетельствуют существенные различия в изложении биографий пермских архиереев³⁸. Изучение пермского владычного летописания — интересная и насущная тема самостоятельного исследования. Я хочу обратить внимание читателя на свидетельства ЛТКС и ВВЛ, а также Жития Питирима в связи с участием в его рукоположении ростовского владыки Ефрема.

Следует отметить различия в указании года хиротонии Питирима Пермского и количества лет, проведённых им во главе епархии. 6959 (1450/51) г., читающийся в ЛТКС, — явная ошибка. Ещё 29 декабря 1447 г. Питирим поставил подпись под посланием духовенства, направленным князю Дмитрию Шемяке. Эта дата определяет число, не позднее которого Питирим стал епи-

³³ Новикова О.Л. Сборник книжника рубежа XV—XVI веков... С. 23.

³⁴ Новикова О.Л. Из истории редактирования... С. 225, 227—228; О епископе Филофее см. также: Романова А.А. Епископ Пермский и Вологодский Филофей и атрибутируемое ему предисловие к пасхалии // Средневековое православие от прихода до патриархата. Сборник научных статей. Волгоград, 1997. С. 103—110.

³⁵ Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 261.

³⁶ Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 230.

³⁷ История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы: Исследования и материалы. Сыктывкар, 1996. С. 96.

³⁸ О.Л. Новикова считает, что «в летописце из сборника Q.XVII.57 использованы сведения о пермских владыках в том виде, в каком они существовали при епископе Филофее Пермском» (Новикова О.Л. Из истории редактирования... С. 227).

скопом. 15 декабря 1448 г. Питирим участвовал в церковном соборе в Москве, на котором епископ Рязанский Иона был возведён в сан митрополита всея Руси. Участие пермского владыки в избрании главы Русской церкви в 1448 г. идёт вразрез со свидетельством Жития Питирима: если он как епископ присутствовал на соборе, избравшем Иону в митрополиты, то Иона не мог совершить его владычное рукоположение, являясь митрополитом всея Руси. Объяснение того, почему в Житии возникла фигура Ионы, предложено мной в отдельной работе³⁹.

Согласно ВВЛ, в 6963 (1454/55) г. Питирим предпринял миссию в Великую Пермь, крестив коми-пермяков, проживавших в Чердыни на реке Колве, и на обратном пути был убит вогулами (манси) «в месте, зовемый Кафедраил на реке на Помосе»⁴⁰. Гибель Питирима в 1454/55 г. подтверждается и другими летописями, включая «Русский летописец» (или «Летописец Ефросина»), составленный в Кирилло-Белозерском монастыре в конце 1450-х — середине 1460-х гг., т.е. в первые годы после гибели епископа⁴¹. В «Русском летописце» свидетельство о смерти владыки сопровождается указанием дня: «В лето 6963 убиен бысть от вогулич Питирим, епископ Пермьскый, август[а] 19»⁴². Именно этот день впоследствии указывался в более поздних сводах, сообщающих об убийстве Питирима. Отмечался он и в других источниках. В основном тексте месяцесловной части Устава церковного 7030 (1521/22) г., происходящего из Кирилло-Белозерского монастыря, под 19 августа помещён тропарь, предваряемый киноварным указанием на гибель епископа: «В тѣхъ день оубиенъ бысть владыка Питиримъ Прѣмскыи от безбожныхъ вогуличъ»⁴³. В рукописном сборнике 1642 г., содержащем «Тропари новымъ чудотворцамъ, которыхъ нѣтъ во Уставѣ и во Псалтырѣ [со] следованиемъ»: «В тои же день память убиения святого священномученика, иже во святыхъ отца нашего Питирима, епископа Пермскаго чудотворца. Святыи Питирим убиен бысть от вогуличъ в лѣта 6963 году»⁴⁴.

Иные даты убийства Питирима читаются в его житии (15 августа), а также в составе кирилловского сборника Q.XVII.57 в записи на листе 161 между краткими биографическими выписками из житий Ефрема Сирина и Нила Постника: «В лѣто 6963 августа 18 убиен бысть Питирим, епископ Пермьскый, а в землю пошел 26»⁴⁵. Подчеркну, что это тот же кирилловский сборник начала XVI в., в составе которого содержится ЛТКС, относящий рукоположение Питирима к 6959 (1450/51) г. и отмечающий пребывание его на Пермской кафедре в течение восьми лет. Различие в датах, встречающееся в источниках, тем не менее, не оставляет сомнений в том, что Питирим погиб именно

³⁹ Тарасов А.Е. Священномученик Питирим Пермский: заметки о биографии и почитании владыки (XV—XVI вв.) // Slověne. 2020. Vol. 9. № 2. С. 395—416.

⁴⁰ Историко-филологический сборник. Вып. 4. С. 262.

⁴¹ Бобров А.Г. Ефросин Белозерский как историограф // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 57. СПб., 2006. С. 137—139; Кистерёв С.Н. Об авторе «Русского летописца» в сборнике Ефросина Белозерского // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009—2010. М.; СПб., 2010. С. 223—236; Новикова О.Л. «Летописец русский» в рукописях и в истории русского летописания XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011—2012. М.; СПб., 2012. С. 180—182.

⁴² Зимин А.А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. Т. V. М.; Л., 1950. С. 27; Кистерёв С.Н. Ефросин и «Роуский летописец» // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 123.

⁴³ ОР РГБ, ф. 256 (Румянцевское собр.), д. 446, л. 198.

⁴⁴ ОР ГИМ, Уваровское собр., д. 533-4°, л. 299 об.

⁴⁵ Новикова О.Л. Из истории редактирования... С. 225, примеч. 59.

в августе 1455 г., а значит свидетельство ВВЛ относительно года его убийства достоверно.

Продолжительность пребывания Питирима на архиерейской кафедре Перми в ВВЛ не указана, но она легко устанавливается: 6963—6952 (1454/55—1443) гг., т.е. 11 лет. Из приведённой выше цитаты из ЛТКС следует, что Питирим возглавлял епархию восемь лет. Какому из свидетельств отдать предпочтение? Очевидная ошибка в годе рукоположения заставляет усомниться и в другом числовом значении ЛТКС — длительности архиерейского служения Питирима. В то же время 6952 (1443/44) г. хиротонии, указанный в ВВЛ, а соответственно, и 11-летнее пребывание на кафедре не противоречат времени первого известного деяния Питирима как архиерея (подпись под соборным посланием Дмитрию Шемяке 29 декабря 1447 г.) и относятся к тому времени, когда в соборных деяниях Русской церкви мог первенствовать именно ростовский владыка Ефрем.

Если всё же допустить, что автор ЛТКС, допустив ошибку с годом рукоположения Питирима, верно указал длительность его пребывания на Пермской кафедре в течение восьми лет, то, зная точный год его смерти, получим 6955 (1446/47) г. как возможный год архиерейской хиротонии. Это также не противоречит времени первого известного епископского деяния Питирима. В 1446/47 г. «на митрополиче дворе на Москве» уже должен был находиться рязанский епископ Иона, однако, о чём уже говорилось, его положение местоблюстителя выглядит специфически. Свидетельство ЛТКС о рукоположении Питирима «архиепископом Ростовским Ефремом и иными епископы», т.е. первенство Ефрема во время хиротонии, может быть сопоставлено с упоминанием ростовского епископа на первом месте среди архиереев в послании Дмитрию Шемяке 29 декабря 1447 г. Важно, что 1446/47 г. не противоречит и хронологии смерти предшественника Питирима на Пермской кафедре епископа Герасима. Согласно ЛТКС, его смерть должна быть отнесена к 6953 (1444/45) г., а согласно ВВЛ — к 6951 (1442/43) г.⁴⁶

Ефрем был возведён в архиепископский сан 15 декабря 1448 г. и на момент хиротонии Питирима, будь то 1443 или 1446/47 г., он являлся епископом, что противоречит свидетельству ЛТКС о его достоинстве архиепископа. Однако это может быть либо примером терминологического обобщения, когда наименование лица, относящееся к позднему времени, распространяется на более раннее время. Либо «фактором времени» — к моменту создания сборника Q.XVII.57 Ростовская кафедра уже более полувека являлась архиепископией. Ефрем мог восприниматься потомками как архиепископ на всём протяжении его служения, несмотря на то, что архиепископом он стал только под конец жизни. Изменение статуса Ростовской кафедры в 1448 г., а также личный архиепископский сан Феодора (ум. 1394 г.) породили путаницу (или намеренное искажение?) и привели к тому, что архиепископами могли считать Григория (первое упоминание как архиепископа, видимо, в Ермолинской летописи конца XV в.) и Дионисия (первые упоминания как архиепископа относятся ко второй половине XVI в.) — двух иерархов, в сани епископа занимавших Ростов-

⁴⁶ Новикова О.Л. Из истории редактирования... С. 233; Историко-филологический сборник. Вып. 4. С. 261.

скую кафедру между Феодором и Ефремом⁴⁷. Архиепископами иногда могли именовать даже древних иерархов Ростова, когда об архиепископии в Ростове не было и речи. Например, в ряде списков Вологодско-Пермской летописи в клятве Дмитрия Шемяки, данной им Василию II, архиепископом Ростовским назван Леонтий⁴⁸.

Свидетельство ЛТКС о рукоположении пермского владыки Питирима «архиепископом Ростовским Ефремом и иными епископы» может отражать реалии того периода, когда именно последний по отстранении митрополита Исидора осуществлял архиерейские деяния в качестве первоиерарха. При этом называть Ефрема наречённым в митрополиты не приходится — никаких указаний на это в источниках нет. Круг полномочий Ефрема и их продолжительность неизвестны, однако представляется, что владыка не управлял митрополией кафедрой на постоянной основе, но первенствовал именно на соборах как иерарх следующей по чести архиерейской кафедры Русской церкви после архиепископии Новгородской в условиях самоустранения новгородских владык от участия в общецерковных делах.

⁴⁷ Вахрина В.И. Григорий, свт., еп. Ростовский и Ярославский // Православная энциклопедия. Т. 12. С. 526—527; Тарасов А.Е. Епископ Ростовский Дионисий Грек // История и культура Ростовской земли — 2007. Ростов, 2008. С. 69—74.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XXVI. М.; Л., 1959. С. 208.

К вопросу о статусе епископата в Русской Церкви XVI в.

Елена Белякова

On the issue of the status of the episcopate in the Russian Church in the 16th century

Elena Belyakova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016595-5

Тема статуса русского епископата давно привлекает внимание исследователей. Важной вехой в её разработке явились труды учёных XIX столетия Е.Е. Голубинского, Н.Ф. Каптерева, И.Ф. Перова, И.М. Покровского¹. Тщательному исследованию подверг документы Новгородской кафедры Б.Д. Греков². Документы митрополичьей кафедры опубликованы и проанализированы А.И. Плигузовым³. Особенности устройства Русской церкви в связи с постановкой вопроса о формировании духовного сословия рассмотрел Б.Н. Флоря⁴. Вопрос о перемещении епископов и повторных хиротониях исследован в работе Б.А. Успенского⁵. Обращение к каноническим памятникам первой половины XVI в. и Стоглаву позволяет понять, в какой степени статус епископата соответствовал церковным канонам, а также определить, какие проблемы, связанные с епископатом, отразились в русских канонических памятниках.

XVI в. — эпоха религиозных потрясений, начало реформационного движения в Европе. Реформация стала толчком к значительным изменениям в католической Церкви, после Тридентского собора началась новая эпоха в истории Церквей, характеризующаяся как конфессионализация. Значительно изменилось отношение к церковному учению, религиозные вопросы стали определять жизнь человека. XVI в. был, несомненно, важным этапом и в истории Русской церкви, отразившимся в деятельности Стоглавого собора 1551 г.⁶ Как и в Ев-

© 2021 г. Е.В. Белякова

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218 «Институты управления Русской церковью в XVI в.».

¹ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1997. С. 332—394; Каптерев Н.Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1879; Перов И.Ф. Епархиальные учреждения Русской Церкви в XVI и XVII веках. Рязань, 1882; Покровский И.М. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897.

² Греков Б.Д. Новгородский дом Святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. 1 // Записки историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. CXX. СПб., 1914.

³ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. (далее — РФА). Т. I—V. М., 1986—1992.

⁴ Флоря Б.Н. Епархиальное управление в северной и северо-восточной Руси XIV—XVII вв. // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2000. С. 235—239; Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.

⁵ Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление). М., 1998.

⁶ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. СПб., 2006.

ропе, в Московской Руси предпринимались усилия по систематизации канонического наследия, по оформлению символов конфессии, делались попытки создать новые институты для обучения религии. Верховная власть принимала в этом процессе активное участие. Причём положение русского епископата оказалось своеобразным. Московская митрополия, став фактически автокефальной в 1448 г., утратила значительную часть территорий, входивших в состав митрополии «всёя России». К Московской митрополии после 1458 г. относились Ростовская, Суздальская, Рязанская, Тверская, Коломенская, Пермская епархии. Новгородская кафедра также относилась к Московской митрополии, с момента разделения её архиепископов ставили московские митрополиты, а контакты с митрополитом Киевским стали причиной заключения архиепископа Феофила в московский Чудов монастырь. Московские митрополиты также ставили и епископов Сарайских. Последние стабильно проживали в Москве на Крутицах уже с 1450-х гг., и нет ни одного свидетельства о том, чтобы эти епископы были связаны в тот период с бывшей ханской столицей⁷. К Киевской митрополии относились епархии, находившиеся на территории Великого княжества Литовского (Смоленская, Черниговская, Полоцкая, Луцкая, Владимиро-Волынская, Туровская) и в Польше (Галицкая, Перемышльская, Холмская).

Незначительное количество епархий при огромной территории было одной из главных особенностей церковного устройства Русской митрополии начиная ещё с киевского периода. Притом почти все города Средиземноморья имели своего епископа; этой традиции следовали и славянские государства. На территории средневековой Сербии, где города находились в основном на побережье, в середине XV в. было 15 епархий, центры которых располагались в том числе и в монастырях⁸. И хотя связь епископа и города являлась очевидной для христианского мира, каких-либо правил, предписывавших обязательное наличие епископа в полисе, не существовало. Дробление епархий вызывало протесты со стороны епископата, так как сокращало его доходы. В грамоте о создании Смоленской кафедры, выделенной из состава Переяславльской в 1137 г., содержалась санкция за попытку возвращения новой «епископии» к Переяславлю: «Или епископ который начать несытством хотя ити в Переяславль и сию епископию приложити к Переяславлю, да буди ему клятва, яже се преже писана и святого митрополита русскаго Михаила, иже составил сию епископию»⁹.

Увеличение количества епархий шло очень медленно и имело исключительный характер. Пермская епархия возникла как результат деятельности Стефана Пермского, обратившего зырян в христианство. Многие попытки получить собственного епископа предпринимал Псков, но добиться этого удалось только после учреждения патриаршества в Москве (1589). В 1555 г. была открыта Казанская епархия как исключительно важный момент в расширении границ Московской митрополии¹⁰. С присоединением отдельных земель к Москве изменялся порядок назначения епископов. С 1156 г. в Новгороде епи-

⁷ Соловьёв Н.А. Сарайская и Крутицкая епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1894. Кн. 3. С. 10—12.

⁸ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 352—353; Никодим (Милаш), еп. Православно црквено право // Никодим (Милаш), еп. Дела. Књига V. Београд-Шибеник, 2004. С. 370—371; Подскалки Г. Средневековна теолошка књижевност у Бугарској и Србији (865—1459). Београд, 2010. С. 113.

⁹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 144—145.

¹⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т. I. СПб., 1836. № 241. С. 257—261.

скопа избирали горожане («весь град людий»). Окончательный выбор мог делаться при помощи жребия, как это имело место в 1193 г. Новгородцы сами и смещали епископа, и могли выгнать его из города. Митрополит только рукополагал архиерея, притом нередко избранный выполнял часть своих функций до рукоположения¹¹. Новгородского архиепископа Феофила, отправленного под арест в Чудов монастырь, не лишили сана. Только в 1483 г. Феофил подписал «отреченную грамоту», после чего в Москве был рукоположен в новгородские архиепископы архимандрит Троице-Сергиева монастыря Сергей. Особый статус новгородского архиепископа оказался утрачен, а сменивший Сергия на кафедре архиепископ Геннадий (Гонзов) начал настоящую войну с новгородским духовенством.

На Тверскую кафедру после смерти епископа Вассиана (Стригина-Оболенского) (1477—1508), поставленного из архимандритов Отроча монастыря, также стали назначать епископов из Москвы. На завоёванных землях епископов заменяли на московских ставленников. В 1514 г. после взятия Смоленска Василием III епископ Варсонофий был обвинён в измене («что он на православие наводит латыну») и «сведен» на Москву, а оттуда — в заточение в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. В Смоленск был поставлен 15 февраля 1515 г. чудовский архимандрит Иосиф. В сообщении о его поставлении Софийская II летопись особо подчёркивает законность этого действия: «По благодати Святого Духа, избранием святительским по божественным правилом святых апостол и святых отец, повелением Василиа, Божиею милостию государя и самодержца всеа Руси и великого князя, поставлен бысть епископ граду Смоленску Иосиф, архимандрит чудовский, пресвященным митрополитом всеа Руси и всем священным собором Рускыа митрополия»¹². После взятия Полоцка в 1563 г. архиепископ Арсений (Шишка), избранный из настоятелей полоцкого Иоанно-Предтеченского монастыря, был отправлен в Москву, а затем в Спасо-Каменный монастырь. Его место занял Трифон (Ступишин), прежде бывший епископом суздальским и пребывавший в Иосифо-Волоцком монастыре с 1551 г. Это возведение на кафедру епископа, оставившего прежнюю кафедру, не соответствовало церковным канонам. После завоевания Ливонии в Юрьеве Ливонском в 1570 г. была открыта епископская кафедра, на которую до 1582 г. поставляли епископов из Москвы¹³.

В Стоглаве все епископы имеют двойную титулатуру: Новгородский и Псковский, Ростовский и Ярославский, Суздальский и Торусский, Рязанский и Муромский, Тверской и Кашинский, Сарский и Подонский, Коломенский и Каширский, Пермский и Вологодский. Подобная титулатура закрепились уже после учреждения московской автокефалии. Одним из первых стал применять составную титулатуру Ефрем, «владыка Ростовский и Ярославский и Белозерский» (1448)¹⁴. Евфимий именовал себя архиепископом Новгорода и Пскова (1452), в грамоте 1461 г. тверскому епископу Геннадию двойную титулатуру

¹¹ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 216, 231—232; Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 556—557. О значении термина «весь Новгород» см.: Лукин П.В. «Весь Новгород»: к вопросу о происхождении и содержании понятия // Российская история. 2020. № 4. С. 56—63.

¹² ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. С. 403, 404—405; Флоря Б.Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. С. 23.

¹³ Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 194—196.

¹⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). Т. VI. СПб., 1908. № 63. Стб. 537.

имели уже все владыки. Ещё пышной стали названия епархий в Грамоте об учреждении патриаршества: здесь епископы названы уже не по городам, а по княжествам и царствам: «Александр, митрополит великого государства Новгорода и Великих Лук и всего Поморья, Гермоген, митрополит великих царств Казанский и Астраханский»¹⁵. Вместе с тем в 1 грани главы 20 Русской редакции и Даниловского извода Сербской редакции имелось указание, запрещающее «во двояу граду быти единому епископу», повторённое и в печатной Кормчей¹⁶.

В результате объединительной политики Москвы местные власти и горожане были окончательно отстранены от участия в выборах епископа, а назначение на кафедры происходило из архимандритов и игуменов преимущественно московских монастырей (такая практика продолжалась до времени митрополита Даниила)¹⁷, и решающая роль в выборе принадлежала великому князю. Иосиф Волоцкий писал, что архиепископ новгородский Серапион сказал на соборе великому князю: «Послал, деи, ты меня силно в Новгород»¹⁸. Смещение митрополитов и епископов также происходило по воле великого князя и стало распространённой практикой в XVI в.¹⁹

Источники свидетельствуют, что вопрос о том, кто и как должен избирать епископа, был актуален в тот период, как и проблема ухода с кафедры. Уже со второй половины XV в. в разных сборниках редактировался чин поставления в епископы, изменялся текст их присяги в связи с отказом принимать митрополита из Константинополя и разделением кафедры²⁰. В первой половине XVI в. шёл спор уже о праве назначения епископов между великокняжеской властью и епископатом.

Распространённые на Руси канонические своды — Кормчие — давали неоднозначный ответ на вопрос о выборе епископов. Они содержали каноны, определявшие требования к поставляемым, порядок избрания, рукоположения, обязанности епископата, наказания за злоупотребления властью. Указания на эти правила имелись в I титуле «Указателя в XIV титулах», входившего в состав полных редакций Кормчих. В толкованиях отмечались изменения, произошедшие в византийской традиции в течение столетий. На Руси были преимущественно известны комментарии Алексея Аристина (толкования Иоанна Зонары лишь выборочно содержались в Кормчей). В сербских требниках с XIV в. известна сокращённая подборка правил с толкованиями Иоанна Зонары²¹,

¹⁵ Идея Рима в Москве XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Рим; Москва, 1989. С. 188.

¹⁶ Кормчая. М., 1653. Л. 28 об.

¹⁷ Усачёв А.С. Начало возвышения Андрея-Афанасия и церковно-политическая ситуация в России первой половины XVI в. // Вестник РГГУ. 2012. № 4. С. 23—24; Усачёв А.С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI века? // Российская история 2017. № 5. С. 97—113.

¹⁸ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 192.

¹⁹ Корогодина М.В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1. Исследование. М.; СПб., 2017. С. 379.

²⁰ РФА. Т. I. С. 92—96; Т. IV. С. 920—927; Белякова Е.В. Русский епископат во второй половине XV в. и формирование новой идеологии // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 54—55.

²¹ Белякова Е.В. О неисследованном переводе правил с толкованиями Иоанна Зонары // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3(37). С. 13—14; Белякова Е.В. О сербском переводе

новые комментарии имелись в составе Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря, созданной в 1335 г. Чётко процедура выборов епископа была сформулирована в императорском законодательстве: 28-м титуле Прохирона («Градском законе») и 28-й главе Соборания в 87(93) главах Юстиниана. В них говорилось об избрании трёх кандидатов клириками и первыми гражданами города²². Выборщикам следовало принести клятву, что они не получили от кандидатов никакого дарения и могут свидетельствовать о вере и достоинствах избранников. Правда, в текстах законов не прописано, кто из трёх кандидатов совершал выбор: это мог делать император или митрополит. Согласно 2-й главе 28-й грани Прохирона, епископ должен был исповедать Символ веры и поклясться, что он ничего не дал за своё поставление. Согласно главе 28-й Соборания в 87 главах (новелла 123), кандидат в епископы должен был пробыть 15 лет в монастыре и достигнуть возраста не менее 35 лет. Мирские люди, находившиеся на императорской службе («рядники и советники»), допускались к избранию при условии, что они пробудут три месяца клириками. В случае обвинений в адрес кандидата поставление, как определяла 3-я глава, откладывалось до окончания судебного разбирательства.

О том, что вопрос о поставлении епископов был актуален для русского общества начала XVI в., свидетельствует Сводная Кормчая, составленная при митрополите Данииле. Она резко отличалась по составу от других Кормчих за счёт значительного расширения толкований к правилам²³. Типологически наиболее близок к ней краткий свод, известный только по одному списку начала XV в., находившемуся в Чудовом монастыре, крупнейшем скриптории митрополичьей кафедры. Свод включал собрание 85 апостольских правил, собрание 17 правил апостолов Петра и Павла и 91 правило Василия Великого²⁴. Правила приведены в Русской редакции. К некоторым из них были добавлены другие правила или толкования к ним (без указания на источник) с припиской «се тому же послухъ». Больше всего толкований — шесть — получило 14-е апостольское правило — о запрете перехода епископа на другую кафедру²⁵. Сводная Кормчая также содержит значительные подборки толкований к правилам. Она как полный свод всех правил не задумывалась. В отличие от Чудовского свода, в качестве толкований в ней даны тексты из разных источников, в первую очередь Пандектов и Тактикона Никона Черногорца, а также учительных и агиографических текстов, не имеющих канонического характера. Многие новые переведённые Максимом Греком тексты, включённые в Кормчую Вассиана Патрикеева, вошли и в Сводную Кормчую²⁶.

правил с толкованиями Иоанна Зонары // Црквене студије (Годишњак Центра за црквене студије). Бр. 6. Ниш, 2010. С. 235—242.

²² Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. СПб., 1907. С. 764; Т. II. София, 1987. С. 55; Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262. година. Фототипија. Дечје Новине, 1991. Л. 221, 302 об.

²³ Сводная Кормчая рассмотрена в исследовании А.А. Манохина (*Манохин А.А.* Сводная Кормчая митрополита Даниила и ее место в каноническом праве. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2018).

²⁴ Публикация свода: Мазуринская Кормчая — памятник межславянских культурных связей XIV—XVI вв. М., 2002. С. 494—586.

²⁵ Там же. С. 500—502.

²⁶ О Кормчей Вассиана Патрикеева см.: *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1. С. 308—386; *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 98—104.

В Сводной Кормчей дана большая подборка к 1-му апостольскому правилу, которая говорит о хиротонии епископа. В славянском переводе вместо слова «хиротония» («рукоположение») употреблено понятие «поставление», которое имело более широкий смысл, так как подразумевало и «избрание», и «вступление в должность». Митрополит Даниил привёл к этому правилу 16 толкований. Такого обилия толкований к этому правилу не встречается в канонических сводах. В Чудовском кратком своде составитель привёл в качестве дополнения только толкование к 4-му правилу I Вселенского собора, в котором говорится о необходимости всем епископам области явиться на избрание или послать грамоты с согласием²⁷. Здесь говорилось, что избрание из трёх предложенных кандидатов должен совершить митрополит. В анонимном толковании на 1-е апостольское правило, помещённом в Сводной Кормчей, подчёркивалась недопустимость участия мирских людей и князей в избрании епископа с примерами из Ветхого Завета: Дафан, Авирон, Корей, цари Ахаз и Осия были наказаны за то, что самовольно пытались исполнить то, что принадлежит священникам. Толкователь называет и римских императоров: Августа, Тиверия, Гая, Клавдия, Нерона, боровшихся с христианами. Особенно подробно он описывает столкновение царицы Евдоксии и Иоанна Златоуста²⁸. Источник этого толкования остался невыясненным. Скорее всего, оно носит компилятивный характер. Сам способ изложения материала сближает его со «Словом кратким» монаха Вениамина²⁹, хотя дословных совпадений в тексте нет. В качестве толкования к 1-му правилу использовали и текст из «Церковной истории» Феодорита Кирского (кн. 4, гл. 6, 7) — «Великаго царя Уалентиана слово возглашено ко архиепископом и епископом к собору, иже в Медиолане собравшемуся, о поставлении священных пастырев». Император Валентиниан говорил о необходимости избрать достойного епископа, с тем чтобы «да яко и мы царствие управляющеи, чисте ему главы наша подклоняем и радостнее ему повиновение и послушание показуем». На поле сделана маргиналия: «цари святителем главы подкланяюще повинуются». Согласно толкованию, император Валентиниан отказался принимать участие в избрании епископа, предоставив осуществить это епископам. И хотя в качестве толкований к 1-му апостольскому правилу приведены и уже указанная 28-я глава из Прохирона, и главы 2-я и 28-я из Собрания в 87 главах, в толкованиях постоянно подчёркивается, что не цари, а только епископы имеют право избирать и поставлять епископов и клириков, что именно к епископам перешла вся власть от апостолов. Смысл толкования подчёркивается маргиналией: «апостоли церкви вручили не царем и князем, а епископом»³⁰.

Несомненно, целью составителя Сводной Кормчей было доказать, что и избрание, и поставление епископов, священников и дьяконов не должно зависеть от правителей или горожан, а является прерогативой исключительно епископата. При этом митрополит Даниил использовал не только каноны, но и неизвестные по другим источникам сочинения, возникшие, несомненно, под влиянием латинской традиции. Мог ли он сам написать толкования на

²⁷ Мазуринская Кормчая — памятник межславянских культурных связей... С. 495.

²⁸ ОР РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), д. 27, л. 10.

²⁹ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XXI. «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ. С предисловием А.Д. Григорьева // ЧОИДР. 1902. Кн. 2. Разд. II. С. 1—68.

³⁰ ОР РГБ, ф. 310, д. 27, л. 14 об., 17.

каноны?³¹ Если вторжение и вставки в текст канонов известны в древнерусской книжности, то составление собственных толкований — это беспрецедентный шаг. В Византии толкования канонов были «авторскими», т.е. содержали указание на то, кем они составлены, как и сами каноны, имевшие точное указание, на каком соборе приняты. Во многих славянских канонических сборниках каноны утратили указания на своё происхождение (как, например, в Мазуринской Кормчей). Ещё в большей степени это относится к каноническим текстам, близким к епитимийным, таким как сборник Псевдозонар, где правила не содержат указаний на их происхождение. Определить происхождение толкований, появившихся в Сводной Кормчей, важная, но пока нерешённая задача. Очевидно, что митрополит Даниил всячески подчёркивал исключительную роль епископата в деле избрания епископа. Он, как впоследствии и патриарх Никон, был сторонником теории, согласно которой «священство есть больше царства» — именно такая маргиналия содержится на полях Сводной Кормчей, к тексту из Иоанна Златоуста об Иозии царе, где это утверждение встречается трижды: в заглавии, в тексте и на поле³².

В отличие от Византии, епископы на Руси поставлялись почти исключительно из монашествующих и, как правило, архимандритов или игуменов монастырей. Известно, какой протест вызвала попытка возвести на митрополию Михаила-Митяя, который сначала был священником и одновременно печатником великого князя, а потом принял постриг и по повелению великого князя назначен архимандритом. Тем не менее этот случай не единичен. Архиепископ Новгородский Сергей (1483—1484) был сначала протопопом, а потом постригся в Троице-Сергиевом монастыре. В 1564 г. в митрополиты поставили протопопа московского Благовещенского собора Андрея³³. Эти случаи могли иметь два объяснения: священник и его супруга могли принять монашество, что открывало возможность продвижения по иерархической лестнице (как в случае с будущим патриархом Никоном). Овдовевшему священнику также следовало принять постриг, и после этого он получал возможность стать епископом. Вступать в новый брак священникам категорически запрещалось. К священникам-вдовцам в Русской церкви отношение было строгим, о чём свидетельствует постановление собора 1503 г.: они ограничивались в служении, а в случае отказа принять монашеский сан теряли право совершать литургию³⁴.

От епископа требовалось знание канонов и Псалтири, умение растолковать православное учение. Возможно, что ещё до рукоположения кандидат в епископы мог заботиться о приобретении Кормчей на свои средства, с тем чтобы изучить каноны, или сам копировал её. Именно этот факт объясняет, почему епископы вкладывали Кормчие в монастыри для поминания себя и своих родственников. Как правило, это был монастырь — место первоначального пострижения, в него епископ мог вернуться и после оставления кафедры. От XVI в. известны подобные вклады, сделанные епископами Сарским и Подонским Нифонтом (Кормилицыным), Рязанским и Муромским Филофеем,

³¹ Манохин А.А. Сводная Кормчая митрополита Даниила... С. 10—11, 17.

³² ОР РГБ, ф. 310, д. 27, л. 33.

³³ Усачёв А.С. Новые данные о биографии митрополита Афанасия (1564—1566) // Труды исторического факультета МГУ. Сер. II. Исторические исследования. М., 2019. С. 113—116.

³⁴ ААЭ. Т. I. № 383. С. 485—488.

Рязанским и Муромским Леонидом, Суздальским и Торусским Иовом, митрополитом Суздальским Ионой³⁵.

После поставления епископ клялся, что ничего не дал за своё поставление: это входило в чин поставления. Однако в византийских законах содержались указания на размер «проторей», т.е. уплачиваемых за поставление сумм. Размер сбора за поставление епископа в Византии зависел от годового дохода церкви и составлял обычно около 200 номисм³⁶. Владимирский собор 1273 г. определил размер фиксированных плат за поставления в должности священника и дьякона (7 гривен), но ничего не говорил о плате за епископство³⁷. В документе, опубликованном А.А. Туриловым, перечисляются «поминки», которые архиепископ Тихон (Малышкин) раздавал после своего поставления в 1489 г. Разные суммы денег раздавались тем, кто принимал непосредственное участие в чине поставления: владыки Суздальский, Рязанский, Коломенский, Подорельский, диаки «введенные», диаки певчие, благовестники (ризничий митрополит и протопоп), взводщик, а также митрополичий боярин, казначей, конюший, дворецкие. Подношения были также сделаны членам великокняжеской семьи — великому князю, великой княгине, детям великого князя (впрочем, они «тех поминков у архиепископа не взяли»), и митрополиту³⁸. Собор 1503 г. отменил ставленнические пошлыны во все церковные степени, постановив «не имати ничего»³⁹.

Однако уже в Сводной Кормчей во 2-й главе грани 28-й Прохирона после слов о том, что епископ клянётся, что ничего не дал за поставление, сделано добавление: «разве узаконенных и уставленных еже в пресвященной патриархии или митрополии исторов и проторов»⁴⁰. Стоглав в 89-й главе установил брать за поставление в попы и в дьяконы «полтора рубля с алтыном»⁴¹, но размер платы за поставление в епископство не был указан. Наличие предписаний многих правил и поучений о «непоставлении на мзде», составивших 36-ю главу печатной Кормчей⁴², и реальной практики создавали постоянное напряжение в церковной жизни, вызывая протесты современников. Каноны предусматривали возможность обвинения кандидата в епископы перед избранием в каких-либо проступках, препятствующих поставлению, что должно было вести к расследованию. Поставление в таком случае откладывалось на три месяца для проведения расследования. Три месяца — это срок, после которого на кафедре обязательно следовало возвести епископа, как предписывало 25-е правило IV Вселенского собора. Это правило приписано к грамоте архиепископа Фотия, поручившего тверскому епископу рукополагать священников в отсутствие архиепископа Новгородского⁴³. Между тем Новгородская кафедра не замешалась

³⁵ Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга... С. 74.

³⁶ Соколов И.И. Избрание архиереев в Византии // Византийский временник. Т. XXII (1915—1916). Вып. 3—4. Пг., 1917. С. 239.

³⁷ РИБ. Т. VI. № 6. Стб. 92.

³⁸ Турилов А.А. Книга раздачи «поминков» при хиротонии Ростовского архиепископа Тихона (1489 г.) // Древнерусское и поствизантийское искусство. Вторая половина XV — начало XVI в. К 500-летию росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. М., 2005. С. 451—453.

³⁹ ААЭ. Т. I. № 382. С. 484—485.

⁴⁰ ОР РГБ, ф. 310, л. 27, л. 16 об.

⁴¹ Стоглав. Текст. Словоуказатель. М.; СПб., 2015. С. 219.

⁴² Кормчая. Л. 276—293.

⁴³ РИБ. Т. VI. № 50. Стб. 422—426.

в XVI в. 17 лет после того, как архиепископ новгородский Серапион (1506—1509) был лишён кафедры и отправлен в заключение сначала в Андроников, а потом, после прощения, в Троице-Сергиев монастырь. Причиной конфликта стал переход монастыря под власть великого князя, за что архиепископ Серапион отлучил Иосифа Волоцкого. Спор между архиепископом Серапионом и игуменом Иосифом вызвал широкий общественный резонанс и привёл к оправданию Серапиона в 1511 г. Обе стороны в этом конфликте ссылались на церковные каноны: архиепископ Серапион назвал 15-е правило собора в Средце, 12-е правило св. апостолов и послание Афанасия Александрийского; Иосиф Волоцкий, не уточняя, писал о «божественных правилах»⁴⁴. Возможно, именно этот конфликт послужил толчком для создания новых канонических сводов и отразился в Кормчей Вассиана Патрикеева⁴⁵. Даже после смерти Серапиона в 1516 г. кафедра не замещалась до 1526 г. Отсутствие в крупнейшем городе архиепископа в течение 17 лет не стало поводом для волнений граждан и упадка богатейшей кафедры: при каждой кафедре были светские чиновники, на которых лежало управление хозяйственной деятельностью кафедры.

Противоречия в порядке избрания отразились и в чине поставления митрополита Иоасафа (1539—1542), сменившего митрополита Даниила (1522—1539), отправленного в Иосифо-Волоцкий монастырь. Он представляет собой переработанный чин 1423 г.⁴⁶ В начале чина утверждается, что Иоасафа «избрал на митрополию» великий князь со своими богомольцами «и нарек его митрополитом всея России»⁴⁷. Далее описан «по писанию книжному» подробный чин избрания, согласно которому епископы избирали трёх кандидатов, а из них выбор делал архиепископ Новгородский и Псковский Макарий. В чине поставления митрополита появилась новая формула «К сим же исповедую, яже имать пошлыны митрополический престол во всем пределе моем соблюдать непреложно». Изменилась и формула отношений с восточными патриархами: «во всем последую и по изначальству согласуя всесвятейшим вселенским патриархом, иже православне дръжащим истинную и непорочную православную христианскую веру, от святых апостол уставленную и от богоносных отец преданную; а не тако, якоже Исидор принесе от новозлочестивне процветшаго несвященнаго латыньского собора»⁴⁸.

Вопрос о смещении епископов и их статусе после оставления престола был предметом полемики, известной по делу патриарха Никона. Епископ мог не соглашаться дать отреченную грамоту: Новгородский архиепископ Феофил, например, написал отречение лишь после трёх лет заточения. Для смещения епископа был необходим церковный суд, единственным примером которого в

⁴⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 192, 332—333.

⁴⁵ *Плигузов А.И.* Полемика в Русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 154—155.

⁴⁶ О чине поставления и его редакциях см.: РФА. Т. IV. С. 920—927; *Успенский Б.А.* Царь и патриарх... С. 56—66, 260—336; *Живов В.* Архиерейское обещание: эволюция текста в России XV—XVIII веков и проблемы церковной истории // Православное учение о церковных таинствах (V международная богословская конференция Русской Православной Церкви, Москва, 13—16 ноября 2007 г.). Т. II. М., 2009. С. 365—386; *Белякова Е.В.* Русский епископат во второй половине XV в. и формирование новой идеологии // Великое стояние на Угре... С. 49—64; *Тарасов А.Е.* Чины избрания и поставления епископов и роль светской власти в рукоположении архиереев конца XV—XVII вв. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV — XVII вв. М.; Калуга, 2019. С. 230—234.

⁴⁷ ААЭ. Т. I. № 184. С. 158. Текст чина не позволяет согласиться с утверждением Б.А. Успенского о том, что Иоасаф был избран без участия великого князя (*Успенский Б.А.* Царь и патриарх... С. 59).

⁴⁸ ААЭ. Т. I. № 184. С. 162.

первой половине XVI в. был суд над архиепископом Серапионом, вероятно, происходивший без составления судебного дела. В Кормчую Даниловской редакции было включено 3-е правило Кирилла Александрийского с толкованиями Фёдора Вальсамона, перевод которого сделал, по-видимому, Максим Грек. В толковании говорилось о необходимости судебного разбирательства в случае оставления епископом кафедры и осуждалась практика оставления епископом кафедры ради безмолвия⁴⁹.

В своей административной, судебной, учительной деятельности епископ не мог обходиться без посредников. В Византии при патриархе состояло значительное число церковных служителей, отвечавших за разные области управления делами кафедры. Их список вошёл в приложения к Алфавитной Синтагме Матфея Властаря, но они не применялись в русской практике. Хозяйственная деятельность кафедры, как показывают русские источники, была во многом автономной от епископа. Именно поэтому она могла продолжаться и в его отсутствие. Система управления «епископией» сложилась в результате копирования системы управления великокняжеским двором. Основную роль в ней играли дети боярские. Изучение материалов Новгородской кафедры показало, что архиерейские чиновники — дворецкий, ключник — занимали особое место, на них лежало руководство хозяйственной деятельностью Дома Св. Софии, которую они успешно осуществляли независимо от сменяющихся владык: «Масса детей боярских, сплочённых единой властью господина, объединённых общей поместной системой со сложными взаимными отношениями, защищённые от центральной власти иммунитетом, представляет собою замкнутое организованное целое по сравнению с часто сменяющимися владыками — прочное и постоянное. Здесь на самом деле можно наблюдать оригинальное явление: софийские служилые люди служат прежде всего св. Софии, кафедре и её идеальному представителю, а затем уже лицу, временно занимающему кафедру»⁵⁰. Участие светских лиц в управлении духовенством отличало Московскую митрополию как от Киевской, так и от Византии и Восточной Европы, хотя и противоречило каноническому праву⁵¹. Особое место в управлении занимали десятинники, собиравшие пошлыны в пользу епископа, обладавшие правом суда и контроля над священниками и выступавшие как кормленщики. Десятинники были связаны не с городом, а с уездом («десятиной»).

По отношению к духовенству епископ обладал в Московской митрополии только одним исключительным правом: совершать хиротонию над новопоставляемым священником. Задача испытания рукополагаемых лежала не на епископе, а на клиросе соборной церкви, где происходило обучение служению. Священники городских соборных церквей — протопопы — в XVI в. всё чаще упоминаются в документах. Их роль возрастала, в то время как понятие «клирос» и «клирошане» вытеснялось и заменялось на «причет». В Стоглаве «клирос» встречается только в цитатах из правил⁵².

Священник при рукоположении получал наставление («свиток» или «хиротонию»), в которое были вписаны его имя и имя поставившего его

⁴⁹ Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга... С. 73.

⁵⁰ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 475.

⁵¹ Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви... С. 94—95.

⁵² Емченко Е.Б. Социальная стратификация и институты представительства по материалам Стоглава // LOCUS: people, society, culture, meanings. 2020. № 1. С. 64—86.

епископа⁵³. Стоглав в 34-й главе предписывал протопопам, старостам и десятским священникам проверять священников, «держат ли у себя хиротонии и чтут ли по ним, и себе внемлют ли»⁵⁴. С XV в. стали распространяться ставленные грамоты, которые должны были подтверждать новые епископы⁵⁵. На ставленной грамоте дьяка Василия, сына священника Евстафия, имеются подписи пяти архиепископов Ростовских и Ярославских, начиная от Кирилла, совершившего поставление в 1531 г., и заканчивая Корнилием (1567—1574)⁵⁶. Другие функции, по канонам принадлежавшие только епископам, — суд над духовенством и освящение церквей — были предоставлены нижним чинам. Суд до 1551 г. совершали десятинники не только по хозяйственным, но и по духовным делам. Освящение церквей производилось священниками после присылки епископом благословенных грамот и антиминов. На Руси широкое распространение получила практика «выставок» — так назывались часовни, для сооружения которых не требовалось благословение епископа. Собор 1551 г. определил «сносить» запустевшие выставки на погосты к старым церквам⁵⁷.

Малочисленность епископата остро ставила проблему посредников, выполнявших его функции по надзору за священниками. В условиях больших пространств невозможно было проводить ежегодный собор последних, о чём говорилось в Поучении новопоставленному священнику. Такая практика известна в Киевской митрополии в XVI в.⁵⁸ Увеличение числа архиерейских чиновников и выполнение ими архиерейских функций вызывали протест, хорошо известный по посланию Георгия Скрипицы: «Назираете церковь по царьскому сану земного царя, бояры и дворецкими, неделщиками и тиуны, своих деля прибытков, а не по достоянию небеснаго царя воинству»⁵⁹. По-видимому, и критика Максимом Греком русских церковных порядков тоже была услышана. Реформа по отмене кормлений и введению института губных старост стала причиной введения подобного института и в Церкви. Стоглав учредил институт поповских старост, неизвестный церковным канонам. Б.Н. Флоря отметил, что первое упоминание о них имеется в грамоте митрополита Ионы 1449 г. Стоглав распространил эту практику на все епархии и Москву⁶⁰. В Москве также были определены семь церквей, которые стали выполнять функции соборов: Всехсвятский, Борисоглебский, Никитский, Введенский, Покровский, Ивановский, Варварский. В соборном приговоре предписывалось в тех храмах «божественные правила держати полные»⁶¹. Среди определённых как соборы церквей не оказалось Успенского в Кремле. Семь поповских старост были избраны не из священников соборных церквей, а из разных церквей тех районов, на которые исторически делился город. Назначались также пятидесятские и десятские священники, в задачу которых входила помощь поповским старостам. Всего

⁵³ РИБ. Т. VI. № 7. Стб. 101—111; *Белякова Е.В.* Поучения новопоставленному священнику в восточнославянской традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61). С. 14—15.

⁵⁴ Стоглав... С. 103.

⁵⁵ РИБ. Т. VI. № 133. Стб. 915—916.

⁵⁶ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 404—405.

⁵⁷ Стоглав... С. 215.

⁵⁸ *Белякова Е.В.* Циклы поучений священникам в кормчих западнорусской редакции // Slavistica Vilnensis. 2016. № 61. С. 190—195.

⁵⁹ РФА. Т. III. С. 667.

⁶⁰ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви... С. 94, 114; Стоглав... С. 69—72.

⁶¹ ААЭ. Т. I. № 232. С. 228.

в Москве в это время источник называет 642 церкви⁶². Согласно решениям Стоглава, над избранными поповскими старостами должны были «надзирать и досматривать» архимандриты, игумены и протопопы; в случае невыполнения ими своих обязанностей следовало сообщать святителям⁶³. Получалась довольно сложная система контроля, не связанная с иерархической лестницей.

Вместе с тем Стоглав не отменил суда десятильников, а наоборот, подтвердил право судить «им священников, и диаконов, и все причты церковные, и мирских людей по рядным грамотам и по духовным, и по кабалам, и в поклажах, и в боех, и в грабежах, опроче духовных дел»⁶⁴. Поповские старосты и десятские священники должны были присутствовать на этом суде, делать списки с судных дел и держать их у себя, а к тем делам, что оставались у десятильников, прикладывать руки. Поповским старостам следовало ограничить произвол десятильников и взять на себя обязанности по сбору епископских пошлин и контролю за благочинием попов. В обязанность поповских старост входило также проверять ставленные, благословенные и отпустные грамоты у священников и дьяконов. Десятники лишались права отбирать у попов грамоты, ограничивался и произвол продаж недельщиками. При этом Стоглав определил, что служащие святителям бояре, дворецкие и даже дьяки назначаются только «с царева ведома», а митрополит и архиепископы должны были «без царева ведома бояр от себя и дворецких не отсылати»⁶⁵. Предоставленное царю право назначать архиерейских чиновников значительно ограничивало права епископов и митрополитов и усиливало власть царя в хозяйственной и судебной деятельности Церкви. Главы Стоглава, посвящённые церковному суду, направлены на то, чтобы сохранить за церковными инстанциями сферу не только духовного суда, но и суда над духовенством и зависимыми людьми по светским делам. Собор вынес постановления об отмене несудимых грамот монастырям, выданных царём, ссылаясь на то, что «те грамоты даваны кроме священных правил»⁶⁶, архимандриты и игумены подлежали суду митрополита. Однако практика раздачи несудимых грамот продолжилась.

Введение института поповских старост стало не только способом самоорганизации духовенства, но и создало новую инстанцию контроля как над духовенством, так и над десятинниками. Архимандриты и игумены, поставленные следить за поповскими старостами, в свою очередь попадали под непосредственный контроль царя. Царь контролировал и избрание игуменов и архимандритов, хотя за монастырём сохранялось право предложения своего кандидата. «И аще будет Богу угоден и царю — и таковой архимандрит и игумен по священным правилом поставлен будет»⁶⁷. При этом право епископов и митрополитов участвовать в избрании также декларировалось.

Таким образом, русский епископат в XVI в. утратил многие функции, которыми наделяли его каноны Вселенских соборов. Одной из решающих причин было незначительное количество архиереев при огромных территориях, на которые простиралась их власть. Часть функций епископата предоставлялась светским чиновникам, а после 1551 г. и поповским старостам. Другую часть по-

⁶² ОР ГИМ, собр. Уварова, № 482, л. 310.

⁶³ Стоглав... С. 187.

⁶⁴ Там же. С. 181.

⁶⁵ Там же. С. 189—190.

⁶⁶ Там же. С. 176—177.

⁶⁷ Там же. С. 216.

следовательно присваивал себе царь. Полное отстранение горожан от избрания епископов, назначение епископов царём из игуменов монастырей и взятие под контроль администрации и хозяйства епархий лишали епископов какой-либо поддержки и ставили их в зависимость от царя. Царская власть была заинтересована в епископате не только как в проводнике централизаторской политики. Религиозная жизнь населения не укладывалась в предписанные церковными правилами нормы. В условиях распространения новых учений она требовала от епископов мер по дисциплинированию духовенства и мирян. Собор 1551 г. показал, что епископат имеет собственную позицию по многим вопросам и последовательно отстаивает собственные права, неприкосновенность церковных имуществ и судебный иммунитет. Основу для защиты своих прав епископат черпал только в церковных канонах и русских памятниках церковного права. Круг канонических текстов, на которые могли сослаться епископы, необходимо было расширять, включая тексты русского происхождения. Эту задачу решали Сводная Кормчая, Стоглав и канонические сборники. Данный процесс Я.Н. Шапов определил как тенденцию к созданию «национальной» церкви⁶⁸, местные церковно-канонические традиции определяли особенности её устройства, к которым относился и особый статус епископата.

⁶⁸ *Шапов Я.Н.* Русский Номоканон. Сочетание общехристианских и местных церковно-канонических традиций // *Diritto e Religione da Roma a Constantinopoli a Mosca. Da Roma alla Terza Roma. Documenti e Studi. Rendiconti dell'XI Seminario.* Roma, 1994. С. 153—162.

Восприятие центральных светских и духовных властей переписчиками книг в XVI в. (по материалам выходных записей)

Андрей Усачёв

**Perceptions of central secular and spiritual authorities in Russian regions
in the 16th century (based on the materials of the colophons of manuscripts)**

Andrey Usachev

*(Russian State University for the Humanities, Moscow;
Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University), Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870016625-8

К исходу первой трети XVI в. в целом завершился начавшийся ещё в XIV столетии процесс объединения русских земель вокруг Москвы. Фиксируя этот общеизвестный факт, нельзя не задаться вопросом: как новая политическая и административная реальность воспринималась на территории Новгородской, Ростовской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Псковской, Рязанской, Суздальской и прочих земель, по историческим меркам сравнительно недавно признавших власть русского государя? Осознавая, что итоги анализа относительно неплохо изученных источников московского происхождения ответа на этот вопрос не дадут¹, исследователи традиционно обращались к памятникам местного летописания и литературы (по преимуществу агиографической). Как правило, их происхождение было связано с относительно крупными книгописными центрами, в первую очередь монастырскими². Однако эти источники не позволяют рассмотреть особенности восприятия политических процессов лицами, представлявшими наиболее многочисленные социальные группы. Для решения данной проблемы необходимо привлечь массовые источники, происхождение которых не всегда связано с крупными центрами.

К числу источников, систематическое изучение которых только начинается, относятся выходные записи на рукописных книгах, сообщающие о их происхождении. Эта информация привязана к определённой дате, в большинстве случаев к определённому месту и социальной среде (колофоны нередко указывают не только имена, но и статус писцов и заказчиков). Столь ценные источники ранее использовались лишь выборочно, для решения почти исключительно

© 2021 г. А.С. Усачёв

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218 «Институты управления Русской церковью в XVI в.».

¹ О методологических сложностях, с которыми сталкиваются специалисты по русскому Средневековью, основываясь на источниках московского происхождения, см.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

² *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 151—178; *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: очерки и исследования. М., 1969. С. 210—240; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 316—361; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века...; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001.

но книговедческих задач. Это обуславливалось тем, что содержащие записи манускрипты рассеяны по десяткам архивохранилищ, расположенных более чем в двух десятках городов России и других стран. Предпринятая мною публикация полных текстов 734 датированных выходных записей 1500—1600 гг. книг из 44 архивохранилищ, а также итоги изучения их происхождения³ дают возможность системно исследовать данный вид источников при изучении проблем социальной истории.

Рассматривая вопрос об особенностях восприятия на местах столичных властей, сосредоточусь на упоминаниях в колофонах русского государя и митрополита (с 1589 г. — патриарха) (речь будет идти о Московской митрополии) в различных регионах Русского государства. Чтобы полнее определить специфику представления сведений о них, будут рассмотрены и упоминания местных светских и духовных властей. Но прежде обратим внимание на особенности привлекаемых источников. Речь идёт о выборке, степень полноты и репрезентативности которой неочевидны⁴. Вопрос о том, насколько выявленный материал отражает реалии, разрешить сложно. Очевидно, что полученные результаты необходимо верифицировать на более широкой источниковой базе.

Анализ большинства выходных записей рукописных книг XVI в. показывает, что говорить о едином для всей страны чётко разработанном формуляре не стоит⁵. Текстологически близкие записи находим на комплектах книг, а также на рукописях, связанных с каким-либо одним книгописным центром, регионом или группой писцов. Например, по единому плану составлялись выходные записи книг писца Кирилло-Белозерского монастыря Гурия (Тушина) первой четверти XVI в., колофоны томов комплекта Миней четых, переписанных в Чудовом монастыре в 1599/1600 г., Годуновских Псалтирей 1590/91—1600 гг., созданных, вероятно, там же; манускриптов 1592—1593 гг., выполненных по поручению вологодского архиепископа Ионы (Думина) (работа над ними велась, по-видимому, в вологодских обителях и в Москве). В общей сложности выявлено несколько десятков подобных записей⁶. Соответственно в полной мере говорить о возможности использования методов, с помощью которых исследуются акты⁷, вряд ли возможно⁸. Подавляющее большинство записей, даже

³ Усачёв А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1—2. М.; СПб., 2018.

⁴ О степени полноты и репрезентативности данного вида источников см.: Усачёв А.С. Книгописание России... Т. 1. С. 53—58; Усачёв А.С. Книгописание и проблемы социально-экономического развития России XVI в. // Российская история. 2019. № 6. С. 180—201.

⁵ Впрочем, как отмечает крупнейший исследователь русских средневековых актов, несмотря на все старания властей, говорить о едином формуляре и применительно к актам для XVI в. трудно (Кашианов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 149).

⁶ Подробнее о параллелях (порой текстуальных) в текстах выходных записей см.: Сергеев А.Г. Библиотека Корнильево-Комельского монастыря: проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 482; Усачёв А.С. О происхождении Годуновских Псалтирей и текстологии выходных записей рукописных книг XVI в. // Исторические записки. Вып. 16(134). М., 2016. С. 156—171; Усачёв А.С. Книгописание в России... Т. 1. С. 83, 171, 233, 240, 349—350.

⁷ Кашианов С.М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 11. Л., 1979. С. 238—251; Кашианов С.М. Очерки русской дипломатики. С. 26—149; Кашианов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 169—193.

⁸ С этим, в частности, связаны критические замечания Л.В. Мошковой и А.А. Турилова к методам работы Л.В. Столяровой с записями на книгах, которые используют специалисты в области актовой археографии (ср.: Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных

выполненных в крупных книгописных центрах, носят «авторский» характер (при всей условности этого термина применительно к эпохе Средневековья)⁹. В ряде случаев речь, по сути, идёт о произведениях древнерусской оригинальной литературы объёмом от нескольких строк до 1—2 страниц, для которых характерна топика и обильное цитирование Священного Писания¹⁰. В основном же записи существенно короче, суше и деловитее по содержанию. Помимо информации о происхождении манускриптов они сообщают факты, которые по тем или иным причинам были важны для переписчиков (о неурожаях, пожарах, наводнениях, боевых действиях)¹¹. Зачастую колофоны, которые в отличие от основного текста, переписанного почти неизменно полууставом, писались менее «торжественной» скорописью, выполнялись непрофессиональными писцами¹². Как правило, это были грамотные представители различных социальных групп невысокого статуса. Возможно, с тем, что книгописание для большинства переписчиков не являлось основным занятием, отчасти и можно связывать отсутствие единого формуляра в большинстве записей¹³.

Выходные записи являются неофициальным источником. Если писцы могли допускать «самоцензуру», то вероятность внешней «цензуры» применительно к данному виду источников в подавляющем большинстве случаев была исключена. Вряд ли представители местной или центральной администрации отслеживали содержание записей на книгах, переписанных в мелких или средних монастырях, на посадах городов (в том числе не самых крупных) и тем более при сельских приходах. На отсутствие «цензуры» косвенно указывает то, что в ряде случаев писцы далеко не всегда точно воспроизводили титул государя и митрополита, порой давая устаревшую форму, что в официальных документах не допускалось¹⁴. Так, с одной стороны, некоторые писцы, которых трудно заподозрить в стремлении польстить русскому государю, в той или иной форме упоминали его с царским титулом до 1547 г.¹⁵ С другой — известны десятки записей, упоминающих русского государя без царского титула после 1547 г., а митрополита и после раздела единой митрополии как «митрополита Киев-

кодексах. М., 2000. С. 74—135; *Мошкова Л.В., Турилов А.А.* Плоды ливанского кедр. М., 2003. С. 11—12, 14).

⁹ О понятиях «авторство» и «авторский текст» применительно к русскому Средневековью см.: *Коняевская Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000; *Усачёв А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 374—444.

¹⁰ Таковы, например, выходные записи Сборника 1519 г., «Боровского» Евангелия-тетр 1533 г., списка Кормчей 1553 г., рукописи 1553 г., содержащей Патерики (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 2. № 116, 229, 405, 406).

¹¹ *Усачёв А.С.* События прошлого глазами русских писцов XVI века // Диалог со временем. Вып. 73. М., 2020. С. 343—359.

¹² Число профессиональных книгописцев, судя по всему, было сравнительно невелико (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 1. С. 301—304, 312—314, 317, 321).

¹³ Одни и те же писцы, переписывая различные манускрипты, могли в одних случаях упоминать правящего государя и архиерея, в то время как в других — пропускали одного из них или обоих (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 2. № 18, 30, 169, 404, 423, 441, 540).

¹⁴ Достаточно вспомнить щепетильность русских дипломатов относительно тонкостей воспроизведения титула русского государя (*Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 261—267; *Филошкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 88—105).

¹⁵ *Усачёв А.С.* Некоторые замечания об употреблении царского титула русских государей до 1547 г. (по материалам выходных записей на рукописных книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4(62). С. 107—112.

ского и всея Руси»¹⁶. Порой писцы допускали «вольности» и при титуловании «своего» епископа. Например, муромский писец Олфей сын Диомидов в текстах выходных записей списков Евангелия-тетр 1518/19 и 1522 гг. епископов Сергия (1517—1521) и Иону (1522—1547) именовал не «рязанскими и муромскими», а «муромскими и рязанскими»¹⁷. Нетрудно заметить, что писец свой город в титуле владыки поместил на первое место. Неофициальный характер записей придаёт рассматриваемым источникам особую ценность при изучении того, как часто грамотные лица различного статуса упоминали московские власти.

Следующим обстоятельством, которое следует иметь в виду, оценивая эвристический потенциал колофонов, является социальный состав 477 известных нам писцов. В подавляющем большинстве случаев сведения о них содержат лишь записи на книгах: писцы иногда указывали свой статус, или его можно установить из отдельных упоминаний переписчиков в других источниках (актах, писцовых книгах и др.). Чаще всего это были рядовые иноки, представители сельского и городского клира, монастырские слуги, пушкарки, слуги светских лиц. Лишь отдельные переписчики (21 человек из 477) представляли церковную иерархию, правда, в большинстве случаев на момент участия в книгописных работах они являлись ещё простыми иноками¹⁸. Иными словами, в записях отражены особенности мировосприятия грамотных представителей достаточно многочисленных слоёв населения, далёких от вершины социальной лестницы. Конечно, нельзя полностью исключать того, что иногда писцы при упоминании государя или митрополита могли ориентироваться и на пожелания заказчиков (статус заказчиков в целом был заметно выше статуса переписчиков)¹⁹. Учитывая, что, как правило, выходная запись выполнялась «неофициальной» скорописью, а непосредственно текст книги «официальным» полууставом, можно думать, что такие случаи встречались редко.

Ареал переписки известных мне книг охватывает всю территорию Русского государства XVI в. — Центр, Северо-Запад, Северо-Восток, Поморье, Запад, Юг, Юго-Запад, Поволжье. С большей или меньшей степенью гипотетичности происхождение выявленных книг удалось связать с 92 монастырями, 37 городами, несколькими десятками других населённых пунктов. Сохранившийся материал распределяется по регионам неравномерно — больше всего дошло книг, переписанных в Центре, на Северо-Востоке и на Северо-Западе²⁰. Некоторые регионы (Новгородская, Псковская, Рязанская земли, Поморье, Вятка) вошли в состав страны относительно недавно.

Обратим внимание на распределение числа упоминаний русского государя, митрополита, а также представителей местных духовных и светских властей (архиерея, наместников, воевод и др.) в записях книг, переписанных лицами различного социального статуса. Первую группу составляют иноки, как рядовые (их большинство), так и те, кто со временем заняли высшие ступени цер-

¹⁶ Усачёв А. С. Упоминания титула русского митрополита и государя в неофициальных источниках XVI в. (на материале выходных записей на книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3(65). С. 45—56.

¹⁷ Усачёв А. С. Книгописание в России... Т. 2. № 108, 143.

¹⁸ Подробнее о социальном и персональном составе писцов рукописных книг XVI в. см.: Там же. Т. 1. С. 200—325.

¹⁹ Там же. С. 326—446.

²⁰ Подробнее о географии переписки рассматриваемых манускриптов см.: Там же. С. 59—199.

ковной иерархии или на момент переписки книги ушли на покой²¹. Ко второй группе относятся представители белого духовенства (священники, дьяконы, дьячки и проч.), к третьей — светские лица различного статуса (слуги, служилые люди и т.д.)²². Если над рукописью работали два и более писца различного статуса (например, инок и светское лицо), сведения о составленных ими записях не приводятся (см. табл. 1).

Таблица 1

Статус писцов	Упоминания государя	Упоминания митрополита	Упоминания местного архиерея	Упоминания представителей местных светских властей	Всего записей
Чёрное духовенство	61 (44,5%)	36 (26,3%)	25 (18,2%)	3 (2,2%)	137
Белое духовенство	90 (65,7%)	56 (40,9%)	38 (27,7%)	9 (6,6%)	137
Светские лица	121 (48,9%)	76 (30,6%)	54 (21,8%)	5 (3,6%)	248

Нетрудно заметить, что наиболее индифферентными к светским и, что несколько удивительно, церковным властям являлись писцы из среды чёрного духовенства. Несколько неожиданно, что представителей не только церковных, но и светских властей (в том числе местных) чаще всего упоминают писцы-священнослужители. Предположу, что отчасти это можно связывать с тем, что они регулярно присутствовали на церковной службе, где поминались главы светской и духовной власти. Также очевидно, что лица из белого духовенства и миряне чаще контактировали с представителями местных и столичных властей, нежели основная масса монахов. Общеизвестно, что при решении церковных и хозяйственных вопросов, связанных с взаимодействием с властями, от лица монастыря выступали настоятели, келари и соборные старцы.

С точки зрения типов селений, в которых переписывались манускрипты, частота упоминаний писцами представителей центральных и местных властей также различается. Приведу сравнительные данные по записям книг, произведённых в монастырях²³, городах²⁴ и прочих населённых пунктах (как правило, при сельских приходах)²⁵.

²¹ Согласно моим подсчётам, среди 125 писцов из среды чёрного духовенства 104 (83,2%) принадлежали к числу рядовых иноков. Таковыми же на момент участия в книгописных работах являлись 18 из 21 представителя высшей церковной власти. Правда, в некоторых случаях речь шла о находящихся на покое настоятелях и архиереях (Там же. С. 201—248).

²² Подробнее о критериях, которыми я руководствовался, относя писцов к данной группе, см.: Там же. С. 269—307.

²³ Учитываются и монастыри, находившиеся на территории того или иного города. Исключение составляет рукопись, которую начали переписывать в Ростове, а завершили в Кирилло-Белозерском монастыре (Там же. Т. 2. № 598).

²⁴ К числу «городских» книг я отношу и те, которые, возможно, переписывались в городской округе. Не учтена рукопись, переписанная в Копенгагене (Там же. № 571).

²⁵ Сведения о записях 46 рукописей, точное место написания которых неизвестно, не приводятся.

Таблица 2

Место переписки	Упоминания государя	Упоминания митрополита	Упоминания местного архиерея	Упоминания представителей местных светских властей	Всего записей
Монастыри	162 (60%)	106 (39,3%)	64 (23,7%)	6 (2,2%)	270
Города	82 (66,1%)	45 (36,3%)	28 (22,6%)	7 (5,6%)	124
Другие населённые пункты	30 (62,5%)	19 (39,6%)	17 (35,4%)	4 (8,3%)	48

Чаще всего упоминания светских и церковных властей встречаются в записях книг, переписанных за пределами монастырей (главным образом, при сельских приходах). Согласно моим подсчётам, в городах было переписано около $\frac{1}{4}$, в прочих населённых пунктах — около $\frac{1}{10}$ от общего числа локализованных манускриптов. И тех и других меньше, нежели рукописей, имеющих монастырское происхождение. Последних сохранилось около 56,3%²⁶. Следует иметь в виду, что число приходов в России XVI в. исчислялось тысячами (более точными цифрами исследователи применительно к данному периоду не располагают). Они обладали небольшими библиотеками (как правило, от четырёх до шести книг)²⁷. В силу этого допустимо думать, что представители светских и духовных властей — как центральных, так и местных — в выходных записях упоминались несколько чаще, нежели это следует из фрагментарно дошедшего материала. В монастырях государя и первосвященника поминали реже (доля записей, в которых фигурируют митрополит и архиерей, в городах и монастырях примерно одинакова). Последнее хорошо согласуется с отмеченным выше фактом: писцы-иноки в целом реже упоминали государя, митрополита и архиерея.

Судя по сохранившемуся материалу, представителей местных и центральных — светских и духовных — властей чаще всего упоминали писцы из числа белого духовенства и светские лица. По-видимому, особенно велика была доля упоминаний лиц соответствующего статуса в текстах послесловий книг, переписанных при сельских приходах. Степень их сохранности, правда, оставляет желать лучшего.

В записях рассматриваемого периода выявлено 365 упоминаний государя²⁸ из 734 имеющихся (около 49,7%). Рассмотрим их распределение по регионам. С большей или меньшей степенью гипотетичности с тем или иным населённым пунктом (более или менее ограниченной территорией) мне удалось связать происхождение 435 рукописей (около 59,3%)²⁹.

²⁶ Усачёв А.С. Книгописание в России... Т. 1. С. 197—198.

²⁷ Там же. С. 440—444.

²⁸ Учитываются упоминания государя в роли заказчика, одно упоминание государя «имярек», одно упоминание «русских самодержцев» (имена не приведены), одна запись, в которой на месте имени государя фиксируется утрата, а также одно упоминание безымянного «великого государя всея Руси» (Там же. Т. 2. № 7, 96, 122, 186, 360, 530, 535—537, 545).

²⁹ Не приводятся данные о неустановленных монастырях и населённых пунктах, а также о книге, переписанной в Копенгагене. Кроме того, не учитываются записи 37 рукописей, судя по упоминанию архиереев, переписанных на территории обширных Новгородской и Ростовской

Таблица 3

Регион	Число записей	
	с упоминанием государя	без упоминания государя
Центр	125 (73,5%)	45 (26,5%)
Северо-Восток	61 (56%)	48 (44%)
Северо-Запад	39 (55,7%)	31 (44,3%)
Поморье	31 (52,5%)	28 (47,5%)
Запад	3 (60%)	2 (40%)
Поволжье	3 (43%)	4 (57%)
Юг	6 (75%)	2 (25%)
Юго-Запад	4 (57%)	3 (43%)

Приведу данные о времени написания книг с записями, упоминающими государя, по регионам. В центре страны такие упоминания в 1500-х гг. есть в 8 записях из 13, 1510-х — в 15 из 23, 1520-х — 11 из 16, 1530-х — 12 из 15, 1540-х — 9 из 14, 1550-х — 26 из 33, 1560-х — 8 из 12, 1570-х — 3 из 3, 1580-х — 6 из 8, в 1590-х гг. — в 27 из 33 записей. Нетрудно заметить их стабильное преобладание. В среднем число рукописей с упоминаниями государя составляло почти $\frac{3}{4}$ от общего числа выявленных. Особенно явно это преобладание в периоды наиболее интенсивной переписки книг (1550-е и 1590-е гг.), когда доля записей, упоминающих государя, превышала 80%. Ввиду незначительного числа книг, дошедших от 1570-х гг., об этом десятилетии трудно сказать что-либо определённое³⁰.

На Северо-Востоке государя упоминали в 1500-х гг. 4 записи из 6 имеющихся, 1510-х — 6 из 17, 1520-х — 5 из 10, 1530-х — 6 из 10, 1540-х — 10 из 18, 1550-х — 7 из 12, 1560-х — 6 из 11, 1570-х — ни одной из 1, 1580-х — 9 из 11, в 1590-х гг. — 8 из 13 записей. В целом доля рукописей, переписанных на Северо-Востоке, записи которых упоминают государя, стабильна. Можно лишь отметить тенденцию к некоторому учащению таких упоминаний к концу столетия: в 1580-х гг. их доля составляла около 81%, в 1590-х — около 61%. Известную условность подсчётам придаёт то, что значительная часть сохранившихся датированных манускриптов Северо-Востока страны происходила из Кирилло-Белозерского монастыря. Так, в 1580—1590-х гг. из 24 книг таких выявлено 10. Семь из них были переписаны по поручению влиятельного кирилловского соборного старца Леонида (Ширшова), судя по всему, тесно связанного со столичной церковной и политической элитой³¹. Вряд ли стоит

епархий (в первом случае речь могла идти о Поморье и Северо-Западе, во втором — о Центре и Северо-Востоке). Также не берутся в расчёт манускрипты (их число незначительно), работа над которыми началась в одном регионе, а завершилась в другом.

³⁰ Подробнее о динамике переписки книг в России XVI в. см.: Усачёв А. С. Книгописание и проблемы социально-экономического развития... С. 181—188.

³¹ Грицевская И. М. Старец Кирилло-Белозерского монастыря Леонид Ширшов и его книжное собрание // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 201—224.

удивляться тому, что в записях шести из семи его книг упоминаются государь, митрополит (патриарх) и ростовский владыка.

По времени написания упоминающие великого князя (царя) выходные записи книг, переписанных на Северо-Западе, распределяются следующим образом: 1500-е гг. — 7 записей из 11, 1510-е — 7 из 12, 1520-е — ни одной из 3, 1530-е — 6 из 13, 1540-е — 4 из 5, 1550-е — 8 из 11, 1560-е — 3 из 4, 1570-е — 2 из 3, 1580-е — ни одной из 1, 1590-е — 2 из 7 записей. В целом доля записей, упоминающих государя, достаточно высока. Это, на первый взгляд, неожиданно для региона, который к Русскому государству был присоединен лишь в 1470-е гг. (Новгородская земля) или даже в 1510 г. (Псков). Однако следует иметь в виду, что присоединение сопровождалось массовым переселением сюда жителей центра страны.

Среди колофонов книг, произведённых в Поморье, в 1500-х гг. государя не упоминает ни одна из двух имеющихся записей, в 1510-х — 4 из 5, 1520-х — 2 из 3, 1530-х — 3 из 6, 1540-х — 5 из 8, 1550-х — 4 из 4, 1560-х — 1 из 5, 1570-х — 3 из 6, 1580-х — 5 из 10, в 1590-х гг. — 4 из 10 записей.

Видим, что в регионах соотношение записей, упоминающих/не упоминающих государя, составляет примерно 1:1, в то время как в центре оно принципиально иное — 3:1. В периоды интенсификации книжных работ в стране (1550-е и 1590-е гг.) доля таких записей в центре превышала 80%. Отчасти это может быть связано с более высокой степенью сохранности крупных комплектов московских рукописей — Миней четых, переписанных в столичном Чудовом монастыре в 1600 г. (10 манускриптов), и Годуновских Псалтирей (11), произведённых, вероятно, там же. Свою роль сыграло и то, что основная часть книг центрального региона приходится на Москву и Подмоскovie. В то же время нельзя не заметить, что дошёл и значительный комплект рукописей (10), переписанных по заказу вологодского архиепископа Ионы (Думина), большинство из которых, очевидно, переписывалось на Северо-Востоке (государя они не упоминают).

Есть все основания полагать, что, судя по фрагментарно сохранившимся источникам, в центре государя поминали гораздо чаще, нежели на окраинах. В этом случае следует говорить о тематических приоритетах, отразившихся в сравнительно небольших, как правило, «авторских» текстах. При этом отрывочно сохранившийся материал позволяет зафиксировать тенденцию к некоторому увеличению доли книг, записи которых упоминали государя, в середине — второй половине XVI в., по крайней мере на Северо-Западе и Северо-Востоке.

В связь со сказанным выше поставлю любопытный факт. Упоминания государя, а также митрополита и местного архиерея не фиксируются в записях манускриптов, переписанных в отдалённых от Центра населённых пунктах и монастырях (их, правда, сохранилось относительно немного). К числу таковых относятся Устюг Великий (записи двух книг 1518 г.); монастыри: Николо-Медведский в окрестностях Ладоги (1504), Александро-Ошевенский (1598/99), Княжозерский в окрестностях Гдова (1519/20), Николо-Корельский (1519 и 1544 гг.), Кегрольский (1533), Спасо-Преображенский Рабангский на Кубенском озере (1565/66), пошехонский Никольский на Выксе (1593), Григорьев Пельшемский Лопотов (1565), медынский Благовещенский (1597/98); Шуезерский погост Новгородской земли (1598), Усть-Паденгская волость Важского уезда (1534/35), Княжостровская волость Двинского уезда (1539/40 и 1541/42 гг.), мезенская Чирцова пустынь (1589), с. Нюхча Заонежской деся-

тины Новгородской епархии (1560), территория, примыкающая к Катромскому озеру (1555), с. Чаруса Старорязанского стана Рязанского уезда (1588), Ливны (1599—1600/01). Крайне редко упоминали государя и первосвященника в бело-зерских обителях.

Нельзя утверждать, что во всех отдалённых от центра населённых пунктах умалчивали о столичных светских и духовных властях. Имена правителей приводят записи книг с территории волости Пянда (1563/64) и Ромашевского погоста Кокшенгской чети (1515) Важского уезда, Куростровской волости Двинского уезда (1533), волости Ловзонга Каргопольского уезда (1550), Городищенской волости Устюжского уезда (1557), Емецкого погоста Двинской земли (1572/73) и др. Всего выявлено 22 такие записи.

Говоря о частоте упоминаний в записях сохранившихся книг имён конкретных государей, трудно выявить какую-либо тенденцию (см. табл. 4). Соотношение примерно одинаково — чуть более (Иван III, Иван IV, Борис Годунов) или чуть менее (Василий III, Фёдор Иванович) половины от имеющихся записей при среднем показателе около 49,7%. Некоторое увеличение доли колофонов, упоминающих Ивана III (до 63,2%), может быть связано с тем, что учтены упоминания лишь за последние годы его правления. Манускрипты, переписанные в период соправительства Василия III с отцом, не учитываются.

Таблица 4

Государь	Общее число сохранившихся книг	Число упоминаний
Иван III (за 1499/1500—1505 гг.)	19	12 (63,2%)
Василий III	213	98 (46%)
Иван IV	355	182 (51,3%)
Фёдор Иванович	119	59 (49,6%)
Борис Годунов (за 1598—1600 гг.)	28	15 (53,6%)

Число упоминаний вне зависимости от фигуры государя на протяжении рассматриваемого столетия стабильно — соответствующие записи составляют около половины от общего числа. С известной долей гипотетичности можно предположить, что резкого сокращения или учащения упоминания государя не происходило ни на фоне относительно «мягких» периодов правления Василия III и Фёдора Ивановича, ни в насыщенную репрессиями эпоху Ивана IV. Во всяком случае рассматриваемые источники этого не фиксируют. На то, что имя государя, независимо от занимавшей великокняжеский стол персоны, было своего рода «константой» для значительной части писцов, указывает запись списка толкового Евангелия 1516 г. Оно переписывалось в Ивангороде состоящим на государевой службе пушкарем Василием Остафьевым сыном Новгородским по поручению наместника города И.Н. Бутурлина. В колофоне отмечается, что работа велась «при державе государя *имярек* (курсив мой. — А.У.)»³². Нельзя исключить того, что в распоряжении писца был образец выходной записи (с именем другого государя или с формой «имярек»). На это косвенно

³² Усачёв А.С. Книгописание в России... Т. 2. № 96.

указывает и насыщенная топиной витиеватая «литературная» часть выходной записи, происхождение которой трудно связать с фигурой пушкар³³.

Главу Русской церкви писцы упоминали существенно реже, чем государя, — в 217 из 734 записей³⁴ (около 29,56%). С той или иной степенью гипотетичности локализованные книги (записи), упоминающие и не упоминающие перво-святителя, по регионам распределяются следующим образом (табл. 5).

Таблица 5

Регион	Число записей	
	с упоминанием митрополита	без упоминания митрополита
Центр	75 (44%)	95 (56%)
Северо-Восток	50 (46%)	59 (54%)
Северо-Запад	20 (28,5%)	50 (71,5%)
Поморье	19 (32%)	40 (68%)
Запад	1 (20%)	4 (80%)
Поволжье	2 (30%)	5 (70%)
Юг	2 (22%)	7 (78%)
Юго-Запад	3 (42%)	4 (58%)

Больше всего упоминаний митрополита в записях книг, произведённых на северо-востоке страны. Их доля даже несколько выше, чем в книгах, написанных в центре. На имеющейся источниковой базе в полной мере объяснить этот казус не представляется возможным. Частично это можно связывать с тем, что значительная часть этого региона (Кострома, Галич Мерьский и др.) входила в состав Митрополичьей области, и в соответствующих записях первосвятитель упоминается помимо прочего и как епархиальный архиерей. В состав Митрополичьей области входила и значительная часть будущей Вологодской епархии. На этой территории находились владения Всероссийской кафедры, а также домовые митрополичьи монастыри³⁵.

³³ «Изволением Отца и споспешением Святого Духа в лето 7000 двадесать пятаго при державе государя имярек глаголемая книга Еуангелъе тольковое. Ино, господее мои, отци и братья, аще где буду описался в помышлении своего ума, колюблющимся яко трость ветром, тако же и аз поколебленным есмь многими мыслями на всяк час о мирьстем житии века сего или сном одержим, или беседа с кем. Где буду описался в книзе сеи, исправляйте, господие мои, своим смыслом и целомудрием сами собою, а мене грешнаго в том не клените, но простите и благословите. Да и вас Бог простит в сии век и в будущей». Некоторые аналогии данному фрагменту см.: Там же. № 93, 154, 211, 283.

³⁴ В это число включены и упоминания первосвятителей с ошибками в их именах, два упоминания безымянного «митрополита московского» (в одном случае, очевидно, речь шла об утрате фрагмента листа), одно упоминание безымянного «святейшего патриарха», а также имя, восполненное в тексте, вероятно, какое-то время спустя после написания колофона (Там же. № 56, 185, 361, 585, 596, 622, 654, 705).

³⁵ Горчаков М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988—1738 гг.). Из опытов исследования по истории русского права. СПб., 1871. С. 57—58; Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 379—381, 439.

С определённой долей гипотетичности рассматриваемый казус можно объяснить тем, что значительная часть данного региона — Вологодская земля, — несмотря на её относительно отдалённое местоположение, в административном отношении, по крайней мере, с XIV в. тяготела к центру в гораздо большей степени, нежели Ростовский, Ярославский и некоторые другие уезды. За исключением краткого периода правления удельного князя Андрея Васильевича Меньшого (1462—1481) Вологда, в отличие от Ростова, Ярославля и Белоозера, самостоятельным княжеским столом со своей династией и традициями политической независимости не располагала. Своей владычной кафедрой в Вологде, ранее входившей в состав Митрополичьей области, на протяжении длительного времени также не было (лишь в 1492 г. она была включена в состав Пермской епархии, центр которой переместился из Усть-Выми в Вологду только в 1560-х гг.)³⁶. В политическом и административном отношении речь идёт о территории, за которую в XIV — первой половине XV в. шла напряжённая борьба между Москвой и Новгородом. С этим, в частности, может быть связана относительная частота упоминаний на данной территории как государя, так и митрополита, причём их количество значительно превосходит число упоминаний местного архиерея, что нетипично для прочих русских епархий, центры которых совпадали с центрами княжеств, признавших власть московского государя в XV — первой трети XVI в.

Значительное количество упоминаний митрополита находится в записях книг, происходивших из центра страны. Это можно связывать с тем, что основная часть рукописей, переписанных в центре, приходится на Москву и Подмосковье. Очевидно, что митрополита там видели существенно чаще, нежели в иных регионах. Следует также иметь в виду, что основную часть центра составляла Митрополичья область, которая непосредственно подчинялась первосвятителю³⁷. По отношению к соответствующей территории он выступал в роли как главы Церкви, так и епархиального архиерея.

Относительно невысока доля упоминаний митрополита в колофонах книг, происходящих с территории Северо-Запада (по преимуществу они имеют новгородское происхождение) и Поморья. По причине незначительного числа книг, происходивших из других регионов, сказать что-либо определённое о распределении упоминаний первосвященника в их записях сложно.

Приведу данные о частоте упоминаний конкретных персон, занимавших Всероссийскую кафедру в XVI в. (см. табл. 6).

³⁶ Берташ А., диак., Кузьмин А.В., Смирнова С.С., Шамина И.Н., Шершаков И., *прот.* Вологодская и Кирилловская епархия // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 240—244.

³⁷ О её границах см.: Покровский И.М. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы (Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Т. 1. Казань, 1897. С. 160—173; Кузьмин А.В. Митрополичья область // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 437—440.

Таблица 6

Митрополит	Общее число сохранившихся датированных книг	Число упоминаний
Симон (за 1499/1500—1511 гг.)	54	14 (25,9%)
Варлаам	85	25 (29,4%)
Даниил	136	33 (24,3)
Иоасаф (Скрипицын)	21	4 (19%)
Макарий	205	58 (28,3%)
Афанасий	8	1 (12,5%)
Филипп (Колычев)	22	8 (36,4%)
Кирилл	19	2 (10,5%)
Антоний	28	8 (28,6%)
Дионисий	19	9 (47,4%)
Иов (за 1586—1600 гг.)	137	54 (39,4%)

Видим, что в первой половине — середине XVI в. владык, занимавших кафедру относительно длительное время (от 10 лет и более — Симон, Варлаам, Даниил, Макарий), упоминают около 24—29% имеющихся записей. Эта доля близка к средней величине за столетие, составляющей примерно 29,6%. К концу XVI в. доля записей, упоминающих митрополита (патриарха), заметно возрастает с 28,6% (время Антония) до 39,4—47,4% (эпоха Дионисия и Иова).

Попытаемся выяснить, насколько часто в выходных записях книг, переписанных в разных частях Русского государства, упоминались местные духовные и светские власти, представленные архиереями, наместниками и воеводами. Ниже представлены сведения о числе упоминаний не только местного владыки, но и государя и первосвященника³⁸.

Из 164 рукописей, происхождение которых было связано с территорией Новгородской епархии, местный архиерей упоминается в 64 колофонах (38%), государь — в 90 (54,9%), митрополит — в 44 (26,8%). Из 79 рукописей, происходивших с территории Ростовской епархии, местный владыка упоминается в 35 записях (44,3%), государь — в 42 (53,2%), митрополит — в 24 (30,4%). Для 41 рукописи Вологодской епархии это соответственно 14 (34,1%), 31 (75,6%) и 29 (70,7%); для 19 рукописей Тверской епархии — 11 (57,9%), 18 (94,7%) и 8 (42,1%); для 12 рукописей Рязанской епархии — 5 (41,7%), 8 (66,7%) и 1 (8,3%); для 6 послесловий к рукописям Суздальской епархии — 3 (50%), 6 (100%) и 4 (66,7%); для 4 записей книг Казанской епархии — 2 (50%), 2 (50%) и 1 (20%) запись. Колофон единственной рукописи, переписанной на территории, образованной лишь в конце XVI в. Псковской епархии, упоминает и местного архиерея, и государя, и патриарха.

³⁸ Весьма немногочисленные рукописи, судя по упоминаниям двух архиереев, переписанные на стыке Новгородской, Ростовской и Вологодской епархий (территория Русского Севера), мною не учитываются.

С точки зрения частоты упоминаний статусных лиц в масштабах всей страны порядок следующий (он отражён и в приводимой в тексте записи последовательности имён): государь (49,7%) — митрополит (29,6%) — местный архиерей (20%). Однако за исключением Вологодской епархии, особая связь которой с центром отмечалась выше, в большинстве епархий наблюдается иная ситуация³⁹. Доля упоминаний местного архиерея в них выше, нежели всероссийского владыки. В Тверской епархии разница между их упоминаниями не так заметна, в то время как в других — существенна. Местного архиерея на территории Новгородской и Ростовской епархий упоминали более чем в полтора раза чаще, чем митрополита, в Рязанской — в пять раз.

Впрочем, говоря о ростовских манускриптах, следует иметь в виду одно обстоятельство. Среди сохранившихся рукописей, происходивших из Ростовской епархии, большинство составляют переписанные в обителях Белозерья. Из 79 ростовских манускриптов их не менее 44 (55,7%). Самую значительную часть — 32 (40,5%) — составляют рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. В этой обители государя и митрополита писцы поминали нечасто: первого — в 12 записях (37,5%), второго — в 9 (28,1%). Ростовский владыка фигурирует в 10 записях (31,2%). В прочих книгах из белозерских обителей столичные и местные власти также поминались крайне редко: в 12 записях манускриптов, переписанных в Порфирьевой пустыни, Ферапонтовом монастыре и в Филимоновом скиту, лишь две упоминают государя, одна — митрополита, одна — ростовского владыку. Возможно, это обусловлено замкнутостью писцов на локальных интересах. На это, в частности, указывают и сравнительно редкие упоминания в рукописях местного (ростовского) архиерея. В связи с этим поставлю уже отмеченный выше факт: государя и первосвященника не упоминают колофоны целого ряда книг, переписанных в других удаленных уголках страны.

В более близких к центру населённых пунктах Ростовской епархии (Ростов, Углич, Ярославль и т.д.) власти — как столичные, так и местные — упоминались существенно чаще. В 35 таких записях государь фигурирует 28 раз (80%), митрополит — 14 (40%), ростовский владыка — 24 раза (68,6%). Впрочем, и здесь число упоминаний местного архиерея значительно — более чем в полтора раза — превосходит число упоминаний первосвященника.

Среди колофонов манускриптов, правда, не слишком многочисленных, происходящих с территории Рязанской епархии, удалось обнаружить лишь одно упоминание митрополита⁴⁰, в то время как имя местного владыки приведено пять раз. Очевидно, это можно объяснить относительно поздним окончательным присоединением Рязанского великого княжества к Русскому государству (1521).

³⁹ В силу малочисленности сохранившихся рукописей что-либо определённое о распределении упоминаний лиц соответствующего статуса на территории Казанской, Псковской и Суздальской епархий сказать сложно.

⁴⁰ Заказчиком сборника слов Иоанна Златоуста «Маргарит» 1557 г. был рязанский владыка Гурий. Будучи выходцем из можайского Лужецкого монастыря, он являлся учеником упоминаемого в записи митрополита Макария (последний некоторое время возглавлял можайскую обитель). Возможно, упоминание первосвященника писцом — рязанским священником Марком — связано с этими фактами биографии заказчика. Любопытно, что, заканчивая работу уже над другой рукописью — Псалтирью 1569 г., — священник Марк не счёл необходимым упоминать митрополита, приведя в тексте колофона лишь имена Ивана IV и рязанского епископа Сергия (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 2. № 441, 540).

Предположу, что сравнительно редкие упоминания всероссийского владыки на территориях Новгородской, Ростовской и Рязанской епархий можно объяснить стремлением писцов подчеркнуть автономию своего региона по отношению к центру, по крайней мере в церковно-административной сфере⁴¹. Свою роль могло играть и то, что местные архиереи в соответствующих городах в XVI в. по сути представляли единственный институт власти из оставшихся после утраты ими независимости. Недаром порой именно к ним на службу переходили бояре прежних князей⁴². Упоминание местного владыки в условиях инертности средневекового сознания могло служить важной нитью, связывавшей прошлое и настоящее — эпоху былой самостоятельности с новой политической и административной реальностью. В случае с Новгородской и Ростовской епархиями большое значение мог иметь и их особый статус. Новгородский владыка занимал второе место в иерархии Московской митрополии Русской церкви (после первосвященника), ростовский — сначала третье, а после образования Казанской епархии (1555) — четвертое. В случае с Рязанью следует обратить внимание на время её вхождения в состав Русского государства.

Среди представителей местных светских властей, упоминаемых в записях, выделяются удельные князья (их число невелико) — старицкие (Андрей Иванович и Владимир Андреевич), углицкий (Дмитрий Иванович Жилка) и дмитровский (Юрий Иванович). Большинство же упоминаний приходится на иных лиц — воевод и наместников Двинской земли, Казани, Пскова, Смоленска, Тотьмы, Устюга Великого и Чернигова. Также писцы приводят сведения об устюжском десятильнике и волостеле Соли Вычегодской. Записи более или менее равномерно распределяются по XVI в. Наиболее ранняя из них относится к 1499/1500 г., наиболее поздняя — к 1600 г. В 16 случаях из 19 упоминания представителей местной светской администрации дополняли перечень «основных» статусных персон (государя, первосвященника и местного архиерея). Известно лишь о трёх записях, упоминающих наместников, в которых не фигурировал ни государь, ни митрополит, ни архиерей. В двух случаях речь шла об Устюге Великом (оба манускрипта относятся к 1518 г.), третью рукопись (1536/37) ввиду плохой сохранности текста записи локализовать не удалось.

Обратим внимание на крайнюю малочисленность упоминаний представителей местных светских властей. Таких колофонов известно лишь 19 из 734 (2,6%), что не идёт ни в какое сравнение с упоминаниями местных архиереев и тем более столичных светских и духовных властей. В то же время данные записи имеются в книгах, происходящих практически из всех регионов: Смоленска (1 манускрипт), Николо-Улейминского монастыря (1), Устюга Великого и его окрестностей (2), Тотемского уезда (2), Котовальской волости Сухонской трети Устюжского уезда (1), Пскова и его округа (3), Чернигова и округа (1), Николо-Пешношского монастыря (1), Старицы и ее окрестностей (3), Николо-Коряжемского монастыря (1), Двинской земли (1). Переписка одной книги началась в центре страны — в Николо-Пешношском монастыре, а заверши-

⁴¹ В свете сказанного выше любопытны два казуса. Писцы — муромский и псковский, — работавшие соответственно в 1518/19 и 1540 гг., сначала упоминают местных архиереев (рязанского владыку Сергия и новгородского архиепископа Макария) и лишь затем правящего государя (Василия III и Ивана IV) (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 2. № 108, 282). Имеем мы дело с ошибкой писцов или следует говорить об их позиции, судить сложно.

⁴² *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 124—141.

лась в Среднем Поволжье — в казанском Спасо-Преображенском монастыре. По сравнению с местными руководителями Церкви упоминания светских чиновников крайне малочисленны. Архиереи в рассмотренных нами источниках упоминались почти в восемь раз чаще наместников, воевод и прочих лиц.

Можно предположить, что незначительность числа их упоминаний, по крайней мере отчасти, могла обуславливаться тем, что речь шла о должностных лицах (исключая, конечно, удельных князей), которые назначались из центра на сравнительно недолгий срок — на 1—2 года⁴³. Спустя некоторое время отдельных наместников в город могли присылать второй и даже третий раз, а в редких случаях и чаще⁴⁴. Ситуация с архиереями была принципиально иной. Они в подавляющем большинстве случаев бессменно руководили кафедрами (лишь некоторые из них смещались с них или уходили «на покой» в связи с «немощью»)⁴⁵, исполняя свои обязанности, в отличие от наместников и воевод, от нескольких лет до нескольких десятилетий. Например, Новгородскую кафедру архиепископ Макарий занимал около 16 лет (1526—1542), архиепископ Пимен — около 18 (1552—1570), архиепископ Александр — около 15 лет (1576—1591); Ростовскую кафедру — архиепископ Никандр — около 17 лет (1549—1566), архиепископ Варлаам (Рогов) — около 16 лет (1587—1603); Тверскую — Акакий около 45 лет (1522—1567) и т.п. Очевидно, что они теснее были связаны с уездами, входящими в состав епархии, нежели присылаемые из центра на ограниченный срок чиновники. Судя по всему, последние, в отличие от архиереев, «своими» для местных писцов в большинстве случаев не становились⁴⁶. Есть основания полагать, что именно фигура архиерея (при его наличии) являлась наиболее значимой для жителей того или иного региона. Источники показывают, что особенно ярко это проявлялось в Новгороде, Ростове и Переяславле-Рязанском.

Подводя итоги, отмечу, что рассмотренный материал, отрывочность которого несомненна, а степень репрезентативности до конца неясна, фиксирует достаточно противоречивую картину, которая была характерна для первого столетия существования Русского государства. С одной стороны, его глава упоминается почти в половине выявленных источников. С другой — число этих упоминаний заметно уменьшается по мере удаления места жительства переписчика от столицы. Также есть основания полагать, что переписчики отдельных земель, вошедших в состав единого государства по историческим меркам сравнительно недавно, считали необходимым продемонстрировать известную автономию от центра в церковной сфере. Это, с одной стороны, отразилось в существенно меньшем числе упоминаний всероссийского владыки (по сравнению с государем), с другой — в том, что в ряде епархий гораздо чаще упоминался местный архиерей, нежели находившийся в столице митрополит. В наибольшей степени это было характерно для Новгородской, Ростовской и Рязанской епархий. В условиях постоянной ротации назначаемых из центра

⁴³ Сведения о сроках пребывания в соответствующей должности наместников и волостелей в первой половине XVI в. см.: *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., 2000. С. 131—185.

⁴⁴ *Пашкова Т.И.* Местное управление... С. 132—136, 139, 143, 147—149, 152—153, 155.

⁴⁵ Случаи перемещения архиереев с одной кафедры на другую (Трифон (Ступишин), Афанасий (Палецкий), Иов) в рассматриваемый период носили исключительный характер.

⁴⁶ О некоторых исключениях из этого правила см.: *Усачёв А.С.* События прошлого... С. 345—347.

светских чиновников для писцов наиболее значимыми фигурами оставались архиереи.

Фиксируемые в записях явления отражали умонастроения не только профессиональных писцов (их число, судя по всему, было невелико), но и грамотных представителей других социальных групп (чёрного и белого духовенства, светских лиц сравнительно невысокого статуса). Наибольшую активность при упоминании представителей светских и духовных властей, как центральных, так и местных, проявляли более тесно взаимодействующие с ними переписчики из среды белого духовенства, наименьшую — писцы-иноки. С этим, вероятно, и следует связывать то, что выше всего доля упоминаний местных и центральных властей была за пределами монастырских стен.

Митрополит Иона (Думин): книжник и политик

Никита Башнин

Metropolitan Iona (Dumin): scribe and politician

Nikita Bashnin

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences;
St. Petersburg Repin Academy of Fine Arts)

DOI: 10.31857/S086956870016594-4

В статье в центре внимания находится не только личность митрополита Ионы (Думина), но и отношения между светской и духовной властью на излёте XVI в. После смерти Ивана Грозного и воцарения Фёдора Иоанновича увеличился политический вес Бориса Годунова, который в феврале 1598 г. был избран царём, затем «наречён», а в сентябре 1598 г. венчан на царство. В историографии отмечена роль в этих событиях патриарха Иова, поддержавшего Бориса Годунова¹, но неизвестны политические симпатии некоторых других церковных иерархов.

Чернец Иона (Думин), принявший постриг во владимирском Рождественском монастыре (1574—1578), вскоре стал архимандритом этой обители (1581), затем был хиротонисан во архиепископа Вологодского и Великопермского (1589), а в 1603 г. возглавил Ростовскую и Ярославскую митрополию. Под конец жизни иерарх ушёл на покой во владимирский Рождественский монастырь (1605)². Биографию этого человека изучали в контексте его писательской деятельности и истории библиотек³. Д.М. Буланин, оценивая Иону (Думина) как

© 2021 г. Н.В. Башнин

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10060 «Церковное и монастырское строительство в России XIII—XVII вв. как фактор развития общества и государства в XIII—XVII вв. и начале XXI в.: история, культура, архитектура, наука».

¹ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 42, 50—63, 221, 225.

² Об этой обители см.: Тихонравов К.Н. Владимирский Рождественский монастырь XII века. Владимир, 1869; Тимофеева Т.П. Владимирские монастыри: Рождественский, Константино-Еленинский и Фёдоровский: историко-архитектурный очерк. СПб., 2020.

³ Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. Т. 1. СПб., 1827. С. 304; Муравьёв А.Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. 1. СПб., 1858. С. 207, 246, 294; Евгений (Болховитинов), митр. Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархии (опубликовал и дополнил Н.И. Суворов) // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. Прибавления. № 20. С. 789—790; Иерархи ростовско-ярославской паствы в преемственном порядке с 992 г. до настоящего времени. Ярославль, 1864. С. 119—120; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 239—240; Титов А.А. Ростовская иерархия. М., 1890. С. 63—64; Спасский Ф.Г. Русское литургическое творчество. М., 2008. С. 145, 168, 469; Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 218—222; Сперанский М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 192—197; Тихомиров М.Н. Русская культура X—XVIII вв.: Сборник статей. М., 1968. С. 332; Флоря Б.Н. О реконструкции состава древнерусских библиотек // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 57—59; Синецына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977; Буланин Д.М. Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 174—180; Буланин Д.М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

выдающегося деятеля русской культуры XVI — начала XVII в., отмечал, что сведения о жизни и деятельности Ионы «отличаются поразительной скудостью»⁴. В последние десятилетия введены в научный оборот новые источники и проведены исследования, позволяющие изучить детали биографии иерарха подробнее.

Сведений о месте и времени рождения будущего инок Ионы нет. Судя по тому, что вся его последующая жизнь была связана с центральной и северной Россией, он мог родиться и вырасти в одном из этих регионов. Предположу, что родиной иерарха являлся Владимир или его окрестности, так как именно сюда Иона вернулся в конце жизни, а также, по образному выражению А.В. Сиренова, занимался «краеведением»⁵. Мирское имя Ионы неизвестно. Фамильное прозвание — Думин — зафиксировано в тайнописи и раскрыто археографами в XIX — начале XX в.⁶

В историографии XX — начала XXI в. фамильное прозвище было принято, а с именем этого человека связали ряд литературных и книжных памятников. Однако других аргументов, подтверждающих наличие у иерарха фамильного прозвища Думин, нет. В публикациях источников XV—XVII вв. обладатели фамилии Думин не обнаружены; такая фамилия упомянута у С.Б. Веселовского в «Ономастиконе»: «Думин Митрофан, крестьянин, 1495 г., Новгород»⁷. Возможно, при расширении круга источников и литературы будут найдены другие случаи бытования этой фамилии.

На основании записей на книгах, которые Иона вложил во владимирский Рождественский монастырь, становится ясно, что постриг его в монашество архимандрит Захарий⁸. По данным П.М. Строева, Захарий был архимандритом владимирского Рождественского монастыря с 1576 г. до осени 1578 г.⁹ Соответственно, эти даты указывают на время пострижения Ионы. Нижняя граница может быть опущена до 1574/75 г., поскольку в 1573—1574 гг. архимандритом Рождественского монастыря назван Евфимий, затем следует хронологический разрыв до 1576 г., когда упоминается Захарий¹⁰. Каков был дальнейший путь

(далее — ТОДРЛ). Т. 36. Л., 1981. С. 73—78; Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 232—233; Буланин Д.М. Иона Думин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 430—432; Покровский Н.Н. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Т. 36. С. 80—102; Сиренов А.В. Степенная книга редакции Ионы Думина // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. Вып. 3. СПб., 2000. С. 256—304; Сиренов А.В. Степенная книга: История текста. М., 2007; Сиренов А.В. Краеведческая тематика в творчестве русского книжника XVI века Ионы Думина // Проблемы исторического регионоведения. СПб., 2012. С. 175—179; Усачёв А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 345—350.

⁴ Буланин Д.М. Вологодский архиепископ Иона Думин... С. 174.

⁵ Сиренов А.В. Краеведческая тематика... С. 175—179.

⁶ Иванов П.И. Сведения о неизвестном сочинителе Жития св. Александра Невского, скрытые в анаграмме // Перечень заседаний императорского Археологического общества за 1850 г. Т. 3. СПб., 1850. С. 146—149; Артемьев А.И. Разгадка старинной анаграммы, помещённой в послесловии к Житию св. Александра Невского // Перечень заседаний императорского Археологического общества за 1851 г. СПб., 1851. С. 140, 142, 143; Мансикка В.П. Житие Александра Невского. СПб., 1913. С. 124, 199, примеч. 1, 2.

⁷ Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 20.

⁸ Усачёв А.С. Книгописание в России XVI века... Т. 2. М.; СПб., 2018. С. 354.

⁹ Вскоре Захарий был хиротонисан во епископа Тверского и пробыл на этой кафедре с 20 декабря 1578 до 1602 г. (Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 662, 443).

¹⁰ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 662.

инока? После принятия Ионой пострига прошло 5—6 лет, и он стал архимандритом второго по значимости в Московской Руси владимирского Рождественского монастыря¹¹. Такое стремительное возвышение, вероятно, объясняется авторитетом Ионы среди духовенства и политической элиты, возможно, заслуженным до принятия пострига.

Уточню дату, когда Иона стал архимандритом. А.В. Сиренов считает, что это произошло, когда он был «уже не юным человеком», в 1584—1585 гг.¹², но привёл ссылку на вкладную грамоту владимирскому Рождественскому монастырю 1580/81 г. в которой Иона упомянут как архимандрит. Согласно этой грамоте, Мокей Харитонов сын Шамшов по прозвищу Злобин вместе с детьми «при архимандрите Ионе, да при строителе Серапионе Маркове, да при келаре Перфирье, да при казначее Иове, да при уставщике Феодосье» вложили в монастырь вотчинные земли в Опольском стане на помин родственников¹³. Другую дату приводит Е.В. Брюханова. Она полагает, что «в 1586 г., ранее 22 сентября, Иона стал настоятелем Рождество-Богородицкого монастыря»¹⁴, однако не указывает источников, на основании которых приходит к этому утверждению. Очевидно, что разногласия связаны с тем, что у Строева после архимандрита Захарии до настоятельства Ионы названы: Иоаким — 1579 и 1580 гг.; Варлаам — «в 1584 переведён в Белозерский Кириллов»; Герман — 1584 и 1585 гг.; Иона — 1585 г.¹⁵ Нетрудно заметить хронологический разрыв в четыре года после настоятельства Иоакима до архимандрита Варлаама с 1580 до 1584 г. Кто же был в эти годы архимандритом владимирского Рождественского монастыря?

В соборном приговоре от 15 января 1580 г. о запрещении выкупать и отнимать по суду вотчины у монастырей и духовных властей среди иерархов назван «архимандрит Рождественной из Володимеря Иоаким», однако на обороте подписался другой иерарх: «Рождественного монастыря архимарит Иона руку приложил»¹⁶. Очевидно, что это был Иона (Думин). В следующий раз Иона упоминается как архимандрит владимирского Рождественского монастыря 31 мая

¹¹ Владимирский Рождественский монастырь во второй половине XVI — первой половине XVII в. в «лестницах», соборных актах и Соборном уложении 1649 г. занимал второе место после Троице-Сергиева монастыря (см. об этом: *Назаров В.Д.* К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // *Церковь, общество и государство в феодальной России.* М., 1990. С. 187—207; *Вовина В.Г.* «Освященный собор» в источниках XIV — начала XVI в. // *Cahiers du Monde russe.* 2005. Vol. 46. № 1/2. Р. 387—396; *Вовина В.Г.* Церковные иерархи в XVI в. // *Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. (Очерки истории).* СПб., 2006. С. 272—308; *Павлов А.П.* Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества // *Religion and Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen.* 14.—17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2010. С. 74—77; *Башинин Н.В.* Вологодские степенные и нестепенные монастыри в XVI—XVII вв. // *От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв.: материалы научной конференции.* М.; Вологда, 2016. С. 460—476; *Усачёв А.С.* О составе Освященного собора в 1566 г. // *Представительные институты в России в контексте европейской истории XV — середины XVII в. М., 2017.* С. 101—117).

¹² *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 173.

¹³ *Кистерёв С.Н.* Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII века // *Русский дипломатариум.* Вып. 6. М., 2000. С. 122—123.

¹⁴ *Брюханова Е.В., Э.П.Р.* Иона (Думин) // *Православная энциклопедия.* Т. 25. М., 2010. С. 456.

¹⁵ *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 662. У П.М. Строева находим вопрос про Иону: «Он ли в 1588 хиротонисан в епископа Вологодскаго?», на который сегодня можно ответить утвердительно.

¹⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 40. С. 57, 59.

1581 г. Об этом известно из Александро-Невской летописи, когда летописец описывает венчание на царство Фёдора Ивановича. В этом действе участвовали митрополит Дионисий, который после произнесения речи «велел» архимандриту Троице-Сергиева монастыря Ионе и архимандриту из «Володимеря Рождественному» Ионе принести «крест животворящего древа»¹⁷. На основании соборного приговора, летописного сообщения и вкладной грамоты становится очевидным, что архимандритом Рождественского монастыря после Иоакима с 15 января 1580 г. до 1583/84 г. был Иона (Думин). Вслед за этим произошли какие-то события, приведшие к быстрому чередованию архимандритов. Иону сменил Варлаам, которого вскоре в феврале 1584 г. перевели в Кирилло-Белозерский монастырь¹⁸. Предположу, что кадровые перестановки во владимирском Рождественском монастыре были связаны с последними годами жизни Ивана IV.

Где и в каком статусе находился Иона между 1584 г. и 22 сентября 1586 г.? Согласно одной из грамот, 18 марта 1585 г. архимандрит Герман за вклад в 100 руб. выдал данную на монастырское село Юрово Ф.И. Опанчину. Это решение было принято по совету в том числе с соборным старцем Ионой¹⁹ — видимо, Ионой (Думиным). Если это предположение верно, то после первого настоятельства он оставался во владимирском Рождественском монастыре. Обратимся к актам из архива владимирского Рождественского монастыря. 22 сентября 1586 г. архимандрит Иона Думин получил рыбные ловли по р. Клязьме. Подчеркну, что это пожалование было сделано после получения в приказе Большого дворца боярином и дворецким Григорием Васильевичем Годуновым памяти из приказа Казанского дворца за приписью дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова, согласно которой архимандрит Иона просил передать в монастырь р. Клязьму для ловли рыбы, поскольку «в монастыре питатца нечем»²⁰.

В 1587/88 г. «при архимарите при Ионе да строителе старце Серепиене Маркове» монастырь получил деревню Романово в Колпском стане Владимирского уезда. В 1590/91 г. в закладной кабале Н.И. Симонова вновь упоминаются архимандрит Иона и строитель Серапион (Марков). Не сохранилось или не выявлено двух актов 1586/87 г. Они известны благодаря упоминаниям в поздних грамотах. В жалованной подтвердительной грамоте от 3 января 1606 г. от Лжедмитрия I упоминается жалованная грамота царя Фёдора Ивановича архимандриту Ионе и строителю Серапиону о передаче монастырю в вотчину с. Шахова в Московском уезде. 26 декабря 1611 г. от бояр и воевод кн. Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого владимирский Рождественский монастырь получил грамоту о возвращении сельца Палашкина и деревни Середниково в Боголюбском стане Юрьевского уезда. Получение грамоты было инициировано старцем Серапионом, который защищал интересы монастыря от кн. Ивана Борятинского. Монастырь предоставил документы, обосновывающие его право на эти земельные угодья: «По Уложению царя Бориса и сына ево царевича Федора, и по челобитью архиепискупа Ионы Вологодского и Великопермского велено то село Палашкино да деревню Середникову дати в Рождественной монастырь»²¹.

¹⁷ ПСРЛ. Т. XXIX. М., 1965. С. 222, 223.

¹⁸ В январе 1587 г. Варлаам стал архиепископом Ростовским (Строев П.М. Указ. соч. Стб. 55).

¹⁹ Кистерёв С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 31.

²⁰ Там же. № 33.

²¹ Там же. № 35, 34, 43, 45.

Приведённые данные показывают, что Иона (Думин), будучи архимандритом или старцем Рождественского монастыря, увеличивал монастырскую вотчину, несмотря на законодательные запреты 1551, 1572 и 1580 гг. Акты свидетельствуют о личном участии архимандрита, а потом архиепископа Вологодского и Великопермского, в получении земельных владений монастырём. Укрепление хозяйственного положения обители стало возможным благодаря знакомству Ионы с Борисом Годуновым.

Иона упоминается и в источниках, связанных с установлением патриаршества в России²². По сложившейся церковной традиции на патриаршее место предлагались три кандидатуры: митрополит Московский Иов, архиепископ Новгородский и Псковский Александр, архиепископ Ростовский и Ярославский Варлаам. Одновременно с этим появлялись митрополичьи кафедры, и нужно было выбрать митрополитов. Иона (Думин) стал кандидатом на Новгородскую митрополию: «Тогда же избрали соборно трёх на митрополию Великого Новгорода: архиепископа Александра с двумя старшими архимандритами, Троицкой лавры Киприаном и Рождественского монастыря, что во Владимире, Ионою»²³. Царский выбор остановился на Иове, который стал патриархом, а Новгородскую кафедру продолжил занимать Александр, но уже в статусе митрополита. Иона (Думин) остался архимандритом. Возведение Иова в сан патриарха состоялось 26 января 1589 г. в Успенском соборе Московского Кремля²⁴. А.В. Сиренов полагает, что в связи с учреждением патриаршества в России Иона (Думин) составил особую редакцию Степенной книги²⁵.

Согласно сведениям П.М. Строева, Иона был хиротонисан во епископа Вологодского и Великопермского после мая 1588 г.²⁶ Это утверждение противоречит приведённым выше данным. С 26 октября 1587 г. (кончина епископа Антония) по 26 января 1589 г. (возведение Иова в сан патриарха) Вологодская кафедра оставалась вакантной²⁷. Подчеркну, что на соборе 1589 г. после учреждения патриаршества за Великопермской и Вологодской епархией был утверждён статус архиепископии, кафедру перенесли из Усть-Выми в Вологду, и архиепископом стал Иона. А.С. Усачёв отметил, что, согласно списку лиц, подписавших соборный приговор 1584 г. и «Лествицу» 1598/99 г., Вологодский архиерейский дом стал первым среди епископских кафедр и занял шестое место в общем перечне²⁸. Такое изменение в церковной иерархии, вероятно, обу-

²² Николаевский П. Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение. 1879. № 9—10. С. 369—382; Феофилакт (Моисеев), игум. Святитель Иов — первый русский патриарх (к 400-летию учреждения патриаршества) 1589—1989 // Богословские труды. № 30. 1990. С. 200—240.

²³ Муравьев А.Н. Указ. соч. С. 207.

²⁴ Макарий (Веретенников), архим., Э.П.Р. Иов // Православная энциклопедия. Т. 25. С. 253—264; Шпаков А.Я. Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912.

²⁵ Сиренов А.В. Степенная книга редакции Ионы Думина. С. 256—304; Сиренов А.В. Степенная книга: История текста. С. 267—314, 488—495.

²⁶ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 731.

²⁷ Этот период совпал со временем интенсивной политической борьбы в Москве (Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 104—140; Скрынников Р.Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1985. С. 11—39; Павлов А.П. Государев двор в конце XVI — начале XVII в. // Правящая элита Русского государства... С. 230—239; Солодкин Я.Г. Куда сослали бывшего митрополита Московского Дионисия и его «собеседника» Варлаама // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3(37). С. 109—110).

²⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. М., 1813. № 202. С. 592—598; Лествица о соборных властях, кои в 107-м

словлено стремлением Бориса Годунова повысить статус кафедры, на которую предполагалось возвести его сторонника — Иону (Думина).

Выбор Ионы на Вологодскую кафедру не был случайным. Его предшественник на этой должности — епископ Антоний — поддерживал Годуновых, которые стремились найти опору среди церковных иерархов (членов Освященного собора)²⁹. Иона ещё в 1580-х гг. бывал в Москве при дворе, когда и могло состояться его знакомство с Борисом Годуновым. Решение земельных вопросов в пользу владимирского Рождественского монастыря (до и после хиротонии Ионы в архиепископы) указывает на прогoduновскую позицию этого иерарха. Период архиерейства Ионы в Вологде связан с возникновением изобразительных и книжных памятников. Около 1589 г. по заказу иерарха была изготовлена трёхъярусная «походная церковь», по другому определению искусствоведов — складень³⁰. Во время пребывания на Вологодской кафедре Иона создавал новые религиозно-литературные произведения и переписывал старые (очевидно, что иерарх не сам осуществлял переписку, а выступал заказчиком), используя рукописи из монастырей Вологодской и Великопермской епархии.

Б.Н. Флоря писал о важности изучения собраний рукописей отдельных лиц и выявил книги, принадлежавшие Ионе (Думину). Учёный обнаружил 16 кодексов, которые датируются 1590, 1591, 1591/92, 1592, 1593 и 1600 гг. Они были заказаны для владимирского Рождественского монастыря архиепископом Вологодским и Великопермским Ионой. О переписке книг в Вологде говорит тот факт, что во вкладных записях упоминаются рукописи из Спасо-Каменного, Спасо-Прилуцкого, Павлова Обнорского и Корнилиево-Комельского монастырей, которые были «в свидетельстве», т.е. тексты вновь созданных книг переписаны с рукописей, которые по указу архиепископа Вологодского и Великопермского взяты для переписки из северных обителей. Некоторые рукописи «писаны на Москве»³¹.

Д.М. Буланин отметил, что с именем Ионы связана 21 рукопись, а также известно о нескольких книгах, которые до нас не дошли или не найдены³². Вскоре Буланин дополнил свои наблюдения и выявил три книги, на которых есть вкладные записи архиерея: рукописная «Огласительные поучения Феодора Студита» и две печатные Триоди. Учёный выявил также косвенные данные о принадлежности иерарху ещё двух рукописей³³. Иона (Думин) распространял в Вологодской и Великопермской епархии печатные книги. И.А. Гузнер опубликовал запись на Триоди: «Сия постная Дриодь государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси жалована, а платил за ту Дреодь

году на соборе у Иева патриарха на Москве // Чтения Общества истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1912. Кн. 2. С. 41; *Усачёв А.С.* Вологодский епископ Антоний и Русская церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 137.

²⁹ *Усачёв А.В.* Вологодский епископ Антоний... С. 143—145.

³⁰ *Виноградова Е.А.* История собирания, реставрации и изучения коллекции древнерусской живописи Вологодского музея-заповедника // Иконы Вологды XIV—XVI вв. М., 2007. С. 75, 78—79; *Антонова В.А., Мнева Н.Е.* Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи X—XVIII веков. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. М., 1963. № 630; *Рыбаков А.А.* Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII—XVIII веков. М., 1995. № 75—78.

³¹ *Флоря Б.Н.* О реконструкции состава древнерусских библиотек // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 57—59.

³² *Буланин Д.М.* Вологодский архиепископ Иона Думин... С. 175.

³³ *Буланин Д.М.* Владимирский Рождественский монастырь... С. 73—74.

аз, воскресенской поп Евсевий, архиепископу Ионе на Вологде в казну»³⁴. М.Н. Тихомиров выявил запись в печатной Триоди о посылке в Вологду архиепископом Ионой двухсот книг: «Лета 7101-го июля 28 день повелением благочестиваго и христолюбиваго Богом венчанного государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси великий господин Преосвященный Иона, архиепископ Вологодский и Великопермский, из Богом спасаемого пресловущаго царствующаго града Москвы прислал к Вологде государева жалованья 200 книг, печатных Триодей, постные и цветные, и велел своим приказным людям, князю Федору Андреевичю Дябринскому с товарищи, в городе на Вологде и на посаде и в Вологодской уезд в монастыри и в села и в волости те книги роздати по церквам»³⁵. Тихомиров полагал, что слова о «государевом жалованье» не должны считаться доказательством того, что печатные книги были подарком. За них собирали деньги, правда, по сниженной цене. Стоит сравнить стоимость печатной Триоди 1591 г. с рукописной книгой, написанной по приказу того же архиепископа Ионы в 1592 г., чтобы увидеть разницу в стоимости печатных и рукописных книг. «Триодь цветная» печатная продавалась по 2 руб. за экземпляр, а рукописные «Беседы Иоанна Златоуста» обошлись архиепископу Ионе в 100 руб. Учёный также отметил, что Печатный двор в Москве вёл торговлю книгами в «неожиданно больших размерах»³⁶.

Иона (Думин) изучал сочинения Максима Грека и, по наблюдению Н.Н. Покровского, владел сводом судебных материалов по делу святого. Н.В. Синицына предположила, что Иона — создатель собрания сочинений Максима Грека. Д.М. Буланин посвятил этому вопросу свою работу и не только поддержал гипотезу Синицыной, но и привёл дополнительные аргументы в её пользу³⁷.

В 1591 г. Иона составил пространную редакцию жития Александра Невского³⁸. Сохранилась Кормчая 1591/92 г. с записями о её создании, которую Иона «по обещанию» вложил во владимирский Рождественский монастырь. М.В. Корогодина отметила, что в русских Кормчих XV—XVII вв. существовали формулярные наставления священнику от архиерея. Она обнаружила в одной из рукописей лист с поучением от имени архиепископа Ионы. Внешнее описание кодекса показало, что «лист до вплетения в рукопись хранился в сложенном вчетверо виде, то есть, вероятно, был дан священнику при хиротонии и лишь позже добавлен к кодексу»³⁹.

Д.М. Буланин отметил, что все книги, созданные по заказу Ионы (Думина), написаны с 1589 по 1600 г. Это время пребывания иерарха на Вологодской кафедре (1589—1603). По предположению учёного, Иона «чувствовал себя в

³⁴ Гузнер И.А. Записи XV—XVIII вв. на книгах и рукописях собрания ГПНТБ СО АН СССР (Материалы по истории книги) // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 86.

³⁵ Тихомиров М.Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 332; Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968; Юдин А.А. Неизвестные источники Тихомировского собрания ГПНТБ СО РАН // Библиосфера. 2016. № 4. С. 80—87.

³⁶ Тихомиров М.Н. Русская культура... С. 332.

³⁷ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 17—18; Покровский Н.Н. Замечания... С. 80—102; Синицына Н.В. Максим Грек в России. С. 223—229; Буланин Д.М. Вологодский архиепископ Иона Думин... С. 174—180; Буланин Д.М. Переводы и послания... С. 232—233.

³⁸ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 218—222; Сиренов А.В. Степенная книга: История текста. С. 267—314, 488—495.

³⁹ Корогодина М.В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. В 2 т. Т. 1: Исследование. СПб., 2017. С. 414, 440, 441, 480, 521, 525; Т. 2: Описание редакций. СПб., 2017. С. 115—116, 525.

Вологде неуютно»⁴⁰. Не соглашусь и предположу, что в Вологде существовали иные причины для переписки книг. Если в монастырях расходы настоятелей тщательно контролировали, вели общий учёт доходов и расходов, то в архиерейских домах по указу иерарха деньги и ценности относили «вверх», к архиепископу, который мог ими распоряжаться по своему усмотрению⁴¹. Оказавшись во главе крупной епархии (более 300 церквей и несколько десятков монастырей и пустыней⁴²), Иона получил возможность тратить часть средств на написание и покупку книг, а также мог ознакомиться с библиотеками древних северных монастырей.

В источниках зафиксированы сведения об участии Вологодского владыки в международных и общероссийских событиях. 12 января 1592 г. митрополит Тырновский Дионисий находился на «отпуске» у патриарха Иова. Его вместе со свитой встретили в столовой белой палате: патриарх Иов сидел на своём месте, слева от него был митрополит Сарский и Подонский Геласий и архиепископ Рязанский Митрофан; справа — архиепископ Вологодский и Великопермский Иона и архиепископ Элассонский Арсений⁴³.

После смерти царя Фёдора Ивановича в 1598 г. московский престол оказался вакантным. Вдовая царица Ирина приняла постриг и ушла в Новодевичий монастырь⁴⁴. Патриарх Иов поддержал кандидатуру Бориса Годунова на царский престол, рассылал окружные грамоты в его поддержку⁴⁵. Утверждённой грамоте 1598 г. посвящена обширная историография⁴⁶. Обратимся к сведениям, связанным с вологодским владыкой. К этому документу архиепископ Вологодский и Великопермский Иона приложил руку шестым, после патриарха Иова, митрополита Новгородского Варлаама, митрополита Казанского Гермогена, митрополита Ростовского Варлаама и митрополита Сарского Геласия. После него следовало 8 подписей архиепископов и епископов. К грамоте, которая хранилась в «царской казне», приложено 14 печатей, при этом 4 митрополичьих печати и печать Вологодского и Великопермского епископа «серебряны позолочены», тогда как 8 печатей «архиепископли и епископли» просто серебряные. На «меньшей» грамоте, хранившейся у «патриарха в ризнице», статусные различия в печатях менее заметны, печати патриарха и митрополитов из красного воска, а архиепископов и епископов «чорные»⁴⁷.

Вскоре после восшествия на престол Бориса Годунова Вологодский архиерейский дом получил земельные пожалования под Москвой. О возникновении у Софийского дома вотчины в Московском уезде становится известно из копий

⁴⁰ Булагин Д.М. Вологодский архиепископ Иона Думин... С. 175.

⁴¹ Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII — начала XVIII в. М.; СПб., 2018. С. 63, 518, 568.

⁴² Кузьмин А.В., Шамина И.Н., Смирнова С.С., Шаршаков И., Берташ А. Вологодская и Великоустюжская епархия // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 245.

⁴³ Муравёв А.Н. Указ. соч. С. 245—246.

⁴⁴ Зимин А.А. Указ. соч. С. 212—233; Павлов А.П. Государев двор... С. 50—63.

⁴⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т. II. СПб., 1836. № 1. С. 3—4.

⁴⁶ Мордовина С.П. К истории Утверждённой грамоты 1598 г. С. 127—141; Мордовина С.П. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 55—63; Скрынников Р.Г. Земский собор 1598 года и избрание Бориса Годунова на трон // История СССР. 1977. № 3. С. 141—157; Павлов А.П. Соборная утверждённая грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. Л., 1978. С. 206—225.

⁴⁷ ААЭ. Т. II. № 7. С. 46.

XVIII в. с жалованных грамот царя Михаила Фёдоровича архиепископу Вологодскому и Великопермскому Макарию от 17 мая 1619 г. на пустошь Тихонову и от 2 июля 1619 г. на деревню Каликино с деревнями и пустошами⁴⁸. Согласно списку XVIII в., иерарх бил челом царю и «сказал», что «в прошлом во 107-м году при царе Борисе дана в дом Софеи Премудрости Божии Вологодскому и Великопермскому архиепископу Ионе» в Московском уезде в Сосенском стану деревня Калинино (Каликино) на реке Вздери Ноге; пустошь, что была деревня Ямантово; пустошь Городище Розладино, «что были за благовещенским протопопом Елеуферьем», в Молоцком стане; «пустошь, что было селцо Неверовское, что было в поместье за князем Иваном Волконским, да за князем Михайлом, да за князем Леонтьем, да за князем Юрьем Шеховским»; пустошь, что была деревня Деминская Пишулино (Гречушниково), «что была в поместье за Пospelом за Изволским да за подьячим за Семенкою Самсоновым»; в Сосенском стане сельца Неверовского пустошь Красулинское Селище, «что была Ивановского поместья Дубенского з братьею, а после в порозжих землях». Из этого следует, что архиепископ Иона получил пожалование от царя Бориса Годунова в 1598/99 г. О других обстоятельствах сделки не сообщается. По словам челобитчика, документ был утрачен в пожаре, когда в 1612 г. «приходили на Вологду полские и литовские люди и черкасы и город Вологду выжгли». Сыск в Поместном приказе подтвердил слова архиепископа Макария, и царь Михаил Фёдорович в июле 1619 г. пожаловал иерарха, «велел на тое вотчину... по старой даче дать нашу жалованную грамоту»⁴⁹.

Ещё одно пожалование от Бориса Годунова архиепископ Иона получил в 1601/02 г. В дополнение к земельному комплексу в Сосенском и Молоцком станах «во 110-м году при царе Борисе дана в дом Софеи Премудрости Божии... в Московском уезде пустошь Тиханово, что была села Лвова Остафьева». Грамота на эту пустошь также сгорела в 1612 г., а в 1619 г. архиерейский дом получил новую⁵⁰.

Итак, вотчина Вологодского архиерейского дома в Сосенском и Молоцком станах Московского уезда зафиксирована писцовой книгой 1627—1629 гг., выпиской из писцовых книг, переписной книгой Московского уезда 1677 г. и переписной книгой 1702 г.⁵¹ Известны два спорных дела об этих землях 1651 и 1667, а также 1726 г.⁵² Очевидно, что появление у Вологодской кафедры подмосковной вотчины связано с повышением статуса Софийского дома и во-

⁴⁸ РГАДА, ф. 1209, д. 70/9934, л. 352—354. М.С. Черкасова выявила и опубликовала жалованные грамоты от 17 мая и 2 июля 1619 г. по копиям XVIII в., которые сохранились среди документов Вологодского архиерейского дома в Вологде (Источники по истории Русской Православной Церкви XVI—XVII вв. Сборник документов / Сост. А.Н. Красиков, М.С. Черкасова. Вологда, 2020. № 2, 3. С. 5—11).

⁴⁹ РГАДА, ф. 1209, д. 70/9934, л. 352—353 об.; *Шенинг Д.* Древний Сосенский стан Московского уезда // ЧОИДР. 1895. Кн. 3. М., 1895. С. 59; *Черкасова М.С.* Архивы вологодских церквей и монастырей XV—XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. № 69. С. 346.

⁵⁰ Источники по истории Русской Православной Церкви... № 2. С. 6.

⁵¹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 53, л. 1—8 об.; ф. 1209, оп. 1, д. 9807, л. 265—266; д. 9811, л. 198—199; Государственный архив Вологодской области, ф. 1260, оп. 1, д. 416, л. 1—3. Благодарю А.Л. Грязнова за указание на этот источник.

⁵² РГАДА, ф. 281, д. 7299, л. 1—34; д. 7295, л. 2; Описание грамот Коллегии экономии. Т. 2: К—Р / Сост. А.В. Антонов. М., 2018. № 7295, 7299. С. 413, 414; *Черкасова М.С.* Архивы вологодских церквей и монастырей... № 258. С. 366.

логодских владык — епископа Антония и архиепископа Ионы, которые, как и некоторые другие иерархи, поддерживали Годунова⁵³.

И.М. Покровский полагал, что «все архиерейские дома имели вотчины под Москвой, доходы с которых шли на архиереев во время пребывания их в Москве»⁵⁴. Исключением, по мнению историка, была Казанская кафедра, которой был пожалован загородный двор и огород. Вологодский архиерейский дом получил подмосковную вотчину в самом конце XVI в. Очевидно, что, например, Псковская или Корельская и Орешская кафедры, вновь возникшие, как и Казанская, также не имели подмосковных вотчин.

Приведу сведения ещё об одном случае социально-экономического взаимодействия Бориса Годунова и архиепископа Ионы. 25 февраля 1602 г. владимирский Рождественский монастырь пожалован в «Юрьевском уезде в Боголюбовском стану селцом Полашкиным, деревнею Середниковою, что было то селцо и деревня в вотчине за Замятнею за Безстужим». Жалованная грамота выдана после челобитья архиепископа Вологодского и Великопермского Ионы. Иерарх сообщал о том, что Замятня Бестужий сделал вклад в монастырь «по своих родетелех» и просил, несмотря на то что по «Уложению» «в монастыри вотчин никому давати не велено», разрешить Рождественскому монастырю владеть этими землями. Обитель «для челобитья» Ионы получила «пашни и перелогу сто четыре четверти в поле, а в дву по тому же»⁵⁵.

Как видим, архиепископ Иона, находясь на Вологодской кафедре, заботился о материальном благополучии монастыря из другой епархии. Этот поземельный акт также указывает на благосклонное отношение к архиепископу царя Бориса Годунова. В Средневековье и раннее Новое время поземельные отношения являлись основой для взаимодействия между различными социальными группами и институтами. Получение земельных пожалований архиерейскими кафедрами и монастырями часто свидетельствует об особом отношении к церковным иерархам царей и великих князей.

М.С. Черкасова подчёркивает, что благоволение Бориса Годунова к Ионе (Думину) заключалось не только в земельных пожалованиях под Москвой, но и в поддержке процедуры канонизации вологодского святого Корнилия Комельского в январе 1600 г. на церковном соборе с участием царя⁵⁶. Этот факт находится в одном ряду с другими церковными событиями: введение настоятелей Тихвинского Успенского и Антониево-Сийского монастырей в число членов Освященного собора (1598/99); активное каменное строительство в этих обителях; рост почитания иконы Тихвинской Божией Матери и прп. Антония Сий-

⁵³ Усачёв А.С. Вологодский епископ Антоний... С. 136—146; Усачёв А.С. О составе Освященного собора в 1566 г. С. 101—117; Усачёв А.С. Книгописание в России XVI века... Т. 1. С. 345—350; Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль... С. 172—174; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба... С. 57; Назаров В.Д. Годуновы // Большая российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007. С. 298—299; Флоря Б.Н. Борис Феодорович Годунов // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 70—74.

⁵⁴ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1906. С. 116.

⁵⁵ 10 декабря 1605 г. эта грамота была подтверждена на имя архимандрита Исайи. 12 октября 1620 г. кн. И.М. Бярятинский «искал» на архимандрите Владимирского монастыря Исаею вотчины своего тестя Замятни Бестужева. Патриарх Филарет со ссылкой на жалованную грамоту от Бориса Годунова, которую «положили» монастырские власти, решил дело в пользу обители (Акты феодального землевладения и хозяйства / Отв. ред. Л.В. Черепнин. Ч. 3. М., 1961. С. 106; Кустерёв С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 41, 42).

⁵⁶ Черкасова М.С. Архивы вологодских церквей и монастырей... С. 90—91.

ского⁵⁷. Широкое взаимодействие Бориса Годунова с духовенством отражало его желание заручиться поддержкой в церковной среде в различных регионах страны.

Митрополитом Ростовским и Ярославским Иона (Думин) стал в 1603 г.⁵⁸ Д.М. Буланин предположил, что произошло это между 12 февраля (когда его предшественник Варлаам был немощен, но ещё жив), а возможно 24 марта (когда имя Варлаама записали в поминальной документации Кирилло-Белозерского монастыря), и 25 июля⁵⁹. Какое-то время в 1603 г. Иона ещё находился в Вологде, когда по его заказу в путивльский монастырь была сделана панагия. Сведения об этом приведены в «Истории российской иерархии»: «Когда начало этот монастырь возымел, по чьему дозволению и каким иждивением, сведений также не имеется. Древность же его до 200 лет, доказывает находящаяся в оном панагия с таковой надписью: “В лето 7111 / 1603 году при благоверном христоролюбивом царе и государе и великом князе Борисе Феодоровиче, повелением Ионы, архиепископа Вологодского и Великопермского, сделана в монастырь путивльский Молченский Печерский панагия сия”»⁶⁰.

Митрополит Евгений (Болховитинов) и вслед за ним Н.И. Суворов предположили, что Иона принял постриг в Молченском монастыре или был его настоятелем, поэтому и отправил туда панагию⁶¹. Однако эти сведения противоречат приведённым выше фактам. Вклад панагии связан со следующими событиями. В 1592—1593 гг. Молченскую Рождество-Богородицкую Софрониеву пустынь в 20 верстах от Путивля разорили татары⁶². Обитель возобновили внутри крепостных стен города. Патриарх Иов выдал в 1597 г. жалованную грамоту игумену Илье с освобождением от дани и пошлин, «что тот монастырь стал вновь». Согласно В.В. Вечерскому, в 1603 г. царь Борис Годунов дал обители новые владения и подарил панагию⁶³. Речь идёт о панагии Ионы (Думина). Факты указывают на совместные действия царя и иерарха по укреплению южных окраин Российского государства.

4 февраля 1605 г. по указу царя Бориса Годунова греческие иерархи «представлялись» патриарху Иову. При этом рядом с ним сидели русские церковные власти, и первым назван «митрополит Ростовский Иона»⁶⁴. «Новый летописец» сообщает, что Григорий Отрепьев, живя в Чудове монастыре, был поставлен в дьяконы, и патриарх Иов «слышав про него, что изучен бысть грамоте, и взял его к себе к книжному писму». Ростовский митрополит Иона, «виде его у патриарха и возвести патриарху, яко сий чернец дияволу сосуд будет», поскольку

⁵⁷ Усачёв А.С. Вологодский епископ Антоний... С. 146.

⁵⁸ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 333; Иерархи ростовско-ярославской паствы... С. 119—120.

⁵⁹ Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря: (Из архива Саратовской архивной комиссии) // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Вып. 31. Саратов, 1914. С. 11; Сахаров И.П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851. С. 74; Буланин Д.М. Иона Думин. С. 430; Образцы славяно-русского древлеписания, издаваемые профессором Погодиным. Тетр. II. № 12. М., 1841; Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 181.

⁶⁰ Амвросий (Орнатский), еп. История российской иерархии. Ч. 5. М., 1813. С. 97.

⁶¹ Евгений (Болховитинов), митр. Исторические сведения... № 20. С. 789—790.

⁶² Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем). Кн. 2. СПб., 2015. № 933, 934.

⁶³ Вечерский В.В. Монастирі та храми Путивльщини. Киев, 2007. С. 46.

⁶⁴ Муравьёв А.Н. Указ. соч. С. 294.

говорит, «яко царь буду на Москве». Это предостережение некоторое время оставалось без внимания. Однако Иона обратился к Борису Годунову, предостерегая: «Сий чернец самому сатане сосуд есть». Царь велел сослать Гришку «на Соловки под крепкое начало», однако дьяки повеление не выполнили, и Отрепьев сбежал⁶⁵. На это летописное сообщение обратил внимание Н.М. Карамзин. Историк писал, что Григорий Отрепьев был взят патриархом Иовом «для книжного дела»⁶⁶. Очевидно, что это и стало причиной знакомства Ионы с будущим самозванцем.

Д.М. Буланин выявил список «Андриатиса» с записью 1612 г., в которой упоминается о том, что при написании этой книги использовали список митрополита Ростовского Ионы, который, в свою очередь, пользовался рукописью из ризницы патриарха Иова. Учёный отметил, что рукописи Ионы пользовались авторитетом среди книжников⁶⁷. Эта запись также указывает ещё на один существенный момент — доступ Ионы в патриаршую ризницу, а также вероятность того, что на некоторое время он брал рукописи оттуда в своё пользование. Очевидно, что это оказалось возможно только с разрешения патриарха Иова, которого Иона знал много лет. Вероятно, что и другие книги Ионы, с которых книжники потом делали копии, были списаны с экземпляров из патриаршей или царской библиотек.

Иона (Думин) удалился на покой во владимирский Рождественский монастырь, откуда начал свой монашеский путь. Это произошло не ранее 4 февраля 1605 г., когда Иона присутствовал на приёме греческих иерархов у патриарха, и не позднее 18 марта 1605 г., когда на Ростовский престол был хиротонисан Кирилл (Завидов)⁶⁸. В родную обитель — владимирский Рождественский монастырь — Иона пожертвовал книги на сумму в 200 руб., а также сделал вклады деньгами и церковной утварью⁶⁹. Е.В. Брюханова привлекла для исследования вкладную книгу владимирского Рождественского монастыря и выявила там его вклад за 1606/07 г. в размере 1 750 руб.⁷⁰ В 1607 г. во владимирском Рождественском монастыре на деньги Ионы (Думина) построили надвратную церковь во имя Александра Невского⁷¹.

Вычегодско-Вымская летопись датирует смерть Ионы 7112 г. (1603/04): «Лета 7112 преставися владыко Иона Вологодский и Пермский, а по нем поставлен владыко Иоасаф»⁷². В этом сообщении смешаны два события: смерть Ионы и поставление Иоасафа, которое датировано верно — 1603 г. Д.М. Буланин заметил, что запись на Евангелии 1616 г., которое начали переписывать по повелению иерарха в 1607 г., «отличается от стандартных записей на его книгах» и свидетельствует о том, что «к этому времени его уже не было в живых». По мнению учёного, эта же «запись показывает ошибочность данных

⁶⁵ ПСРЛ. Т. XIV. СПб., 1910. С. 59; Летописец о ростовских архиереях. СПб., 1890. С. 11; *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004.

⁶⁶ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 11. СПб., 1824. С. 74.

⁶⁷ *Буланин Д.М.* Владимирский Рождественский монастырь... С. 74.

⁶⁸ *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 333.

⁶⁹ *Тихонравов К.* Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. III. Владимир, 1864. С. 10.

⁷⁰ *Брюханова Е.В., Э.П.Р.* Иона (Думин). С. 456—457.

⁷¹ *Тихонравов К.* Указ. соч. С. 49.

⁷² Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись // Историко-филологический сборник. Документы по истории коми. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 268.

Вычегодско-Вымской летописи, датирующей смерть Ионы Думина 1604 г.»⁷³. А.А. Титов, однако, указывал на то, что в 1607/08 г. Иона жил на покое во владимирском Рождественском монастыре. В другой книге, подготовленной к изданию Титовым, находим точную дату смерти архиерея — 7 марта 1608 г. Её учёный дал со ссылкой на Ростовский летописец, который находился в личном собрании рукописей Титова⁷⁴. Эту дату принял автор статьи об Ионе Думине в Русском биографическом словаре⁷⁵. Буланин писал, что дата смерти Ионы в «Русском биографическом словаре» приведена без ссылки на источник⁷⁶. На самом деле выявленная Титовым дата не противоречит известным фактам и, очевидно, является верной.

Сведений о том, где умер иерарх, нет. Вероятно, это был владимирский Рождественский монастырь. Похоронили же его в Успенском соборе Ростова Великого у южной стены⁷⁷. Память митрополита Ростовского и Ярославского Ионы празднуется 16 марта и 22 сентября⁷⁸.

Биография Ионы (Думина) по-прежнему содержит неясные моменты, однако собранные сведения показали, что этот человек был не только церковным иерархом, но и участником политических событий конца XVI — начала XVII в. Будучи старцем, архимандритом, епископом, митрополитом, он занимался изучением, написанием и заказом книг, вёл хозяйственные дела монастыря и епархий. История жизни этого человека высвечивает новые грани событий накануне и в первые годы Смуты.

⁷³ Буланин Д.М. Иона Думин. С. 430—431.

⁷⁴ Титов А.А. Ростовская иерархия. Материалы для истории русской церкви. М., 1890. С. 63—64; Летописец о ростовских архиереях. С. 20.

⁷⁵ Иона Думин // Русский биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 316.

⁷⁶ Буланин Д.М. Иона Думин. С. 430—431.

⁷⁷ Вахрина В.И. Успенский собор Ростова Великого. М., 2001. С. 52.

⁷⁸ Список угодников Божиих и других лиц, подвизавшихся в пределах Ярославской епархии и упомянутых в разных печатных и рукописных святцах и исторических указателях // Ярославские епархиальные ведомости. 1887. № 22. Часть неофиц. Стб. 360.

Смерть патриарха Иоакима и выборы главы Русской Православной Церкви в 1690 г.

Алексей Морохин, Ирина Устинова

The death of Patriarch Joachim and the election of the head of the Russian Orthodox Church in 1690

Alexey Morokhin

*(National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow),*

Irina Ustinova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016614-6

В XVII в. на патриаршем престоле Московского царства сменились 11 лиц, осуществлявших руководство Русской Православной Церковью. После смерти каждого из них наступал период межпатриаршества, когда управление Церковью временно осуществляли местоблюстители патриаршего престола. Смена церковного руководства в период Смуты обуславливалась политическими обстоятельствами — патриархи Иов и Игнатий были сведены с престола. После смерти патриарха Гермогена наступил длительный период вакантности кафедры, причиной которого стало нахождение главного кандидата в церковные лидеры страны — Филарета Никитича Романова — в польском плену. В остальных случаях смена патриарха происходила по естественным причинам, посмертно. Начиная с 1633 г., когда умер патриарх Филарет Никитич, в истории Русской церкви XVII в. можно выделить семь различных по продолжительности периодов межпатриаршества. После смерти Филарета 1 октября 1633 г. его преемник патриарх Иоасаф был поставлен 3 февраля 1634 г., т.е. спустя четыре месяца. За это время были организованы похороны Филарета, созван избирательный церковный собор и утверждён кандидат на престол. При этом известно, что глава Церкви перед смертью назвал своего преемника — архиепископа Псковского и Великолукского Иоасафа¹. После кончины Иоасафа, последовавшей 28 ноября 1640 г., патриарший престол вдовствовал в течение 16 месяцев — до 27 марта 1642 г., когда Церковь возглавил Иосиф. Царь Михаил Фёдорович медлил с созывом собора. Причину задержки историки довольно единодушно видят в поиске наиболее подходящей кандидатуры, указывая на затруднение царя в выборе ввиду отсутствия «лица, которое резко выделялось бы из среды духовенства своими достоинствами»². В этой связи неудивительным видится тот факт, что патриарх Иосиф был избран жребием.

© 2021 г. А.В. Морохин, И.А. Устинова

¹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 318; Успенский Б.А. Царь и патриарх. Харизма власти в России: Византийская модель и её русское переосмысление. М., 1998. С. 53, примеч. 44.

² Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 325; Голубцов А.П. Вступление на патриаршество и поучение к пастве Иосифа, патриарха Московского // Прибавления к Творениям святых отцов в русском переводе. Ч. 42. М., 1888. С. 328—329.

Смерть Иосифа наступила 15 апреля 1652 г. Большинство исследователей склоняются к мысли о том, что царь и «ревнители древлего благочестия» единодушно видели его преемником новгородского митрополита Никона³, которого рукоположили 25 июля 1652 г., спустя три месяца после смерти предшественника. Задержка была обусловлена отсутствием Никона в Москве: 11 марта 1652 г. он выехал на Соловки за мощами митрополита Филиппа (Колычева) и попал в бурю на Белом море. Вернуться в Москву Никону удалось лишь 9 июля, и вскоре после этого состоялось его поставление в патриархи⁴.

Период с момента оставления Никоном патриаршего престола 10 июля 1658 г. до лишения его сана решением Большого Московского собора в декабре 1666 г. не был классическим межпатриаршеством, поскольку поставление нового первосвященника затруднялось многочисленными богословскими коллизиями, вызванными обстоятельствами ухода Никона. Через два месяца после суда над Никоном — 10 февраля 1667 г. — патриархом стал Иоасаф II. Выбор кандидата осуществлялся под контролем царя Алексея Михайловича. В литературе высказывалось мнение, что на выбор царя могло повлиять расположение Иоасафа к западнорусскому православному духовенству, в частности дружба с Симеоном Полоцким⁵.

После смерти Иоасафа II 17 февраля 1672 г. спустя почти пять месяцев — 7 июля 1672 г. — новым патриархом стал новгородский митрополит Питирим⁶. Он уже имел солидный опыт управления Церковью, поскольку несколько лет являлся местоблюстителем, занимался организацией Большого Московского собора. Спустя меньше года патриаршества Питирим скончался (19 апреля 1673 г.). Последние месяцы его жизни фактическое управление Церковью взял на себя новгородский митрополит Иоаким (Савелов)⁷. Тем не менее его избрание и поставление в патриархи состоялось лишь спустя 15 месяцев, 26 июля 1674 г. Царь медлил с избранием нового патриарха, однако причины этого неизвестны. Между тем необычность столь длительной вакантности патриаршего престола нашла отражение даже в сухих формулировках настольной грамоты патриарха Иоакима, где сказано, что перед его избранием «вдовствовавшее Российския церковь и патриаршеский престол время немалое»⁸.

В целом замещение вакантного патриаршего престола после смерти первосвященника в XVII в. при обычных обстоятельствах занимало около полугода (4—6 месяцев). Действительно «затяжными» (не считая экстраординарную си-

³ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен // Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. 5. М., 1990. С. 501—502; Кантерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев Посад, 1909. С. 107—111; Лобачёв С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 112.

⁴ Источники единодушно отмечают поставление Никона в патриархи «без жеребья» по инициативе царя (Морохин А.В. Свидетельство «Жития Илариона, митрополита Суздальского» о поставлении на патриарший престол Никона // Лествица. Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В.П. Макарихина. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (22 мая 2003 г.) Н. Новгород, 2005. С. 164—170).

⁵ Шамин С.М. Иосиф, патриарх Московский и всея Руси // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 213; Татарский И.А. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 94—98.

⁶ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — ДАИ). Т. VI. СПб., 1857. С. 235, 238.

⁷ Полознев Д.Ф. Московские патриархи // Макарий (Булгаков), митр. Указ. соч. Кн. 7. М., 1996. С. 467; Булычёв А.А. Иоаким (Савелов) // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 139.

⁸ Богданов А.П. Русские патриархи. 1589—1700. Т. 2. М., 1999. С. 61—62; ОР ГИМ, Син. грам., 1305.

туацию с судом над Никонем и последующим поставлением нового патриарха Большим Московским собором 1666—1667 гг.) можно признать избрания патриархов Иосифа и Иоакима (Савелова), каждое из которых заняло один год и четыре/пять месяцев. В обоих случаях созыв собора задерживался (не объявлялся) царём, точных причин таких промедлений исследователи не знают.

Особое положение в ряду патриарших выборов занимает избрание патриарха Адриана, ставшего главой Церкви 24 августа 1690 г. В литературе не раз обращалось внимание на тот факт, что после смерти патриарха Иоакима в высших церковных кругах развернулась борьба двух партий, лидеры которых олицетворяли пути развития Русской Православной Церкви⁹. Несмотря на сравнительно небольшой промежуток времени (четыре месяца), в который уложилось избрание и поставление Адриана, источники позволяют реконструировать отдельные этапы сложной придворной борьбы, развернувшейся в связи с выборами нового патриарха.

Иоаким имел репутацию жёсткого, волевого и энергичного консерватора, не боявшегося вступать в открытые конфликты как с членами царской семьи, так и с представителями правящей элиты России. Его кончина оказалась неожиданной. В начале 1690 г. патриарх был ещё достаточно активным и участвовал во многих публичных мероприятиях. По некоторым данным, в январе 1690 г. Иоаким даже провёл церковный собор, осудивший Сильвестра (Медведева)¹⁰. Источники позволяют реконструировать деятельность патриарха в последние дни его жизни. 1 января 1690 г. глава Церкви «был у вечерни, и утром у литургии стоял у Апостолов». 4 января Иоаким «комуждо своими руками» раздавал милостыню нищим в Крестовой палате. 5 января он поздравлял с наступающим праздником царей Ивана и Петра Алексеевичей, 6-го — совершил «молебное пение с честными крестами» и был на Иордани. 8 января в присутствии царей служил вечерню в Успенском соборе, 9 января в праздник митрополита Филиппа «служил сам в час дни». 17 января он присутствовал на панихиде по царевичу Алексею Алексеевичу, на следующий день, 18 января, участвовал в церковной службе «по чину облачался» и «царей благословлял крестом, и кропил, и из кратира пить преподавал, и рукою благословлял». В феврале патриарх оставался не менее активным, участвуя в церковных церемониях. 12 февраля он служил литургию в Чудовом монастыре в праздник чудотворца митрополита Алексия. 19 февраля совершил молебен по случаю рождения царевича Алексея, 23 февраля крестил его и служил литургию, а на следующий день «пел соборне понахиду» в Успенском соборе «по святейших

⁹ Леонид (Кавелин), архим. Казанский митрополит Маркелл // Русский Архив. 1889. № 6. С. 304; Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за последние 20 лет её существования и вообще русской Церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 508; Скворцов Г.А. Патриарх Адриан. Его жизнь и труды в связи с состоянием русской Церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань, 1913. С. 5—11; Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 256; Полознев Д.Ф. Московские патриархи Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан // Макарий (Булгаков), митр. Указ. соч. Кн. 7. С. 496—497.

¹⁰ Любимов С. Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великороссии в конце XVII и начале XVIII веков // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1875. № 9. С. 82; Прозоровский А. Сильвестр Медведев (Его жизнь и деятельность) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1896. Кн. 3. С. 368—369. Данное утверждение опровергается некоторыми современными исследователями (Богданов А.П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М., 1990. С. 366—373).

патриарсех по Гермогене, Иоасафе да по преосвященных митрополитех Московских». 28 февраля Иоаким был у царя Петра I с подарками и присутствовал на «радостном столе» по случаю рождения царевича. Тогда же патриарх выступил перед царём против приглашения к праздничному обеду служивших в российской армии иностранцев, и Пётр ему уступил¹¹.

Источники приводят разные даты начала предсмертной болезни патриарха. Архимандрит Новоспасского монастыря Игнатий (Римский-Корсаков) в послании к холмогорскому архиепископу Афанасию сообщал, что глава Церкви заболел 4 марта: «Прииде ему мала болезнь главная глаголемая рожа». Расходные книги указывают другую дату начала «главной болезни» — 5 марта. Разрядные записи сообщают, что Иоаким «волею Божиею заскорбел» 6 марта. По другим сведениям, патриарх заболел «марта с 5 числа на 6». После этого Иоакиму «бъше... зло трудно, яко уже не мощи исходити на славословие Божие во церковь, и тогда повеле вся церковная пения пети во своих патриарших келиях». Болезнь патриарха день ото дня усиливалась, но, несмотря на это, Иоаким отказался воспользоваться услугами иностранных медиков, присланных к нему от царей¹².

Патриаршие расходные книги позволяют реконструировать события последних дней жизни Иоакима и методов его лечения. 8 марта подьячий Гаврила Булгаков купил для патриарха «семь губ грецких, а в тех губах в скорби Святейшаго патриарха ко главе ево и к персям прикладывано лекарство». 12 марта больному покупали «водки земленичной простой», «скляночки» и «половину нерпы морской». Информация о болезни Иоакима достаточно быстро распространилась по столице, где уже открыто говорили о том, что «Святейшему де патриарху щеку на сторону своротило», «села патриарху рожа на рожу», «лицо все заболело». 15 марта больного «святили елеем», а 16 марта «за спасение души своея и ради облегчения от болезни» патриарх распорядился раздать по монастырям Москвы и нищим 58 руб.¹³

Скончался Иоаким 17 марта «в 11 часу в первой четверти», перед смертью успев подписать своё знаменитое «Завещание», в котором призывал монархов отказаться от услуг иноземцев¹⁴. Неожданная кончина патриарха вызвала в обществе разные толки. Ф.И. Страленберг позднее сообщал, что «о его скоропостижной смерти некоторые мнят, аки б он приметил о тогдашнем бунте, что онои не по намерению их зделался, и государь остается при своем само-

¹¹ Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной его императорского величества канцелярии (далее — ДР). Т. IV. СПб., 1855. Стб. 515—516, 522, 527, 531—532, 533—534; Древняя Российская вивлиофика (далее — ДРВ). Ч. 10. М., 1789. С. 151, 182, 192, 198, 208, 213—214, 219, 223, 228; Ч. 11. М., 1789. С. 184—185; РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 134, л. 163 об., 166—166 об.; Гордон П. Дневник. 1690—1695. М., 2014. С. 11.

¹² РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 134, л. 387; Житие и завещание Святейшего патриарха Московского Иоакима. СПб., 1879. С. 48, 50; ДРВ. Ч. 11. С. 367; Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. М., 1884. С. 1062.

¹³ РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 134, л. 243 об., 356—356 об., 387 об.; Розыскные дела о Фёodore Шакловитом и его сообщниках. Т. 2. СПб., 1885. Стб. 763—764, 767, 778, 781, 802; ДРВ. Ч. 11. С. 367; Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Указ. соч. С. 1062; Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905. С. 599; Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. С. 259—260.

¹⁴ ДР. Т. IV. Стб. 539; РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 134, л. 244 об., 388 об.; ПСРЛ. Т. XXXI. М., 1968. С. 205; ОР ГИМ, Синод. собр., № 577, л. 18—30. Последняя публикация текста: Богданов А.П. Русские патриархи... Т. 2. С. 305—313.

державии, выпил яд и умер»¹⁵. Похоронили патриарха на следующий день в Успенском соборе, а перед этим ночью его тело вынесли в церковь Двенадцати апостолов, «что на патриаршем дворе на Сенях». На выносе был казанский митрополит Адриан и «иные митрополиты, и архиепископы, и епископы со освященным собором». На следующий день в присутствии царей тело патриарха крестным ходом перенесли в кремлёвский Успенский собор, митрополит Адриан совершил над ним литургию и надгробное пение. В последующие недели он же совершал панихиды по почившему патриарху и важные предпасхальные и пасхальные службы, крестные ходы в присутствии царей. 8 июля состоялись большие церковные торжества и крестный ход по случаю праздника Казанской иконы Божией Матери, которые также были возглавлены казанским митрополитом «с властью». Именно Адриан фактически выполнял обязанности главы Церкви в период с марта по август 1690 г., а также занимался решением текущих церковных дел — «слушал челобитные»¹⁶. К моменту кончины Иоакима в Москве помимо казанского митрополита Адриана находилось ещё несколько иерархов — митрополиты Сарский и Подонский Евфимий, Рязанский и Муромский Авраамий, архиепископ Вологодский Гавриил и епископ Тамбовский Питирим. Все они присутствовали на обряде елеосвящения умирающего патриарха¹⁷. Сохранились сведения о том, что после смерти Иоакима рассылались грамоты митрополитам Новгородскому Корнилию, Псковскому Маркеллу, Суздальскому Илариону, архиепископам Тверскому Сергию, Коломенскому Никите. На грядущий собор для выбора нового патриарха были приглашены также архимандриты Троице-Сергиева монастыря Викентий, владимирского Рождественского монастыря Иосиф, Чудовского монастыря Иоасаф¹⁸.

Уже в апреле среди представителей епископата возникли разногласия по поводу кандидатуры нового патриарха. Сообщая об этом, иностранные наблюдатели даже отмечали, что из-за разногласий пришлось отменить крестный ход в Великую пятницу¹⁹. Дополнительные сведения на этот счёт приведены в дневнике П. Гордона, отметившего 5 июля 1690 г.: «Когда большинство духовенства собралось, стали усердно совещаться об избрании патриарха, причём большинство великих стоят за выбор Маркелла — митрополита Псковского, человека учёного и благовоспитанного, младшие же против него». 20 июля Гордон записал, что в этот день св. Ильи «ожидалось, что патриарх после избрания должен быть возведён, но кому быть — не достигли согласия и не нашли средства примирить партии двух главных кандидатов: ныне это Маркелл, митрополит Псковский, и [Адриан], митрополит Казанский. Младший царь со многими из высшего духовенства стоят за первого, старшая вдовствующая королева Н[аталя] Кир[илловна] с аббатами, приорами и низшим духовенством стоят за последнего. Величайший изъян, что они могли вменить в вину Маркеллу, — у него слишком много учёности, а оттого они боятся и говорят,

¹⁵ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л., 1985. С. 196.

¹⁶ ДР. Т. IV. Стб. 539, 541—543, 545—547, 550—551, 561—563; *Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Указ. соч. С. 1065, 1074; *Шимко И.И.* Патриарший Казённый приказ. Его внешняя история, устройство и деятельность. М., 1894. С. 10; РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 134, л. 212 об., 244 об., 287—287 об., 397, 398.

¹⁷ РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 134, л. 166 об.

¹⁸ Чин возведения на Всероссийский престол Патриаршеский Великого Господина святейшаго Кир Адриана Московского и всея России // ДРВ. Ч. 8. М., 1789. С. 330—331.

¹⁹ *Бушкович П.* Пётр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2009. С. 175, примеч. 6.

что он станет жаловать католическую и другие религии; с этой целью аббат Спасского монастыря подал вдовствующей королеве писание, обвиняя его по многим пунктам и даже в ереси, но младший царь, пребывая твёрдо за него, удалился со старшим царём и всем двором в Коломенское»²⁰.

Лишь 23 августа цари созвали собор для «для избрания патриарша». Факт поддержки Петром I кандидатуры псковского митрополита зафиксирован и в других источниках. Во время пребывания в Митаве в 1697 г. царь рассказывал барону Х.И. Бломбергу, что хотел сделать патриархом «человека учёного, который много путешествовал и говорил по-латыни, по-итальянски и по-французски; но русские шумным образом умоляли царя не назначать такого человека, а именно по следующим причинам: во-первых, потому что он знал варварские языки, во-вторых, — что его борода не была достаточно велика и не соответствовала сану патриарха; в-третьих, — что его кучер сидел обыкновенно на козлах, а не на лошади, как требует обычай»²¹.

Конфликтная ситуация, возникшая в связи с выборами нового патриарха, нашла отражение и в официальных документах. В одном из них отмечалось, что приглашённые на церковный собор иерархи между собой называли имена нескольких потенциальных преемников Иоакима — «в советех овии глаголют достойну быти того сана и правления Преосвященного митрополита Адриана Казанского, овии... Никиту Коломенского, овии же Троице-Сергиева монастыря архимандрита Викентия»²². Имя Маркелла среди кандидатов в патриархи отсутствует. Однако Игнатий (Римский-Корсаков) в Житии патриарха Иоакима отметил, что «бысть же и некая распря от некоего, иже быаше иноплеменник, притворяшеся же россиянин, иже не вею како промчеша, якобы произволяшеся оному и на патриаршество возведена быти... а иноземцев поляков пастырьми поставлять остережено сие бысть». И.А. Шляпкин считал, что автор Жития патриарха Иоакима мог иметь в виду Маркелла²³.

О личности этого иерарха в литературе существуют разные точки зрения. Наиболее устоявшейся позицией является отождествление владыки с чернецом Маркеллом, писцом Посольского приказа. На основании челобитных чернеца Маркелла делались выводы и о личности Маркелла-митрополита: исследователи называли его белорусом или же выходцем из западных или южных русских земель²⁴. Из того же отождествления двух Маркеллов следовали и сведения о его учёности: «Был... человек ученый по-гречески и по-латыне, по-немецки, и польскому, и татарскому языку. Он прежде был Посольского приказу переводчик, потом учинился монахом, и был судьей в доме патриарха в Тиунской палате, потом в Брянске в Свенском монастыре строитель, а потом первым архимандритом сего монастыря»²⁵. Впрочем, современные исследователи

²⁰ Гордон П. Указ. соч. С. 20—22.

²¹ Брикнер А.Г. Материалы для источниковедения истории Петра Великого // ЖМНП. 1879. № 8. С. 301.

²² Чин возведения... С. 331.

²³ Житие и завещание... С. 98; Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 167.

²⁴ Леонид (Кавелин), архим. Казанский митрополит Маркелл. С. 304; Шляпкин И.А. Указ. соч. С. 167; Харламович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Ч. 1. Казань, 1914. С. 256.

²⁵ Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч. 3. М., 1894. С. 286. Действительно, старец Маркелл упоминается в документах Посольского приказа (ДАИ. Т. VI. С. 191; Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность

не пришли к однозначному выводу по этому вопросу, а в новейшей статье С.М. Шамина эта версия подвергнута критике²⁶. Действительно, в сведениях о Маркелле-переписчике и Маркелле-митрополите есть противоречия, на которые указали Д.М. Буланин и С.М. Шамин. Примирить эти противоречия при настоящем состоянии источниковой базы не представляется возможным, поэтому отождествление двух Маркеллов можно принять лишь гипотетически. С другой стороны, версия Шамина, согласно которой митрополит Маркелл может быть отождествлён с переводчиком Посольского приказа Борисом Богомольцевым, представляется малоубедительной. Наиболее веским аргументом против неё является возраст Маркелла на момент смерти. Шамин указывает, что возраст Богомольцева, служившего в приказе с 1620-х гг., к 1698 г. (год смерти митрополита) должен был достичь 100 лет, что мало согласуется с перспективой стать кандидатом в патриархи. Между тем известная эпитафия указывает возраст митрополита Маркелла к моменту смерти — 67 лет²⁷. По сообщениям современников, он знал итальянский и французский языки, был высокообразован, обладал учёностью и «благовоспитанностью». Эти сведения подтверждаются и эпитафией владыке: «пастырь просвещенный» и «в мудрости ученный». Маркелл пользовался покровительством царя Фёдора Алексеевича, бывал при дворе²⁸. Например, в феврале 1682 г. вместе с патриархом и церковными властями он находился у руки новой царицы Марфы Матвеевны Апраксиной, а в июне 1682 г. участвовал в церемонии венчания на царство Иоанна и Петра Алексеевичей; 6 сентября 1681 г. переведён из Суздальской архиепископии в Псковскую с возведением в сан митрополита²⁹, став первым митрополитом в этой епархии.

В 1690 г. Маркелл оказался в центре церковно-политических событий, будучи выдвинутым царём Петром Алексеевичем как кандидат в патриархи. Для дискредитации кандидатуры Маркелла его противники выдвигали разные обвинения. П. Гордон свидетельствует, что архимандрит Новоспасского монастыря Игнатий (Римский-Корсаков) подал «вдовствующей королеве (царице Наталье Кирилловне. — *Авт.*) писание, обвиняя его (Маркелла. — *Авт.*) по многим пунктам и даже в ереси». Наибольшее беспокойство у противников Маркелла вызывала его учёность и возможные симпатии к католицизму и другим религиям³⁰. Вероятно, это обстоятельство тем более беспокоило двор, что в 1689—1690 гг. стала всё ярче проявляться симпатия Петра к западной одежде и обычаям, в несомненный фавор вошёл Ф. Лефорт. Опасения противников

Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. Сборник 8. М., 1963. С. 191—198; *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 191, 315; *Белоброва О.А.* Маркелл // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* (далее — СККДР). Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 335—336.

²⁶ *Белоброва О.А.* Маркелл. С. 335; *Буланин Д.М.* Маркелл // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. СПб., 2004. С. 745; *Шамин С.М.* Маркелл, архиепископ Суздальский и Юрьевский, митрополит Псковский и Изборский, митрополит Казанский и Свияжский: к вопросу о ранних страницах биографии // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII международной научной конференции.* М., 2020. С. 444—446.

²⁷ *Богданов А.П.* Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII — начало XVIII века. М., 2005. С. 381.

²⁸ *Гордон П.* Указ. соч. С. 20; *Брикнер А.Г.* Указ. соч. С. 301; *Богданов А.П.* Стих и образ... С. 381; *Седов П.В.* Закат Московского царства. СПб., 2006. С. 434.

²⁹ ДАИ. Т. IX. СПб., 1875. № 93. С. 202; Т. X. СПб., 1867. № 15. С. 39; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 380.

³⁰ *Гордон П.* Указ. соч. С. 21; *Брикнер А.Г.* Указ. соч. С. 301.

Маркелла вызывала и его близость к кругу Симеона Полоцкого и Сильвестра (Медведева), идеи которых в 1689—1690 гг. были осуждены соборно³¹.

Возможно также, что одной из причин, по которой духовенство выступало против кандидатуры Маркелла, являлась его принадлежность к западнорусскому духовенству. Об этом свидетельствует обвинение в его адрес о совершении обряда рукоположения «иереи и диаконы по обычаю белорусских архиереев по два купно и по три на единой литургии», однако за это нарушение он прежде (возможно, в связи с осуждением хлебопоклоннической ереси в конце 1689 г.) приносил покаяние патриарху Иоакиму и «впредь обещаюся тако не творити». О значении подобного обвинения свидетельствует начатая патриархом Адрианом в 1690-х гг. борьба с этим нарушением. Адриан внёс изменения даже в текст архиерейского Исповедания веры, произносимого при поставлении церковных иерархов³².

В литературе высказывалось предположение о том, что обвинения Маркеллу со стороны архимандрита Игнатия (Римского-Корсакова) повлекли следствие, суд и даже лишение владыки сана³³. Сведения источников эту версию не подтверждают. Спустя несколько дней после челобитной Игнатия, 1 августа 1690 г., в праздник Происхождения Креста Господня, в Преображенском состоялись торжества с крестным ходом, в котором участвовал царь Пётр, «а действо освящения воды и Божественную литургию» осуществлял Маркелл. 23 августа он присутствовал на церковном соборе по избранию патриарха, которым стал казанский митрополит Адриан, а на следующий день принимал участие в чине возведения новоизбранного на патриарший престол. 8 сентября Маркелл занял место Адриана, став митрополитом Казанским и Свяжским, третьим в иерархии Русской церкви³⁴. Это может свидетельствовать о компромиссе, достигнутом между сторонниками Маркелла и Адриана.

О том же говорит и красноречивое отсутствие имени Маркелла среди кандидатов на патриарший престол в официальном Чине. В документах кандидатами на патриарший престол названы архиепископ Коломенский Никита и архимандрит Троице-Сергиева монастыря Викентий³⁵. Архиепископ Никита (Тотемский) был хорошо известен властям: в 1676—1681 гг., будучи архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря, он надзирал за пребывавшим в ссылке патриархом Никоном и являлся его духовным отцом. По приказу властей архимандрит несколько раз участвовал в различных расследованиях в отношении Никона и в 1681 г. сопровождал его в поездке до Ярославля. После смерти опального патриарха Никита «начаша исходное последование над ним пети», а потом провожал его тело до Троице-Сергиева монастыря. Впоследствии он присутствовал на отпевании Никона (в церемонии принимал участие и архимандрит Троице-Сергиева монастыря Викентий) в Новоиерусалимском монастыре, прибыв туда вместе с царём Фёдором Алексеевичем и Освящённым

³¹ Петрухинцев Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 1. С. 216; *Прозоровский А.* Указ. соч. С. 221.

³² Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II. Ч. 3. Разные богословские сочинения. М., 1869. № 303. С. 479; *Живов В.М.* Из церковной истории времён Петра Великого. Исследования и материалы. М., 2004. С. 189—191.

³³ Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 375, 407; *Богданов А.П.* Русские патриархи... Т. 2. С. 321—324.

³⁴ ДР. Т. IV. Стб. 571—572, 577; ПСЗ-I. Т. 3. С. 71, 74, 75; *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 287.

³⁵ ПСЗ-I. Т. 3. С. 71.

собором. Вскоре после этих событий, 6 ноября 1681 г., Никита был хиротонисан во епископа Архангельского и Звенигородского³⁶.

Открытие Звенигородской епархии стало одним из первых мероприятий царя Фёдора в рамках церковной реформы, которую он пытался провести. Учитывая сопротивление патриарха и епископата, выбор кандидатуры Никиты на этот пост, как и его предыдущая роль в деле Никона, могут свидетельствовать о его близости и лояльности к замыслам царя. Фактическое открытие Звенигородской епархии не состоялось ввиду сопротивления церковного собора реформе. В течение месяца Никита служил в кремлёвском Архангельском соборе, а 24 декабря 1681 г. его перевели на Коломенскую кафедру в сан архиепископа. Эти мероприятия П.В. Седов рассматривает в рамках планировавшейся широкомасштабной церковной реформы, частью которой являлся проект возведения Никона в папы, а близкие к почившему патриарху люди (в том числе и архиепископ Никита) были «причастны к реформе». Можно предположить, что кандидатуру Никиты также мог выдвинуть Пётр I, ведь и после смерти патриарха Адриана среди кандидатов на патриарший престол снова прозвучало его имя³⁷.

Относительно кандидатуры архимандрита Викентия важно отметить следующее. Архимандриты Троице-Сергиева монастыря в XVII в. крайне редко поставлялись в епископы: за столетие это имело место лишь трижды — митрополит Ростовский и Ярославский Кирилл (Завидов), Патриарх Московский и всея Руси Иоасаф и митрополит Новгородский Иов. Архимандрит Викентий возглавлял Троицу с 1674 г. и, вероятно, к 1690 г. находился уже в преклонных годах. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в 1694 г. он отошёл на покой во владимирский Рождественский монастырь, который возглавлял до перевода в Троице-Сергиев³⁸. Он руководил монастырём во время стрелецких мятежей, принимал и укрывал в это непростое время царя Петра и мог рассматриваться не только как «техническая» или компромиссная кандидатура, но и как реальный царский кандидат.

Согласно Чину избрания, имена нескольких кандидатов в патриархи были озвучены царям, за которыми оставалось последнее слово. Самых кандидатов в патриархи вместе с новгородским митрополитом Корнилием 22 августа пригласили в «чертоги царские», где и было принято окончательное решение: патриархом стал Адриан³⁹. Подробности выборов содержатся в разрядных записях, где приводятся сведения, несколько отличные от информации, содержащейся в Чине избрания. Разрядные записи сообщают, что выборы главы Церкви прошли не 22, а 23 августа. Именно в этот день состоялся церковный собор, точный состав участников которого остаётся неизвестным. Можно уверенно утверждать, что в процедуре выборов приняли участие митрополиты Казанский

³⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1836. № 201. С. 255; Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. № 91, 100. С. 369, 374; Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшаго Никона, Патриарха Московскаго и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871. С. 104, 107; *Седов П.В.* Закат Московского царства. С. 431, 439; *Виноградский Н.* Церковный собор в Москве 1682 г. Опыт историко-критического исследования. Смоленск, 1899. С. 49.

³⁷ *Виноградский Н.* Указ. соч. С. 50; *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 1032; *Седов П.В.* Закат Московского царства. С. 434, 451; *Маевский И.В.* Очерки по истории Коломенского края. Коломна, 2004. С. 122.

³⁸ *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 140.

³⁹ Чин возведения... С. 331—332.

и Свияжский Адриан, Псковский и Изборский Маркелл, Сарский и Подонский Евфимий, Рязанский и Муромский Авраамий, Суздальский и Юрьевский Иларион, архиепископы Вологодский и Белозерский Гавриил, Тверской и Кашинский Сергей, Коломенский и Каширский Никита, епископ Тамбовский Питирим. Из архимандритов указаны настоятели Киево-Печерского, Троице-Сергиева, владимирского Рождественского, московского Чудова и «иных московских монастырей и приезжим архимандритом и игуменом».

Собор начал заседать в Патриаршей крестовой палате «в третьем часу дня», т.е. в 10-м часу утра. Через три часа после начала работы собора, «в 6-м часу дня», цари Иван и Пётр Алексеевичи пригласили участников заседания «для довершения того патриарша избрания в переднюю». Здесь, «посидев мало», цари «говорили архиереем о избрании патриарше», на что члены собора «великим государям говорили, что о таком великом деле как они, великие государи, укажут». Цари, «советовав со архиереи», предложили патриаршество Адриану⁴⁰. Участие монархов в выборах патриарха особо отмечено и в других документах, где указывалось, что нового главу Церкви избрали «изволением великих государей царей... Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, избранием преосвященных митрополитов, архиепископов и епископов и всего Освященного собора». Результаты выборов зафиксировал в дневнике П. Гордон: «Митрополит Казанский Адриан избран патриархом, невзирая на царскую склонность к Маркеллу, митрополиту Псковскому, коего старые бояре и большинство духовенства ненавидели за его учёность и другие великие добродетели, и избрали этого ради его невежества и простоты»⁴¹. В.М. Живов отметил, что, согласившись на избрание патриархом Адриана, Пётр I смог добиться ряда уступок. Из архиерейского обещания исключили рубрику относительно общения с представителями других конфессий, что стало ответом на рекомендации завещания патриарха Иоакима⁴².

После смерти последнего выборы нового главы Русской Православной Церкви, как это бывало и раньше, сопровождались активным вмешательством светской власти. Выборы были осложнены наличием нескольких кандидатов, за каждым из которых стояли определённые политические группировки. Избрание состоялось в сжатые сроки и заняло всего четыре месяца. В 1690 г. светская власть не воспользовалась возможностью затягивания патриарших выборов, как это было в 1641—1642 и 1673—1674 гг. Столь быстрое разрешение сложной ситуации патриаршего выбора 1690 г. можно объяснить несколькими обстоятельствами. С одной стороны, в 1690 г. определённо имелись кандидатуры на патриарший пост, удовлетворявшие молодого царя Петра I (митрополит Маркелл и епископ Никита). С другой — сложные перипетии церковной жизни 1660—1680-х гг. поставили власть перед необходимостью поиска компромисса с Церковью, способствовали росту политического влияния церковных иерархов. Ярким примером подобной тенденции является отказ церковного собора поддержать проект церковно-административной реформы 1681—1682 гг. В 1690 г. ситуация повторилась — духовенство отвергло «царские» кандидатуры на патриарший престол, но ввиду достижения компромисса между светской и духовной властью выборы главы Церкви прошли в краткие сроки.

⁴⁰ ДР. Т. IV. Стб. 577—578.

⁴¹ РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 134, л. 168; Гордон П. Указ. соч. С. 25.

⁴² Живов В.М. Из церковной истории... С. 35; Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 366—367.

«Одно из самых красивых украшений Парижа»: возведение русского посольского храма и культурно-политическое значение проекта

Любовь Мельникова

**«One of the most beautiful decorations of Paris»:
the construction of the Russian embassy church and the cultural and political
significance of the project**

Liubov Melnikova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016612-4

Русский православный храм Св. Александра Невского, расположенный на парижской улице Дарю (rue Daru), без сомнения, является одной из ярких достопримечательностей французской столицы, хотя информация о нём есть далеко не во всех путеводителях по городу. Этот храм возводился как русская посольская церковь в довольно непростой период русско-французских отношений (вскоре после Крымской войны 1853—1856 гг.). Ситуацию осложняли также межконфессиональные отношения Русской Православной Церкви и католической Церкви Франции. Дело в том, что православие относилось тогда во Франции лишь к терпимым конфессиям; государство официально признавало только римско-католическое, протестантское и иудейское вероисповедания. Православных же пренебрежительно называли «восточными схизматиками». Во время Крымской войны 1853—1856 гг., имевшей ярко выраженную духовно-религиозную составляющую, архиепископ Парижский Мари-Доминик-Огюст Сибур проповедовал «крестовый поход» против России и называл православие «ересью Фотия»¹. После заключения мира тональность французской и в целом западной прессы по-прежнему была ещё довольно антирусской и антиправославной. Предвзятое отношение и фактическое незнание европейцами реалий Русской церкви нередко приводили к публикации всевозможных вымыслов и неуважительных высказываний о ней. В этих условиях возведение в Париже русского православного храма, призванного показать французскому населению красоту православного богослужения и подчеркнуть престиж Российской империи, приобретало важное культурно-политическое значение. К решению этой непростой задачи российское правительство подошло с большой осторожностью, а основные заботы пали на плечи инициатора проекта священника русской посольской церкви в Париже Иосифа Васильева.

Иосиф Васильевич Васильев (1820—1881) родился в с. Стрельцово Елецкого уезда Орловской губ., в семье священника. Обучался в Орловской духовной

© 2021 г. Л.В. Мельникова

¹ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853—1856 гг. М., 2012. Фотий (820—891) — Константинопольский патриарх, продолжительная борьба которого с римскими папами послужила началом разделения Церквей.

семинарии, затем — в Санкт-Петербургской духовной академии, которую в июне 1845 г. окончил в качестве первого магистра (т.е. официально признан лучшим в своём выпуске). Первоначально Васильев оставался в академии в должности наставника, однако уже 9 мая 1846 г. он был рукоположен в священник сан и направлен на вновь учреждённое место второго священника к Петропавловской церкви при российском посольстве в Париже². Министерство иностранных дел назначило молодому священнику жалованье — 1 524 руб. серебром в год — и поручило российскому посольству во Франции снять для его семьи «приличную квартиру»³. (В Париж отец Иосиф приехал в сопровождении 17-летней жены Анны Ефимовны; во Франции у них родились 11 детей: восемь дочерей и три сына⁴.) Выбор МИД и Синода пал на Иосифа Васильева не случайно. Помимо блестящих способностей и свободного владения французским языком, несомненно, сказалось знание им истории и реалий католицизма — его магистерская диссертация была посвящена рассмотрению учения Римской церкви «О главенстве папы». Усиление причта посольской церкви в Париже, единственного среди всех европейских, введением должности второго священника рассматривалось в качестве меры, призванной предупредить соращение российских подданных в католичество. Чрезмерное увлечение проживавших во Франции соотечественников западной культурой, особенно частые случаи поступления русской молодёжи в парижские католические пансионы, вызывало беспокойство российских властей.

Приехав в Париж, отец Иосиф развил кипучую деятельность. Помимо осуществления своих непосредственных обязанностей — совершения богослужений и исполнения треб — он давал уроки Закона Божия детям русской аристократии, устроил при православной церкви библиотеку, состоявшую из выписанных из России книг религиозного и исторического содержания. Очень скоро он поставил своей главной задачей добиться постройки в Париже «поместительного и благолепного во всех отношениях» настоящего русского храма, соответствующего достоинству Российского государства и могущего свидетельствовать во Франции о подлинной красоте православного богослужения. Следует пояснить, что в XVIII — первой половине XIX в. русские посольские церкви не имели в Западной Европе зданий православных храмов. «Посольская церковь» означала тогда присутствие в стране пребывания православного священника, находившегося при российской дипломатической миссии, и наличие помещения для проведения богослужений — как правило, съёмной квартиры.

Уже через год после своего приезда в Париж, 24 июня (6 июля) 1847 г., в письме директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К.С. Сербиновичу Иосиф Васильев выразил сожаление по поводу отсутствия в Париже «обширного и благоукрашенного» православного храма, которого, по его мнению, недоставало «для полноты благолепия» службы в русской посольской церкви. Эта церковь, по его словам, «каждое воскресенье и каждый праздник»

² АВПРИ, ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел), оп. 749/4, д. 47, л. 75—75 об.

³ Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев — настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 58.

⁴ Старшая дочь Васильевых Мария умерла в 10-летнем возрасте от перитонита; ещё двое детей — Елена и Борис (девятая и десятый по рождению) умерли в младенчестве. Последний, 12-й ребёнок — сын, также названный Борисом, родился в Петербурге, уже после возвращения семьи Васильевых на родину (см.: Автономова Л.И. Воспоминания о жизни и деятельности протоиерея И.В. Васильева // Исторический вестник. 1916. № 8. С. 301—302).

была наполнена богомольцами. Помимо проживавших в Париже русских в неё периодически, из любопытства, заходили французы. Так, например, по свидетельству Васильева, «купец Le-Roi два раза был в нашей церкви, и, как он сам выразился, был очарован величием восточного богослужения». Подобные же отзывы священник слышал от парижских дам⁵.

Из текста письма Сербиновичу следует, что Иосиф Васильев к тому времени уже успел обсудить вопрос о строительстве православного храма в своём ближайшем окружении, но не нашёл должного понимания: «Все мои заботы по сему предмету пока не увенчались желанным успехом; причины тому: а) в том, что о. протоиерей (настоятель русской посольской церкви в Париже протоиерей Дмитрий Вершинский. — *Л.М.*) не считает построения церкви в Париже ни нужным, ни возможным, а действовать отдельно от него и неприятно и незаконно; б) посольство неохотно слушает мысль и план об устройении церкви и отказывает не только в содействии, но и покровительстве, считая это дело до него не касающимся и соблазнительным в то время, когда многие кричат о насильственном распространении Российской церкви. Оно предлагает построить дом и в нём устроить просторную и благоукрашенную церковь, наподобие нашей почтамтской». Подчеркнув, что желание проживавших в Париже русских построить православную церковь является «всеобщим и сердечным», отец Иосиф выразил надежду на успех задуманного предприятия: «Необходимо крепкое желание и постоянство, препятствия исчезнут сами собою: Бог — помощник доброму делу, а для Него нет препятствий»⁶.

Через полгода, 28 декабря 1847 г. (9 января 1848 г.), Иосиф Васильев написал обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову о том, что в Париже соотечественники явочным порядком «открыли подписку для внесения пожертвований на построение здесь церкви православно-кафолического восточного исповедания», и просил «утвердить начинающееся дело законным порядком»: испросить высочайшее разрешение как на постройку церкви, так и на сбор пожертвований для неё. Священник чётко и обоснованно перечислил причины, лежавшие в основе инициативы соотечественников: значительное число проживавших в Париже православных (к ним относились не только русские, но также греки, болгары, молдаване, валахи и др.); малая вместительность и убожество русской посольской церкви, которую многие «находят тесною, бедною, ветхою: стены не только не благоукрашенными, без св. икон, но и не окрашенными, иконостас в некоторых местах прорванным»; неудобства, связанные с необходимостью периодически менять церковное помещение. Отец Иосиф особо подчеркнул, что «бедность нашей капеллы» не может внушить «уважения к православию» иностранцам, которые зачастую «делают невыгодные суждения об нашем отечестве». «Больно слышать подобные отзывы, хотя они и ложны, и не основательны: виновники их, привязанные к внешности, сказали бы противное при взгляде на благолепный православный храм Божий. Бог знает, может быть, другие приведены были бы этим к более важным мыслям и чувствованиям — к предпочтению православия другим вероисповеданиям». Иосиф Васильев также сообщил Протасову, что поверенный в делах России во Франции Н.Д. Киселёв «сердечно одобрил благое начинание

⁵ Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 г., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л.К. Бродским. Пг., 1915. С. 30.

⁶ Там же. С. 30—32.

и ожидает только мнения и разрешения Вашего сиятельства, чтобы начать по этому делу сношение с министерством иностранных дел»⁷. Через пару дней Васильев обратился также к Сербиновичу с просьбой «обратить благосклонное внимание на это дело, и... содействовать к совершению и процветанию благочестивого начинания наших соотечественников»⁸.

В 1849 г., после возвращения на родину протоиерея Дмитрия Вершинского, отец Иосиф принял на себя обязанности старшего священника русской посольской церкви в Париже. 3 июля 1850 г. Святейший Синод утвердил его в этой должности, а 27 апреля 1853 г. «за ревностную службу и особенно полезные труды по духовной части» возвёл в сан протоиерея⁹. Однако новый статус далеко не сразу позволил Васильеву активизировать свою деятельность по возведению в Париже православного храма. Очередным препятствием стали политические события во Франции (революция 1848 г. и переворот 2 декабря 1851 г.), осложнившие русско-французские отношения. В конце 1852 г. отец Иосиф получил от российского министра иностранных дел гр. К.В. Нессельроде долгожданный, но неутешительный ответ на своё прошение: по мнению российского императора Николая I, время для постройки в Париже православного храма не наступило, так как политическая ситуация во Франции ещё не вполне стабилизирована¹⁰.

Начавшаяся в 1853 г. Крымская война вновь отодвинула постройку храма на неопределённый срок. Как упоминалось выше, в это время между Россией и Францией обострились не только политические, но и межконфессиональные противоречия. С духовно-религиозной стороны развернувшегося противостояния пришлось непосредственно столкнуться и протоиерею Иосифу Васильеву, который во время войны остался во Франции и по поручению российского МИД занимался попечением о судьбе русских военнопленных, содержавшихся на острове Экс и в Тулоне. Вокруг пастырской деятельности Васильева римско-католическим духовенством был спровоцирован конфликт: протоиерея обвинили в «возбуждении среди пленных политических страстей» и запретили ему доступ к местам их содержания. Причина возведённой клеветы заключалась в том, что присутствие русского священнослужителя мешало религиозной и политической пропаганде, активно проводимой среди русских пленных католическим духовенством польского происхождения с целью заставить их переменить вероисповедание и перейти на сторону противника.

Чтобы оправдаться и выполнить возложенное на него поручение, Иосиф Васильев был вынужден вступить в переговоры с французскими властями (военным министром Франции маршалом Ж.-Б.Ф. Вальяном, а по некоторым данным — с самим Наполеоном III), в ходе которых с честью вышел из затруднительного положения. Немаловажную роль в этом вопросе, на мой взгляд, сыграла также позиция российских властей и русской прессы: 13 января 1855 г. в выходившей в Петербурге франкоязычной газете «*Journal de Saint-Petersbourg*» — официальном печатном органе российского МИД — была опубликована статья, повествующая о «нравственных притеснениях» русских пленных во Франции и о «кознях иностранного духовенства».

⁷ Там же. С. 50—53.

⁸ Там же. С. 53—56.

⁹ АВПРИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 75 об.

¹⁰ Росс Н. Русская церковь на берегах Сены. От зарождения храма до 1917 года. СПб., 2007. С. 152.

В итоге Васильеву предоставили доступ к пленным соотечественникам, для которых моральная поддержка и материальное вспомоществование, оказанные протоиереем, были чрезвычайно важны. Особенное значение это имело для солдат, которые, в отличие от офицеров, по своему воспитанию остались не интегрированы в европейскую культуру и к тому же находились в более жёстких условиях содержания, а потому тяжело переживали оторванность от родины¹¹. Самоотверженная деятельность священника в годы Крымской войны получила признание российского правительства. 4 декабря 1854 г. Министерство иностранных дел от имени императора Николая I объявило ему благодарность¹². 20 августа 1855 г. «во внимание к отлично усердной службе и в воздаяние ревностных и истинно человеколюбивых действий при исполнении возложенных поручений касательно оказания пособий русским пленным, находящимся во Франции», протоиерей Иосиф Васильев был награждён орденом Св. Анны 2-й степени¹³.

Заключение мира дало возможность настоятелю русской посольской церкви в Париже вернуться к повседневным занятиям, а также активизировать исследовательскую, публицистическую и переводческую деятельность. С этого времени он напрямую приступил к задаче ознакомления Запада с историей, религией и культурой страны, которую он представляет. С ноября 1859 г. протоиерей Васильев начал выпуск франкоязычного еженедельного православного журнала «L'Union Chrétienne» («Христианское единение»). Цель издания заключалась в том, чтобы показать инославному читателю сущность православия и способствовать сближению христианских церквей. Одной из задач журнала отец Иосиф считал также аргументированную и открытую полемику с активно публиковавшимися в Париже русскими католиками (И.С. Гагариным, И.М. Муравьевым, Е.П. Балабиным и др.), полагавшими, что «католицизм — основа европейской цивилизации — единственно возможный путь свободы и спасения России»¹⁴. В редакцию журнала, помимо протоиерея Васильева, вошли также церковный писатель С.П. Сушков и католический аббат Рене Франсуа Гетте, который через два года, не без влияния отца Иосифа, принял православие, получив имя Владимир. Издание осуществлялось за счёт самого протоиерея. Петербург, опасаясь обвинений со стороны французского правительства в распространении русской пропаганды, после некоторых колебаний дал согласие на издание журнала, но отказался при этом его финансировать. Вскоре «L'Union Chrétienne» стал заметным явлением в европейском богословском мире. На его страницах в открытый диалог вступили представители различных христианских конфессий. В сентябре 1862 г. журнал, названный И. Васильевым «первым, хотя и слабым, голосом православия на Западе», был удостоен высокой оценки со стороны Вселенского патриарха Иоакима¹⁵.

Практически сразу после окончания Крымской войны отец Иосиф вернулся и к главному делу своей жизни: вновь поднял вопрос о строительстве в Па-

¹¹ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4. С. 121—137; Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853—1856 гг. С. 213—235.

¹² АВПРИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 75 об.

¹³ Там же, л. 76 об.; АВПРИ, ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), IV-16, оп. 158, 1855 г., д. 12, л. 4, 10.

¹⁴ Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев... С. 62; см. также: Цимбаева Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. М., 1999.

¹⁵ См.: Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева... С. 255—261.

риже русской церкви. 6(18) сентября 1856 г. он представил российскому чрезвычайному посланнику барону Ф.И. Бруннову записку, содержащую просьбу об исходатайствовании на этот счёт «соизволения нашего правительства». В качестве доводов в пользу сооружения храма протоиерей вновь назвал «недостаток места для православных богомольцев», численность которых превышала 1 тыс. человек, и «невозможность благолепного украшения, приличного святости и величию православного обряда» (отец Иосиф напомнил, что во все времена бедность храма допускалась христианами лишь в двух случаях: «в истощении средств и гонениях»). Храм, по мнению Васильева, мог стать лучшим наглядным опровержением «неверного и невыгодного понятия о нашей Церкви во Франции», «ошибочно или злонамеренно» распространяемого западной прессой, что должно было способствовать «чести, славе и пользам России как представительницы и защитницы православной веры». Предполагалось, что финансовыми источниками для постройки станут «щедроты государя» и «доброхотные даяния русских»¹⁶. 13(25) сентября 1856 г. барон Бруннов передал записку протоиерея министру иностранных дел России кн. А.М. Горчакову, сопроводив её личным положительным отзывом¹⁷. Вскоре данный вопрос был направлен «на ближайшее усмотрение» чрезвычайного и полномочного посла России во Франции гр. П.Д. Киселёва¹⁸. 26 декабря 1856 г. (7 января 1857 г.) Киселёв сообщил в Петербург о «согласии французского правительства на сооружение и открытие в Париже русской церкви православного вероисповедания»¹⁹.

22 января (3 февраля) 1857 г. Киселёв сообщил товарищу министра иностранных дел И.М. Толстому свои «дополнительные соображения» по рассматриваемому вопросу: «Имеющая соорудиться церковь будет открыта для всех православных, но, в предотвращение всяких недоумений, она должна быть посольскою, или — точнее сказать — Российской Императорскою. Таким образом это дело будет иметь тот смысл, что главный источник благоденствия для православных должен истекать от единого в мире православного самодержца, и к нему должна быть отнесена вся слава святого дела со всеми благами религиозными и другими плодами». «Для порядка, ясности, успеха и скорейшего исполнения дела» Киселёв предлагал следующий «способ построения» церкви: «приобретение места и стенная — основная постройка церкви — должны быть отнесены на иждивение правительства, вся же внутренняя отделка и благолепное украшение оной будут совершены на пожертвования доброхотных дателей». Потому он просил оказать содействие к назначению на постройку в Париже православного храма «достаточной, но весьма умеренной суммы 106 200 рублей серебром»²⁰.

Император Александр II, хорошо знавший Запад и опасавшийся возможных осложнений, решил, что российским властям всё же лучше оставаться на заднем плане при строительстве храма. Он лично пожаловал для этой цели 50 тыс. руб.²¹, но при этом обеспечил невмешательство своего правительства в происходившее событие, придав ему тем самым чисто религиозный характер. Российский Святейший Синод также пожертвовал на строительство париж-

¹⁶ Там же. С. 171—176.

¹⁷ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 1—2 об.

¹⁸ Там же, л. 16.

¹⁹ Там же, л. 17—18.

²⁰ Там же, л. 19—20.

²¹ Там же, л. 26.

ского храма 50 тыс. руб. и выдал настоятелю российской посольской церкви в Париже книгу для сбора добровольных приношений в России в течение двух лет²². Ранее подобная книга была выдана протоиерею и российским посольством во Франции.

Иосиф Васильев, назначенный председателем Комитета построения православной русской церкви в Париже, занимался практически всеми связанными с этим проектом вопросами: сбором средств на возведение храма, покупкой земельного участка, составлением сметы, руководством строительными и отделочными работами.

В октябре 1857 г. и ноябре 1858 г. для возведения церкви были приобретены два прилегающих друг к другу земельных участка общей площадью 2 721,68 кв. м. Эти участки, находившиеся на улице Круа дю Руль (rue de la Croix du Roule, позже переименованной в rue Daru), были оформлены на имя российского посольства в Париже, которое располагалось тогда в здании неподалеку, на улице Фобур Сент-Оноре (rue du Faubourg Saint-Honoré). Общая стоимость покупки составила 272 168 франков. Васильев в то время уже располагал такой суммой, однако, желая как можно быстрее начать строительство, оформил землю в кредит²³.

Проект храма был составлен старшим архитектором придворной е.и.в. Конторы, профессором Императорской Академии художеств Р.И. Кузьминым в русско-византийском стиле (внешний вид — шатровый пятиглавый храм в русской традиции XVI—XVII вв., внутреннее устройство — в соответствии с византийскими канонами). Окончательные чертежи и наблюдение за исполнением осуществил архитектор И.В. Штром. На рассмотрение Александра II были представлены и другие проекты (в частности, работа академика архитектуры Д.И. Гримма), однако император выбрал проект, выполненный в «отечественном стиле»²⁴.

Пожертвования на сооружение храма Иосиф Васильев собирал в течение пяти лет (с августа 1857 г. по сентябрь 1862 г.) как во Франции, так и в России, куда он совершил между 1857 и 1861 гг. несколько поездок. Во время одной из этих поездок Васильев был принят Александром II и императрицей Марией Александровной. Государыня передала протоиерею для будущего храма список Феодоровской иконы Божией Матери, родовой иконы дома Романовых²⁵. В общей сложности Васильеву удалось собрать 287 338 руб. 66 коп. серебром, что равнялось 1 146 376 франкам 25 сантимам. Забегая вперёд, отмечу, что ушло на сооружение храма несколько больше: 1 374 233 франка 70 сантимов. Недостача составила 227 857 франков 45 сантимов. Отец Иосиф сообщил П.Д. Киселёву, что готов постепенно уплатить из собственных средств около 93 тыс. франков, и выразил надежду, что российское правительство возьмёт на себя уплату остальных 134 тыс.²⁶. Долги удалось погасить лишь в 1872 г.; к этому времени, с учётом процентов, их сумма выросла до 450 тыс. франков²⁷.

Первый камень в основание храма был заложен 19 февраля (3 марта) 1859 г., в день четвёртой годовщины восшествия на престол императора Александра II.

²² Там же, л. 36—36 об.

²³ *Росс Н. Русская церковь на берегах Сены...* С. 157.

²⁴ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 149.

²⁵ *Росс Н. Русская церковь на берегах Сены...* С. 156.

²⁶ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 357—359 об.

²⁷ *Росс Н. Русская церковь на берегах Сены...* С. 169.

На церемонии присутствовали посол Киселёв, члены посольства, консульства, многочисленные русские и греки, проживавшие в Париже. Васильев подробно описал это событие в письме обер-прокурору Святейшего Синода гр. А.П. Толстому, подчеркнув при этом, что «во избежание толков и предположений политических власти здешнего государства не были приглашены, исключая главных сановников города Парижа, каковы префект Сенского департамента и префект полиции». Свидетелями торжества были около трёх тысяч любопытных французов, стоявших на улице и покрывавших окна и крыши соседних домов. «По отзывам всех, — писал отец Иосиф, — торжественный обряд закладки церкви произвёл благодетельное впечатление... Писатели же, бывшие свидетелями положения первого камня православной русской церкви, описали сие торжество, каждый судя по своим взглядам и партиям, к которым принадлежит»²⁸.

Менее чем через три года во французской столице вырос великолепный храм, который упоминавшийся выше аббат Гетте назвал «одним из самых красивых украшений Парижа»²⁹. Здание храма было построено из тёсаного белого камня в русско-византийском стиле. В плане храма — четырёхконечный греческий крест, каждый луч которого заканчивается апсидой. На главном кубическом объёме, длина и ширина которого составляют 27,94 м, расположены пять шатровых (пирамидальных) куполов, увенчанных ярко вызолоченными главами с восьмиконечными крестами с цепями, опущенными на главы со второй, перекрёстной линии крестов. Центральный купол значительно больше боковых. Все купола, верхняя часть которых тогда была вызолочена (в настоящее время — нет), прорезаны красивыми световыми окнами. Высота здания — 47,38 м. В церковь ведёт каменная лестница в 11 ступеней. На площадке, которой она заканчивается, устроена паперть, или крытое преддверие, на четырёх резных колоннах. Кровля паперти украшена небольшой главою с крестом. Над входом в храм, на западном фронтоне, помещена фреска академика Императорской Академии художеств А.Е. Бейдемана «Христос Пантократор». «Общий характер здания, — писал современник, — носит некоторые черты стрельчатости, в которой французы видят признаки готической архитектуры западных храмов; но с этой стрельчатостью архитектура парижской церкви смело, искусно и оригинально соединяет и круглоту форм, которая служит одним из отличительных признаков византийского стиля»³⁰. Внутри храм расписан русскими художниками: братьями Евграфом и Павлом Сорокиными, Ф. Бронниковым, Г. Васильевым. Во внутреннем убранстве чувствуется заметное влияние собора Св. Софии в Константинополе³¹.

30 августа (11 сентября) 1861 г., в день памяти святого благоверного князя Александра Невского, которому была посвящена парижская церковь, состоялось её освящение. Чин освящения возглавил епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургской епархии Леонтий (Лебединский). Выбор первого лица делегации русского духовенства, отправляемой из Петербурга в Париж, оказался непростым. Рассматривались разные кандидатуры, при этом особое внима-

²⁸ Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева... С. 188—189.

²⁹ Цит. по: Росс Н. Русская церковь на берегах Сены... С. 170.

³⁰ Цит. по: Сахаров Н., прот. Свято-Троицкий Александро-Невский храм в Париже (к 75-летию освящения его: 30 августа 1861 г. — 30 августа 1936 г.) // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 6—7. С. 17.

³¹ Подробнее см.: Грабар А.Н. Кафедральный собор Св. Александра Невского в Париже и Св. София Константинопольская // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1957. № 2. С. 29—33.

ние обращалось на то, чтобы командированный архиерей не являлся членом Святейшего Синода, что, по мнению митрополита Московского Филарета (Дроздова), могло быть расценено как «усиленное оказательство». Выбор остановили на преосвященном Леонтии, поскольку русские приходы в Западной Европе всегда входили в состав Санкт-Петербургской митрополии³². В свиту епископа Леонтия назначили состоявшего при Азиатском департаменте МИД архимандрита Аввакума, бывшего начальника Пекинской духовной миссии; настоятеля петербургского Петропавловского собора протоиерея Василия Полисадова; протодиакона Исаакиевского собора Константина Оболенского; иподиакона Алексея Колумбова и 12 певчих из хора Санкт-Петербургского митрополита под управлением Г. Львовского³³. Для всех духовных лиц, которые должны были принять участие в освящении, по повелению Александра II, из ризницы Исаакиевского собора выдали одинаковые блистательные облачения из белого глазета, с золотыми крестами и узорчатыми каймами из алого бархата. Для преосвященного Леонтия из ризницы Александро-Невской лавры была взята митра, украшенная множеством драгоценных камней³⁴. Иосиф Васильев просил пригласить к участию в торжестве ещё несколько лиц из русского заграничного духовенства (архимандрита Палладия из Рима, протоиереев Е. Попова из Лондона, Базарова из Штутгарта, Янышева из Висбадена, Петрова из Женевы и священника Д. Васильева³⁵ из Ниццы). МИД сначала отказал в этой просьбе, поскольку «не нашёл возможным оставить посольские церкви без богослужения в день тезоименитства государя императора», но затем, после подобной просьбы преосвященного Леонтия, считавшего, что «отправляемых с ним из Петербурга священнослужителей далеко не достаточно для предположенной цели», разрешил приезд в Париж некоторым представителям русского зарубежного духовенства³⁶. В торжестве смогли принять участие упоминавшиеся выше протоиереи Базаров, Янышев, Петров, священник Д. Васильев, а также протоиереи Колоссовский из Мадрида, Серединский из Берлина и диакон веймарской церкви Оглоблинский.

П.Д. Киселёв, обеспокоенный неблагоприятной для православных «атмосферой» Парижа, полагал, что лучше «не раздражать гусей» и воздержаться от «такой торжественности» обряда освящения церкви, что было, на его взгляд, слишком рискованно, ибо «католическое духовенство щекотливо, и католическая журнальная пресса крайне не воздержанна»³⁷. Однако протоиерей Васильев настоял на проведении именно торжественной церемонии. По его мнению, этот акт должен «возвысить честь и славу православия и России; утвердить многих колеблющихся наших путешественников и произвести благоприятное действие на иностранцев и иноверцев»³⁸. На церемонии освящения присутствовали около 1 200 человек. Русскую колонию возглавляли посол Киселёв и товарищ министра иностранных дел И.М. Толстой. Французскую

³² Сахаров Н., *прот.* Свято-Троицкий Александро-Невский храм... // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 10—11. С. 38.

³³ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 286.

³⁴ Сахаров Н., *прот.* Свято-Троицкий Александро-Невский храм... // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 10—11. С. 39.

³⁵ Священник Дмитрий Васильев — родной брат протоиерея Иосифа Васильева.

³⁶ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 288—291.

³⁷ Заблочкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселёв и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 3. СПб., 1882. С. 249.

³⁸ Цит. по: Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев... С. 66.

сторону представляли министр императорского двора маршал Ж.-Б.Ф. Вальян, обер-камергер Наполеона III гр. Ф. Бачиокки и префект парижской полиции Буатель.

Антиправославные настроения, о которых говорил Киселёв, проявились в том, что из 300 представителей высшего французского общества и католического духовенства, получивших официальные приглашения на церемонию, откликнулись на них лишь 15 или 16 человек, что, по мнению графа, можно было считать «достаточным уже предостережением»³⁹. В то же время, по свидетельству современника событий графа де ля Фита де Пелляпорка, написавшего письмо об освящении храма в редакцию «Православного обозрения», на церемонии присутствовали несколько католических священнослужителей, облачённых как в сутаны, так и в светские одежды. Среди последних он узнал двух французских архиереев: епископа Перигёсского и архиепископа Турского. Интересно, что епископ Перигёсский «прямо объявил своим приближённым, что богослужение русской церкви сохранило в себе в точности все обряды, установленные в первые века христианства» и «с необыкновенным восторгом» отозвался о преосвященном Леонтии⁴⁰. Что касается рядовых парижан, не получивших приглашения на освящение русского храма, но всегда с большим любопытством относившихся к любым зрелищам, то они с раннего утра шеститысячной толпой заполнили пространство напротив церкви и после окончания церемонии входили в неё и с интересом осматривали⁴¹.

После освящения внутренней части храма, крестного хода вокруг него и проведения божественной литургии было провозглашено многолетие российскому императору Александру II, императрице Марии Александровне, наследнику цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу, всему царствующему дому Романовых, французскому императору Наполеону III («державному обладателю страны сей»), Святейшему Синоду, митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору (Никольскому), к епархии которого относился парижский храм Св. Александра Невского, и преосвященному Леонтию, освятившему его. Епископ Леонтий в своей речи выразил благодарность Наполеону III, «благодарно изъявившему христианскую готовность на созидание православного храма в стране своей», призвал благословение Божие на Александра II, его представителя во Франции Киселёва, а также на протоиерея Иосифа Васильева, «с пастырскою ревностью и любовью, паче всех, потрудившегося в устройении сего храма во славу православной Церкви». Последнее обстоятельство растрогало отца Иосифа до слёз⁴².

16 декабря 1861 г. «за построение церкви в Париже» протоиерей Иосиф Васильев был награждён золотым наперсным крестом, украшенным бриллиантами. 21 апреля 1862 г. ему пожаловали митру⁴³. Следует отметить также, что 14 мая 1860 г. «за отлично-усердную службу» Васильев получил орден Св. Владимира 3-й степени, а 10 декабря того же года «в уважение особенных заслуг по устройству православного храма в Париже» ему было «Высочайше

³⁹ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. С. 249.

⁴⁰ *Ла Фит де Пелляпорк, граф де.* Освящение русской церкви в Париже // Православное обозрение. 1861. Сентябрь. № 9. С. 143.

⁴¹ *Сахаров Н., прот.* Свято-Троицкий Александро-Невский храм... // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 10—11. С. 41, 43.

⁴² Там же. С. 42.

⁴³ АВПРИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 76 об.

увеличено личное содержание до 3 тыс. рублей серебром без увеличения оклада занимаемого им места»⁴⁴. 7 ноября 1864 г. «за высокие труды и благочестие» король Греции (король эллинов) Георг I пожаловал ему Командорский орден Спасителя⁴⁵.

Освящение в Париже первого православного храма стало ярким событием общественной жизни Франции и России. На следующий день во многих газетах появилось подробное описание церемонии. Вскоре в Париже вышла отдельная брошюра, посвящённая храму Св. Александра Невского⁴⁶. По официальным данным, в течение первых пяти дней после освящения храма его осмотрели около 84 тыс. человек⁴⁷. Большую заинтересованность и уважение к русской церкви проявила ревностная католичка, французская императрица Евгения⁴⁸. 20 декабря 1861 г. (1 января 1862 г.) И. Васильев писал обер-прокурору Святейшего Синода А.П. Толстому: «Пятого сего декабря посетила нашу церковь императрица Евгения... Оставшись в церкви двадцать минут, Её Величество осмотрела оную до подробностей и несколько раз высказала своё одобрение и восхищение. Для меня приятнее всего было слышать отзыв её о благочестивом и молитвенном впечатлении, какое производит новосозданный храм. По вызову императрицы Евгении я объяснил ей различия между Православно-Кафолическою и Римскою церквами»⁴⁹.

По свидетельству современников, появление в Париже русского православного храма произвело сильное впечатление на французов и других европейцев и действительно способствовало ознакомлению многих из них с русской православной традицией. Так, аббат Гетте писал: «Преосвященный Леонтий, епископ, освятивший новую русскую церковь в Париже, покинул этот город в понедельник вечером... В прошлые пятницу и воскресенье он служил архиерейским служением перед огромной толпой французов, принадлежавших к различным вероисповеданиям... Все, католики и протестанты, казались под сильным впечатлением величия восточного богослужения, того древнего характера, который сразу же замечен и вызывает уважение... Сколько таким образом исчезло предвзятых мнений из умов тех римских католиков, которые присутствовали при богослужениях в русской церкви... Из-за религиозного невежества, которое обычно сопутствует подобным предубеждениям, во Франции многие думали, что восточные христиане не разделяют никаких верований с Римской церковью и что только эта последняя сохранила подлинную веру и подлинное христианское богослужение»⁵⁰. Аббату Гетте вторил и граф де ля Фит де Пелляпорк: «До сих пор Франция не обращала должного внимания на Православную Русскую Церковь. Но обвинять её в этом невозможно. О Русской Церкви она доселе имела понятия тёмные, неточные и большей частью искажённые иезуитами, а в новейшие времена ультрамонтанцами... Но вот, после нескольких веков затмения, в Париже отстроен и освящён первый величественный православный храм... С любопытством в первый раз, с чувством почтения и благоговения в последующие дни парижане проследили за всеми

⁴⁴ Там же, л. 76 об.—77.

⁴⁵ Там же, л. 77 об.

⁴⁶ Description de L'Eglise Russe de Paris. Paris, 1861.

⁴⁷ Ла Фит де Пелляпорк, граф де. Указ. соч. С. 146.

⁴⁸ Автономова Л.И. Указ. соч. С. 314.

⁴⁹ Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева... С. 252—253.

⁵⁰ Цит. по: Росс Н. Русская церковь на берегах Сены... С. 190—191.

действиями православного архипастыря и достойного, образованного духовенства, окружавшего его от первого дня прибытия в Париж до самого отъезда. Благодарение Богу! Русская Церковь нашла доступ к сердцам нескольких тысяч людей, не принадлежащих к её недрам... Скажем, что на этот раз парижан, в особенности англичан и итальянцев, поразила необычайным образом внешняя, обрядовая форма восточного богослужения, исполненная величия»⁵¹.

Вместе с тем нашлось и немало недовольных усилением русского влияния. Так, вскоре после освящения храма, в сентябре 1861 г., протоиерей Васильев в интервью журналу «L'Illustration» опроверг мнение о том, что постройка православной церкви имела целью «пропаганду славизма на берегах Сены». В частности, он отметил, что среди жертвователей были и неславяне: например, 100 тыс. франков пожертвовал греческий купец Бернардакис⁵².

1(13) февраля 1863 г. в парижском русском посольском храме состоялось освящение крипты, или нижней церкви, посвящённой Св. Троице. Чин освящения провёл настоятель храма протоиерей Иосиф Васильев в сослужении второго священника Василия Прилежаева.

Таким образом, возведение в Париже русского православного храма стало возможно благодаря сближению России и Франции, начавшемуся после окончания Крымской войны 1853—1856 гг. В осуществлении этого проекта огромная заслуга принадлежит настоятелю русской посольской церкви протоиерею Иосифу Васильеву, ставшему инициатором и главным организатором строительства. Последовательность и настойчивость, проявленные отцом Иосифом в данном вопросе, смогли пересилить инертность российского посольства во Франции и осторожность российского правительства. Появление в Париже первого православного храма, способствовавшего ознакомлению многих европейцев с русской православной традицией, стало одной из ярких мирных побед русской культуры на Западе. В определённой степени оно послужило укреплению связей России и Франции как в культурной, так и в политической сфере.

⁵¹ *Ла Фит де Пелляпорк, граф де*. Указ. соч. С. 141—143.

⁵² *Росс Н.* Русская церковь на берегах Сены... С. 157.

Русская дипломатия и Православная Российская Церковь в США (1867—1917)

Владимир Печатнов, Валентин Печатнов

Russia's diplomacy and Russian Orthodox Church in the U.S.A. (1867—1917)

Vladimir Pechatnov, Valentin Pechatnov

*(both — Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University), Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870016618-0

История русского православия за рубежом в последние годы всё чаще привлекает внимание отечественных историков. Появились фундаментальные исследования и документальные публикации, отразившие его присутствие в мире — от Аляски до Святой Земли¹. В них освещена и важная роль дипломатов в создании и поддержке духовных миссий. Однако особенности их взаимодействия в США до сих пор специально не рассматривались, хотя они представляют несомненный научный интерес.

«Учреждение Министерства иностранных дел», утверждённое Николаем II 4 июня 1914 г., впервые юридически возложило на ведомство «заботы о поддержке и достойном положении православия за границей и об укреплении русского влияния на почве церковных интересов» (ст. 1)². Но данная норма лишь оформляла давно существовавшую практику. Не случайно в ежегодных отчётах МИД «церковным делам» отводился особый раздел. Современные исследователи пишут о «теснейшем переплетении государственных и церковных интересов во внешнеполитической сфере» и даже о единой «церковно-государственной политике» Российской империи за рубежом³. Между тем в различных регионах государственные (политические) и чисто церковные интересы могли расходиться, священнослужители и чиновники МИД нередко по-разному понимали обстановку, а порою сказывалось и несовпадение их собственно ведомственных соображений и особенностей корпоративной культуры. Вопреки стереотипным представлениям, православная Церковь и её зарубежные структуры отнюдь не являлись простым инструментом российской дипломатии. В довольно сложном взаимодействии с русскими духовными миссиями МИД выступал не столько их руководителем, сколько помощником и опекуном.

© 2021 г. В.О. Печатнов, В.В. Печатнов

¹ История Русской духовной миссии в Корее. Сборник статей. М., 1999; Россия в Святой Земле. Документы и материалы. В 2 т. / Под ред. Н.Н. Лисового. М., 2000; Православие на Дальнем Востоке. Вып. 1—3 / Под ред. М.Н. Боголюбова. СПб., 2001; Попов А.В. Русское православное зарубежье: история и источники. М., 2005; Климент (Капалин), митр. Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009; Янышевский М.Н. Россия в Святой Земле. Русская духовная миссия, Генеральное консульство в Иерусалиме и иерусалимский патриархат в начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013; Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. М.; СПб., 2015; История русского православного зарубежья. Т. 1. Кн. 1. М., 2016.

² Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России / Отв. ред. Д.И. Раскин. М., 2007. С. 348.

³ Кузнецов А.И. Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 176—177.

В США в этом взаимодействии участвовала Алеутская и Аляскинская (с 1899 г. — Алеутская и Северо-Американская) епархия, глава которой подчинялся Св. Синоду, работал в тесном контакте с МИД, а духовное правление и приходы поддерживали постоянную связь с российскими представительствами. Кстати, переписка епархии со Св. Синодом также велась по дипломатическим каналам. Эта система своеобразного двойного подчинения была отлажена и действовала на протяжении полувека — от уступки Аляски в 1867 г. до крушения империи в 1917 г.

Первые православные миссионеры появились на Аляске ещё в конце XVIII в. Они окормляли российских подданных и крестили туземное население — алеутов, колошей, креолов. Наиболее известные из этих подвижников — от простого монаха Германа Аляскинского до владыки Иннокентия (Вениаминова), руководившего епархией в 1841—1867 гг. и прозванного «апостолом Аляски», — причислены в Русской Православной Церкви к лику святых. После уступки Аляски Соединённым Штатам местная православная епархия оказалась в иностранном государстве, законы и обычаи которого резко отличались от действовавших во владениях Российско-американской компании (РАК), и ей пришлось приспособливаться к другой системе права, полной свободе вероисповедания и отсутствию доминирующей конфессии. Основная масса русского населения и клира покинула полуостров, куда хлынули как американские граждане самых разных религиозных убеждений, так и протестантские и католические миссионеры, занявшиеся обращением в свою веру не только остававшихся ещё среди жителей язычников, но и православных. При этом средства, поступавшие ранее от РАК, иссякли. Вся надежда оставалась на поддержку со стороны Петербурга и его дипломатов в США.

Однако владыка Иннокентий смотрел в будущее достаточно оптимистично. «Я вижу в этом обстоятельстве (уступке Аляски. — *Авт.*) один из путей Провидения, которым наше православие может проникнуть в Соединённые Штаты», — писал он обер-прокурору Св. Синода гр. Д.А. Толстому в декабре 1867 г. По мнению святителя, следовало сохранить американское викариатство, перенести его резиденцию в Сан-Франциско, и постепенно переходить на английский язык в богослужении, преподавании в семинариях и в епархиальном делопроизводстве. Рекомендовалось также разрешить епископам «рукополагать в священнослужители к нашим церквам [тех] из американских подданных, которые примут православие со всеми его учреждениями и обычаями»⁴. Вместе с тем «для этих миссий нужны люди опытные в деле пастырском и внутренне призываемые к тому, а не властью только призываемые»⁵.

Позиция Иннокентия, ставшего в 1868 г. митрополитом Московским и Коломенским, была одобрена Св. Синодом, постановившим в 1870 г. создать новую Алеутскую и Аляскинскую епархию. Её архиерейскую кафедру перенесли из Ситки (на Аляске) сначала в Сан-Франциско, а впоследствии — в Нью-Йорк⁶. Император распорядился в течение ближайших трёх лет ежегодно выделять на её содержание 38 тыс. руб. Однако руководство духовного ведомства желало знать, «не встречается ли со стороны Министерства иностранных дел препятствий к приведению в исполнение означенного предпо-

⁴ Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. В 3 кн. Кн. 3. СПб., 1901. С. 139—140.

⁵ АВПРИ, ф. 340, оп. 874, 1850 г., д. 7, л. 10 об.

⁶ Климент (Капалин), митр. Русская Православная Церковь на Аляске... С. 275—277.

ложения?»⁷. Министерство в свою очередь запросило мнение чрезвычайного посланника в Вашингтоне К.Г. Катакази, а тот обратился к генеральному консулу в Сан-Франциско М.Ф. Клинковстрёму, который решительно поддержал перемещение кафедры в Сан-Франциско для удобства управления епархией и в силу малочисленности прихода в Ситке. Дальнейшее пребывание там епископа, по словам консула, оказалось бы сопряжено с «бессмысленным бездействием» и «бесполезным расходом для правительства»⁸. Между тем Катакази (профессиональный дипломат из знатного фанариотского рода) вообще сомневался в целесообразности учреждения архиерейской кафедры в США, где, кроме Аляски, к тому времени действовало всего три православных прихода (в Сан-Франциско, Нью-Йорке и Новом Орлеане). Как отмечал посланник, «число наших единоверцев уменьшается в уступленных нами колониях, нельзя также ожидать, чтобы условия в тамошнем крае изменились к лучшему для нас. Церковь в Сан-Франциско со священником, назначенным нашим правительством, вполне удовлетворяет нынешнему состоянию православия на берегах Тихого океана: с упадком его на отдалённом Севере оно начинает выказывать больше жизненности в Калифорнии, но стремления его не достигли таких размеров, какие бы требовали на месте руководства архиепископской власти в управлении. В Новом Орлеане община православная не так значительна, как в Сан-Франциско, и не будет развиваться с такой же быстротой, как в Калифорнии. Что касается Нью-Йорка, то для начала присутствие в нём столь достойного иерея, каков отец Николай Берринг⁹, совершенно достаточно для устройства и сплочения православной общины и приготовления почвы для более обширной и самостоятельной деятельности архиепископа. Когда мы привлечём внимание общества на высшие и светлые истины православного учения и с Божьей милостью паства увеличится достойными, убеждёнными в превосходстве Восточной Церкви новыми её последователями, покинувшими другие вероисповедания, тогда только православная архиепископская кафедра займёт в Америке, в кругу других, место по высокому чину своему»¹⁰.

Особо указывалось на то, что «на первого православного русского архиепископа будут обращены взоры большей частью богатого духовенства других исповеданий, и он не может явиться в кругу завистливых иноверцев со скудностью средств миссионера». Посланник напоминал: «В блестящей внешней обстановке при богослужении католические епископы являются перед молящимися; достойно ли будет при этом в стране, где имеют высокое мнение о величии и богатстве России, священнодействовать русскому архиепископу в тесной домово́й церкви?»¹¹. Товарищ министра иностранных дел В.И. Вестманн довёл эти соображения до сведения обер-прокурора Св. Синода. В результате епископ Алеутский и Аляскинский Иоанн (Митропольский) поселился в Сан-Франциско, а в Нью-Йорк епархиальную кафедру перенесли только в 1905 г.,

⁷ АВПРИ, ф. 159, оп. 749/1, 1870 г., д. 1441, л. 3 об.

⁸ Там же, л. 2 об.

⁹ О первом настоятеле православного прихода в Нью-Йорке о. Николае Биерринге подробнее см.: *Егорова Ю.С.* Источники по истории Русской православной церкви в Северной Америке в конце XVIII — второй половине XIX в. (по материалам Российского государственного исторического архива) // *Русский Север в истории российско-американских отношений. Сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США.* Вологда, 2011. С. 113.

¹⁰ АВПРИ, ф. 159, оп. 749/1, 1870 г., д. 1441, л. 8—11.

¹¹ Там же.

когда возросла численность паствы и завершилась постройка кафедрального Свято-Николаевского собора¹².

В некоторых случаях дипломатам, лучше ориентировавшимся в обстановке, удавалось корректировать указания, поступавшие из Петербурга. Так, во второй половине 1870-х гг. Св. Синод по предложению духовного правления епархии готов был вовсе упразднить приход в Ситке из-за его малочисленности и угрозы нападений со стороны местных индейцев (колошей). Однако посланник в Вашингтоне Н.П. Шишкин после консультации с генеральным консулом в Сан-Франциско В.А. Велецким сообщил в Св. Синод, что не может «разделять мнение Аляскинского духовного правления о необходимости упразднения православного прихода в Ситке» и считает высказанные им опасения преувеличенными¹³. Приход сохранили, а когда в начале 1879 г. колоши всё же напали, миссия обратилась к федеральному правительству США с требованием обеспечить её безопасность, и в Ситке усилили таможенную охрану¹⁴.

В 1880 г. сложившаяся на Аляске община православных креолов, недовольных притеснениями и опасавшихся происков инославных миссионеров, ходатайствовала о разрешении переселиться на российский Дальний Восток. Св. Синод их поддержал, руководство МИД не возражало, а Министерство финансов выделило необходимые для переселения средства. Однако Велецкий после личного знакомства с готовившейся к отъезду группой высказался против этой затеи. «Хотя есть необходимость заселения данной области, — отмечал консул, — но они привыкли к американской жизни, неспособны будут к труду переселенцев и станут лишь бременем для местных властей»¹⁵. В итоге эта община так и осталась в Америке.

Как правило, дипломаты, происходившие из дворянских семей, европейски образованные и способные размышлять с широким имперским размахом, с большим скепсисом оценивали общее состояние и перспективы православных приходов в Америке, чем духовное правление, в котором преобладали провинциальные священнослужители с весьма ограниченным кругозором и жизненным опытом, а такие фигуры, как святители Иннокентий (Вениаминов) или Тихон (Беллавин), оставались скорее исключением. Так, осенью 1877 г. Шишкин направил в МИД отчёт Велецкого, констатируя, что его выводы «расходятся с некоторыми предположениями нашего духовного ведомства относительно будущности епархии». Не будучи лично знаком с ситуацией на Тихоокеанском побережье, Шишкин полностью полагался на «добросовестность и беспристрастность» консула и не скрывал сомнений «в точности и справедливости сведений, дошедших стороною от нашего духовного начальства»¹⁶. Согласно епархиальным ведомостям, в 1877 г. на Аляске числилось около 4 тыс. прихожан (из них 1 763 — на острове Кадьяк), а в трёх основных североамериканских приходах — немногим больше 5 тыс.¹⁷

¹² Впервые о целесообразности строительства данного собора кн. А.М. Горчакову доложили ещё в 1867 г. (тогда же начался сбор пожертвований), но канцлер приказал уведомить российского посланника в Вашингтоне барона Э.А. Стёкла, что «за неимением достаточных средств устройство упомянутого храма откладывается до более благоприятного времени» (АВПРИ, ф. 170, оп. 512/3, 1867—1868 гг., д. 93, л. 107).

¹³ АВПРИ, ф. 279/1, оп. 1, 1877—1879 гг., д. 486, л. 42 об.

¹⁴ Там же, л. 69—71.

¹⁵ Там же, 1880 г., д. 287, л. 40—41.

¹⁶ Там же, л. 19 об.—20.

¹⁷ Там же, л. 21—22 об.

Чаще всего духовенство обращалось к дипломатам за помощью в делах, связанных с защитой прав на землю и строения, судебными спорами, таможенными проблемами и улаживанием возникавших скандалов. Хотя Акт об уступке Аляски 1867 г. и гарантировал Православной Российской Церкви сохранение её имущественных прав и предоставлял ей свободу деятельности наряду с другими конфессиями, на практике всё складывалось гораздо сложнее. Даже простая переправка в Америку необходимых церковных принадлежностей натывалась на бюрократические препоны. Сетую на задержку почтовых отправок и незаконное взимание пошлин на американской таможне, епископ Николай (Зиоров), управлявший епархией в 1891—1898 гг.¹⁸, писал посланнику кн. Г.Л. Кантакузену: «Миссионеры жалуются, что они вынуждены таким обстоятельством вместо восковых свечей жечь в церквях стеариновые и покупать их в жидовских лавках в ущерб епархиальным интересам, а население Алеутских островов и Аляски вследствие того же неудобства вынуждены покупать у католических миссионеров иконы и священные изображения даже таких святых, которых православная Церковь не признаёт»¹⁹.

В случае вопиющего произвола местных властей российским дипломатам приходилось вмешиваться. Так, в конце 1892 г. федеральный агент Уильямс, имевший на Аляске большие полномочия, под благовидным предлогом защиты населения, будто бы подвергавшегося принудительным поборам, арестовывал денежные пожертвования, собранные владыкой Владимиром (Соколовским-Автономовым) на нужды местных церквей (всего 3 335 долларов, что для епархии составляло немалую сумму). Духовное управление обратилось за помощью в посольство. Временный поверенный в делах в Вашингтоне барон Ф.Г. Шиллинг проинформировал МИД о случившемся и начал переговоры с государственным секретарём Дж. Фостером, который обещал содействовать разрешению конфликта. Обнаждённый Шиллинг 14(26) ноября 1892 г. писал Шишкину (тогда уже товарищу министра, управлявшему в тот момент МИД), что это «является первым шагом со стороны правительства к прекращению крайне обострившихся отношений между агентами и духовенством»²⁰. Однако время шло, а деньги не возвращались. Более того, агенты стали предъявлять православному духовенству новые требования: не вывозить никаких денежных средств с Аляски без их разрешения, служить только на английском языке и не пускать на полуостров русских священников, на нём не говоривших. Жалобы клириков дошли до обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева, который с возмущением писал министру иностранных дел Н.К. Гирсу о пассивности дипломатов и настаивал на принятии решительных мер. К своему письму он как профессиональный цивилист даже приложил записку, опровергавшую претензии американских властей, и просил её «довести до сведения посольства в Вашингтоне с тем, чтобы оно со всей энергией настояло на возвращении епископу Николаю насильственно захваченной суммы, составляющей его церковное достояние». В частности, обер-прокурор доказывал, что ссылка «на бедность прихожан не имеет при сём никакого значения, ибо нет такого бедняка, коему закон запрещал бы дарить или жертвовать какую-либо часть своего

¹⁸ Подробнее о его миссии см.: *Печатнов В.В., Печатнов В.О.* Русский епископ в Америке «позолоченного века» // Вестник МГИМО. 2021. № 1.

¹⁹ АВПРИ, ф. 170, оп. 512/1, 1894 г., д. 559, л. 320—321.

²⁰ Там же, 1890—1894 гг., д. 66, л. 17—18 об.

достояния»²¹. Сообщая 31 декабря 1893 г. владыке Николаю о своём обращении в МИД, обер-прокурор восклицал: «Стыдно дипломатии, что она отклоняет от себя заботу о русском деле!»²².

«Ввиду усиленных настояний обер-прокурора Св. Синода» Шишкин просил кн. Кантакузена «приложить старания к тому, чтобы достигнуть соглашения с правительством Соединённых Штатов относительно возмещения аляскинскому православному духовенству денег, о которых идёт речь»²³. Последовали новые переговоры, и весной 1894 г. российской стороне, опиравшейся на доводы Победоносцева, удалось преодолеть сопротивление американцев, причём Государственному департаменту пришлось через казначейство ходатайствовать перед Конгрессом о выделении специальных ассигнований.

Ещё труднее было отстаивать права на землю и церковные строения. «Многие американцы, придя из других штатов, стали захватывать не принадлежащие им земли, в том числе и церковные, и, несмотря на протесты жителей, стали на них строиться и жить», — сообщал владыка Николай посланнику Э.К. Коцебу в августе 1897 г. По мнению епископа, для исправления ситуации следовало послать на Аляску государственную комиссию по размежеванию земель и обязать местную торговую компанию снести все постройки, возведённые на чужой земле²⁴. Однако дипломаты могли лишь обратиться в Министерство юстиции США, откуда во всех подобных случаях приходил вполне ожидаемый ответ: «Министерство не имеет полномочий и средств для возвращения собственности законному владельцу, поскольку это относится к исключительной юрисдикции судов»²⁵.

Хорошо понимая особенности американской действительности, консул в Сан-Франциско П.М. Козакевич писал чрезвычайному посланнику в Вашингтон 9 августа 1897 г.: «Здесь разных религий очень много, и правительство... подчёркивает самую широкую веротерпимость, а посему местные власти не могут различным высшим иерархам той или иной религии оказывать такие же почести, какие оказывают этим последним в странах с преобладающим господством данной религии». Более того, «православные иерархи в Северо-Американских Соединённых Штатах всегда рискуют встретить со стороны местных властей меньший почёт, чем какой-нибудь еврейский раввин, особенно в Сан-Франциско, где православных мало, а евреев много, и где к православным принадлежат преимущественно лица из низших состояний, а к евреям — из наиболее богатых классов населения»²⁶. Неудивительно, что местные власти и суды часто решали споры не в пользу православных приходов²⁷.

Не обходилось без участия дипломатов и строительство новых храмов, требовавшее значительных средств, поступавших как из России — от Св. Синода и частных благотворителей (в том числе от особ Императорской фамилии), так и от местных прихожан. В добровольный сбор пожертвований включались и сотрудники дипломатических миссий. Тот же Козакевич был даже представлен к церковной награде за вклад в возведение нового храма в Сан-Франциско.

²¹ Там же, л. 21 об.

²² РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 247, л. 27.

²³ АВПРИ, ф. 170, оп. 512/1, 1890—1894 гг., д. 66, л. 26—26 об.

²⁴ Там же, л. 83—86 об.

²⁵ Там же, л. 101—102.

²⁶ Там же, ф. 279/1, оп. 1, 1904—1909 гг., д. 593, л. 52—52 об.

²⁷ Подробнее см.: *Климент (Капалин), митр.* Русская Православная Церковь на Аляске... С. 231—232.

Консул барон А.А. Шлиппенбах оказал большую помощь в сооружении Свято-Троицкого храма в Чикаго, освящённого весной 1903 г. По свидетельству посла гр. А.П. Кассини, это была «небольшая, но удовлетворяющая потребностям небольшой православной колонии» церковь, которая «своим изящным внешним видом» производила «самое отрадное впечатление на заброшенного в центр Америки русского подданного»²⁸.

Особое значение имело появление Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке. Вплоть до конца 1890-х гг. в городе действовала только скромная домовая церковь, располагавшаяся во взятом в аренду помещении, которое оплачивалось Св. Синодом. Естественно, это вызывало нарекания со стороны российских дипломатов, полагавших, что «России как представителю православия в Америке следовало бы иметь именно в Нью-Йорке, где кроме русских православных имеются и колонии других родственных единоверных нам племён, православный храм, могущий вместить молящихся, и который не умалял бы, а способствовал величию и благолепию православной службы»²⁹. Ещё в начале 1870-х гг. епархия купила в Нью-Йорке два участка земли, но из-за отсутствия средств так ничего на них и не построила. Преосвященный Тихон (Беллавин), возглавивший епархию в 1898 г., предложил приобрести более обширный участок и возобновить сбор пожертвований. С конца 1899 г. с санкции императора он проводился по всей Российской империи (сам Николай II внёс 5 тыс. руб.). Через Св. Синод деньги поступали на счёт Генерального консульства в Нью-Йорке, а оттуда уже их переводили в Строительный комитет, секретарём которого стал настоятель местного прихода о. А. Хотовицкий³⁰. 9 мая 1901 г. в торжественной обстановке состоялась закладка будущего храма. Однако собранных сумм не хватало и пришлось взять ссуду в банке Дж.П. Моргана (под ручательство консула В.А. Теплова и гр. Кассини). Тем временем 9 августа 1902 г. глава МИД гр. В.Н. Ламздорф по просьбе Победоносцева обратился за содействием к министру финансов С.Ю. Витте, заверив его, что «в интересах православия в Северо-Американских Соединённых Штатах Министерство иностранных дел со своей стороны со времени начинания постройки одного принимало горячее участие в доведении начатого дела до конца»³¹. В конце концов необходимые 120 тыс. руб. были выделены, и уже в ноябре 1902 г. состоялось освящение Свято-Николаевского собора, построенного по проекту архитектора И.В. Бергезена. Владыка Тихон и гр. Кассини совместно телеграфировали об этом гр. Ламздорфу: «С глубочайшей благодарностью вспоминая, что церковь обязана своим существованием щедротам его императорского величества, русская колония и духовенство Американской миссии просят Ваше сиятельство повергнуть к стопам государя императора чувства верноподданнической любви и беззаветной преданности»³².

Сложные коллизии вызывала и массовая иммиграция из Австро-Венгрии униатов — галичан, русинов, буковинцев, карпаторосов, — селившихся в основном в горнодобывающих районах Пенсильвании, Миннесоты и Нью-Джерси. Американские католики не признавали в них настоящих единоверцев, а русская епархия, напротив, открыла перед ними свои двери. Начиная с

²⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1903 г., д. 113, л. 116—116 об.

²⁹ Там же, ф. 170, оп. 512/1, 1894 г., д. 559, л. 5 об.

³⁰ Там же, ф. 159, оп. 749/2, 1901 г., д. 37, л. 247—250 об.

³¹ Там же, л. 251—253.

³² Там же, л. 246.

1880-х гг., при епископе Владимире, они стали целыми приходами переходить в православие. Как признавал в своём отчёте осенью 1914 г. консул в Номе и Сиэтле Н.В. Богоявленский, «духовенство наше, используя свою религиозную миссию, сыграло и большую политическую роль в смысле насаждения русского духа и русских привязанностей среди австрийских русских»³³. В начале Первой мировой войны подобные успехи приобрели особую важность.

Но это далеко не всегда проходило бесконфликтно. Так, в городке Вилькесбарр в Пенсильвании ещё в 1893 г. подавляющая часть прихожан местного униатского прихода воссоединилась с православной Церковью. Но оставшееся меньшинство, как писал послу 23 сентября 1899 г. преосвященный Тихон, «возбудило, не без влияния католиков, судебный процесс», желая сохранить за собой здание униатского храма. Местный суд поддержал этот иск, после чего дело было передано в порядке апелляции в вышестоящую инстанцию. «Мотив решения, — полагал владыка, — таков: церковь была построена вилькесбаррцами, когда все они были ещё униатами, следовательно(!) она униатская и должна принадлежать униатам. Рассуждение наивное: если из униатов, построивших церковь, воссоединятся 500 человек, а один не пожелает, то значит за ним и должна остаться церковь, которую построили 500 человек!». Однако епископ опасался, что поражение в суде «подаст повод униатам возбуждать процессы об отобрании и в других штатах православных церквей, бывших ранее униатскими». Поэтому он просил графа «в беседах с представителями высшего судебного мира Соединённых Штатов разъяснить несправедливость такого решения... и через это подготовить почву для благоприятного решения этого дела в филладельфийском суде»³⁴. Относясь к архиерею с большим уважением, посол встречался с местными юристами и даже лично обращался к министру юстиции, но слышал в ответ стандартные фразы о том, что «по Конституции США исполнительная власть не может иметь никакого влияния на судьбу процесса, подлежащего решению суда Филадельфии»³⁵.

Тем временем православные общины появлялись и в британской Канаде, куда также массово иммигрировали выходцы из Австро-Венгрии и России. Ещё в 1899 г. по ходатайству владыки Тихона ввиду «распространения православия во всей Северной Америке» епархию переименовали в «Алеутскую и Северо-Американскую»³⁶. А в 1902 г. архиерей предложил Св. Синоду и МИД распространить свою юрисдикцию на русские приходы в Канаде, где духовенству также приходилось защищать свои имущественные и другие права от сторонних посягательств. Для этого требовалось одобрение канадских властей, и местное российское консульство получило от посла из Лондона барона Е.Е. Стаалы указание «оказать преосвященному Тихону возможное содействие в этом деле» и «подтвердить перед канадским правительством как факт зависимости православных церквей в Канаде от епископа Алеутского, так и то, что императорское посольство относится вполне сочувственно к целям его ходатайства»³⁷.

Вместе с тем в расширявшейся российской диаспоре оказывалось всё больше атеистов, анархистов и социалистов, которые доставляли православному

³³ Там же, ф. 170, оп. 512/1, 1916 г., д. 414, л. 57 об.

³⁴ Письма святителя Тихона. Американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского / Сост. А.П. Попов. СПб., 2010. С. 42—43.

³⁵ АВПРИ, ф. 170, оп. 512/1, 1894 г., д. 559, л. 140—141 об.

³⁶ Климент (Капалин), митр. Русская Православная Церковь на Аляске... С. 338.

³⁷ АВПРИ, ф. 159, оп. 749/2, 1902 г., д. 403, л. 2, 5—5 об.

духовенству немало неприятностей. Так, группа прибывших в Сан-Франциско сторонников эсеров потребовала от настоятеля местного храма о. Феодора Пашковского совершить панихиду от упокоения «расстрелянных героев» — лейтенанта П.П. Шмидта и трёх матросов с броненосца «Потёмкин». В противном случае церкви угрожали погромом. Консульство обратилось в полицию, обеспечившую охрану³⁸. Но и среди верующих находились те, кто протестовал против поминовения за богослужением особ Императорской фамилии. «К чему это? — спрашивали у местного священника прихожане, недавно прибывшие в Сан-Франциско. — Вы спросите каждого русского, зачем он приехал в Америку, и каждый скажет, что в России жить нельзя, а потому, что всё у помещиков да попов»³⁹.

Самый крупный скандал такого рода произошёл в Сан-Франциско ещё в 1889—1891 гг., когда эмигрировавший из России народник врач Н. Руссель (Судзиловский) повздорил с епископом Владимиром и после пожара в церкви начал кампанию по его дискредитации: распускал слухи о его скорой отставке, инспирировал петицию с обвинениями и серию враждебных статей в местной прессе. Владыка в ответ отлучил его от церковного общения за «двуеженство, клевету и возмущение православных прихожан против епархии», а также «за нигилистические убеждения и крамольные действия против русского правительства и Церкви». Руссель подал на епископа в суд, обвиняя его без веских доказательств в клевете и «содомском грехе». Разгоравшийся скандал попал в газеты, сведения о нём дошли до Петербурга. МИД по ходатайству Св. Синода поручил консульству в Сан-Франциско оказать владыке юридическую поддержку и не допустить, чтобы дело дошло до открытого судебного процесса, который не сулил ничего доброго, поскольку местное общественное мнение не симпатизировало Церкви, связанной с Россией. Калифорнийская газета писала, что при обсуждении публичных выступлений Русселя «открыто выражалось чувство отвращения в отношении русских дел в целом, включая жестокое обращение с политическими заключёнными и засилье официальной религии»⁴⁰. Епископ отказался от предложенной консульством помощи, обвинив Г. Нибаума, замещавшего покинувшего свой пост консула А.Э. Оларовского, в сговоре с Русселем. Со своей стороны, Нибаум докладывал посланнику в Вашингтоне К.В. Струве, что «дело епископа Владимира с доктором Руссель приняло крайне острый характер и грозит окончиться крупным скандалом, в котором будут замешаны не только личность епископа, но честь и достоинство нашей Церкви»⁴¹. Используя связи в адвокатуре и судах, он тщетно пытался утихомирить обоих противников. «Должен признаться, — жаловался Нибаум Струве 27 декабря (8 января) 1891 г., — что я крайне устал от этих неприятных людей и желаю только одного — чтобы скорее приехала моя замена»⁴². Сменивший его на посту консула В.А. Арцимович встал на сторону епископа⁴³, но одновременно уговаривал его уехать из США во избежание дальнейших неприятностей. Победоносцев отменил наложенные архиереем анафемы, как будто бы выходящие за пределы его полномочий, и неоднократно пытался вернуть владыку

³⁸ Там же, ф. 279/1, оп. 1, 1904—1909 гг., д. 593, л. 107—110.

³⁹ Там же, л. 5—6.

⁴⁰ San Francisco Examiner. 1890. February 11.

⁴¹ АВПРИ, ф. 279/1, оп. 1, 1886—1893 гг., д. 484, л. 94—94 об.

⁴² Там же, л. 111.

⁴³ Руссель, возмущившись этим, даже вызвал Арцимовича на дуэль.

Владимира в Россию, но Св. Синод во главе с митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Исидором (Никольским) противился этому. Тем не менее уже осенью 1891 г. на кафедру в Сан-Франциско был назначен бывший ректор Тифлиской духовной семинарии пресвященник Николай (Зиоров)⁴⁴.

Большой проблемой для православной Церкви в Америке являлся прозелитизм католических и протестантских миссионеров, активно действовавших на Аляске после ухода оттуда русских. Особым рвением отличался пастор Роскор, развернувший свою проповедь в Уналашкинском округе. Пользуясь покровительством местной администрации, он и его последователи переманивали детей из православных семей в протестантские школы, запрещали преподавать Закон Божий в государственных учебных заведениях, запугивали крещённых русскими священниками туземцев, препятствовали переводу денежных средств от приходов в духовное правление и т.п. Владыка Николай 2(14) ноября 1893 г. сообщал кн. Кантакузену, что Роскор «всеми мерами старается внушить свои еретические воззрения православным детям, даже во время школьных занятий принуждал их молиться по протестантскому обычаю и вместе с ними петь протестантские религиозные песни». Епископ призывал посланника «принять меры к ограждению интересов православия в бывших русских владениях» и предупреждал, что «если оставить без внимания подобные факты, то в скором времени от православной Церкви на Аляске и Алеутских островах останется только одно историческое воспоминание»⁴⁵. Копию своего обращения он направил в Св. Синод.

Видимо, устав от подобных писем и желая избежать упреков из Петербурга, князь решил объяснить свою позицию министру. «Вполне понятно, — докладывал он 11(23) ноября, — что ввиду жалоб нашего духовенства на протестантскую пропаганду епископу Николаю желательно среди этих трудных для него обстоятельств пользоваться посредничеством императорской миссии, но я сомневаюсь, будет ли вмешательство миссии полезно для действительных интересов православия на Аляске». Учитывая «щекотливость» дела, посланник предпочитал, чтобы духовенство напрямую обращалось к федеральным властям США и прибегало «к поддержке императорской миссии только в случае безуспешности его ходатайств»⁴⁶. Заключение МИД, направленное в Св. Синод, вполне соответствовало мнению князя. Однако Победоносцева оно категорически не устраивало. «Мне представляется не вполне ясным, — писал он Гирсу, — почему вопрос о нарушении свободы церковного управления и школьного обучения в православных приходах представляется щекотливым для сношения наших дипломатических агентов в Америке с правительством Соединённых Штатов. Казалось бы, что нашей дипломатии, представляющей православную государственную власть, столь же близки, ясны и дороги, как и православному епископу, ограждаемые законом и трактатом интересы православия в Америке. С другой стороны, устранением нашей дипломатии от ходатайства по сему предмету налагается на русского епископа, в среде чуждого закона и чуждого племени непосильное для него бремя, даже без всякого руководства и указа-

⁴⁴ Подробнее см.: *Emmons T. Alleged Sex and Threatened Violence*. Stanford, 1997. Э.Л. Нитобург пишет о «разоблачении» владыки Владимира Русселем, однако Эммонс обращает внимание на то, что вина епископа так и не была доказана в суде (*Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870—1970: этноисторический очерк*. М., 2005. С. 216; *Emmons T. Op. cit.* P. 155—156).

⁴⁵ АВПРИ, ф. 170, оп. 512/1, 1894 г., д. 559, л. 193—195.

⁴⁶ Там же, л. 192.

ния, к кому и в каких формах должен он обращаться с непосредственным своим ходатайством». Со своей стороны, обер-прокурор считал «совершенно естественным и законным, что при безуспешности этих попыток» архиерей ищет опоры в российском посольстве, «ибо иначе к кому же мог бы он обратиться»⁴⁷. Копию с этого отношения в МИД Победоносцев передал, пусть и без особой надежды на успех, посланнику США в России Уайту. «Но что поделаешь с американскими властями! — сетовал он, описывая 1 декабря 1893 г. владыке Николаю (Зиорову) свои усилия. — А — ещё того хуже — увы! — с нашей дипломатией»⁴⁸. Его корреспондент придерживался схожих взглядов и в своём отчёте Св. Синоду за 1896 г. уверенно заявлял, что «если бы наше представительство пожелало проявить несколько больше энергии и благожелательства к православию в Америке, тогда наши успехи были бы ещё значительнее»⁴⁹.

В этом эпизоде ярко отразилось различие подходов к защите интересов православия за рубежом. В итоге кн. Кантакузену всё же пришлось выступить с протестом против притеснения православия, однако в Государственном департаменте в апреле 1894 г. подготовили в ответ стандартную отписку об отсутствии сведений о нарушении прав верующих и в очередной раз заверили: «Православная Церковь пользуется всеми правами, что и остальные исповедания»⁵⁰. Между тем, не дожидаясь даже этой реакции, кн. Кантакузен весной 1894 г. поделился с Шишкиным, управлявшим тогда МИД, своими соображениями: «Что же касается постоянных жалоб епископа Алеутского и Аляскинского на бездействие императорской миссии в вопросах о защите интересов православия в Америке, то подобного рода пререкания между здешней епархией и миссией могли быть легко устранены, если бы епископу было предложено обращаться со своими жалобами и требованиями непосредственно в Св. Синод, откуда по надлежащему порядку они были бы сообщаемы через МИД императорской миссии для исполнения»⁵¹.

В межведомственном взаимодействии немалую роль играли и личные качества и отношения дипломатов и архиереев. Когда в 1895 г. высокомерного кн. Кантакузена сменил более гибкий и обходительный Коцебу (а затем — гр. Кассини), а епископскую кафедру занял преосвященный Тихон, прежние трения между посольством и епархией прекратились, и та же проблема защиты приходов от прозелитизма стала обсуждаться иначе.

В 1890-х гг. православное духовенство в Америке очень тревожила активная проповедь протестантской секты моравских братьев. Реагируя на многочисленные жалобы, Коцебу даже обращал на неё внимание государственного секретаря Р. Олни. «Не считая себя вправе вмешиваться во внутренние дела Соединённых Штатов, — докладывал он 6(18) февраля 1897 г. управлявшему МИД гр. Ламздорфу, — я тем не менее во время моих личных свиданий со статс-секретарём Олнеем... нашёл возможность обратить его внимание на эти дела и, должен сказать по справедливости, встречал в нём полную готовность содействовать улаживанию этих затруднений». Однако эта помощь проявлялась лишь в отдельных эпизодах. По словам Коцебу, «излишнее рвение моравских братьев не встречает сочувствия в здешнем правительстве, но в силу того,

⁴⁷ Там же, л. 199—200.

⁴⁸ РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 247, л. 36.

⁴⁹ Там же, ф. 796, оп. 178, 1896 г., д. 3549, л. 18.

⁵⁰ АВПРИ, ф. 170, оп. 512/1, 1894 г., д. 559, л. 185—186.

⁵¹ Там же, л. 3—3 об.

что по американским порядкам их деятельность носит совершенно частный характер, вашингтонское правительство не захочет и не намерено принять в этом деятельное участие»⁵².

При этом если представители духовенства, болезненно ощущавшие неустойчивость своего положения, пытались опереться на внешнюю силу и авторитет могущественной державы, то дипломаты отчётливо понимали, что слишком тесная идентификация православия с Российской империей способна лишь препятствовать его распространению в Америке. Консула в Сан-Франциско Козакевича смущал даже двуглавый орёл на официальной печати епархии. «Я не думаю, — сообщал он в МИД 27 февраля (11 марта) 1908 г., — чтобы духовная миссия, хотя бы и зависимая от центрального российского учреждения, Св. Синода, могла бы пользоваться печатью с изображением государственного герба. Во всяком случае, я полагаю, что пользование в Американских Соединённых Штатах иностранным гербом со стороны чисто духовной миссии едва ли соответствует назначению самой миссии и способствует её преуспеянию; да и само упоминание об иностранном подданстве лиц, служащих духовному делу в Американских Соединённых Штатах, едва ли соответствует самому делу и является целесообразным для задач самой миссии»⁵³.

Когда весной 1901 г. на Западном побережье готовились к встрече президента У. Мак-Кинли, архимандрит Севастиан (Дабович)⁵⁴, замещавший находившегося в отъезде епископа, просил российского консула представить его главе государства. Однако, по мнению Козакевича, лишний раз указывать на связь священника с Россией не следовало, поскольку «главный оригинальный признак церкви, которую здесь о. Себастьян представляет, не то, что она по преимуществу церковь русская и получает средства от Св. Синода, а то, что она православная, и потому русскому консулу нет никакой необходимости лишний раз подчёркивать, как бы для соблазна иноверцев, русский характер самой церкви». Как отмечал дипломат, в Америке и без того вызывали нарекания приходы, демонстрировавшие «их исключительную принадлежность к той части населения Штатов, которая находит в самой церкви силу для сохранения своей собственной природной народности или прочно заимствованной не англосаксонской народности (например, обрусевшие индейцы Аляски). На этой именно почве и возникают гонения на православных на Аляске, на которые постоянно жалуется само же духовенство»⁵⁵.

Это осознавали и наиболее дальновидные священнослужители. К примеру, протоиерей А. Хотовицкий (впоследствии репрессированный советской властью и причисленный к лику новомучеников) 7 января 1907 г. обратился к послу барону Р.Р. Розену с просьбой поддержать его ходатайство о пересмотре закона, согласно которому попечителями Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке являлись посол и консул. Священник признавал, что ранее это было оправданно, но «теперь, однако, наша епархия умножается в количестве церквей и, как Вам ведомо, прихожанами нашими в большинстве являются не российские подданные, а выходцы из Австрии, а во многих случаях и амери-

⁵² Там же, л. 66—67.

⁵³ Там же, ф. 279/1, оп. 1, 1904—1909 г., д. 593, л. 3—3 об.

⁵⁴ Основатель первых сербских приходов в США, причисленный Сербской Православной Церковью к лику святых.

⁵⁵ АВПРИ, ф. 279/1, оп. 1, 1904—1909 г., д. 593, л. 54—55. Посольство одобрило позицию консула.

канские граждане». В этих условиях даже номинальное попечительство официальных лиц становилось нежелательным. Учитывалось и то, что «наши враги-униаты пугают легковых “цареславию” и указывают на вышеупомянутый закон как на доказательство того, что-де царь через своих представителей посягает на... собственность чужих подданных в свободной стране»⁵⁶.

Избегая вмешательства во внутрицерковные дела, представители империи чутко реагировали на вторжения клириков в «вопросы, не имеющие прямого отношения к церкви и так или иначе касающиеся области политики». Так, сообщая в Вашингтон 21 апреля (4 мая) 1901 г. о платной публичной лекции архимандрита Севастиана (Дабовича) «О славянской расе», Козакевич писал, что «среди образованной публики Сан-Франциско такие речи могут вызвать только негативную реакцию». Между тем правящий архиерей находился в отъезде, а «мнение местного консульства или непосредственно императорского посольства» об уместности подобного выступления в епархии не спрашивали⁵⁷.

Российские дипломаты поневоле периодически вовлекались в конфликты, возникавшие как внутри епархии, так и вокруг некоторых священнослужителей. Хуже всего ситуация была на Аляске, где, несмотря на все усилия Св. Синода, многие приходы годами оставались без пастырей, ибо, как говорилось в отчёте епархии за 1912 г., «нет желающих даже среди иноков идти страдать среди ужасов ледяного царства и самых невозможных условий жизни». Те же, кто приезжал туда, зачастую не могли вести миссионерскую деятельность, поскольку, не зная местных языков и обычаев, общались с прихожанами через переводчика⁵⁸. Иные начинали пьянствовать, что вызывало бытовые скандалы. Из посольства в Вашингтоне ещё в 1880-х гг. писали в Св. Синод о неподобающем поведении и слабой подготовке некоторых клириков⁵⁹. Между тем притесняемое белыми американцами туземное население беднело и вымирало, а русских священников всё чаще заменяли малограмотные самоучки из креолов. Осенью 1914 г. консул Богоявленский, составляя для посольства отчёт о «положении русского дела и православия на Аляске», утверждал, что «неблаговидное поведение этих отдельных лиц бросает тень и на всё наше духовенство на Аляске и роняет престиж русского имени в глазах американцев». При этом «хороший русский священник всегда будет иметь больше влияния на туземцев, чем местный, потому что к России и ко всему русскому у православных туземцев до сих пор сохранилось такое уважение, что всё русское окружается ореолом». Дипломат рекомендовал более решительно защищать права русского духовенства и его паствы на Аляске. «Мне кажется, — писал он послу Г.П. Бахметеву в Вашингтон 12(25) февраля 1916 г., — что поддержка посольства не была бы вмешательством во внутренние дела Америки, потому что основывалась бы на договоре 1867 года. Если американцы нашли возможность в своё время заступаться за наших евреев, на что никакого права не имели, то тем более имеем право заступиться и за православных алеутов мы, имея на руках упомянутое соглашение»⁶⁰. Для упорядочения местных церковных дел духовное управление в 1916 г. предложило восстановить на Аляске

⁵⁶ Там же, ф. 170, оп. 512/1, 1894 г., д. 559, л. 452.

⁵⁷ Там же, ф. 279/1, оп. 1, 1904—1909 гг., д. 593, л. 63—68 об.

⁵⁸ Климент (Капалин), митр. Русская Православная Церковь на Аляске... С. 355.

⁵⁹ АВПРИ, ф. 279/1, оп. 1, 1886—1893 гг., д. 484, л. 3—4.

⁶⁰ Там же, ф. 170, оп. 512/1, 1916 г., д. 414, л. 57—58, 72—72 об.

викариатство⁶¹. Бахметев горячо поддержал эту идею. «Со своей стороны, — уведомлял он товарища министра А.А. Нератова 18 июня (1 июля) 1916 г., — нахожу не только полезным, но и необходимым для достоинства православия и русского имени иметь постоянного епископа в Аляске, где безначальственное духовенство до того распустилось, что ко мне нередко поступали от американского правительства жалобы на безнравственное и безобразное поведение некоторых наших священников»⁶². Так и было сделано. Любопытно, что Аляска и поныне остаётся самой православной частью США. Именно там расположены все семь графств страны, в которых преобладает православное население⁶³.

Несмотря на все трудности, Русская Церковь смогла закрепиться в Америке. Полиэтнический характер Алеутской епархии сделал её колыбелью для многих православных общин страны. Согласно отчёту архиепископа Тихона (Беллавина) за 1905 г., в его ведении находилось 72 церкви и 83 молитвенных дома, 80 приходских школ с 2 тыс. учащихся и восемь детских приютов⁶⁴. По инициативе будущего патриарха Московского открылись первая духовная семинария в Миннеаполисе, готовившая священнослужителей для епархии (занятия и службы в ней шли на русском и английском языках), и Свято-Тихоновский мужской монастырь в Пенсильвании. Многократно увеличилось количество православных изданий, в том числе и периодических.

К 1917 г. Северо-Американская епархия Православной Российской Церкви охватывала весь континент, кроме Мексики, имела четыре викариатства, 272 прихода, 242 клириков и около 300 тыс. прихожан. Кроме того, в неё входили Сиро-арабская и Албанская миссии, из которых каждая насчитывала около 30 тыс. верующих, а также Сербская миссия (до 15 тыс.). В 1916 г. «восточное православие» являлось самой быстрорастущей христианской конфессией в США⁶⁵. Но не без труда отлаженное взаимодействие российской дипломатии и церковных иерархов в Северной Америке вскоре рухнуло вследствие революционных потрясений в империи. Однако за полвека оно немало способствовало укреплению позиций православия в США и оставило заметный след в его истории.

⁶¹ Там же, л. 92.

⁶² Там же, л. 83.

⁶³ Печатнов В.В. «...От русского корня»: пути американского православия // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 141.

⁶⁴ Попов А.В. Русское православное зарубежье. С. 144.

⁶⁵ Stokoe M., Kishkovsky L. Orthodox Christians in North America (1794—1994). South River (N.J.), 1995. P. 18.

Поездка кардинала Ф. Кёнига по Советскому Союзу в 1980 г.: церковная дипломатия в условиях холодной войны

Надежда Белякова

Cardinal König's Trip to the Soviet Union in 1980: Church Diplomacy during the Cold war

Nadezhda Beliakova

(*Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
First Sechenov Medical University, Moscow*)

DOI: 10.31857/S086956870016596-6

В сентябре 1980 г. архиепископ Венский кардинал Франц Кёниг (1905—2004) посетил Москву. Визит широко освещался в австрийской, немецкой, французской печати, для многих наблюдателей значимым был сам факт приезда в СССР делегации католической Церкви. Несмотря на резонанс, в советских документах поездка практически не упоминается. Раскрыть детали её подготовки и программы удалось благодаря личному архиву Кёнига в Вене (Kardinal König-Archiv), где была обнаружена отдельная папка «Pro Oriente. Reise UdSSR. 18—28.09.1980». Большим подспорьем для данного исследования стали воспоминания посла Австрии в СССР Г. Хинтеррегера и дневниковые записи советника по культуре австрийского посольства Й. Марте.

Нужно отметить, что поездки в Советский Союз были важным социальным, политическим и эмоциональным опытом для путешественников из Европы и США. Однако до сих пор исследователи в основном обращали внимание на визиты довоенного периода¹, более поздние религиозные контакты изучены значительно меньше². Между тем со второй половины 1950-х гг. стабильно рос поток не только туристов, но и официальных делегаций, посещавших Советский Союз³. В 1960—1970-х гг. представители христианских церквей Запада, остро

© 2021 г. Н.А. Белякова

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00482 «Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917—1958 гг.».

The article was carried out as part of a project supported by the Russian Science Foundation, project № 19-18-00482 «Entangled Histories: Russia and Holy See, 1917—1958».

¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921—1941 годы. М., 2014; Cold War Crossings: International Travel and Exchange across the Soviet Bloc, 1940s—1960s / Ed. by P. Babiracki, K. Zimmer. Texas, 2014; Laamanen V. VOKS, Cultural Diplomacy and the Shadow of the Lubianka: Olavi Paavola's 1939 Visit to the Soviet Union // Journal of Contemporary History. 2017. Vol. 52(4). P. 1022—1041.

² Religion and the Cold War / Ed. by D. Kirby. Basingstoke, 2003; Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций. Т. 11. 2018. № 4. С. 130—149; Пивоваров Н.Ю. Кого приглашали и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943—1985 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 185—215; Белякова Н.А. Церкви в холодной войне // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 7—18; Mojzes P. North American Churches and the Cold War. Grand Rapids, 2018.

³ Das Imaginäre des Kalten Krieges. Beiträge zu einer Wissens- und Kulturgeschichte des Ost-West-Konfliktes in Europa / Hg. D. Eugster, M. Sibylle. Essen, 2015; Danzer D. Zwischen Vertrauen und Verrat. Deutschsprachige kommunistische Intellektuelle und ihre sozialen Beziehungen (1918—1960). Göttingen,

ощущавшие секуляризационные процессы в своих обществах, проявляли всё больший интерес к религиозной жизни в социалистических странах Восточной Европы. Визит в Москву кардинала стал, безусловно, значимым политическим событием. Ведь Кёниг был руководителем католической церкви Австрии — нейтральной страны, занимавшей особое место в годы холодной войны⁴.

С момента назначения на Венскую кафедру в 1956 г. Кёниг называл своей миссией строительство моста между христианским Западом и Востоком⁵. Насколько речь шла о собственных амбициях кардинала и в какой мере его действия координировались Ватиканом, сказать трудно⁶. В любом случае эта инициатива была поддержана Министерством иностранных дел Австрии, которое регулярно передавало ему аналитические записки о тенденциях, мероприятиях и кадровых перемещениях в церквях по ту сторону «железного занавеса»⁷.

В ходе II Ватиканского собора (1962—1965 гг.) было решено усилить взаимодействие с социалистическими странами⁸. Важные функции возлагались при этом на Секретариат по диалогу с неверующими, который с 1964 г. возглавил Кёниг. Католические прелаты восприняли появление этого подразделения неоднозначно, а некоторые из них расценили его как уступку, соглашательство с коммунистической идеологией⁹. Однако австрийские католики в послевоенный период остро ощущали потребность найти место для христианства между марксизмом и секулярным либерализмом. Разделял эти устремления и Кёниг — профессор университета Зальцбурга и признанный авторитет в области моральной теологии¹⁰. Его диссертация была посвящена сравнению Ветхого Завета с зороастризмом, а знаменитым его сделал трёхтомник «Христос и религии земли», выпущенный в начале 1950-х гг.

2012; *Pressing the Fight. Print, Propaganda, and the Cold War* / Hg. G. Barnhisel, C. Turner. Amherst; Boston, 2010; *Caute D. The Fellow-Travelers. Intellectual Friends of Communism*. New Haven; L., 1988.

⁴ Подробнее см.: *Maurer S., Neumann-Rieser D., Stocker G. Diskurse des Kalten Krieges Eine andere österreichische Nachkriegsliteratur*. Wien, 2017.

⁵ *König F. Wien — die Brücke zum Osten // Pro Oriente. Konziliarität und Kollegialität*. Innsbruck; Wien; München, 1975. S. 11.

⁶ Примечательно, что о запланированном визите в СССР Кёниг сообщил руководителю ватиканского Секретариата по содействию христианскому единству Й. Виллебрандсу только 5 сентября 1980 г. (Kardinal-König-Archiv, папка «Pro Oriente. Reise UdSSR»).

⁷ Так, например, в 1977 г. посол Австрии в СССР направил записку о проведении в Советском Союзе конференции религиозных деятелей за безъядерный мир и разоружение, а в 1978 г. из ГДР пришло сообщение о перемещении митрополита Филарета (Вахромеева) из Берлина в Минск с анализом мотивации данного решения Св. Синода и его возможных последствий для католиков СССР (Kardinal-König-Archiv. 427/77).

⁸ Подробнее о новой «восточной политике» Ватикана см.: *The Vatican «Ostpolitik» 1958—1978 Responsibility and Witness during John XXIII and Paul VI*. Viella, 2015; *Stehle H. Geheimdiplomatie im Vatikan. Die Päpste und die Kommunisten*. Zürich, 1993; *Riccardi A. Il Vaticano e Mosca 1940—1990*. Roma; Bari, 1992; *Melloni A. L'Ostpolitik Vaticana di Agostino Casaroli*. Bologna, 2006; *Barberini G. L'Ostpolitik della Santa Sede: Un dialogo lungo e faticoso*. Bologna, 2007; *Грабовец Э. Восточная политика Ватикана и Словакия во внутриватиканском, международном и церковном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2016. Т. 7. Вып. 9(53) (URL: <https://history.jes.su/s207987840001550-4-1/>).

⁹ Схожая характеристика содержится в аналитической записке заместителя председателя КГБ С.К. Цвигуна, поданной в ЦК КПСС в январе 1968 г.: «В самой католической церкви есть также рьяные сторонники сближения с коммунистами. В первую очередь к ним относится кардинал Кёниг, возглавляющий “секретариат для неверующих”» (РГАНИ, ф. 6, оп. 60, д. 24, л. 2).

¹⁰ *König F. Christus und Religionen der Erde*. Wien, 1951.

В Вене кардинал поддерживал развитие диалога между теологами, представителями марксистской философии и либерального секуляризма¹¹. Кроме того, он находился в постоянной переписке с англиканским священником М. Бордо, издававшим бюллетень «Religion in Communist Lands» («Религия в коммунистических странах»)¹², и реформатским пастором из Швейцарии Е. Фоссом, руководителем «Glaube in der 2. Welt» («Вера во Втором мире»). Под патронажем Кёнига работало католическое немецкоязычное информационное агентство «Kathpress», которое в 1970-х гг. регулярно публиковало высказывания советских диссидентов (в том числе А.И. Солженицына) на религиозные темы. 27—29 июня 1980 г. кардинал участвовал в первом мероприятии «Венские встречи», посвящённом теме «Церкви и права человека в Восточной Европе»¹³. В эти же дни «Kathpress» опубликовало телеграмму Зальцбургского архиепископа К. Берга Л.И. Брежневу с осуждением преследования христиан в Советском Союзе¹⁴.

В Австрии значимым результатом II Ватиканского собора и прямым следствием исторической встречи римского папы Павла VI с Константинопольским патриархом Афинагором I в 1964 г. было появление фонда «Pro Oriente», нацеленного на «помощь развитию всех видов контактов с европейским Востоком для того, чтобы служить пониманию между христианами Востока и Запада»¹⁵. У его истоков стояли влиятельные католические активисты О. Мауер («Католическая акция»), О. Шульмастер (издатель и главный редактор австрийской газеты «Die Presse» в 1961—1976 гг.)¹⁶, А. Бауер (директор металлургического концерна Böhler), Ф.-К. Фетцер (руководитель Индустриального объединения Австрии), вице-бургомистр Вены Г. Дриммел и А. Штирнеманн (в дальнейшем генеральный секретарь фонда). Правление фонда возглавил венский архиепископ¹⁷.

«Pro Oriente» стал форпостом для выстраивания диалога католиков с восточными церквями. Официальное ватиканское издание «Osservatore Romano» особо отметило его роль в продвижении экуменических идей христианского единства. Основными направлениями деятельности фонда были организация собеседований и конференций по спорным богословским и церковно-организационным вопросам; организация экуменических поездок на Восток; поддержка и издание научных исследований. С момента возникновения «Pro Oriente» взаимодействовал с издательством «Herder», публикуя материалы в журнале «Wort und Wahrheit» («Слово и истина»).

¹¹ König F. Kardinal. Der Mensch ist für die Zukunft angelegt. Analysen, Reflexionen, Stellungnahmen. Wien, 1975.

¹² В СССР издание называли не иначе как «клеветническим». Подробнее см.: Шлихта Н. Как учредить «антисоветскую организацию»: к истории Кестонского института и письма верующих из Пochaева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 244—267.

¹³ Kardinal-König-Archiv, 648/80.

¹⁴ Salzburger Erzbischof Berg schreibt an Leonid Breschnjew // Kathpress. 9.5.1980. № 91. S.2. Телеграмму составил Й. Шихо, подписи под ней поставили более 40 тыс. австрийцев. Были упомянуты религиозные активисты В. Пореш, В. Бурцев, В. Попков, А. Огородников, которых в то время судили в СССР.

¹⁵ Denkwerkstatt Pro Oriente. Erfolgsgeschichte eines Ost-West Dialogs (1964—2014) / Ed. J. Marte, R. Prokschi. Innsbruck; Wien, 2014.

¹⁶ Venus T. Schulmeister Otto / Neue Deutsche Biographie (NDB). Berlin, 2007.

¹⁷ Stirnemann A. Pro Oriente — das ökumenische Werk des Kardinals König // Veritati in Caritate. Der Beitrag des Kardinals König zum Ökumenismus. Wien, 1981. S. 11.

Создание этого фонда отражало перемены в религиозной политике Австрии. В 1967 г. был принят закон, предоставивший всем православным церквям право на создание религиозных сообществ и на оплачиваемое государством преподавание основ их вероучения в школе¹⁸. Пост министра образования и культов на тот момент занимал Т. Пифл-Перцевич, ставший позднее вторым президентом «Pro Oriente» и принявший участие в поездке по СССР в 1980 г.

Фонд динамично развивал отношения с церквями Восточной Европы, уделяя особое внимание искусству и иконописи¹⁹. С Русской Православной Церковью (РПЦ) диалог поначалу не выстраивался, хотя с докладами на симпозиумах «Pro Oriente» выступали митрополит Сурожский Антоний (Блум) («Православная вера и русская духовность», 3 марта 1972 г.), патриарший экзарх Западной Европы митрополит Филарет (Вахромеев) («Экуменизм и русское православие», 9 марта 1978 г.), архиепископ Берлинский и Среднеевропейский Мельхиседек (Лебедев) («Душепопечение в Русской Православной Церкви», 3 декабря 1979 г.)²⁰. В качестве знака внимания к экуменическим инициативам РПЦ фонд издал на русском языке диссертацию митрополита Никодима (Ротова), посвящённую истории понтификата Иоанна XXIII. Представители «Pro Oriente» стремились налаживать личные отношения с влиятельными восточными иерархами.

4 апреля 1980 г. правление фонда сообщило архиепископу Венскому и Австрийскому Иринею (Зуземилу) о намерении кардинала Кёнига нанести визит в СССР для установления более близких отношений с Русской, Грузинской и Армянской церквями. Поездка предполагалась в формате паломничества по почитаемым местам. На встрече с капелланами австрийской олимпийской сборной 25 июля митрополит Ювеналий (Поярков), руководитель Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) Московской патриархии, предложил делегации «Pro Oriente» приехать во второй половине сентября, а позднее прислал программу визита: 19 сентября — встреча с церковным руководством в Москве и приём в посольстве Австрии, 21 сентября — поездка в Загорск на празднование 600-летия Куликовской битвы. Пифл-Перцевич и Кёниг согласились на эти условия, но настойчиво просили аудиенции с патриархом Московским и всея Руси Пименом. О том, какое значение этой поездке придавало правление фонда, говорит и внушительный состав делегации, насчитывавшей 29 человек. Важность визита осознавали и в ОВЦС. Накануне отъезда, 17 сентября, архиепископ Ириней даже организовал благодарственный молебен в венской церкви Свт. Николая²¹. Поездка широко освещалась в СМИ. Регулярно публиковало новости агентство «Kathpress», к делегации был прикреплён корреспондент телерадиокомпании ORF О. Хёрманн. Посол Хинтереггер сопровождал Кёнига во время всего турне.

Совет по делам религий (СДР) при Совете министров СССР видел в Кёниге сторонника вмешательства во внутренние дела церквей Восточной Европы. Нервную реакцию Москвы вызвало его высказывание об усилении противостояния между верующими и атеистами в советском обществе²². В то

¹⁸ Так называемый *Orthodoxengesetz*. Подробнее см.: *Hannoncourt Ph.* «Sie alle sollen eins sein, damit die Welt glaube» (Joh 17, 21) // *Denkwerkstatt Pro Oriente. Erfolgsgeschichte eines Ost-West Dialogs* (1964—2014). Innsbruck; Wien, 2014. S. 39.

¹⁹ См., например: *Chrysostomus J.* *Kleine Kirchengeschichte Russlands*. Basel; Wien, 1967.

²⁰ *Chronik Pro Oriente* // *Denkwerkstatt Pro Oriente. Erfolgsgeschichte eines Ost-West Dialogs* (1964—2014). Innsbruck; Wien, 2014. S. 231—233.

²¹ *Kardinal-König-Archiv*, папка «Pro Oriente. Reise UdSSR».

²² *The Living Church*. 1976. 14 March. P.10.

же время архиепископ Вены воспринимался как влиятельная фигура. Так, в монографии старшего инспектора СДР И.Ю. Бончковского «Царство от мира сего», посвящённой творцам «восточной политики» Ватикана, Кёниг характеризуется как «весьма интересная и колоритная фигура в священной коллегии кардиналов», один из лидеров «реформатского направления», который «как никто другой подходит для выполнения деликатной миссии, возложенной на его секретариат»²³. Однако после обвинений в использовании частной переписки, выдвинутых преподавателем православных духовно-учебных заведений СССР иезуитом М. Арранцем, особым решением Секретариата ЦК КПСС 19 сентября 1976 г. книга была изъята из магазинов и библиотек, а её автор уволен из СДР²⁴.

Судя по воспоминаниям посла Хинтереггера, инициатива ОВЦС пригласить кардинала в СССР не получила поддержки в патриархии²⁵. Позднее, уже во время визита делегации фонда в Троице-Сергиеву лавру, сотрудник ОВЦС П.А. Кутеров²⁶ объяснил австрийскому дипломату Й. Марте, что противниками идей экуменизма, продвигавшихся Кёнигом, являются «патр[иарх] Пимен и митр[ополит] Филарет [Денисенко]»²⁷.

Политический фон для поездки также был неблагоприятным. В 1970-е гг. советское руководство видело в Ватикане серьёзную угрозу²⁸, особенно после посланий Иоанна Павла II в адрес епископата Украинской католической церкви в эмиграции и признании им украинских греко-католиков в качестве церкви-мученицы. Игнорировались все попытки обсудить положение христиан в Советском Союзе²⁹. В результате к 1980 г. межконфессиональный диалог практически прекратился³⁰. Предложение о визите «Pro Oriente» совпало с масштабным забастовочным движением и политическим кризисом в Польше, в котором участвовали Польская католическая церковь и лично папа Иоанн Павел II. Как говорил Марте Кутепову, «события в Польше и заявление папы Римского Иоанна Павла II сыграли свою роль. В настоящее время настроение против Рима»³¹. Важно также учитывать, что консервативная часть советского руководства крайне негативно воспринимала концепцию «религия при социализме», которая завоевала серьёзные позиции в ГДР, Югославии и Румынии³².

²³ Бончковский И. Царство от мира сего. М., 1976. С. 154.

²⁴ РГАНИ, ф. 4, оп. 23, д. 36.

²⁵ Hinteregger G. Im Auftrag Österreichs. Erlebte Außenpolitik von Kreisky bis Mock. Wien, 2008. S. 255.

²⁶ Так написано имя в записках Й. Марте. Речь, скорее всего, идёт о главном редакторе Бюро переводов и информации ОВЦС П.А. Кутепове (1925—1983), сыне одного из лидеров Белого движения генерала А.П. Кутепова.

²⁷ Фотокопию записи беседы с П. Кутеповым Й. Марте представил в частной переписке Н.А. Беляковой.

²⁸ Шахнович М. Холодная война и идеологическая борьба на «религиозном фронте»: о некоторых моделях советской пропаганды // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 164—184.

²⁹ Эти темы поднимались руководством на встречах с А.А. Громыко и Н.В. Подгорным (см.: Cherny-Verner R. Vatikanische Ostpolitik und die DDR. Göttingen, 2011. S. 63).

³⁰ Подробнее об этом см.: Belyakova N. The U.S.S.R., Greek Catholics and the Vatican «Ostpolitik» in the 1960—1970's: Grey Zone and the Stumbling Blocks // Stolen Churches or Bridges to Orthodoxy / Ed. by V. Latinovich, A. Wooden. Palgrave Macmillan, 2021. P. 185—200.

³¹ Фотокопию записи беседы с П. Кутеповым Й. Марте представил в частной переписке Н.А. Беляковой.

³² Mojzes P. Christian-Marxist Dialogue in Eastern Europe: 1945—1980 // Occasional Papers on Religion in Eastern Europe. 1984. Vol. 4(4). P. 13—53; Schrey H.-H. Christentum und Sozialismus: Ein

Тем не менее прямой отказ из Москвы правление фонда не получило. Хинтереггер вспоминал, что в МИД СССР ему порекомендовали организовать не официальный визит, а частную поездку представителей «Pro Oriente». По его мнению, на Смоленской площади хорошо понимали высокий статус и влияние кардинала³³. Действительно, посол в Австрии М.Т. Ефремов 3 августа 1980 г. поздравил Кёнига с 75-летием³⁴, а на приёме в честь его приезда 19 сентября присутствовали высокопоставленные дипломаты³⁵.

Правление фонда обратилось к услугам туристического бюро Райффайзен, которое составило смету (на одного путешественника десятидневный тур стоил 10 600 долларов) и разработало программу поездки в СССР. Предполагалось трёхдневное пребывание в Москве, посещение Троице-Сергиевой лавры, Тбилиси и Еревана³⁶. Советская сторона также рассматривала приезд делегации как частный визит. По прилёте 19 сентября гостей встречали только представители ОВЦС — митрополит Ювеналий и архиепископ Хризостом (Мартишкин). Краткое содержание их разговора сохранилось в записях Марте. Ювеналий сообщил, что РПЦ стоит на позициях патриотизма, и её борьба с атеизмом сочетается с уважением к неверующим согражданам. По его словам, празднование 600-летия битвы на Куликовом поле показывает, что Церковь всегда была со своим народом и потому поддержала советскую власть в период Великой Отечественной войны. Принимая подаренные кардиналом богословские книги, Ювеналий заявил, что он больше практик, чем теоретик, и рассказал «анекдот» про идею константинопольского патриарха Афинагора собрать всех теологов на необитаемом острове³⁷.

Записи Марте показывают, что для руководства РПЦ было важно подчеркнуть духовную составляющую празднования Куликовской битвы. Это отметила и близкая к Кёнигу печать: 8 сентября «Die Presse» опубликовала специальный репортаж У. Энгельбрехта «Битва двух континентов. Как русские Европу от татар спасли» с цитатами А.И. Солженицына и Е.А. Евтушенко³⁸. Однако сюжеты «православного патриотизма» не были отмечены кардиналом в его описаниях религиозной жизни в СССР.

21 сентября делегация прибыла в Троице-Сергиеву лавру на торжественное богослужение. Здесь Кёниг наконец получил возможность переговорить с патриархом Пименом, который встретил его достаточно холодно и ограничился несколькими формальными репликами. Позднее кардинал характеризовал поведение патриарха во время их встречи как «испуганное»³⁹. Марте отмечал, что на торжественном обеде в Московской духовной академии и семинарии Кёниг совершил явную ошибку, слишком часто упоминая с восхищением митрополита Никодима (Ротова) при его давнем противнике, ректоре

Rückblick auf die Literatur der siebziger Jahre // Theologische Rundschau. 1986. Vol. 51. № 4. S. 372—403.

³³ Hinteregger G. Op. cit. S. 258.

³⁴ Kardinal-König-Archiv, папка «Reise nach UdSSR».

³⁵ Hinteregger G. Op. cit. S. 256.

³⁶ Программа путешествия делегации Pro Oriente 18—28 сентября 1980 г. (Kardinal-König-Archiv, папка «Pro Oriente. Reise UdSSR»).

³⁷ Фотокопию записи беседы с П. Кутеповым Й. Марте представил в частной переписке Н.А. Беляковой.

³⁸ Engelbrecht U. Eine Schlacht war's zweier Kontinente. Als die Russen Europa vor den Tateren retteten // Die Presse. 1980. 9 September. S. 1.

³⁹ Hinteregger G. Op. cit. S. 258.

академии архиепископе Владимире (Сабодане). После обеда члены делегации «Pro Oriente» оказались предоставлены сами себе. Согласно записям Марте, их фактически «выставили» из лавры⁴⁰.

Следующими пунктами были Грузия и Армения, однако источников об этом этапе путешествия сохранилось мало. В Тбилиси не оказалось католикоса Илии II, который, как полагал Хинтереггер, не хотел встречаться с Кёнигом и этим осложнять отношения с Москвой. Однако кардинал был приглашён на торжественное богослужение Грузинской православной церкви, отслужил мессу в католическом костёле и пообщался с прихожанами. В Ереване католикос Вазген I встретил делегацию весьма приветливо. По наблюдению австрийского посла, Армянская церковь обладала большей свободой, чем РПЦ, стремилась к открытости и расширению международных контактов⁴¹.

29 сентября в Вене состоялась пресс-конференция по итогам поездки делегации «Pro Oriente» в СССР. На ней Кёниг подчеркнул, что визит был неофициальным и пожалел, что «такая большая страна занимает в отношении религиозной толерантности позицию, которую мы не можем понять». По его мнению, атеизм в Советском Союзе «ведёт монолог», однако молодое поколение более осознанно относится к религиозным вопросам. Он не отрицал рассуждения журналистов о политической подчиненности РПЦ. Другой участник поездки, профессор Э. Суттнер, сообщил о камерах наблюдения за прихожанами католического костёла в Москве⁴².

Подробные репортажи о визите опубликовали ведущие европейские издания. Так, в номере «Wiener Kirchenzeitung» от 5 октября на первой странице была помещена фотография Кёнига на Соборной площади в Кремле. В статье ниже отмечалось, что Церковь в Советском Союзе научилась уживаться с атеистическим режимом и с оптимизмом смотрит в будущее. Газета сообщила о двух высших духовных учебных заведениях, где на заочном отделении учатся 900 человек. О. Шультмейстер в «Die Presse» сформулировал понятие «мученичества приспособления» (Martyrdom der Anpassung) русского православия, ослабленного репрессиями и индустриализацией. Автор показал глубокое знание исторического материала и понимание советской религиозной политики 1970—1980-х гг.⁴³ Участница поездки, член делегации «Pro Oriente» Д. Бауер посвятила поездке радиопередачу. В статье «Церковь живёт» для журнала «Die Furche» она особое внимание уделила дарообмену между кардиналом и руководством РПЦ⁴⁴. 3 октября «Osservatore Romano» посвятило поездке отдельный немецкоязычный еженедельный выпуск. 13 октября ведущее католическое издание Хорватии «Glas Consila» добавило к уже известной информации, что, хотя Кёниг ехал в Москву во главе делегации «Pro Oriente», визу он получил как руководитель ватиканского Секретариата по диалогу с неверующими⁴⁵.

За публикациями в СМИ следила и советская сторона. В октябре 1980 г. представители ОВЦС обратили внимание Марте, что в статье католического

⁴⁰ Запись Й. Марте. 19 сентября 1980 г.

⁴¹ *Hinteregger G.* Op. cit. S. 259.

⁴² Herzliche Aufnahme, aber auch «grössere Vorsicht» spürbar. Kardinal König berichtet über seine erste Reise in die Sowjetunion // Kathpress. 1980. 29 September. № 188. S. 1.

⁴³ *Schulmeister O.* Das Leben der Christen unter dem Sowjetstern // Die Presse. 1980. 4/5 Oktober. S. 5.

⁴⁴ *Bauer D.* Kirche lebt. Begegnung mit der Religion in der Sowjetunion // Die Furche. 1980. 15 Oktober. № 42.

⁴⁵ Kardinal-König-Archiv, папка «Reise nach UdSSR».

журнала «Petrusblatt» о прошедшей поездке была «недружественно» изображена РПЦ и лично патриарх Пимен. Эта публикация, как писал Хинтереггер Кёнигу 29 октября, едва не сорвала выступление митрополита Филарета (Денисенко) в Вене с докладом «Церковь поместная и церковь вселенская»⁴⁶.

Турне в СССР делегации «Pro Oriente» показало потенциальные возможности и границы церковной дипломатии в эпоху холодной войны. Неудачные попытки кардинала установить прямой диалог с РПЦ не помешали медийному успеху кампании. В Москве Кёниг не выходил за рамки темы секуляризации современного общества, а после возвращения в Австрию уклонился от жёсткой критики советской религиозной политики. Это позволило ему сохранить контакты с Московской патриархией. Примечательно, что в 1983 г. на встрече в Кремле с представителем Советского комитета по европейской безопасности А.П. Шитиковым митрополиты Филарет, Ювеналий и Питирим (Нечаев) предлагали наладить с архиепископом Вены более тесное взаимодействие⁴⁷. В 1987 г. этот вопрос обсуждался уже на уровне ЦК КПСС, однако даже в разгар перестройки фигура кардинала вызывала в Москве неприятие⁴⁸.

Поездка в СССР оказала значительное влияние на судьбы членов делегации. Профессор Э. Суттер и капеллан Р. Прокши впоследствии стали ведущими специалистами в области отношений с церквями Востока⁴⁹. Руководитель издательства «Herder» Г. Гердер-Дорнах 2 октября 1980 г. поблагодарил Кёнига за возможность поучаствовать в богослужениях в Елоховском соборе и Троице-Сергиевой лавре⁵⁰. Посол Хинтереггер вспоминал, что после этой поездки между его семьей и кардиналом продолжились личные тёплые отношения. Марте близко познакомился с фондом «Pro Oriente» и позднее стал его президентом.

Изучение поездки крупной католической делегации даёт основания поставить под сомнение непроницаемость «железного занавеса» и показывает степень открытости СССР для западных туристов и наличие серьёзных противоречий внутри советского руководства, выстраивавшего отношения с Ватиканом. Так или иначе, несмотря на все сложности при организации визита, кардинал Кёниг сумел установить отношения с православными церквями в СССР.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ РГАНИ, ф. 5, оп. 89, д. 82, л. 3—4.

⁴⁸ Филонов В.И. Отношения РПЦ и РКЦ в 80-е годы XX века // Religion—science—society: problems and prospects of interaction: materials of the VI international scientific conference on November 1—2, 2016. Prague, 2016. С. 61.

⁴⁹ См., например: Суттнер Э. Христианство Востока и Запада. В поисках зримого проявления единства. М., 2004.

⁵⁰ Kardinal-König-Archiv. Папка «Pro Oriente. Reise UdSSR».

Православные приходы Новгорода и окрестностей в период нацистской оккупации

Иван Петров

**Orthodox parishes in Novgorod and the surrounding area
during the Nazi occupation**

Ivan Petrov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016617-9

История «Православной миссии в освобождённых областях России», более известной как Псковская православная миссия, давно привлекает внимание исследователей, зачастую стоящих на диаметрально противоположных позициях. За последние 15 лет помимо фундаментальной монографии К.П. Обозного¹ вышло множество работ, в которых в той или иной мере освещалась церковная жизнь на временно оккупированном Северо-Западе России в 1941—1944 гг.² Территория, на которой развернулась деятельность миссии, включала Псковскую, Новгородскую, Ленинградскую и часть нынешней Тверской области. Но если собственно о Пскове и его окрестностях написано уже немало, то ситуация в Новгороде и прилегавших к нему районах ещё практически не изучалась, что во многом связано с эвакуацией жителей города в самом начале его оккупации. Однако местную специфику безусловно необходимо проанализировать.

К лету 1941 г. православные приходы Новгородской епархии находились в критическом положении. Ещё в 1930-х гг. перестали служить в закрытых ранее монастырях. К началу 1937 г. в самом Новгороде насчитывалось пять действующих церквей (Борисоглебская, Климентовская, Флоровская, Св. Феодора Стратилата и Михаило-Архангельский собор). К ним можно прибавить Тихвинский храм, находившийся в непосредственной близости от города, на старом кладбище. 16 декабря 1937 г. был арестован ряд пастырей и активных мирян во главе с епископом Демянским, викарием Новгородской епархии Сергием (Васильевым). Они обвинялись в создании «контрреволюционной орга-

© 2021 г. И.В. Петров

Статья подготовлена при поддержке гранта президента РФ для молодых кандидатов наук № МК-4539.2021.2. «Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941—1991 гг.».

¹ *Обозный К.П.* История Псковской православной миссии. 1941—1944 гг. М., 2008.

² *Бернев С.К.* Образование Псковской православной миссии // Жизнь и безопасность. 2004. № 1—2. С. 368—374; *Бернев С.К.* «Православная миссия» в оккупированном Пскове. «Докладная записка управления НКГБ по Ленинградской области. 1944 г.» // Исторический архив. 2008. № 5. С. 38—54; *Ковалёв Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941—1944. М., 2004; *Корнилов А.А.* Преображение России: О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941—1945). Н. Новгород, 2000; *Шкаровский М.В.* «Господь дарует нам победу». Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М., 2020; *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и православная Церковь. М., 2007.

низации церковников». Владыку Сергия расстреляли 9 сентября 1938 г. Такая же участь ждала и связанных с ним священников. С этого времени богослужение в Новгороде стало совершаться лишь в Михаило-Архангельском соборе, а его настоятель — протоиерей Владимир Богданов — являлся единственным зарегистрированным священником в городе (ещё один пастырь — Иоанн Мудролюб — оставался при Тихвинской церкви)³.

В 1939 г. ушедшего на покой о. Владимира Богданова, которого многие подозревали в сотрудничестве с «органами», сменил о. Василий Николаевский, ранее работавший по гражданской специальности. О его прошлом сохранились достаточно противоречивые сведения. Согласно личному делу, он родился в январе 1898 г. в семье священника с. Воронина Демянского уезда, через 17 лет окончил Старорусское духовное училище, в 1916 г., выдержав экзамен на иерейский сан (перед тем успешно экзаменовался на Псаломщицких курсах в Новгороде). Ожидая рукоположения, состоял при Местецкой и Выставской церквях в Старорусском уезде. В 1917 г. его мобилизовали, однако он вскоре вернулся к своим обязанностям псаломщика в Луженской церкви Демянского уезда. С 1920 г. Николаевский учительствовал в Кирилловской школе, а в 1922 г. уже исполнял обязанности диакона в Свято-Духовой церкви Старой Руссы, в 1923 г. получил архипастырское благословение. В 1926 г. о. Василий стал священником в Волотово под Новгородом, в 1927 г. получил в награду набедренник, в 1928 г. — скуфью. В 1928 г. его выслали по ст. 59 на 5 лет в Западную Сибирь. В 1934 г. вернувшегося священника определили на приход в деревню Пеньково, наградили камилавкой (1935), наперсным крестом (1936), а через четыре года перевели в Георгиевскую церковь Старой Руссы. С конца 1938 г. по середину 1939 г. он находился за штатом, но затем оказался в Новгороде, был возведён в сан протоиерея и получил крест с украшениями, а в 1940 г. — палицу⁴.

С первых же дней оккупации Новгорода о. Василий пытался спасти людей от расправы и гибели. «Накануне вступления немцев в Новгород, — рассказывала Комиссии по учёту ущерба и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской обл. 65-летняя местная жительница П.М. Алексина, — весь город горел. В Духовом монастыре от пожарища в обувной фабрике загорелась Троицкая церковь. Но когда утихли пожары, то было видно, что Новгород, хоть и очень пострадал, но всё-таки было много домов невредимых, целые улицы. Из убежища, где было человек 200, нас вывели немцы, в первый день, когда пришли в Новгород... В подвал [Духова монастыря] вошли вооружённые немцы. При входе немецкий солдат убил из ружья старика, фамилии которого я не знаю. Старик был убит за то, [что] держался за дверь, думая, что эту дверь открывают им. В тот же момент другим выстрелом был убит валяльщик валенок, старик, фамилии которого я не знаю. Этот в момент своего убийства сидел на скамейке и ничем не выражал сопротивления немцам. После этого убийства явился священник Николаевский и объяснил немцам, что мы мирные жители и тут спасались от бомб. После этого ночью

³ Астахов И.Э., Петров И.В. К вопросу о попытках уничтожения церковной жизни и православного духовенства в Новгороде в 1936—1941 гг. // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 147—152.

⁴ Государственный архив Новгородской области (далее — ГА НО), ф. Р-4110, оп. 1, д. 26, л. 4.

нас всех почти 200 человек прогнали к станции, где мы сами разместились в остатках сараев, так как станция уже догорала, и переночевали ночь в сараях»⁵.

Стараясь наладить контакт с оккупантами, о. Василий даже устраивал нечто похожее на импровизированные экскурсии для офицеров-испанцев. «В один прекрасный день, — вспоминал капитан Г. Диас дель Рио, восхищавшийся красотами Софийского собора и других памятников Новгородского кремля, частично разрушенных в ходе военных действий, — мы вновь побывали в соборе. Нас сопровождал священник, который подробно рассказывал об этом древнем храме. Особенно долго он описывал нам фрески на центральном куполе, которые, по поверью, были связаны с текущим состоянием Новгорода. Священник сказал нам: “Согласно легенде, художник на своде купола собора нарисовал картину с изображением Иисуса Христа с благословляющей рукой. Но на следующее утро рука оказалась сжатой в кулак. Художник несколько раз перерисовывал ее, но она снова сжималась в кулак. Предание гласит, что, когда рука Иисуса Христа откроется, Новгород будет уничтожен”. Мы взглянули на центральный купол и решили, что пророчество начало сбываться: ведь Новгород был практически разрушен»⁶.

Многие испанцы, отправлявшиеся воевать с СССР, воспринимали русское население как «одурманенное» большевистской атеистической пропагандой, возбуждавшей ненависть к Церкви, в особенности у молодёжи, воспитанной в советской школе. Людей, привыкших к острому конфликту между традиционной религиозностью и социалистическим антиклерикализмом, удивляло «соседство» в домах икон и изображений коммунистических лидеров и советских символов. В целом, испанцы гораздо больше немцев интересовались православным богослужением и стремились выявить препятствия к «объединению» христианских конфессий, чем вызывали недовольство нацистов⁷.

Между тем отношение оккупантов к православным святыням было, по меньшей мере, неоднозначным. С одной стороны, испанцы отмечали разрушения, возникшие за годы большевизма. «В Новгороде множество церквей, — писал Диас дель Рио. — Более сорока из этих храмов, согласно полученному нами плану, были превращены большевиками в склады... В одной из церквей я видел ткацкие станки»⁸. Но в то же время именно испанские солдаты после осмотра церкви Феодора Стратилата на Ручью (до оккупации в ней располагался музей) употребили её иконостас «под топливо». Иконостас в церкви Святых Петра и Павла «подвергался исключительной опасности». Действовавший храм Михаила Архангела испанцы фактически уничтожили, разграбив ризницу, несмотря на противодействие со стороны первого бургомистра города — известного археолога В.С. Пономарёва⁹. Сами испанцы признавали, что подобные действия только отвращают местных жителей от оккупантов. Тот же Диас дель

⁵ Там же, ф. Р-1793, оп. 1, д. 51, л. 16.

⁶ Ковалёв Б.Н. Испанская дивизия — союзник Третьего рейха. 1941—1945 гг. СПб., 2020. С. 56—57.

⁷ Там же. С. 249—250.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Реальное состояние новгородских церквей тех лет отражено в картотеке «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг», в которой дана оценка культурных ценностей оккупированных областей СССР. В ней можно встретить указания на ущерб, нанесённый как большевиками, так и нацистами. (Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии / Под ред. М.А. Бойцова, Т.А. Васильевой. М., 1998. С. 262—263, 268).

Рио прекрасно понимал, что использование башен и колоколен Новгорода в качестве наблюдательных пунктов обрекает их на разрушение огнём советской артиллерии. Особенно разрушительными оказались удары по Софийскому собору¹⁰.

Иногда немцы устраивали в церквях или рядом с ними карательные акции. Так, в православном монастыре рядом со Старой Руссой содержали заключённых. По свидетельству одного из местных жителей, «спустя две недели после регистрации немцы арестовали всех евреев, в том числе женщин, детей и стариков, посадили часть их в тюрьму, а часть в приспособленное здание под тюрьму в монастыре. По ночам из здания тюрьмы доносились крики ни в чём не виновных женщин, детей и стариков. Немцы расстреливали целые семьи лишь за то, что они принадлежали к еврейской национальности. Всего истребили около 2 000 мирного еврейского населения в городе»¹¹. Жительница села Большое Замостье А. Манухина 11 октября 1944 г. рассказывала, что «когда испанцы гнали русских пленных красноармейцев трёх человек, немцы в нашей деревне у церкви их всех трёх расстреляли»¹².

Как позднее установила Комиссия содействия по расследованию немецко-фашистских злодеяний на территории Гладского сельсовета Чудовского района Новгородской обл., 20 октября 1941 г. немецкие войска «вероломно ворвались на территорию Гладского с/совета и хозяйничали на протяжении двух месяцев. Перед своим отступлением немецкие насильники под силой оружия всех жителей дер[евни] Гладь согнали в местную церковь в количестве 450 человек». Проживавшая там неграмотная Т. Вострякова 19 февраля 1945 г. сообщила, что «в декабре 1941 года немцы перед своим отступлением на дер[евню] Гладь под силой оружия согнали всех жителей деревни Гладь в местную церковь, около 450 человек, среди которых были дети, старики и женщины. Не оставив в деревне ни одного человека, когда выгнали нас в церковь, немцы отбирали от людей... вяленые сапоги, тёплую одежду. Сняли с ног сапоги у Артемьева Николая Ивановича и ряд других, после чего заперли нас в церкви и держали двое суток, кругом церкви немцы выставили вооружённых пулемётами и винтовками часовых, для того чтобы никто не смотрел в окна и не стучал в дверь, кроме того, часовые предупредили: в случае нарушения жители будут расстреляны на месте. Просидели мы в церкви без пищи и воды. При приходе Красной армии в дер[евню] Гладь нас освободили из церкви»¹³. Также в ходе работы чрезвычайной комиссии было установлено, что «осенью в 1941 году немцы зверски повесили трёх военнопленных красноармейцев, выходивших из окружения, на виселице, находящейся около церкви, в селе Чёрное. Трупы висели на виселице трое суток, раздетые до нижней одежды. После чего были похоронены на местном кладбище»¹⁴.

Вместе с тем в ряде случаев оккупационные власти оказывали помощь духовенству и верующим. В частности, немецкая комендатура содействовала ремонту церкви Михаила Клопского в селе Завал неподалёку от Новгорода (на территории закрытого большевиками Свято-Троицкого монастыря)¹⁵.

¹⁰ Ковалёв Б.Н. Испанская дивизия... С. 73—74.

¹¹ ГА НО, ф. Р-1793, оп. 1, д. 31, л. 15.

¹² Там же, д. 23, л. 13.

¹³ Там же, д. 33, л. 48, 54.

¹⁴ Там же, д. 7, л. 63.

¹⁵ Там же, ф. Р-2107, оп. 1, д. 16, л. 1—21.

С осени 1941 г. о. Василий приступил к восстановлению религиозной жизни. По данным М.В. Шкаровского, «у прот[оиерея] В. Николаевского хранилось в соборе более 20 запасных антиминсов и большой запас св[ятого] мира, поэтому он мог возрождать храмы и направлять священников на приходы... Всего о. Василий лично освятил десять сельских храмов, в том числе шесть в Новгородском районе: 8 сентября 1941 г. Вяжищинский Никольский, 27 сентября 1941 г. Ракомский Знаменский, 6 ноября 1941 г. Георгиевский в с. Егорий (Георгий), 25 февраля 1942 г. и 10 сентября 1943 г. два престола в Ямковском, 25 февраля 1943 г. Витковский и 14 сентября 1943 г. Орловский; две церкви в Шимском районе: 10 августа 1942 г. Голинскую и 11 августа 1943 г. Подгощинскую, а также две в Батецком районе: 3 декабря 1942 г. Сабельскую и 16 декабря 1942 г. Черновскую»¹⁶. Первым местом служения о. Василия в условиях оккупации стало Поозерье, неподалёку от Новгорода. Именно туда, согласно данным анкеты, он переехал в 1942 г. «по случаю эвакуации из Новгорода»¹⁷.

Усилия о. Василия поддержал и проживавший до начала оккупации в Новгороде иеромонах Валентин (Лелеянов). Он родился в 1878 г. в Вязьме, где окончил 6-классное училище, а в 1896 г. поступил в Коневецкий Рождественский монастырь и в 1908 г. принял монашество. В 1909 г. в Выборге архиепископ Сергей (Страгородский) рукоположил его во иеродиакон. В 1912 г. он стал иеромонахом, и то отправлялся на Коневец, то служил в Петербурге (Петрограде) — сначала на Коневском подворье, а после того, как его 28 октября 1917 г. закрыли, — в Знаменской церкви у Московского вокзала; в 1924 г. получил в награду золотой наперсный крест. В 1933 г. инок арестовали и на 5 лет выслали во Владивосток, откуда о. Валентин вернулся через полтора года, будучи амнистирован по инвалидности¹⁸.

Священник Пётр Чесноков (1883 г.р.), служивший с 1908 г. на Волыни, а затем на территории Волховского района Ленинградской обл., в 1933 г. осуждённый тройкой ОГПУ по ст. 58-10 и 58-11 и до 1939 г. отбывавший срок во Владивостоке, писал в анкете послевоенного времени: «Война застала меня на посту сторожа рыбного склада Ленрыба в Новгороде и попал в плен и служил священником до дня окончания войны в д. Орлово Новгородской области и в Латвии Скрунде»¹⁹. К служению также вернулся пожилой (1868 г.р.) священник Феодор Берзняковский, высланный в 1930 г. из Ярославской обл., отбывший, согласно анкете, три месяца в лагере по ст. 58-10 и поселившийся в Новгороде²⁰. Первоначально он встал у алтаря в селе Георгий под Новгородом, позднее его переместили в село Васильевское. После войны ему пришлось объяснять свои действия тем, что «были открыты церкви», и требовалось в них служить²¹.

В Новгороде жил как заштатный архиерей и бывший викарий Новгородской епархии Макарий (Опоцкий). Несмотря на то, что его несколько раз арестовывали, ему удалось организовать из своих духовных чад религиозно-трудо-

¹⁶ Шкаровский М.В. Церковь зовёт к защите Родины. СПб., 2005. С. 344.

¹⁷ ГА НО, ф. Р-4110, оп. 1, д. 26, л. 4.

¹⁸ Архив Санкт-Петербургской епархии (далее — АСПБЕ), ф. 1, оп. 13а, д. 118(14), л. 2—5; оп. 4(2), д. 2, л. 82.

¹⁹ ГА НО, ф. Р-4110, оп. 1, д. 15, л. 4.

²⁰ Там же, д. 44, л. 2.

²¹ АСПБЕ, ф. 1, оп. 13а, д. 112(8), л. 2, 4.

вое братство²². Однако в 1941 г. владыка Макарий уже тяжело болел и в ноябре скончался в деревне Витка Новгородского района. Архипастыря похоронили на Петровском кладбище Новгорода; отпевал его протоиерей В. Николаевский.

Смерть преосвященного, по-видимому, сказалась на решении проблемы канонического подчинения новгородских приходов. Протоиерей Николаевский, служа в Новгороде, а затем в Поозерье, действовал автономно от образованной во Пскове прибывшими из Латвии пастырями «Православной миссии в освобождённых областях России». О её существовании о. Василий узнал в самом конце 1941 г. Тем временем в декабре 1941 — начале 1942 г. из Новгорода выселили ещё остававшихся там жителей, соответственно и приходская жизнь сместилась в район, где с июня 1942 г. существовал Новгородский благочиннический округ. Вплоть до окончания оккупации его возглавлял протоиерей Николаевский. С февраля по июль 1942 г. он также являлся уполномоченным Псковской миссии по Новгородском округу²³. Затем эти обязанности на несколько месяцев перешли к ушаковскому благочинному Иоанну Амозову, однако фактически тот в Новгородском районе не появлялся. Отдельные священники, в частности Димитрий Кратиров или Пётр Чесноков, переписывались с управлением миссии, но фактически зависели от протоиерея Николаевского. В феврале 1943 г. в ходе поездки во Псков он был утверждён благочинным Новгородского округа и оставался таковым до ноября. Впрочем, и в этот период связь с Псковом поддерживалась слабо, о. Василий сам управлял приходами, лишь изредка отправляя своих диаконов в Ригу для рукоположения во иереи²⁴.

Судя по всему, протоиерей Николаевский наладил взаимоотношения с немецкой администрацией ещё до «миссионерской разведки» из Риги. Будучи в предвоенные годы единственным священником в Новгороде, он знал реальное положение местных приходов и проживавших в округе духовных лиц, по тем или иным причинам не служивших до оккупации. Как многим другим «подсоветским» священникам, ему не внушали доверия миссионеры из Латвии. Позднее он легко мог объяснять постигшие его «прешения» своей «промосковской линией». Действительно, благочинный не подписывал каких-либо антисоветских воззваний и сохранял верность владыке Сергию (Страгородскому). Протоиерей Николай Ломакин, посетивший 29 января — 5 февраля 1944 г. освобождённый от немцев Новгород, сообщал митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию (Симанскому): «Везде за богослужением возносились имена патриаршего местоблюстителя, Вашего высокопреосвященства и литовского епископа, имени которого верующие не помнят. Однако в последнее время, незадолго перед изгнанием из Новгорода, немцы распространили слух о смерти Вашего высокопреосвященства. Об этом пришлось слышать от вышеупомянутых монахинь и от многих свидетелей-верующих»²⁵. Впрочем, по свидетельству священника Николая Светлова, в Шимске во время молебна в «день освобождения» протоиерей Николаевский поздравлял местных жителей с тем, что они не находятся под властью большевиков²⁶.

²² Буданова А.В. Духовная жизнь братства епископа Макария (Опоцкого) по материалам частного архива семей Пикиных-Брагиных и Беляевых // Сретенские чтения. Материалы XXV научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. 2019. М., 2019. С. 256—263.

²³ Обозный К.П. История Псковской православной миссии... С. 136—139.

²⁴ Шкаровский М.В. Церковь зовёт... С. 344—347.

²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 15—15 об.

²⁶ Шкаровский М.В. Церковь зовёт... С. 348.

Благодаря протоиерею В. Николаевскому в Новгородском районе удалось предотвратить появление таких авантюристов-самосвятов, как Николай Савельев и Никанор Капустин, которые решили в сложной ситуации военного времени стать «священниками». Между тем часть приходов Новгородчины, находившихся в непосредственной близости к Чудово, контролировались самосвятом Иоанном Амозовым, скомпрометировавшим себя сотрудничеством с немецкими карателями и открытым пренебрежением к духовенству. Западные районы области, оказавшиеся в составе Порховско-Дновского благочиннического округа, а также присоединённые к нему некоторые приходы Шимского района и церкви, расположенные около Старой Руссы, управлялись латвийским священником Василием Рушановым. В Солецком районе ему помогал протоиерей Владимир Бируля, а в Волотовском — протоиерей Михаил Никитин. Священники этого благочиния в ноябре 1942 г. приняли участие в пастырском съезде в г. Дно. Наконец, часть приходов Уторгошского и Батецкого районов, относившихся до революции к Лужскому уезду, вошли в Лужский округ, который последовательно возглавляли священники Николай Заболоцкий, Иаков Начис и Михаил Образцов. Тем не менее далеко не все храмы окормлялись пастырями, находившимися в ведении благочинных. Так, «иосифляне» архимандрит Сергей (Андреев), иеромонах Варсонофий (Кузьмин) и протоиерей Николай Светлов в начале нацистской оккупации служили самостоятельно, а впоследствии присоединились к Московской патриархии, уведомив об этом протоиерея Николаевского²⁷.

Среди представителей новгородского духовенства встречались как те, кто не ждал ничего хорошего от возвращения Красной армии и проявлял лояльность к господству оккупантов, так и деятельные советские патриоты, помогавшие партизанам. Наиболее известен из них настоятель Александро-Невской церкви с. Видони Солецкого района о. Мефодий Белов. В «Материалах о боевой деятельности 5-й партизанской бригады за январь—июнь 1944 г.» сохранилась составленная 12 апреля 1944 г. стенограмма сообщения подполковника К.Д. Карицкого о событиях минувшей зимы. В ней, в частности, сказано: «Священник Видонской церкви Белов, читая проповедь, молит бога о победе Красной армии и зовёт народ на борьбу с врагом. Всякий раз верующие приносят свои сбережения, деньги, серебряные и золотые вещи на строительство танков для Красной армии. За несколько месяцев священник собрал более 10 000 рублей и сдал их партизанам. Свою дочь священник благословил и направил в партизанки. Сам же предложил свои услуги по разведке станции Уторгош»²⁸. В другой стенограмме, датированной 11 апреля 1944 г., комиссар 5-й Ленинградской партизанской бригады герой Советского Союза капитан И.И. Сергунин рассказывал: «Когда мы спустились на юг в Уторгошский район в деревне Киевец, то мне сказали, что в Видонях есть хороший поп отец Степан (так в тексте. — *И.П.*). К нему съездили и с ним побеседовали. Он неуверенно к партизанам относился. Когда он хоронил одного крестьянина в Киевце, то он

²⁷ Там же. С. 344—345, 348—349, 354. Как отметил Шкаровский, особенностью религиозной жизни на территории области в период оккупации являлось также «значительное количество монашествующих, в основном из многочисленных закрытых новгородских обителей». Ввиду близости линии фронта «ни одна из них не была возрождена, и уцелевшие в ходе репрессий 30-х годов насельники служили в качестве приходских священников» (Там же. С. 347).

²⁸ Государственный архив Новейшей истории Новгородской области, ф. 260, оп. 1, д. 201, л. 80 об.

пришёл ко мне. Мы часа три с ним беседовали. Хороший, грамотный человек. Такой русский патриот. Ему лет 67—68. У него после этого изменилось мнение о партизанах. Он думал, что партизаны это что-то вроде бандитов. Мы беседовали с ним о том, как он проповеди читает. Он дал согласие читать проповеди о неизбежности победы русского оружия, но не так открыто. Я давал ему темы. Он говорил о партизанах и о помощи партизанам. Он приходил потом и рассказывал, как народ воспринимал, как население плакало. Он говорил, что, несмотря на то что район оккупирован, всё же тут происходит борьба. Я его в первые дни контролировал. Посылал своих людей. Потом уверился в нём. Он прислал свою дочку в партизанки. Она сфотографирована на плёнке видеооператором. Он её благословляет на паперти своего храма идти в партизанки. Его дочь Руфа пришла к нам. Он всё время помогал. Мы его передали, как местного жителя, в тройку. Он стал в разведку ходить. Без оружия ходил в районные центры». Именно Сергунин изложил обстоятельства гибели о. Мефодия: «Заняли Видони. Сожгли всю деревню и церковь. Его били не до смерти. Тогда он перешёл в местный партизанский отряд. Мы ему запретили ходить в разведку. Говорили, что его могут убить. Потом он как-то уговорил председателя тройки Петрова и пошёл в Уторгош. Нужны были данные насчёт того, когда будут эвакуировать население из районного центра Уторгош. Он пошёл и его там схватили. Долго мучили. Спрашивали о партизанах, кто командир. Он ничего не сказал. Его до полусмерти избили, а потом пристрелили»²⁹.

В дальнейшем судьба новгородских православных пастырей, переживших оккупацию, сложилась по-разному. Протоиерей В. Николаевский в начале 1944 г. проживал в Новгороде. В личном деле последним местом его служения назван храм родного с. Воронино Демянского района³⁰. После освобождения областного центра он занялся восстановлением религиозной жизни на его территории. Естественно, практически сразу же верующие попросили открыть собор Михаила Архангела. 27 февраля 1945 г. председатель исполкома Новгородского областного совета П.П. Еремеев писал председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову: «Исполнительный комитет Новгородского областного совета депутатов трудящихся представляет при этом материалы об открытии церкви в Новгороде, находит возможным удовлетворить ходатайство верующих — открыть церковь Михаил Архангела, находящуюся в гор[оде] Новгороде, на улице Желябова... 1. Верующие, подавшие заявления об открытии церкви, действуют по личной инициативе. 2. Церковь Михаил Архангела, об открытии которой просят верующие, функционировала непрерывно в течение 300 лет вплоть до Отечественной войны и перестала функционировать лишь с декабря 1941 года, ввиду угона немцами из Новгорода всех жителей. 3. Здание церкви после изгнания из Новгорода немецких оккупантов сохранилось и временно приспособлено под столярную мастерскую горкомхоза и частично используется под жильё для рабочих. В настоящее время эта церковь требует следующего ремонта: разобрать временные перегородки, частично вставить оконные переплёты, остеклить рамы окон и произвести косметический ремонт. 4. В городе Новгороде действующих церквей нет, а в районе... церковь имеется лишь в селе Васильевское Самокрыжского с/совета Новгородского района

²⁹ Там же, л. 66—67. О деятельности священников, помогавших подполью, см. также: *Петров И.В.* Православное священство: пастырское служение в немецкой оккупации и дальнейшая судьба // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. № 3. С. 777—791.

³⁰ ГА НО, ф. Р-4110, оп. 1, д. 26, л. 4.

на расстоянии 20 км от Новгорода. 5. Ленинградская епархия поддерживает ходатайство от верующих об открытии церкви в гор[оде] Новгороде. Бывший настоятель церкви Михаила Архангела протоиерей Василий Николаевский уже прибыл в Новгород»³¹.

В апреле 1945 г., будучи новгородским благочинным, протоиерей Николаевский докладывал в канцелярию митрополита Ленинградского и Новгородского о своей поездке на территорию Шимского района, составлял «наградной» список священнослужителей, направлял прошение двадцатки Угловской церкви. Тогда он просил архиепископа Псковского и Порховского Григория (Чукова) возбудить ко дню Святой Пасхи ходатайство о возведении в сан игумена иеромонаха Валентина (Лелеянова). Благочинный характеризовал его 30 апреля как священника «поведения безукоризненного», который «церковные службы соблюдает с благоговением, а также и все требы; пользуется со стороны верующих любовью и уважением». По мнению о. Василия, заслуживал награды и священник Николай Десятинский. Он «долго служил в Церкви Христовой» в Новгородской губ.: в 1894—1906 гг. — псаломщиком, затем — диаконом в Подберёзковом храме Григория Богослова. В 1938 г. после закрытия церкви его отстранили от служения, ему пришлось заниматься тяжёлым физическим трудом. Но в условиях оккупации он сначала вернулся в диаконы, а в 1943 г. был рукоположен в иереи епископом Рижским Иоанном (Гарклавсом). Благочинный был им доволен и заявлял, что священник «к своим пастырским обязанностям относится исправно; поведения отличного». Со своей стороны, архиепископ решил наградить о. Николая набедренником, а повышение иеромонаха Валентина отложил³². Сам протоиерей В. Николаевский вскоре скончался.

Гораздо меньше повезло о. Петру Чеснокову. В мае 1945 г. его обвинили в систематической антисоветской пропаганде, пораженческой агитации и «восхвалении фашистского режима». Он оказался в новгородской тюрьме № 1 Управления НКВД и, несмотря на прошения прихожан, в июле того же года военный трибунал войск НКВД по Новгородской обл. на закрытом заседании приговорил его к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В антисоветской деятельности «уличили» и о. Петра Кононова. До войны он служил в Архангельской обл., затем работал насосником на заводе автоприцепов на станции Пелла, неподалёку от Ленинграда, расчищал улицы в оккупированном Новгороде. Лишь в ноябре 1942 г. ему удалось зарегистрироваться священником у заместителя благочинного протоиерея Владимира Бирули³³.

Отличительной чертой служения православного духовенства в Новгороде и его окрестностях в условиях нацистской оккупации являлась известная автономность при меньшей численности открытых церквей по сравнению с территориями, на которых действовала Псковская миссия. Сказывалась близость фронта: частые бомбардировки, разрушение и осквернение храмов немцами и испанцами, карательные акции оккупантов. Тем не менее даже в этой обстановке на оккупированной части нынешней Новгородской обл. открылось 40 церквей³⁴. Непосредственно участвовавший в этом протоиерей В. Николаевский в послевоенный период быстро включился в восстановление местной приходской жизни.

³¹ Там же, л. 1—1 об., 4.

³² АСПБЕ, ф. 1, оп. 4(2), д. 2. л. 81—82 об.; оп. 13а, д. 133(29), л. 2—3.

³³ *Шкаровский М.В.* Церковь зовёт... С. 351—352.

³⁴ *Асташкин Д.Ю., Ковалёв Б.Н., Кулик С.В.* Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Соппротивление. Возмездие. СПб., 2018. С. 110.

Великая российская революция в современной зарубежной историографии

Игорь Богомолов

The Russian Revolution in the contemporary foreign historiography

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016601-2

В 1992 г. британский историк А. Вуд посетовал, что в новой России не будет официально отмечаться 75-я годовщина Октябрьской революции. Он опасался, что её «маргинализуют», а исследователи бросятся «романтизировать до-революционное прошлое, восстанавливать павших идиологов и даже превозносить фигуры и институты, которым нет места в беспристрастном анализе глубинных причин свержения царского режима в Феврале и политического триумфа Советов в Октябре. Другими словами, существует опасность полного отказа от подходов и выводов более ранних исторических школ». Большевиков, по образному выражению учёного, могли «выплеснуть вместе с ребёнком и водой»¹.

Спустя почти 30 лет эти рассуждения воспринимаются двойственно. С одной стороны, очевидно, что Вуд драматизировал и переоценил влияние политической конъюнктуры на изучение российской революции. Распад СССР действительно «вдохнул новую жизнь в консервативно-либеральные интерпретации» советского эксперимента². Неслучайно на 1990-е гг. пришёлся пик популярности в России работ Р. Пайпса, В. Лакёра и М. Малиа, которые со времён холодной войны рассматривали революцию 1917 г. и большевистский режим как исторически обречённую «девиацию»³. Однако то, что Д. Ширер назвал «возрождением старой школы», продолжалось недолго и не внесло существенного вклада в историографию⁴.

С другой стороны, опасения Вуда по поводу «маргинализации» революции сегодня не выглядят беспочвенными. В последние десятилетия при изуче-

© 2021 г. И.К. Богомолов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-19-50221.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50221.

¹ Wood A. Guest editor's introduction: the Bolsheviks, the baby and the bathwater // *European History Quarterly*. Vol. 22. 1992. № 4. P. 484, 485.

² Большакова О.В. Поверх барьеров: американская русистика после холодной войны. М., 2013. С. 34.

³ См.: Laqueur W. Fate of the Revolution: interpretation of Soviet history from 1917 to the present. N.Y., 1987; Pipes R. Russia under the Bolshevik regime. N.Y., 1993; Malia M.E. The Soviet tragedy. A history of socialism in Russia, 1917–1991. N.Y., 1994.

⁴ Shearer D. From divided consensus to creative disorder: Soviet history in Britain and North America // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 39. 1998. № 4. P. 568. С. Коткин метко окрестил это «почётной отставкой» тоталитарной концепции, отыгравшей свою мобилизующую и пропагандистскую роль в противостоянии СССР и Запада: Kotkin S. 1991 and the Russian Revolution: sources, conceptual categories, analytical frameworks // *Journal of Modern History*. Vol. 70. 1998. № 2. P. 425.

нии позднеимперской и раннесоветской истории фокус внимания сместился на культурные, региональные, гендерные, религиозные сюжеты. Во всех этих случаях революция упоминается, подчёркиваются её значение и влияние, но в центре исследований она ставится всё реже. П. Холквист объяснял это тем, что у историков пропала необходимость «обсуждать Октябрь с точки зрения легитимности советского режима»⁵. В обзоре англо-американской историографии Р. Уэйд отметил, что по сравнению с 70-летием «юбилеи» 1997 и 2007 гг. прошли с гораздо меньшим размахом. Однако ему казалось «слишком просто и, возможно, даже неправильно» напрямую связывать этот спад с окончанием холодной войны. Основная, но неочевидная причина — открытие архивов для зарубежных специалистов, которое вызвало повышенный интерес к ранее неизученным и запретным сюжетам⁶.

В этом смысле «юбилей» 2017 г. стоит особняком. Столетие — во многом символическая дата, весомый повод для переосмысления прошлого и его влияния на современность. Здесь (что бывает довольно редко) сошлись интересы и устремления специалистов и широкой общественности. Состоялось множество конференций, выставок⁷, в разных уголках мира вышли монографии и сборники статей, тематические номера ведущих научных журналов по истории, политологии, социологии. Поток публикаций растянулся на несколько лет, захватив «юбилеи» Первой мировой и Гражданской войн. Ныне назрела необходимость выделить основные тенденции развития зарубежной историографии российской революции, оценить путь, пройденный ею за последние десятилетия. Это важно и для более полного понимания состояния отечественной исторической науки. Как верно отметил В.П. Булдаков, «взгляд со стороны необходим хотя бы в целях профилактики “автохтонной” историографии от “застойных” явлений»⁸.

Прежде всего следует подробнее остановиться на самом понятии «зарубежная историография». Сегодня её границы размываются вследствие глобализации и тесного переплетения научных связей. Но сотрудничество не означает стирания региональных особенностей. И сегодня вполне правомерно говорить об американской, английской, французской, немецкой, испанской, китайской историографии российской революции. Исходя из этого, в данной статье анализируется научная литература, написанная учёными за пределами России. Основная часть привлечённых работ написана на английском языке. Однако учитываются и работы на других языках, так как обзоры последних лет нередко посвящены только литературе, вышедшей, например, на немецком, китайском, испанском или иврите, но не переведённой на английский⁹.

⁵ Russian Modernity: politics, knowledge and practices, 1800—1950 / Ed. by D. Hoffmann, Y. Kotsonis. L., 2000. P. 87.

⁶ Wade R. The Revolution at Ninety-(One): Anglo-American historiography of the Russian Revolution of 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography. Vol. 1. 2007. № 1. P. 1—2.

⁷ Подробнее о зарубежных выставках, посвящённых столетию российской революции, см.: Orlovsky D. An introduction to «Visualizing Russian History». The Russian Revolution Centennial: exhibitions, collections, audience // Slavic and East European Information Resources. Vol. 19. 2018. № 3—4. P. 114—117.

⁸ Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. 2018. № 6. С. 19.

⁹ См., например: Kaplan V. Recent Israeli historiography of the 1917 Revolution(s) // Journal of Modern Russian History and Historiography. Vol. 9. 2016. № 1. P. 65—88; Häfner L. German historiography on the February Revolution of 1917 since the demise of the Soviet Union // Ibid. P. 39—64; Immonen H. From February Revolution to Civil War: Finnish historians and the year 1917 // Ibid. P. 89—105.

Первые публикации, приуроченные к столетию российской революции, появились задолго до 2017 г. Так, журнал «Критика» выпустил тематический номер ещё в 2015 г. Однако «круглую дату» его авторы ждали без особого энтузиазма. Б.И. Колоницкий, к примеру, отметил, что интерес студентов к революции падает, сокращается поток публикаций. Ныне вновь звучат знакомые ему с советских времён вопросы и аргументы: «Как вы можете создать что-то новое? Всё уже исследовано. Кому нужна история революции?». Сказывается и тесная связь революции с политической конъюнктурой. Как заметил учёный, наступит момент, когда российское общество перестанет рассматривать события 1917 г. «глазами историков-мемуаристов и отцов-основателей партийной историографии. Однако такая “департизация” исторического сознания вряд ли произойдёт в 2017 г.»¹⁰. С. Смит, напротив, видел главную проблему именно в превращении революционной эпохи в далёкое прошлое. В последние десятилетия знания о ней значительно расширились, однако «в ключевых аспектах наша способность *понимать* (курсив автора. — И.Б.)... устремления 1917 г. уменьшилась»¹¹. Отметив эти «ностальгические настроения» коллег, Д. Рэли напомнил, что лишь в 1990-е гг. для исследователей открылись документы о внутрипартийной борьбе после смерти Ленина и о «Большом терроре»¹². Естественное переключение внимания на то, что ещё недавно было полностью недоступно, привело к видимому перекосу в сторону первых десятилетий советской власти¹³.

Однако на историографию революции открытие архивов оказало временный и ограниченный эффект. По подсчётам Л. Хёфнера, рост количества немецкоязычных исследований в 1996—2000 гг. сменился в XXI в. резким спадом. В 2017 г. он ожидал новый всплеск интереса, однако «маловероятно, что эта тема будет пользоваться таким же вниманием, как в 1970—1980-е гг.»¹⁴. В свою очередь М. Штадельманн посетовал, что исследования 1917 г. «перестали быть прорывными и новаторскими». Как и Рэли, он обратил внимание на то, что после 1991 г. «караван историков двинулся к сталинизму, а в последнее время — к постсталинизму», революция же стала лишь «предметом юбилейных изданий», количество которых далеко не всегда перерастает в «соответствующее качество новых идей»¹⁵. В том же ключе высказалась и Ш. Фицпатрик. По её мнению, обилие приуроченных к столетию революции конференций «является скорее рефлексом при наступлении знаменательной даты, чем признаком убеждённости в том, что российская революция всё ещё имеет значение»¹⁶.

¹⁰ Kolonitskii B., Neymeyer J. On studying the 1917 Revolution: autobiographical confessions and historiographical predictions // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. 2015. № 4. P. 760, 768.

¹¹ Smith S.A. The historiography of the Russian Revolution 100 years on // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. 2015. № 4. P. 733.

¹² Raleigh D. The Russian Revolution after all these 100 years // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. 2015. № 4. P. 792.

¹³ Подробнее см.: From the editors: «1930s studies» // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 4. 2003. № 1. P. 1—4.

¹⁴ Häfner L. German historiography on the February Revolution... P. 43.

¹⁵ Stadelmann M. The Russian Revolution in German historiography after 1945 // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 58. 2017. № 1—2. P. 56.

¹⁶ Fitzpatrick Sh. Celebrating (or not) the Russian Revolution // *Journal of Contemporary History*. Vol. 52. 2017. № 4. P. 829.

Э. Лор также отметил, что юбилейные форумы учёных прошли «очень тихо», без каких-либо прорывов и принципиально новых интерпретаций. Это дало ему повод категорично заявить: «Большевистская революция окончена». И дело не столько в вековом отрыве от события, сколько в его результатах. Запущенные Октябрьём процессы «дискредитированы как альтернативные пути к современности и имеют ограниченное отношение к современному миру». Большое внимание к «либеральным революциям» 1905 и 1917 гг. позволит, наконец, историкам определить взятие большевиками власти как «полномасштабную политическую контрреволюцию»¹⁷. Статья Лора выглядит как ответ большому потоку публикаций, в которых рефреном звучит тезис об историческом значении событий 1917 г. и их влиянии на современный мир.

В последние десятилетия исследователи всё больше интересуются причинами устойчивости и стремительного падения позднеимперской России¹⁸. Характерный пример — монография Д. Ливена, основная часть которой посвящена предреволюционному периоду¹⁹. Российская империя, по мнению автора, к 1914 г. относилась к более бедной и менее стабильной периферии Европы. Для этого макрорегиона он применил небесспорный термин «второй мир», включив в него также восточную часть Австро-Венгрии и Балканский полуостров. Ливен объявил «могильщиком» континентальных европейских империй национализм и подчеркнул, что у России было очень мало шансов избежать революции и совершить мирный переход к демократии. Социально-политические условия накануне Февраля («министерская чехарда», «слабый» царь, дефицит продовольствия в Петрограде) являлись скорее вспомогательными факторами, приближавшими если не неминуемый, то крайне вероятный крах монархии.

Другой взгляд на «имперский апокалипсис» содержится в одноимённой книге Дж. Санборна. В центре внимания автора — Восточный фронт Первой мировой войны и его роль в процессе «деколонизации» Европы под давлением национальных движений. Однако если Ливен рассматривал национализм как самодовлеющую проблему, то для Санборна это скорее закономерный результат ошибок в управлении империей. Одна из основных — введение военной администрации во время войн и революций. Русско-японскую войну и потрясения 1905 г. имперская система ещё сумела выдержать, но беспрецедентная по масштабу Великая война нанесла ей непоправимый ущерб. В прифронтовых губерниях военное положение привело к «вакууму власти», который усугубляли экономический кризис и отступление армии. К 1917 г. у населения накопилось «ощущение хаоса и надвигающейся гибели», обеспечившее «радикальную остроту, необходимую для перехода отвращения и протеста в насильственные акты мятежа и восстания»²⁰. Революция вызвала подъём национальных движений, но их влияние ограничивалось отдельными регионами. На большей части территории страны «вакуум» оставался не заполненным вплоть до укрепления

¹⁷ Lohr E. The Bolshevik Revolution is over // *Journal of Modern History*. Vol. 92. 2020. № 3. P. 635, 641, 667.

¹⁸ David-Fox M., Holquist P., Martin A.M. The Imperial turn // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* Vol. 7. 2006. № 4. P. 707.

¹⁹ Lieven D. *The end of Tsarist Russia: the march to World War I and Revolution*. N.Y., 2015.

²⁰ Sanborn J. *Imperial apocalypse: The Great War and the destruction of the Russian Empire*. Oxford, 2014. P. 175.

власти большевиков. В целом распад царской России Санборн счёл «ранней фазой драматического и болезненного» исчезновения колониальных империй²¹.

Л. Энгельстайн также рассмотрела революционную эпоху в контексте падения европейских империй. По трём из них — Германской, Австрийской и Османской — мировая война нанесла смертельный удар. Россия с её разнородным населением и острыми социально-экономическими противоречиями вряд ли могла избежать схожей судьбы. Однако ни свержение монархии, ни приход большевиков к власти не были исторически предопределены. Революция явилась «не военной, а политической борьбой во всех её взаимосвязанных измерениях»²². Нужно отметить, что данная работа — качественный синтез традиционных концепций и накопившихся в последние годы наработок. Принимая и используя многие новшества, автор не отказалась от взгляда на революцию как на движение человека к свободе и демократии, а на большевиков — как на препятствие в этом движении, чем бы ни объяснялась их политика. Во многом поэтому она (в отличие от Ливена и Санборна) поставила в центр повествования именно революцию.

Современные историки российской революции больше не ограничиваются одним 1917 г., рамки исследований часто расширяются за счёт ближайших лет, наполненных военными и социальными катаклизмами²³. Р. Уэйд верно отметил, что эта тенденция «перепрыгивания через революционный барьер» началась уже давно, но именно в XXI в. стала «почти что культом»²⁴. 20 лет спустя можно по достоинству оценить влияние коллективной монографии «Российская модерность»²⁵, авторы которой безоговорочно встроили Россию в политический и социокультурный контекст предвоенной Европы. Это направление повело историографию дальше, чем предполагали те, кого М. Дэвид-Фокс назвал «первым поколением историков российской и советской модерности»²⁶. Широкую популярность обрели сравнительные исследования позднеимперских и раннесоветских практик в политике, экономике и культуре. Так, Д. Хоффманн подчеркнул преемственность развития в царской России и СССР социального обеспечения, здравоохранения, репродуктивной политики, политического надзора, пропаганды и государственного насилия²⁷. Российская революция, по его мнению, выступила не более чем ускорителем давно начавшихся процессов.

Против такого упрощения выступил Холквист. Соглашаясь, что многие «государственные практики вмешательства в жизнь населения» появились до Октября, он настаивал, что их действительно широкое применение стало возможно только в революционной ситуации²⁸. Однако эти оговорки не остановили запущенный процесс — фокус внимания все сильнее смещался на по-

²¹ Ibid. P. vii.

²² Engelstein L. Russia in flames. War, Revolution, Civil War, 1914—1921. Oxford, 2017. P. 199.

²³ Petrov Yu. Russia on the eve of the Great Revolution of 1917 // Russian Studies in History. Vol. 58. 2019. № 1. P. 11—12.

²⁴ Wade R. The Revolution at one hundred: issues and trends in the English language historiography of the Russian Revolution of 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography. Vol. 9. 2016. № 1. P. 35, 36.

²⁵ Russian Modernity...

²⁶ Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетённая? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 21.

²⁷ Хоффманн Д.Л. Взрачивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914—1939. М., 2017.

²⁸ Russian Modernity... P. 104.

следние годы империи и первые годы советской власти. В 2010-х гг. почти не выходило работ, в которых историописание революции ограничивалось бы 1917 г. Несмотря на разные датировки, все историки включают в революцию, например, подавление Кронштадтского восстания и X съезд РКП(б). Испанские и латиноамериканские исследователи делают больший упор на 1917 г., но и они, как правило, упоминают Первую мировую и Гражданскую войны и доводят повествование до образования СССР²⁹.

Отражением указанных тенденций стал масштабный международный проект «Великая война и революция в России», начатый в 2014 г. и привлёкший более 250 учёных со всего мира. Из запланированных 11 томов (в 20 книгах) к 2021 г. вышло 8³⁰. Хронологические рамки исследования (1914—1922) можно назвать уже традиционными и устоявшимися. Во вступлении к серии говорится, что именно Первая мировая война рассматривается как «точка опоры, приведшая в движение цепь событий, изменивших Евразию и большую часть мира». Частью этого «континуума кризиса» (распространённое определение Холквиста)³¹ стала и российская революция, однако ни в названии, ни в содержании она не ставится в центр внимания. Характерно, что в 8-м томе («Международные отношения России в период войны и революции») лишь один раздел посвящён 1917 г., да и в нём почти нет материалов о внешней политике в период с февраля по октябрь. Серия выстраивается не по хронологическому, а по тематическому принципу: культура, идентичность, память, империя и национализм. Запланированы тома о гендерных отношениях, науке и технологиях, окружающей среде, медицине и судьбах свидетелей эпохи. В этой структуре революция воспринимается как «окно возможностей», допускавшее разные сценарии развития процессов, начавшихся задолго до неё.

С приближением столетнего «юбилея» обозначилась некоторая смена акцентов. Не отказываясь от парадигмы «континуума кризиса», многие исследователи сделали упор не на войну, а на революцию. К примеру, С. Смит сконцентрировался на России в революции как «империи в кризисе»³². Очень широкие хронологические рамки (1890—1928) он объяснил необходимостью более подробно остановиться на международных и социально-экономических аспектах. Большое внимание в книге уделено российской провинции, росту национализма на окраинах и реинтеграции имперского пространства в первые годы советской власти. Тем не менее, несмотря на название, книга в значительной степени сосредоточена на 1917 г., причём на периоде «от Февраля к Октябрю». В рецензии Э. Лор посетовал, что Смит преуменьшил значение «либеральных» революций 1905 и 1917 гг., сосредоточившись на противостоянии Временного правительства с Петроградским советом. В результате получилась лишь новая «история большевистской революции»³³.

Авторы коллективной монографии «1917 г. как исторический водораздел» попытались найти «золотую середину» в оценке значимости революции для развития российского государства. Во вступлении М. Нойманн и Э. Уиллимонт

²⁹ См., например: *Tonet I., Lessa S. A Grande Revolução Russa*. Maceió, 2018; *La revolución Rusa en su centenario (1917—2017)* / Ed. by J.A. Penón. Andorra la Vella, 2017.

³⁰ «Russia's Great War and Revolution» Series (URL: https://slavica.indiana.edu/series/Russia_Great_War_Series).

³¹ *Holquist P. Making War, forging Revolution: Russia's Great War and Revolution, 1914—1921*. Cambridge, 2002.

³² *Smith S.A. Russia in Revolution: an Empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford, 2017.

³³ *Lohr E. Op. cit.* P. 651.

подчеркнули, что события того времени «соответствуют нашему нынешнему пониманию современной революции», так как они привели к радикальным политическим изменениям и дали старт социалистическому эксперименту. С другой стороны, «учёные всё чаще задаются вопросом, не слишком ли поспешили мы проглотить риторику большевиков, которые, захватив власть, были склонны рассматривать свои действия как часть совершенно новой эпохи?»³⁴. Д. Арч Гетти на примере дискуссий в партийном руководстве о судьбе тела В.И. Ленина показал, что эти заверения изначально расходились с реальностью. Мавзолей стал «символом легитимации режима» и взял на себя важнейшие «квазирелигиозные и политические функции», характерные и для дореволюционной России³⁵.

Авторы коллективной монографии «Исторически неизбежна?»³⁶ попытались выделить «поворотные моменты» революции и понять, могла ли она развиваться иначе. Появление этой книги — следствие роста популярности альтернативных сценариев крупных исторических событий. Так, С. Диксон отметил переоценку современниками и историками последствий убийства П.А. Столыпина, а Д. Смит — влияния Г. Распутина на ключевые политические решения. Бросается в глаза отсутствие в книге рассказа о «кровавом воскресеньи» и Первой российской революции вообще. О ней вскользь упомянул только Ливен в рассуждении о возможных последствиях падения самодержавия уже в 1905 г., в частности — германской интервенции в Россию и радикальном изменении соотношения сил в Европе накануне Первой мировой войны. С критикой книги выступил Дж. Смиль, отвергнув предположения о возможности подавления февральского восстания в Петрограде, успеха Корниловского мятежа или победы в Гражданской войне «белых»³⁷. Д. Суэйн не согласился со Смилом, например, в оценке жизнеспособности Кому́ча и уфимской Директории³⁸. В свою очередь Л. Энгельстайн призвала учитывать, что в разные эпохи историописание революции менялось. С открытием архивов в 1990-е гг. «открылась дверь для новых значений и интерпретаций. Февральская революция оказалась более радикальной, крестьянские восстания — более последовательными, пролетариат — менее сознательным». Как следствие, нет ничего зазорного в том, чтобы «сосредоточиться на силе проигранного дела», оценивая вероятность альтернатив и способность противников большевиков создать на обломках империи что-то иное³⁹.

В собственной монографии Смиль также поставил в центр повествования не революцию, а Гражданскую войну. Точнее, в его терминологии, «гражданские войны»⁴⁰. Автор назвал их «русскими» (именно в кавычках), и в этом заключается основное противоречие: отказав «гражданским войнам» в общем

³⁴ Rethinking the Russian Revolution as historical divide / Ed. by M. Neumann, A. Willimott. L., 2019. P. 2.

³⁵ Ibid. P. 34.

³⁶ Historically inevitable? Turning points of the Russian Revolution / Ed. by T. Brenton. L., 2016.

³⁷ Smele J. «If Grandma had whiskers»: could the Anti-Bolsheviks have won the Russian Revolutions and Civil Wars? Or, the constraints and conceits of counterfactual history // Revolutionary Russia. Vol. 33. 2020. № 1. P. 6—37.

³⁸ Swain G. More thoughts on Grandma's whiskers // Revolutionary Russia. Vol. 33. 2020. № 1. P. 38—49.

³⁹ Engelstein L. «A single civilian whore» — reflections on the might-have-beens of the Russian Civil War // Revolutionary Russia. Vol. 33. 2020. № 1. P. 3, 5.

⁴⁰ Smele J. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: ten years that shook the world. Oxford, 2016. P. 7.

«знаменателе», Смил в то же время объединил их в рамках бывшей империи. Кроме того, как отметил А. Ретиш, большая часть повествования всё равно сосредоточена на 1918—1921 гг.⁴¹ Не согласилась со Смилом и Энгельстайн, считающая, что Гражданская война «всё же была русской (российской) историей в политическом смысле». Региональные и национальные элиты сформировал «образовательный и административный опыт старого режима», который «наделил их общей политической культурой»⁴².

Появление книги Смила отразило растущий интерес к истории российской Гражданской войны — одной из наиболее масштабных в XX в. Традиционно большое внимание к этой теме проявляют испанские и латиноамериканские историки. Стоит отметить монографию Х. Родриго и Д. Алегре, в которой сравниваются характер, ход и результаты гражданских войн во всём мире с 1917 по 2017 г. Вслед за Смилом авторы заявили: «То, что мы называем гражданской войной в России, на самом деле было чередой перекрывающихся и усиливающих друг друга конфликтов»⁴³. В национальных историях стран, некогда входивших в состав Российской империи, Гражданская война занимает центральное место как время борьбы за независимость⁴⁴. При этом повествование о революции, как правило, ограничивается кратким перечислением основных политических событий. К примеру, Т. Балкелис, автор истории Литвы в эпоху войн и революций (1914—1923), уделил 1917 г. всего две страницы⁴⁵. Схожим образом обстоят дела в финской историографии. По замечанию Х. Иммонена, немалую роль в этом сыграл проект «Жертвы войны в Финляндии», поддержанный правительством на рубеже XX—XXI вв. Значительно расширив знания о потерях «красных» и «белых», он «ещё больше отодвинул на второй план научный интерес к революции 1917 г.». Кроме того, значительная часть источников этого периода представлена на русском языке, и «лишь небольшое число финских историков» могут их читать⁴⁶. На этом фоне сама по себе «круглая дата» 2017 г. уже не казалась бесспорной. Тем не менее многие исследователи призвали «вспомнить» о ней.

Назад к семнадцатому году

«На юбилейной конференции, которую я посетил в Тель-Авиве весной 2017 г., один учёный отметил, что теперь “невообразимо” написание истории одного 1917 г. К своему стыду, я сидел молча, думая: “какая чушь”», — вспоминал Я. Тэтчер. С его точки зрения, «мода» расширять рамки революции обесценивает период февраля—октября, в котором до сих пор много «белых пятен»⁴⁷.

⁴¹ Retish A.B. Review on: Jonathan D. Smele. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: ten years that shook the world // The American Historical Review. Vol. 122. 2017. № 3. P. 955.

⁴² Engelstein L. «A single civilian whore»... P. 11.

⁴³ Rodrigo J., Alegre D. Comunidades Rotas. Una historia global de las guerras civiles, 1917—2017. Barcelona, 2019. P. 136.

⁴⁴ См., например: Lubecki M. Poland and the Russian Revolutions // The global impact of Russia's Great War and Revolution. Book 1: The arc of Revolution 1917—24. Bloomington, 2019. P. 313—341.

⁴⁵ Balkelis T. War, Revolution, and nation-making in Lithuania, 1914—1923. Oxford, 2018. P. 42—44.

⁴⁶ Immonen H. From February Revolution to Civil War... P. 104.

⁴⁷ Thatcher I.D. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: ten years that shook the world, by Jonathan D. Smele // Canadian—American Slavic Studies. Vol. 52. 2018. № 4. P. 478. Отмечу также новые работы Тэтчера о внутренней политике Временного правительства и о памфлетной литературе 1917 г.: Thatcher I.D. Memoirs of the Russian Provisional government 1917 // Revolutionary Russia. Vol. 27. 2014. № 1. P. 1—21; Thatcher I.D. Historiography of the Russian Provisional government 1917 in the USSR //

Действительно, в обобщающих трудах повествование о нём зачастую ограничивается одной-двумя главами. Содержание «юбилейных» изданий показывает: на большее у авторов редко остаётся место, учитывая их стремление упомянуть экономический подъём конца XIX в., революцию 1905 г., третьеиюньскую монархию, Первую мировую и Гражданскую войны, образование СССР, коллективизацию, индустриализацию и «Большой террор». Показательно, что Р. Уэйд не включил в свой историографический обзор книги о российской революции, которые «на самом деле в основном посвящены царской России или Советскому Союзу»⁴⁸.

На перекосы в историографии обратил внимание и П. Холквист. В статье «Российская революция как континуум и контекст и да — как революция» он приветствовал тенденции, начавшиеся в том числе и под влиянием его трудов. Однако его «беспокоит, что этот новый подход уводит нас от некоторых ключевых наблюдений, сделанных в более ранней литературе»⁴⁹. В частности, критике подвергся «Имперский апокалипсис» Санборна, по мнению которого революция скорее «продукт войны», нежели результат долговременных социально-политических процессов⁵⁰. Эту работу Холквист привёл в качестве примера того, как широкие исследования позднеимперской России оттесняют на второй план события 1917 г. Он настаивал на том, чтобы «мы не упускали из виду революцию как самостоятельную динамику, а не просто эпифеномен процессов военного времени»⁵¹.

Тем не менее в последние годы появляются и труды, ограничивающиеся 1917—1918 гг., в частности — о политических противниках большевиков. К примеру, Л. Доудс подробно исследовала практику взаимодействия большевиков и левых эсеров в Совнарком в первые месяцы после Октября. По её мнению, этот опыт показывает, что советская политическая система в первые месяцы своего существования «развивалась спонтанно и не сразу сформировалась как авторитарная однопартийная диктатура»⁵².

Среди немногих современных исследований рабочего движения — монография Д. Пёрл о развитии революционной культуры русских рабочих в конце XIX — начале XX в.⁵³ Исследованы их повседневная жизнь, участие в кружках, создании и распространении пропаганды в виде книг, брошюр, листовок и даже сказок. На основе этого «низового материала» автор оспорила тезис о непримиримых противоречиях между народниками и социал-демократами.

Twentieth century Communism. 2015. № 8. P. 108—132; *Thatcher I.D.* Post-Soviet Russian historians and the Russian Provisional government of 1917 // *Slavonic and East European Review*. Vol. 93. 2015. № 2. P. 315—337; *Thatcher I.D.* The «broad centrist» political parties and the first Provisional government, 3 March — 5 May 1917 // *Revolutionary Russia*. Vol. 33. 2020. № 2. P. 197—220; *Thatcher I.D.* The Russian revolutionary constitution and pamphlet literature in the 1917 Russian Revolution // *Europe—Asia Studies*. Vol. 68. 2016. № 10. P. 1635—1653.

⁴⁸ *Wade R.* The Revolution at one hundred... P. 10.

⁴⁹ *Holquist P.* The Russian Revolution as continuum and context and yes, — as Revolution. Reflections on recent Anglophone scholarship of the Russian Revolution // *Cahiers du Monde Russe*. 2017. № 1—2. P. 79.

⁵⁰ *Sanborn J.* Op. cit. P. 235.

⁵¹ *Holquist P.* The Russian Revolution as continuum... P. 93.

⁵² *Douds L.* «The Dictatorship of the Democracy»? The Council of Peoples' Commissars as Bolshevik—Left Socialist revolutionary coalition government, December 1917 — March 1918 // *Historical Research*. Vol. 90. 2017. № 247. P. 56.

⁵³ *Pearl D.* Creating a culture of Revolution: workers and the revolutionary movement in late Imperial Russia. Bloomington, 2015.

Однако, как отметил в рецензии Я. Тэтчер, исследование ограничивается 1905 г., хотя «основные фракционные разногласия, разыгравшиеся в 1917 г., вышли на первый план позднее, особенно во время Первой мировой войны»⁵⁴. Практически не издавалось работ по крестьянскому движению, можно упомянуть лишь подробные историографические обзоры Л. Хёфнера и Г. Бернштейна о миграции русских крестьян и в целом о «крестьянской проблеме» в начале XX в.⁵⁵

Работы о женщинах в революционной России по-прежнему редки, и столетие не переломило эту тенденцию. Н.Л. Пушкарёва справедливо заметила, что «женский вопрос» остаётся по сути «иллюстративным дополнением к “большой истории”» революции⁵⁶. По мнению Э. Уайт, «основное внимание по-прежнему уделяется институтам и практикам, в которых доминируют мужчины, будь то большевистская партия или царский Генеральный штаб». Можно было бы сделать больше для «рассмотрения гендера как исторической категории», более подробно изучить женскую повседневность в условиях революции. При этом, признаёт Уайт, возросший интерес к общественным организациям «затмил некоторые из прежних акцентов на ведущих женщинах-марксистках» (Н.К. Крупская, И. Арманд, А.М. Коллонтай)⁵⁷. Одновременно активизировалось изучение деятельности, например, А.В. Тырковой-Вильямс и Л.М. Рейснер⁵⁸. Стоит выделить также статью Б. Энгель о гендерной природе российской революции и её последствиях для женщин. С её точки зрения, «ассоциация “отсталых” женщин с домашней сферой, к которой революционеры относились очень пренебрежительно», в дальнейшем создавала препятствия на пути профессионального и карьерного роста⁵⁹. Разделяя распространённую критику сталинской политики в отношении женщин⁶⁰, Энгель тем не менее пришла к выводу, что далеко не все достижения революционной эпохи в области гендерного равноправия были отброшены в 1930-е гг.

Заметно возрос интерес зарубежных историков к ранее периферийной теме — Русской Православной Церкви в период «перелома» 1917 г. С. Кенуорти сетует, что в англоязычной историографии сформировался образ Церкви как контрреволюционной организации и «безропотной служанки» государства. Он сосредоточился на её отношениях с Временным и большевистским правительствами, отметив «брожение во всех сферах религиозных верований, мысли, практики и институтов в период революционных потрясений»⁶¹. Ф. Силано попыталась

⁵⁴ *Thatcher I.D.* Creating a culture of Revolution: workers and the revolutionary movement in late Imperial Russia // *Revolutionary Russia*. Vol. 29. 2016. № 1. P. 121.

⁵⁵ *Bernstein H.* The «peasant problem» in the Russian revolution(s), 1905—1929 // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 45. 2019. № 5—6. P. 1127—1150; *Häfner L.* Engines of social change? Peasant migration and the transgression of spatial, legal and cultural divides in late Imperial Russia // *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 34. 2019. № 4. P. 547—570.

⁵⁶ *Pushkareva N.L.* Soviet and Post-Soviet scholarship of women's participation in Russia's socio-political life from 1900 to 1917 // *Revolutionary Russia*. Vol. 30. 2017. № 2. P. 217. См. также: *Pushkareva N.L.* Women's and gender studies of the Russian past: two contemporary trends // *Women's History Review*. Vol. 27. 2018. № 1. P. 71—87.

⁵⁷ *A companion to the Russian Revolution* / Ed. by D. Orlovsky. Hoboken, 2020. P. 288.

⁵⁸ *McElvanney K.* Women reporting the Russian Revolution and Civil War: The frontline journalism of Ariadna Tyrkova-Williams and Larisa Reisner // *Revolutionary Russia*. Vol. 30. 2017. № 2. P. 228—246.

⁵⁹ *Engel B.A.* A gendered Revolution? // *Revolutionary Russia*. Vol. 30. 2017. № 2. P. 196.

⁶⁰ *Kirschenbaum L.* The man question: how Bolshevik masculinity shaped international communism // *Socialist History*. Vol. 52. 2017. P. 76—84.

⁶¹ *Kenworthy S.M.* Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik revolution // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 1. P. 15.

переосмыслить значение восстановления патриаршества в 1917 г. Этим шагом церковные руководители «выдвинули новое видение России: такое, в котором Церковь будет путеводной звездой для нации в неспокойные времена». Почти одновременно с Октябрьским переворотом она вернула себе «символы и нарративы, которые цари использовали для описания своего автократического правления». Большевики по достоинству оценили эту угрозу, борясь не только с самой Церковью, но и с её «языком»⁶².

Примечательной попыткой нового «выделения» 1917 г. стала монография Ц. Хасэгавы о преступности и органах правопорядка в революционном Петрограде⁶³. Обращение к теме уличного насилия выявило характерные, неповторимые черты 1917—1918 гг. — периода, который «заслуживает изучения сам по себе, а не просто как переходный этап от Первой мировой к Гражданской войне»⁶⁴. Вопрос о насилии в данном случае играет важнейшую и до сих пор недооценённую роль. Автор пришёл к выводу, что Временное правительство оказалось неспособно монополизировать насилие, а потому обрекло себя на поражение⁶⁵. Однако он почти не говорит о предпосылках этого всплеска, фактически избегая дискуссий о феномене «революционного насилия», его связи с предшествующими эпохами. В то же время, к примеру, в немецкой историографии господствует представление о «революционном насилии» как результате «социальной дезинтеграции», начавшейся задолго до 1917 г. С этой точки зрения Первая мировая война стала массовой «школой насилия», но «травмирующее воздействие» оказала и революция 1905 г.⁶⁶

Среди обобщающих трудов выделяется монография М. Стейнберга, который повествует главным образом о 1917 г., но при этом не ограничивается политической историей. 1905—1921 гг. охарактеризованы им как эпоха «взаимосвязанных кризисов, потрясений, радикальных перемен и возможностей». Во главу угла автор поставил личность, «переживание» ею революции, ощущение «историчности» времени, несправедливости, неравенства (экономического, политического, гендерного), близкой и одновременно недостижимой «свободы»⁶⁷. Повествование построено вокруг биографий революционных деятелей, журналистов и писателей (Л.Д. Троцкий, А.М. Коллонтай, В.В. Маяковский, В.К. Винниченко, М.Х. Бехбуди), по-разному видевших революционный процесс. Большое внимание уделено «пространствам революции» — городской улице, деревенскому «миру», окраинам империи. Стейнберг сознательно отказался от подробного описания политических событий, обратившись к «неопределённым интерпретациям тех, кто жил в прошлом», а не к «твёрдым ретроспективным выводам»⁶⁸. Данная книга — продолжение исследования автором

⁶² *Silano F. (Re)Constructing an orthodox «scenario of power»: the restoration of the Russian Orthodox Patriarchate in revolutionary Russia (1917—1918) // Revolutionary Russia. Vol. 32. 2019. № 1. P. 1—3.*

⁶³ *Hasegawa T. Crime and punishment in the Russian Revolution: mob justice and police in Petrograd. Cambridge, 2017. См. также: Frame M. Concepts of policing during the Russian Revolution, 1917—1918 // Europe—Asia Studies. Vol. 68. 2017. № 10. P. 1654—1671.*

⁶⁴ *Hasegawa T. Op. cit. P. 12.*

⁶⁵ *Ibid. P. 271.*

⁶⁶ *Häfner L. German historiography on the February Revolution... P. 63.*

⁶⁷ *Steinberg M.D. The Russian Revolution, 1905—1921. Oxford, 2017. P. 5, 8.*

⁶⁸ *Ibid. P. 350.*

пространства российского города (в частности, Петербурга) в позднеимперскую эпоху⁶⁹.

«Возврат» к 1917 г. оказался особенно труден в коллективных монографиях и крупных обобщающих трудах. Характерный пример — справочник «A companion to the Russian Revolution» издательства «Wiley—Blackwell». В проекте участвовали ведущие историки из разных стран, в том числе России. Одной из его важнейших задач редактор Д. Орловски назвал попытку «обратить вспять тенденцию похоронить или потерять 1917 г., уникальность революции в более длительном периоде времени»⁷⁰. Это отразилось и на структуре издания. Первая часть («Знаки: ближние и дальние») посвящена предреволюционному периоду, но составляет всего 4 статьи из 34. П. Уолдрон проанализировал «долговременные причины» революции, указав на индустриализацию, урбанизацию, нерешённый крестьянский вопрос и рост национализма. Ф. Вчисло отметил растянутость и расплывчатость понятия «предреволюционный период». Первая российская революция началась ещё в конце XIX в. (точкой отсчёта выбран 1890 г.), 1905—1907 гг. — лишь её кульминация. По своей сути и масштабу она явилась предысторией «более крупного революционного кризиса», начавшегося в 1914 г.⁷¹ К. Рид основное внимание уделил Первой мировой войне, упомянув старые дискуссии о её тесной взаимосвязи с революцией. По его словам, «мы не можем сказать, что могло бы произойти, если бы не война... но мы можем сказать, что революция... не была бы такой же без войны»⁷².

Вторая часть имеет заголовок «Февральская революция», но на деле охватывает весь 1917 г., к тому же в ней часто упоминаются предшествующие годы и первые месяцы советской власти. К примеру, А. Майнио кратко охарактеризовал финское национальное движение с 1899 по 1919 г.⁷³ Статья Э. Уайт посвящена гендерным отношениям в позднеимперской России, участию женщин в Гражданской войне и советской политической жизни 1920-х гг.⁷⁴ М. фон Хаген рассмотрел национальные движения на территории современных Украины, Белоруссии, Польши и Литвы в 1914—1922 гг., показав, как царское, Временное и большевистское правительства схожими методами пытались удержать под контролем западные окраины. Он также предпочёл говорить о нескольких «русских» революциях на территории бывшей империи⁷⁵. Поддерживая это мнение, М. Буттино отметил антиколониальный характер Туркестанского восстания, разнородность революционных движений в Центральной Азии⁷⁶.

⁶⁹ Steinberg M.D. Petersburg *Fin de Siècle*. New Heaven, 2011; Steinberg M.D. Ghostly fogs in a decaying Empire: disoriented and melancholy experience in Russia's Metropole // Cultural Studies. Vol. 34. 2020. № 5. P. 747—762. О российском городе накануне и в годы революции см. также: Cohen A.J. The limits of Iconoclasm. The fate of Tsarist monuments in revolutionary Moscow and Petrograd, 1917—1918 // City. Vol. 24. 2020. № 3—4. P. 616—626; Gerasimov I. Plebeian modernity. Social practices, illegality, and the urban poor in Russia, 1906—1916. Rochester, 2018; Hearne S. Prosecuting procurement in the Russian Empire // Journal of Social History. Vol. 54. 2020. № 1. P. 185—209; Pravilova E. The trouble with authenticity: backwardness, imitation, and the politics of art in late Imperial Russia // Journal of Modern History. Vol. 90. 2018. № 3. P. 536—579; Sicher E. Odessa time, Odessa space: rethinking cultural space in a cosmopolitan city // Jewish Culture and History. Vol. 16. 2015. № 3. P. 221—241.

⁷⁰ A companion to the Russian Revolution. P. 2.

⁷¹ Ibid. P. 17.

⁷² Ibid. P. 40.

⁷³ Ibid. P. 211—220.

⁷⁴ Ibid. P. 287—296.

⁷⁵ Ibid. P. 229—246.

⁷⁶ Ibid. P. 198.

Третья часть — об Октябрьской революции и «гражданских войнах». Л. Лих выделил три «весьма необычных обстоятельства», способствовавших победе большевиков: крах старых элит, создание институтов «народной» власти и наличие «подпольной партии» с готовой политической и экономической программой. Их стечение породило уверенность и даже самоуверенность большевиков, что позднее привело их к «постоянной переоценке шансов на революцию в Западной Европе»⁷⁷. Э. Ландис, анализируя политику «военного коммунизма», задал во многом схожие вопросы: были ли большевики «прагматиками» или «идеалистами», вынужденными признать несостоятельность своих методов и дать стране «передышку»? Сам он склонился ко второму: противоречие между нэпом и «основной целью партии — социализмом» вызвало затяжные дискуссии, что в свою очередь способствовало консолидации власти в руках И.В. Сталина. Коллективизация воспринималась многими крестьянами как «возобновление практики “военного коммунизма” и Гражданской войны в целом»⁷⁸.

В обзоре современной историографии К. Рид отметил, что Первая мировая война «взяла на себя слишком большую ответственность за революцию», в оценке которой ныне происходит «своего рода поворот к краткосрочности»⁷⁹. Однако если этот процесс и начался, то будет долгим и не обязательно «вернёт» революцию к 1917 г. Это видно и по справочнику «A companion to the Russian Revolution». Большинство его авторов в своих исследованиях давно вышли за рамки классической парадигмы «От Февраля к Октябрю». С другой стороны (и здесь трудно не согласиться с Тэтчером), очевиден недостаток исследований 1917 г., особенно в крупных, обобщающих трудах. Тем более что за новшествами в историографии по-прежнему скрываются знакомые проблемы и перекосы.

Длинная тень Октября

«Самое важное, что можно сказать о “Русской революции 1917 г.” — это то, что ни одно слово в этой фразе не является полностью подходящим», — заметили С. Норрис и Б. Сатклифф⁸⁰. Действительно, вопрос о том, как называть это событие и что под ним подразумевается, привлёк немалое внимание. С этой целью М. Фабрикант проанализировала 101 учебник истории из 22 европейских стран. Автор отметила, что чаще всего используется название «Русская революция». В некоторых учебниках (например, боснийском) двум революциям уделено равное внимание, однако больше визуализирован Октябрь. Чаще всего размещаются изображения Николая II, Ленина, Троцкого и Сталина, деятели Временного правительства же почти не встречаются. Таким образом, история революции для школьников и студентов «сводится к большевистскому государству, заменяющему старую империю Романовых, с неопределёнными и несущественными событиями между ними»⁸¹.

⁷⁷ Ibid. P. 329.

⁷⁸ Ibid. P. 351.

⁷⁹ Read C. Ten months that no longer shake the world? The centenary of the Russian Revolution and beyond // *Revolutionary Russia*. Vol. 34. 2021. № 1. P. 189.

⁸⁰ Norris S., Sutcliffe B.M. The Russian Revolution at 100 // *Revolutionary Russia*. Vol. 32. 2019. № 1. P. 1.

⁸¹ Fabrykant M. «Do it the Russian way»: narratives of the Russian Revolution in European history textbooks // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 743.

В научной литературе — российской и зарубежной — ситуация во многом схожая. Ещё в 2000 г. Х. Торке написал: «Те, кто говорит о 1917 г. ... как о поворотном моменте, думают в первую очередь об Октябрьской революции». Спустя 16 лет Л. Хёфнер отметил, что и сегодня немецкая историография «игнорирует» Февральскую революцию, а 1917 г. фактически является «синонимом Октябрьского восстания»⁸². Говоря о торжествах к столетию революции, К. Рид признал, что под ней понимаются «Октябрь и большевики, не более того»⁸³. В.В. Шелохаев и К.А. Соловьёв также посетовали на «несопоставимый количественный разрыв» в публикациях об Октябре и Феврале⁸⁴.

Та же тенденция видна и в тематических выпусках научных журналов. В большинстве случаев общей темой является «Русская революция», причём составители зачастую вкладывают в это словосочетание вполне определённый смысл. Показательно, что автор вступительной статьи в спецвыпуске «*Journal of Contemporary History*» М. Нейбургер в первом же предложении заявляла: «Большевистская революция... была одним из важнейших событий в новейшей истории»⁸⁵. Лишь «*Revolutionary Russia*» выделил для Февральской революции скромный подраздел из двух статей.

Отмеченный перекося прослеживается и в набирающих популярность исследованиях российской провинции в революционную эпоху⁸⁶. В посвящённом этой теме третьем томе серии «Великая война и революция в России»⁸⁷ основное внимание приковано к периоду 1917—1922 гг. Р. Уэйд объяснил это тем, что «если Февральская революция распространилась по стране довольно равномерно, то к октябрю местные условия создали разнообразие “Октябрёй”»⁸⁸. Характерна в этом смысле работа М. Рэндала о борьбе большевиков за власть, «места и пространства» в разных регионах⁸⁹. Редкое исключение в общем потоке публикаций — статьи А. Дикинса о падении царской власти и политической борьбе в Красноярске⁹⁰.

Размышляя о современной историографии, Д. Орловски констатировал, что Февраль выходит из тени Октября и способен «вернуть себе центральное место» в исследованиях о революции⁹¹. Думается, что этот вывод излишне оптимистичен. Главным препятствием остаётся драматичная, насыщенная

⁸² Häfner L. German historiography on the February Revolution... P. 44, 45.

⁸³ Read C. Centennial thoughts on an exhausted (?) Revolution // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 2. P. 5.

⁸⁴ Shelokhaev V., Solovyov K. February in the shadow of October (historiography and tasks awaiting further research) // *Russian Studies in History*. Vol. 58. 2019. № 1. P. 29.

⁸⁵ Neuburger M. The 100th anniversary of the Russian Revolution: introduction // *Journal of Contemporary History*. Vol. 52. 2017. № 4. P. 807.

⁸⁶ Подробнее о региональных исследованиях см.: Novikova L. The Russian Revolution from a provincial perspective // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. 2015. № 4. P. 769—785.

⁸⁷ Russia's home front in War and Revolution, 1914—22. Book 1: Russia's Revolution in regional perspective / Ed. by S. Badcock, L.G. Novikova, A.B. Retish. Bloomington, 2015.

⁸⁸ Wade R. The Revolution at one hundred... P. 34.

⁸⁹ Rendle M. Quantifying counter-revolution: legal statistics and revolutionary justice during Russia's Civil War, 1917—1922 // *Europe—Asia Studies*. Vol. 68. 2016. № 10. P. 1672—1692.

⁹⁰ Dickins A. A revolution in March: the overthrow of Tsarism in Krasnoyarsk // *Historical Research*. Vol. 90. 2017. № 247. P. 11—31; Dickins A. A revolutionary locality in a revolutionary state: the changing geography of power in Central Siberia, March—October 1917 // *Revolutionary Russia*. Vol. 34. 2021. № 1. P. 45—70.

⁹¹ A Companion to the Russian Revolution. P. 189.

событиями и вариантами развития событий Гражданская война, органически связанная с советским периодом.

Большое внимание в последние годы привлекают празднования годовщин и юбилеев Октябрьской революции, проходившие в СССР и по всему миру. Основные результаты в этом направлении объединила коллективная монография «Эхо Октября». Ж.-Ф. Файе выделил три основные функции торжеств 7 ноября: объединение, легитимация и мобилизация. Каждая годовщина представляла собой «вариацию воспоминаний, которая со временем обновлялась в соответствии с меняющимися национальными и международными контекстами»⁹². С. Риндлисахер проследил изображение годовщин на страницах газеты «Правда» с 1918 по 1991 г. В 1920-х гг. праздник служил напоминанием о приближении мировой революции, затем постепенно становился национальным. После Великой Отечественной войны иностранные поздравления и их освещение в прессе стали частью политического ритуала, всё больше отдаляясь от собственно события. На первый план вышел День Победы, «тесно связанный с советской семейной историей и устной традицией»⁹³. К. Маккаллум отмечает, что революция должна была стать «непоколебимой основой всего советского проекта, неподвижной Полярной звездой в советском мировоззрении»⁹⁴. К схожим выводам пришёл Б. Гайос, исследовавший её образ в сознании советской молодёжи 1967 г. Основная задача комсомола — поощрение к «продолжению дела Октября» — понималась теперь не как стремление к коммунизму, а как «сохранение достижений и готовность защищать Родину». Великая Отечественная война обладала большей «просветительской силой», чем Октябрьская революция, а её близость и масштабы коллективного опыта «предоставили огромное количество символических и эмоциональных ресурсов для политики памяти партии»⁹⁵.

Продолжаются исследования отражения большевистской революции в советском культурном пространстве, научной и учебной литературе. В 2018 г. переиздана монография Ф. Корни, посвящённая «сакрализации Октября» посредством ритуальных празднований, институционализации события в музеях и профессиональных институтах, посвящённых его изучению⁹⁶. Из новых работ можно отметить монографию Л. Холмса о деятельности Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б). Изначально предполагалось, что Истпарт будет «придерживаться традиционных стандартов исследования». Скоро, однако, стало понятно, что партия отвергает «любую версию истории, предполагающую неидеологические или неполитические источники истины»⁹⁷. Р. Гейл изучил экспозицию Государственного музея революции в 1920—1930-е

⁹² *Echoes of October: International commemorations of the Bolshevik Revolution 1918—1990*. L., 2017. P. 7.

⁹³ *Ibid.* P. 188, 191.

⁹⁴ *McCallum C.E.* «A beautiful dream, facing both the future and the past»: destalinization, visual culture and the 40th anniversary of the October Revolution // *Revolutionary Russia*. Vol. 33. 2020. № 1. P. 25.

⁹⁵ *Gajos B.* Fading Red October: Soviet youth and the 50th anniversary of the October Revolution // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 1. P. 120.

⁹⁶ *Corney F.* Telling October: memory and the making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, 2018.

⁹⁷ *Holmes L.* Revising the Revolution: the unmaking of Russia's official history of 1917. Bloomington, 2021. P. 171, 172.

гг.⁹⁸, Н. Мюррей обратила внимание на театрализованные уличные постановки в Петрограде в 1921 г.⁹⁹, а Б. Дутт проанализировал изменения образа Ленина в театральном искусстве¹⁰⁰. Рассматривалась Октябрьская революция и в качестве туристического направления. Как отмечает Д. Кёнкер, в 1920-х гг. она отождествлялась скорее с будущим социалистического государства, а не с прошлым. Ситуация начала меняться в середине 1930-х гг., когда в путеводителях появились «места памяти»: штабы восстания, точки уличных сражений и т.п.¹⁰¹ Представляют интерес современные попытки использования революционной эпохи как «полезного прошлого». Д. Рихтер метко назвал это «приручением революции», её максимальной деполитизацией и деидеологизацией¹⁰². М. Рэндел и А. Лайвли заметили, что в обновлённой экспозиции крейсера «Аврора» больший упор сделан на его дореволюционную историю и участие в обороне Ленинграда во время Великой Отечественной войны. Революционное прошлое «отодвигается на второй план в пользу патриотической роли корабля как символа военной мощи в царском и советском государствах»¹⁰³.

Исследование современного образа российской революции стало одним из самых динамичных направлений в историографии. В определённой степени это — попытка уйти от застарелых споров и проблем, которые не были преодолены к столетнему «юбилею». Тем не менее полностью избежать их невозможно, в особенности — вопроса о влиянии революции на современный мир. Размышляя об этом, С. Маркс предложил разделить «глобальное влияние» и «историческую значимость» события. В XXI в. оно уже не способно отвечать на вызовы современности. «Какие решения предлагает Ленин для исправления климатических изменений, хронической нехватки рабочих мест, этнической и расовой нетерпимости и экономических потрясений, вызванных цифровизацией и, возможно, автоматизацией на основе искусственного интеллекта?». Даже то, что достигнуто большевистской революцией в сфере прав человека, лишь «давно отложенное наследие 1776, 1789 и 1848 гг., а не 1917 г.»¹⁰⁴. Правда, отметил в ответной статье П. Дьюкс, сегодня «у демократического Запада нет лучшего ответа» на эти вопросы¹⁰⁵. Орловски в свою очередь заметил, что Маркс сделал упор на Октябре и увязал значение революции с советским опытом. Однако Февральская революция была не менее важной, её влияние по-прежнему недооценивается. Он призвал признать «взрывной характер Февраля» и

⁹⁸ Hale R. Exhibiting the Revolution: expositions at the Museum of the Revolution in Leningrad in the 1920s and 1930s // *History*. Vol. 104. 2019. № 352. P. 649—676.

⁹⁹ Murray N. Street theatre as propaganda: mass performances and spectacles in Petrograd in 1920 // *Studies in Theatre and Performance*. Vol. 36. 2016. № 3. P. 230—241.

¹⁰⁰ Dutt B. October Revolution, echoes of the past: Lenin in popular sites and theatre // *Studies in Theatre and Performance*. Vol. 39. 2019. № 3. P. 224—239.

¹⁰¹ Koenker D.P. The Russian Revolution as a tourist attraction // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 753—762.

¹⁰² Richter J. Taming the Revolution: the politics of memory 100 years after October // *History and Memory*. Vol. 31. 2019. № 2. P. 45—77.

¹⁰³ Rendle M., Lively A. Inspiring a «Fourth Revolution»? The modern revolutionary tradition and the problems surrounding the commemoration of 1917 in 2017 in Russia // *Historical Research*. Vol. 90. 2017. № 249. P. 230.

¹⁰⁴ Marks S.G. The global legacy of the Russian Revolution: a comparative perspective // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 2. P. 4—5, 12.

¹⁰⁵ Dukes P. The global legacy of the Russian Revolution: a comparative perspective // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 2. P. 185.

провёл параллели с современными революциями в разных регионах мира¹⁰⁶. К. Рид усомнился в такой трактовке: «Трудно понять, что в Феврале демократично» и «трудно объяснить, почему был недемократичен Октябрь»¹⁰⁷.

Параллельно с этим громко раздавались голоса и о «непреодолимом значении» российской революции. По мнению Б. Пальмера и Д. Сангстера, 1917 г. «живёт в наших мыслях и действиях, в наших теориях и в наших чувствах», вне зависимости от политических воззрений. Это проявляется в нынешнем «кризисе капитализма», росте военных расходов и напряжённости в разных регионах мира¹⁰⁸. Д. Фридман и П. Рутланд убеждены, что идея борьбы с империализмом универсальна по своей природе и способна подстраиваться под разные политические и экономические условия. Падение социалистических систем вовсе не осушило этот источник вдохновения для борьбы с неравенством¹⁰⁹. Р. Марквик отметил, что сегодняшняя ситуация схожа с событиями столетней давности: «Бесконечная война, авторитарные государства, крайности богатства и бедности, расовое, национальное и гендерное угнетение». В стремлении к альтернативной социальной организации политики левого направления «невольно повторяют эгалитарные, освободительные импульсы гражданского общества, завещанные революциями 1917 г.»¹¹⁰.

Падение колониальных систем, освободительные движения и создание независимых государств на Балканах, в Азии, Южной Африке и Южной Америке — всё это и сегодня зачастую воспринимается как прямой, осязаемый результат российской революции¹¹¹. Её влияние исследователи видят, например, в «трёх большевистских годах» Барселоны и всеобщей стачке в Сан-Паулу¹¹². Всё чаще 1917 г. встраивается в контекст европейских и мировых кризисов XX в.¹¹³ Популярна идея, что без Октябрьской революции Россия не победила бы во Второй мировой войне, «третий мир» не получил бы свободу, а Запад никогда не при-

¹⁰⁶ *Orlovsky D.* The on-going legacy of February: a response to Steven G. Marks // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 2. P. 189.

¹⁰⁷ *Read C.* Ten months that no longer shake the world... P. 126.

¹⁰⁸ *Palmer B.D., Sangster J.* Legacies of 1917: Revolution's *Longue Durée* // *American Communist History*. Vol. 46. 2017. № 1—2. P. 8.

¹⁰⁹ *Friedman J., Rutland P.* Anti-Imperialism: the Leninist legacy and the fate of World Revolution // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 591—599.

¹¹⁰ *Markwick R.D.* Violence to velvet: Revolutions — 1917 to 2017 // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 608, 609.

¹¹¹ *Siddiqui K.* The Bolshevik Revolution and the collapse of the colonial system in India // *International Critical Thought*. Vol. 7. 2017. № 3. P. 418—437; *Michels T.* The Russian Revolution in New York, 1917—19 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 52. 2017. № 4. P. 959—979; *Kirschenbaum L.* The Russian Revolution and Spanish communists, 1931—5 // *Ibid.* P. 892—912; *Fouskas V.* Lenin's «Eastern Policy» and communism in Turkey and Greece, 1918—1923 // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 22. 2020. № 2. P. 210—221; *Dukanovic D., Dašić M.* Effects of the ideas of the October Revolution in Russia on the foreign policy of Yugoslavia in the period 1945—1947 // *Ibid.* P. 259—274.

¹¹² *Rodriguez A.Z.* Lenin in Barcelona: the Russian Revolution and the Spanish *trienio bolchevista*, 1917—1920 // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 629—636; *Biondi L., Toledo E.* Uma revolta urbana. A greve geral de 1917 em São Paulo. São Paulo, 2018.

¹¹³ См., например: *Stevenson D.* 1917: war, peace and revolution. Oxford, 2017; *The Russian Revolutions of 1917. The Northern impact and beyond* / Ed. by K.A. Myklebost, J.P. Nielsen, A. Rogatchevski. Boston, 2020; *Calleja E.G.* Anatomía de una crisis. 1917 y los Españoles. Madrid, 2017; *Bassin M., Richardson P., Kolosov V., Clowes E.W., Agnew J., Plokhy S.* 1917—2017: the geopolitical legacy of the Russian Revolution // *Geopolitics*. Vol. 22. 2017. № 3. P. 665—692.

шёл бы к государству «всеобщего благосостояния»¹¹⁴. Китайские исследователи особое внимание уделили «урокам Октября» для правящей Коммунистической партии¹¹⁵. В этом смысле заметных сдвигов 2017 г. не принёс. И. Ли с сожалением отметила, что значительная часть статей о связи Октября и современного Китая «страдала единообразием подходов и выводов». Тем не менее за официальной апологетикой приоткрылись острые дискуссии китайских историков о причинах, характере и значении российской революции¹¹⁶.

От «юбилейной» научной литературы далеко не всегда следует ждать прорывов. Конечно, и на рубеже XX—XXI вв. возникали «жестокие сражения между ревизионистами и традиционалистами»¹¹⁷, однако после 1991 г. споры о российской революции были уже отголоском ушедшей эпохи. Распад Советского Союза дал историкам возможность отойти от «парадигмы 1917 г.» и в целом — «отдохнуть» от неё. Сложно сказать, изменилось ли что-то принципиально к 2017 г. Старые сюжеты (рабочее движение, политическая борьба, партии) не отброшены и не забыты, но упоминаются редко. Новые — провинция, этнический фактор, гендер, религия — пока не привели к существенному переосмыслению произошедшего. Парадигма «континуума кризиса», бесспорно, сохранит влияние, однако в нынешнем виде она достигла своего апогея и будет вызывать всё больше сомнений. Неудивительно, что на столетние торжества, сколь бы масштабными они ни были, исследователи изначально возлагали мало надежд. И дело здесь не только в состоянии историографии, но и в общественном восприятии 1917 г. Какова бы ни была реакция в разных странах — равнодушие, игнорирование или апологетика, — везде отмечается недостаток новых подходов и идей, нет чёткого осознания места российской революции в современном мире. Во многом именно поэтому интерес к ней проявляется лишь в «юбилейные» годы. «Достигли ли мы конца революционной истории?» — спросил по этому поводу К. Рид¹¹⁸. Думается, что масштаб этого исторического события слишком велик, а столетие — слишком малый срок, чтобы говорить о революции как о прошлом.

¹¹⁴ *Barbosa W. do N.* One hundred years of learning: the Russian Revolution of 1917 // *Agrarian South: Journal of Political Economy*. Vol. 6. 2017. № 2. P. 221—236; *Pauwels J.R.* In praise of the October Revolution // *Journal of Labor and Society*. Vol. 21. 2018. № 2. P. 215—229; *Patnaik P.* Marxist theory and the October Revolution // *Journal of Labor and Society*. Vol. 21. 2018. № 2. P. 175—187.

¹¹⁵ См., например: *Li S.* The October Revolution: a new epoch in the world history // *International Critical Thought*. Vol. 7. 2017. № 3. P. 279—288; *Cheng E., Liu X.* The historical contribution of the October Revolution to the economic and social development of the Soviet Union. Analysis of the Soviet economic model and the causes of its dramatic end // *Ibid.* P. 297—308.

¹¹⁶ *Ли И.* Столетие Октябрьской революции в китайской политической, общественной и научной мысли // *Российская история*. 2018. № 6. С. 46, 47.

¹¹⁷ *Большакова О.В.* Поверх барьеров... С. 33.

¹¹⁸ *Read C.* Ten months that no longer shake the world... P. 124.

«Под грифом Института истории АН СССР»: смена научных ориентиров в условиях складывания антигитлеровской коалиции

Любовь Сидорова

«Under the stamp of the Institute of History, the USSR Academy of Sciences»: changing scientific guidelines in the light of formation of the anti-Hitler Coalition

Liubov Sidorova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016621-4

История и деятельность Института истории АН СССР неотделима от развития отечественной исторической науки. Научные труды, вышедшие из-под пера его сотрудников, пополняют знания о прошлом страны и отражают движение исторической мысли, документы и материалы о его деятельности раскрывают особенности институционального устройства исторической науки России. В центре внимания данной статьи — подготовленный Институтом юбилейный сборник «Двадцать пять лет исторической науки в СССР»¹. Его задачей являлось подведение итогов развития исторической науки в СССР в послеоктябрьский период. Однако судьба книги оказалась более чем скромной: она не вошла в число изданий, с которыми ассоциируются историографические вехи и которые обязательно упоминаются в последующих обобщающих работах. Тем не менее именно на её страницах отразился тот достаточно краткий, но вполне отчётливый и чрезвычайно важный момент появления в советской исторической науке тенденции к активизации контактов с наукой зарубежной, к восприятию советской историографии как части мировой.

Подписанный в печать 9 ноября 1942 г., когда в битве под Сталинградом решалась судьба страны, сборник нёс на себе отпечаток лишений военного времени. Он отпечатан на плохой газетной бумаге, картонная обложка обтянута тонкой серовато-голубой хлопчатобумажной тканью (однако с элементами тиснения!), а ошибок в инициалах, орфографии и проч. много больше тех пяти, что перечислены на вклейке. Всё это объяснимо — война (хотя и довоенные издания по истории не могли похвастаться особым качеством полиграфического исполнения!). Но главное удивление вызывает наличие двух титульных листов. На первом название дано на английском языке («Twenty five years of historical studies in the USSR»), на втором — на русском. Завершают книгу два оглавления, также на английском и на русском языках.

Такое неожиданное двуязычие в официальном научном издании СССР не могло быть простой случайностью. Чтобы понять, что в нём крылось и с ка-

© 2021 г. Л.А. Сидорова

¹ Двадцать пять лет исторической науки в СССР / Под ред. акад. В.П. Волгина, акад. Е.В. Тарле и чл.-корр. АН СССР А.М. Панкратовой. М.: Л., 1942.

ким прицелом делалось, надо вчитаться в статьи и обратиться к истории его подготовки.

Сборник был издан под редакцией академиков В.П. Волгина и Е.В. Тарле и члена-корреспондента АН СССР А.М. Панкратовой. Его открывает небольшое предисловие. Два раздела книги — «История СССР» и «Всеобщая история» — освещают основные направления деятельности советских историков. Среди материалов доминирует статья Панкратовой «Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны». Её главный посыл в том, что основным содержанием истории XX в. является классовая борьба: «Победа Великой Октябрьской революции открыла новую эру мировой истории, заполненную классовой борьбой небывалого размаха и напряжения»². В области исторической науки подчёркнута «активная работа советских учёных, направленная против устарелых традиций буржуазных историков, по разъяснению новых путей советской исторической науки»³.

Характеризуя первый этап развития исторической науки СССР (1917—1924), Панкратова отметила, что в тот период «почти на всех участках исторического фронта были ещё живучи идеалистические или вульгарно-материалистические взгляды на историю», а «руководство исторической наукой зачастую находилось в руках людей, далёких от марксизма». Это время описано ею как противостояние молодой формирующейся марксистской науки и науки буржуазной: «Старые буржуазные историки иногда в своих трудах и лекциях открыто наступали на марксизм и высказывались против пролетарской диктатуры. В форме исторических исследований они вели на идеологическом фронте такую же упорную борьбу с пролетарской революцией, какую вела вооружённая буржуазно-помещичья контрреволюция на фронтах гражданской войны».

Основную опасность, с которой столкнулась историческая наука на втором этапе своего развития (1924—1936), Панкратова видела в «установлении единого антимарксистского фронта» «между буржуазными историками Западной Европы и враждебными марксизму историками, работавшими в СССР». С таких позиций она оценила многочисленные дискуссии середины 1920-х гг., в том числе «о характере революции 1905 г., о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, о финансовом капитале в России, о двойственном характере Октябрьской революции, об историческом значении “Народной воли”, о феодализме и крепостничестве в России как особых общественных формациях и т.п. ... Под флагом исторических дискуссий на деле проводились троцкистские и бухаринские “идейки”, имевшие целью “исторически” показать невозможность победы социализма в нашей стране»⁴. Далее следовал вывод, что «борьба с идеологическими извращениями, за подлинный марксистско-ленинский путь развития исторической науки, определение основных путей её развития и её конкретных задач, консолидация кадров советских историков — характеризуют в основном новый этап в развитии советской исторической науки»⁵. Третий период отнесён к 1936—1937 гг. Его главное достижение — создание учебников по историческим дисциплинам и начало работы над обобщающими трудами по истории.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 13.

Историю советской исторической науки Панкратова характеризовала в привычных ей контексте и риторике классовых боёв. В условиях борьбы с нацизмом историческая наука решала задачу «идеологического вооружения советского народа», показывая «на основе закономерностей классовой борьбы, на основе изучения наших лучших исторических традиций, что “наше дело правое и что победа будет за нами”»⁶.

В ходе подготовки рассматриваемого издания именно раздел Панкратовой стал предметом особого обсуждения. Возникла полемика между нею и другим представителем авторского коллектива — историком-американистом А.В. Ефимовым. Для разрешения разногласий и отстаивания своей позиции Анна Михайловна сочла необходимым апеллировать к партийному руководству. 25 сентября 1942 г. она обратилась с письмом к начальнику управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову, члену ЦК Е. Ярославскому, наркому просвещения РСФСР В.П. Потёмкину и директору Института Маркса—Энгельса—Ленина М.Б. Митину⁷. В нём она изложила свой взгляд на развитие советской исторической науки, резко критикуя предложения оппонента. Это письмо идейно связано с письмами к секретарю ЦК А.А. Жданову и в ЦК ВКП(б)⁸, которые она написала в феврале—мае 1944 г., в преддверии созыва совещания историков в ЦК (май—июнь). В письме Жданову (февраль 1944 г.) Анна Михайловна назвала то своё сентябрьское письмо 1942 г. «особым», обильно его цитировала и полную копию приложила к данному обращению⁹.

Письма Панкратовой 1944 г. хорошо известны исследователям, изучающим упомянутое совещание историков, — бесспорно, этапное событие в советской исторической науке¹⁰. Однако письмо 1942 г. не менее интересно. Оно показало, что в среде историков уже присутствовали настроения преодоления изолированности от мировой науки. Они выражались в стремлении признать два явления: научный вклад дореволюционных отечественных историков и достижения зарубежной историографии.

В письме 1942 г. Панкратова безоговорочно оценила подобные идеи как возрождение буржуазной идеологии или примиренческое к ней отношение. Своим главным оппонентом она назвала заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ члена-корреспондента

⁶ Там же. С. 4—5.

⁷ Историк и время. 20—50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 222—223.

⁸ Историк и время... С. 223—236.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ См., например: *Бранденбергер Д.Л., Дубровский А.М.* Итоговый документ Совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. (история создания текста) // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 148—163; *Сидорова Л.А.* Борьба мнений по проблеме патриотизма на Совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей: IX—XXI вв. Материалы международной научной конференции. 31 октября — 1 ноября 2008 г. Липецк, 2009. С. 269—275; *Тихонов В.В.* «Колесо истории работает в нашу пользу»: историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3. С. 58—67; *Гришаев О.В.* Роль Совещания 1944 года в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2013. № 1. С. 132—136; *Камынин В.Д.* А.М. Панкратова и Совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. IX Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2015. С. 37—42; и др.

АН СССР А.В. Ефимова. В письме изложена суть спора, возникшего между ними 24 сентября 1942 г. в Институте истории.

Предметом разногласий стала «общеполитическая и методологическая часть» статьи Панкратовой. Ефимов, также принимавший участие в редактировании издания и написавший для него статью, посвящённую советским документальным публикациям по новой истории, выразил несогласие с тем, каким образом она представила процесс становления советской марксистской исторической науки. Из письма следует, что 24 сентября 1942 г. Ефимов передал Панкратовой текст её статьи со своей правкой, после чего возник острый спор. «Проф[ессор] Ефимов начал свои возражения с того, что мы ведём сейчас борьбу с Гитлером единым фронтом с буржуазными Англией и Америкой, что в нашей стране сейчас осуществлено морально-политическое единство, которое означает, по его мнению, включение в общий фронт борьбы и старой буржуазии и даже церковников. Поэтому он считает вредным ставить вопрос даже в научно-теоретической статье о том, что марксистско-ленинская историческая теория сложилась в борьбе против буржуазной идеологии и методологии»¹¹.

Не оспаривая важности согласованных действий стран антигитлеровской коалиции, Панкратова была убеждена, что они не меняли идеологического климата внутри страны, не снимали необходимости классовой бдительности. «Проф[ессор] Ефимов не понимает, что морально-политическое единство в нашей стране сложилось на основе ликвидации буржуазных классов и в неустанной борьбе с буржуазной идеологией». Таким образом, сотрудничество СССР с США и Великобританией не могло стать основанием для отказа от противопоставления марксистской и буржуазной исторической науки. Подход Ефимова она определила как «теоретическую путаницу», которая могла оказать негативное влияние на подготовку молодого поколения, тем более что оппонент являлся профессором МГУ. Панкратова считала «неправильным и опасным» воспитание студенчества «в духе примиренчества с буржуазной методологией, отказа от борьбы с нею и “реабилитации” старой буржуазной историографии с этих немарксистских позиций».

Конкретизируя высказанные Ефимовым суждения, Анна Михайловна отметила критику им её оценок вклада В.О. Ключевского и П.Н. Милокова. Он «решительно возражал против самого упоминания о том, что, например, Ключевский и Милоков не могли сформулировать общей концепции исторического процесса, заявив, что это означало бы, что мы отказываемся от “наследства” и что мы будем выглядеть в глазах Западной Европы и Америки как страна, не имевшая до Октября своей исторической науки». Эти доводы Панкратова не сочла вескими, а также назвала неубедительной его ссылку на реализацию выдвинутой партией и правительством «задачи пересмотра истории, которая сейчас ставится»¹². Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории и руководящие документы, связанные с проведением конкурса учебников по истории СССР, а также критика «антимарксистских и антинаучных взглядов “школы Покровского”»¹³ не могли стать основанием для пересмотра отношения к немарксистской историографии. Не являлся основанием забыть о борьбе с буржуазной идеологией даже и «антигитлеровский фронт с демократическими странами». В кон-

¹¹ Историк и время... С. 222—223.

¹² Там же. С. 223.

¹³ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 13.

це письма следовала просьба посмотреть её рукопись и сделанные Ефимовым «возражения и вычёркивания», которые Панкратова сочла «неправильными», особенно в статье, подводящей итог той упорной борьбе, которая велась на историческом фронте 25 лет под руководством Ленина и Сталина»¹⁴.

Из письма Панкратовой Жданову, в котором упоминалось о споре, явствовало, что замечания Ефимов делал не только в устной форме: была ещё и письменная рецензия. Анна Михайловна процитировала две ключевые фразы: «Сейчас для историков, как и для других граждан Советского Союза, главным фронтом является фронт борьбы против гитлеризма. Поэтому ставить в центре статьи историю внутреннего фронта — фронта классовой борьбы внутри нашей страны — нецелесообразно»; «В настоящее время мы не мечтаем о том, чтобы противопоставить нашу страну всему миру загнивающего капитализма. Сейчас основная линия размежевания проходит между странами, борющимися за независимость народов, и странами, целью борьбы которых является порабощение». Далее она рассказала, что отзыв Ефимова показала Александрову, однако «никакого определённого указания не получила». Из столкновения мнений в 1942 г. она вышла победителем, правда, по словам самой Панкратовой, «только вмешательство тов[арища] Ярославского, который согласился с моей статьёй, дало возможность сохранить... принципиальные установки»¹⁵.

Таким образом, предложения оказались отвергнуты, книга вышла с первоначальным вариантом установочной статьи. Путь исторической науки в СССР был представлен как непримиримая борьба за марксистское понимание истории. Однако очевидно, что понимание исторической науки как «фронта» отличало не всех историков, и что позиция Ефимова имела сторонников, в том числе и среди именитого авторского коллектива сборника. Суждения, высказанные в других статьях книги, указывали на готовность части историков внести коррективы в изложение развития советской исторической науки, опустив отдельные её страницы, которые в условиях положения на международной арене казались неподходящими.

В этом отношении примечательно «Предисловие», которое предшествует директивной статье Панкратовой. Сразу бросается в глаза, что взаимоотношения между властью и учёными «старой школы» описаны в нём исключительно как поддержка первой последних. «Советская власть, борясь за социализм, не только не отбросила все прежние достижения культуры и науки, но заботливо сохранила и использовала их, создав для развития науки и всех форм культуры в СССР особо благоприятные условия», — говорилось в первом же абзаце. Упор делался на усилия государства по сохранению научных и культурных кадров: «Повседневная забота о советской науке не прекращалась со стороны партии и правительства в СССР и после победы на фронтах гражданской войны. Эта помощь выражалась не только в создании для науки исключительных материальных условий, но и в непрерывном и систематическом идейно-политическом и организационном руководстве научной работой во всех её областях»¹⁶.

Бесспорно, усилия по улучшению быта учёных предпринимались и приносили плоды, о чём свидетельствуют и современные исследования¹⁷. Однако

¹⁴ Историк и время... С. 223.

¹⁵ Там же. С. 224.

¹⁶ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 1.

¹⁷ *Пушкарёва Н.Л.* Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских учёных в 1921—1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69—82.

«за бортом» оставались сложные и нередко трагические страницы взаимоотношений между учёными «старой» и «новой» формации, неравноправное положение первых в профессиональном сообществе. Коллективный «символический статус» историков-марксистов легко побеждал в конкуренции за первенство с индивидуальными «статусами» историков «старой школы»¹⁸.

Идейная и организационная борьба молодых марксистов и их лидера М.Н. Покровского с «буржуазной» профессурой в «Предисловии» не упоминалась. О критике «школы Покровского» говорилось предельно кратко: «Особенно значительную помощь советской исторической науке оказали партия, правительство и лично товарищ Сталин. Благодаря их руководящим указаниям было ликвидировано вредное влияние так называемой “школы Покровского”, и советская историческая наука вышла на широкую творческую дорогу»¹⁹. Таким образом, «Предисловие» не ворошило трудных вопросов недавнего прошлого, нацеливая историков на совместную работу. Эта позиция более отвечала сложившейся в то время ситуации в стране и в мире, не говоря уже об интересах собственно науки, но имела как сторонников, так и противников, наиболее последовательным и решительным из которых выступала Панкратова.

Обращусь к другим статьям сборника и прослежу, как их авторы решали данные вопросы применительно к своим участкам «исторического фронта». Начну со статьи «Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет», подготовленной директором Института истории АН СССР академиком Б.Д. Грековым. Она разительным образом отличается от статьи Панкратовой, несмотря на то что в ней отмечены те же вехи и факты советской исторической науки. Так, отмечено, что Октябрьская революция выдвинула ряд совершенно новых проблем и по-новому поставила многие старые, а «в основу работ советских историков легла марксистско-ленинская теория о развитии человеческого общества, обогащённая новым историческим опытом пролетарской революции и победоносного социалистического строительства». Не обойдены молчанием сложные вопросы деятельности профессионального сообщества историков 1920—1930-х гг.: болезненные межпоколенческие отношения, критика «школы М.Н. Покровского» и проч. Однако эти сюжеты изложены спокойным, академическим тоном, который отличал и всю статью в целом. Так, проблема сосуществования и взаимодействия «старой» и «красной» профессуры, особенно болезненная для представителей старшего поколения, описана лаконично и безлично — просто констатируется тот факт, что «не сразу историки СССР нашли правильный путь. Не все приступили к новой работе по-новому. Много ошибок было допущено. Много препятствий приходилось преодолевать». В такой же нейтральной манере выражено отношение к историографическому наследию «дворянских» и «буржуазных» историков. В его формулировке стоявшая перед учёными СССР задача «подвергнуть пересмотру литературное наследство, идеи и построения старых, дореволюционных историков»²⁰ не сводилась к отрицанию их вклада в науку.

Любопытно, что даже сама архитектура статьи выявляет приоритеты, в соответствии с которыми Греков анализировал очерченный отрезок времени. Им выделены четыре главных направления научно-исследовательской работы,

¹⁸ Подробнее см.: *Сидорова Л.А.* «Эффект Матфея» в советской исторической науке 1920—1930-х гг. // *Российская история*. 2017. № 4. С. 84—102.

¹⁹ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 1.

²⁰ Там же. С. 78.

которые, в свою очередь, стали подразделами статьи: разыскания и публикация новых документов; работы историковедческого характера; исследовательская работа (монографии); работы обобщающего характера. Нельзя не заметить, что на первом месте — исторические источники и всё, что с ними связано. Приоритет работы по поиску, публикации и изучению таковых — отличительная черта классической русской исторической науки. Такая точка зрения резко контрастировала с позицией Панкратовой, для которой на первом плане — освоение марксистской методологии.

Перечисляя научные учреждения, которые вели работу по выявлению и публикации источников, Греков допустил неточность, которую вряд ли можно отнести к разряду случайных: «Публикацией таких материалов и документов занимались: Историко-археографический институт, позднее превращенный в Институт истории АН СССР, Центрархив, Институт востоковедения АН СССР»²¹. Едва ли Борис Дмитриевич мог запомнить, что Институт истории образован в 1936 г. путём слияния Института истории Коммунистической академии с двумя академическими учреждениями — Историко-археографическим институтом и Институтом книги, документа и письма АН СССР, причём на первых порах доминировали во вновь созданном институте именно сотрудники первого, а возглавил новый институт бывший директор ИИ Комакадемии Н.М. Лукин.

Эта ошибка не покажется странной, если учесть некоторые обстоятельства. Во-первых, такая «забывчивость» давала возможность представить историю руководимого Грековым института более академичной, оставив в тени идеологически заострённую деятельность предшественника. Во-вторых, репрессии конца 1930-х гг. существенно изменили кадровый состав научного учреждения. Под их каток попали главным образом историки-марксисты, в том числе сам Лукин, что укрепило позиции «старой школы» и не могло не повлиять на атмосферу в институте в целом.

Греков исключительно благожелательно характеризовал научную деятельность историков, чьё профессиональное становление произошло до 1917 г.: М.М. Богословского, Р.Ю. Виппера, С.Б. Веселовского, Ю.В. Готье, А.И. Яковлева и др. Высочайшую оценку дал он крупнейшему знатоку русского летописания А.А. Шахматову («После смерти последнего (1920) его титаническая работа продолжала вдохновлять его учеников и вызвала много интересных соображений и у его оппонентов») и подчеркнул наличие сложившейся вокруг него научной школы («В числе сторонников и учеников Шахматова имеются крупные имена — А.Е. Пресняков и М.Д. Присёлков. Второе поколение специалистов в этой области представлено Н.Ф. Лавровым, умершим в 1942 г., А.Н. Насоновым и М.Н. Тихомировым, продолжающими свою работу и в настоящее время»²²). Говоря на примере Шахматова и его учеников разных поколений о преемственности исторических исследований, Греков писал и о «радикальном пересмотре старого научного наследства». Он указал на появление новых трактовок вопросов происхождения древнерусского государства, характера общественных отношений в докиевской и Киевской Руси, русского крестьянства, а также остановился на выполненных за два последних десятилетия работах о народных движениях (восстания смердов, И. Болотникова, С. Разина, Е. Пугачёва), декабристах, «Народной воле», по истории рабочего

²¹ Там же. С. 79.

²² Там же. С. 81.

класса и др.²³ Отмечая появление новых исследовательских подходов, Греков, тем не менее, не допускал нигилистического отношения к предшествовавшему научному опыту.

Такую оценку пройденного советской исторической наукой пути разделял И.И. Смирнов — автор раздела сборника, посвящённого проблемам крепостничества и феодализма, ученик Грекова, работавший в Ленинградском отделении Института истории. Он прямо указал на преемственность досоветской и советской историографии обозначенных вопросов, отметив, что «начиная с 50-х годов XIX века и вплоть до Великой Октябрьской революции проблема происхождения и развития крепостного права в России привлекала внимание большинства крупнейших историков XIX—XX вв.». Назвав имена учёных, в сочинениях которых разрабатывались эти сюжеты (Б.Н. Чичерина, М.П. Погодина, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, М.А. Дьяконова, Н.П. Павлова-Сильванского и др.), он заявил, что «предреволюционная историческая наука немало поработала над разрешением этой центральной проблемы из истории феодально-крепостнической России». Формулировка поражает определённой и использованием превосходных степеней. Для Смирнова «бесспорны крупные достижения дворянско-буржуазной историографии XIX—XX вв. в области изучения истории крепостного права в России». В качестве наиболее яркого примера таковых он назвал работы Дьяконова — «образцовые по тщательности анализа источников, полноте их охвата, по свежести и новизне документального материала, положенного в основу исследования»²⁴.

Смирнов не отказал дооктябрьской историографии и в том, что она «имела в своём активе и ряд теоретических построений по истории крепостного права в России». Более того, концепцию Ключевского он назвал «блестящей», «поражающей своей логической стройностью и смелостью постановки вопроса»²⁵. Это звучало диссонансом с оценкой творчества Ключевского Панкратовой. Не оспаривая блестящий талант и эрудицию историка, она придерживалась мнения, что тот «не преодолел противоречий буржуазного экономизма и юридической схемы и оставил без разрешения задачу создания единой концепции»²⁶. Конечно, не стоит преувеличивать степень бескомпромиссности Смирнова. Сразу же за высокой оценкой их научного вклада он счёл необходимым прибавить: «И тем не менее бесспорно то, что к революции 1917 г. дворянско-буржуазная историография крепостного права пришла в состоянии глубокого кризиса»²⁷. Но такие «прибавки» не перечёркивали значения предыдущих высказываний.

В сборнике превалировало позитивное отношение к досоветской исторической науке, а некоторые речевые обороты просто поражают. Например, в статье В.И. Пичеты «История Украины в советской историографии» публикаторская деятельность Академии наук СССР рассматривалась как «продолжение лучших традиций буржуазной историографии»²⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась в статьях, посвящённых изучению проблем всеобщей истории. В них, помимо констатации преемственности с дореволюционной историо-

²³ Там же. С. 84.

²⁴ Там же. С. 91.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 8.

²⁷ Там же. С. 91.

²⁸ Там же. С. 167.

графией, проводилась мысль о её включённости в мировую историческую науку. Приступая к анализу итогов изучения истории древнего мира за 25 лет, египтолог М.А. Коростовцев, в 1943 г. ставший учёным секретарём Института истории АН СССР, отметил, что «советская историческая наука не появилась внезапно на голом месте: её возникновение и развитие связано теснейшим образом с лучшими достижениями мировой и, в частности, русской дореволюционной науки». Более того, она «заслуженно может гордиться именами таких первоклассных специалистов», как В.С. Голенищев, Б.А. Тураев, М.С. Куторга, В.Г. Васильевский, Б.В. Фармаковский и др., «обогативших мировую науку ценными исследованиями, изданиями памятников и результатов раскопок»²⁹. Обращает на себя внимание и заключительная фраза статьи. Перечислив достижения советских историков древности, Коростовцев заявил: «Наши учёные полностью разделяют чувства и взгляды английских историков, высказанные в ведущем английском журнале³⁰, о необходимости в тяжёлых условиях военного времени усилить научную деятельность и остаться победителями на фронте науки и культуры»³¹. И само утверждение, а ещё более место его расположения в статье свидетельствуют, что идея общего научного фронта являлась весьма актуальной и востребованной.

Впрочем, подводящий итог развития советской археологии С.В. Киселёв обошёлся без упоминания дореволюционных археологов: «Археологическое изучение древней Руси в царской России ограничивалось по преимуществу раскопками древнеславянских курганов. Исследовательские работы в древнерусских городах почти не производились. Вопросы происхождения восточного славянства и его ранней культуры решались обычно без привлечения археологического материала»³². Единственное исключение было сделано для М.И. Ростовцева. Рассказывая о раскопках Б.Н. Граковым курганов V в. до н.э. у посёлка Блюменфельд близ Саратова, Киселёв указал, что они «значительно дополнили материал по савроматам, собранный при исследованиях в селе Покровском близ Оренбурга ещё М.И. Ростовцевым»³³. Этому способствовал, вероятно, громадный научный авторитет последнего, который даже в эмиграции был им не только не утерян, а приумножен³⁴.

Итоги изучения Средних веков суммировал член-корреспондент АН СССР Е.А. Косминский. Как и большинство коллег, он подчеркнул преемственность советской и дореволюционной школы историков, указав, что «изучение истории средних веков в СССР опирается на долгую и славную традицию». Раскрывая тезис, он писал: «Начиная с незабвенного Т.Н. Грановского, прочитавшего свой первый курс по истории Средневековья в Московском университете более ста лет назад (1839/40 г.), русская медиевистика насчитывает ряд крупных имён». Назвав П.Н. Кудрявцева, С.В. Ешевского, В.И. Герье, В.Г. Васильевского, П.Г. Виноградова, М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого, он присовокупил, что «такие имена могли бы служить украшением списка деятелей любой

²⁹ Там же. С. 189—190.

³⁰ Journal of Egyptian Archeology. 1941. XXVII. P. 162.

³¹ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 208.

³² Там же. С. 50.

³³ Там же. С. 46.

³⁴ «Именно эмиграция сделала Ростовцева из “живого классика” российского антиковедения (из числа тех, кого почему-то быстро забывают после смерти) настоящим и неоспоримым классиком мировой науки» (Крих С.Б. М.И. Ростовцев: быть в образе и быть образом // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 146—162).

научной дисциплины». Далее он отметил, что «ряд крупных учёных, составивших себе имя ещё в дореволюционной России, продолжал свою работу в советских вузах и институтах». Среди них — Д.М. Петрушевский, Р.Ю. Виппер, А.Н. Савин, Н.И. Кареев, И.М. Гревс и др.: «Эти выдающиеся представители русской науки, тесно связанные с прогрессивной научной мыслью Европы, ещё до революции создали широкий круг учеников».

Косминский представил практически идиллическую обстановку, в которой протекала деятельность советских медиевистов: «Научно-исследовательскую работу в области изучения истории средних веков вели рука об руку представители старшего поколения историков, составившие себе имя ещё до революции, их непосредственные ученики, начавшие работу до революции, но развернувшие её в полной мере уже после Октября, и, наконец, молодое поколение историков, воспитанное уже в советских вузах и институтах». Эта гармония соответствовала предложенным Ефимовым поправкам к статье Панкратовой, но мало соотносилась с реальным положением дел. В этом отношении изложение Анны Михайловны, в котором борьба мнений не следовала академическому канону, оказалось ближе к действительности.

По Косминскому, у советских историков-медиевистов всех поколений, которые, по меньшей мере, «мирно сосуществовали», основным противником оказывался известный австрийский учёный А. Допш, против концепции которого они выступали «единым фронтом». Свою роль в таком акцентировании внимания именно на нём сыграло, вероятно, поглощение Австрии нацистской Германией: «Предметом живейших обсуждений были проблемы раннего Средневековья, особенно в связи с теми враждебными марксизму установками, которые были даны в известной книге А. Допша “Хозяйственные и социальные основы культурного развития Европы” (1920—1923)»³⁵. В 1928 г. советская делегация впервые участвовала в работе VI международного конгресса исторических наук, проходившего в Осло. Возглавлявшего её Покровского крайне возмутил доклад Допша, посвящённый натуральному и денежному хозяйству в Средние века. Открывая 28 декабря 1928 г. I всесоюзную конференцию историков-марксистов, он заявил, что ему совершенно ясно: «Если бы Допша пропустить хотя бы через рабфаковское обществоведение, он бы много, пожалуй, выиграл и стал бы теоретически много грамотнее»³⁶.

Это мнение лидера историков-марксистов не разделяли многие ведущие историки-медиевисты «старой школы». В яркой сатирической манере ситуацию представил Н.И. Кареев в незавершённом стихотворении, озаглавленном «Как?». Оно прекрасно иллюстрирует негодование историка-марксиста присутствием идей Допша в работах советских историков: «Как?! Допша нам к себе пустить / Хоть и не жить, а только погостить? / Да разве это допустимо? / Пусть Допш проваливает мимо. / Конечно, в исторической науке / У Допша есть большой багаж. / И можем мы его читать без скуки, / Но облик-то его совсем не наш. / Он не купается лишь в нашей речке, / Да и танцует не от нашей печки»³⁷. Это стихотворение удивительным образом согласуется с оцен-

³⁵ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 209—211.

³⁶ Покровский М.Н. Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов // Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII—1928 — 4/I—1929. Т. 1. Изд. 2. М., 1930. С. 11.

³⁷ Вторая муза историка: неизученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе. М., 2003. С. 23.

кой, данной Косминским творчеству академика Д.М. Петрушевского. Не все взгляды маститого учёного приемлемы для марксистов, это «особенно относится к вышедшей в 1927 г. его книге “Очерки из экономической истории средневековой Европы”, где сильно сказывается влияние концепций Допша». Далее следовала оговорка, что это не мешало трудам Петрушевского «оставаться подлинной сокровищницей знаний для советской учащейся молодёжи благодаря их богатству строго проверенным и самостоятельно разработанным историческим материалом»³⁸, которая, тем не менее, не могла затушевывать напряжённых отношений между поколениями.

Конечно, изменения, связанные с критикой «школы Покровского» и перенесением центра тяжести на изучение и преподавание гражданской истории, несколько сняли остроту противостояния между «старой» и «новой» исторической наукой. По всей вероятности, такие внутринаучные обстоятельства, помноженные на особенности внешнеполитической ситуации, обусловили стремление Косминского не заострять внимание на недавнем прошлом, сосредоточившись на примерах сотрудничества, а не конфронтации медиевистов.

Необычайно интересна концовка его статьи: «Советская медиевистика поддерживает связь с демократическими странами, ведущими совместно с Советским Союзом борьбу с гитлеризмом. Русская медиевистика давно связана с Англией тесными узами научного содружества. Уже Янжул, Ковалевский разрабатывали ряд проблем истории средневековой Англии. П.Г. Виноградов считается в Англии крупнейшим авторитетом по социальной и юридической истории английского средневековья. Имена Савина и Петрушевского хорошо известны английским учёным. Их ученики Е.А. Косминский, В.М. Лавровский, И.С. Звавич продолжали их работу... работали в английских архивах, состоят членами английских учёных обществ, печатали свои статьи в английских научных журналах. Английская тематика играет крупную роль в занятиях советских медиевистов. Аспирантура и студенческая молодёжь охотно выбирают темами своих работ вопросы английской средневековой истории»³⁹.

Первая же строка обнаружила, что стимулом к активизации международных научных контактов послужило именно складывание антигитлеровской коалиции. Оно оказало влияние на советскую историческую науку и характер её самоопределения в стране и в мире. Наметившийся поворот к сотрудничеству с англо-американскими научными кругами, безусловно, отвечал интересам советских историков, вне зависимости от побудительных мотивов, которые могли быть данью идеологической конъюнктуре или исходить из потребностей развития науки (а скорее, как чаще всего бывает, являлись сложным сплетением того и другого). Так, например, в разделе, посвящённом изучению новой истории, академик Е.В. Тарле, всегда чутко реагировавший на изменения общественных настроений, в превосходных степенях охарактеризовал вышедшее в 1940 г. исследование В.М. Лавровского «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII и начала XIX в.» и выразил пожелание, чтобы книга поскорее вошла в международный научный оборот⁴⁰.

Сотрудничество советской и зарубежной историографий Тарле вообще рассматривал как равноправное. Монография М.М. Малкина «Гражданская война в США и царская Россия» (1939), по его мнению, заслуживала перевода на

³⁸ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 212.

³⁹ Там же. С. 215.

⁴⁰ Там же. С. 242.

английский язык как способная дать американским историкам немало новых и интересных фактов. Он же указывал на актуальность результатов, полученных советскими историками. В частности, представляя двухтомный обзор А.М. Зайончковского «Мировая война 1914—1918 гг.», отметил, что он «вполне научно, спокойно, объективно показывает воочию, что за всю Первую мировую войну ни единого раза (т.е. буквально никогда) не случилось так, чтобы западный фронт антигитлеровской коалиции активизировался с целью разгрузить, облегчить фронт восточный. Мало того: бывало так, что в Германии на точном основании официальных французских заявлений знали, что на такой-то ближайший период времени немецкой армии не грозит с французской стороны ни малейшей опасности». Этот труд «наводит на целый ряд в высшей степени важных для историка и политика соображений»⁴¹.

Таким образом, основная направленность большинства статей юбилейного сборника — подчёркнутая преемственность советской и русской классической историографии, а также акцент на международных контактах советских и англо-американских историков. Это убеждает, что двуязычие издания — не случайность, и указывает на намерение если не сблизить советскую историческую науку с европейской и американской, то хотя бы сделать более доступным для зарубежных историков круг проблем, которые в ней рассматривались.

Примечательно, что под одной обложкой оказались статьи, по-разному представлявшие пройденный советской исторической наукой четвертьвековой путь. Бескомпромиссная борьба за марксистское понимание истории и противопоставление любой буржуазной науке во вступительном очерке соседствовали с картинами преемственности историков разных поколений, преодолевших временные трудности и нацеленных на вхождение в мировую историческую науку. Но такой разброс мнений не являлся отражением плюрализма. Стремление к «перестроению» на «фронте советской исторической науки» вызывало болезненную реакцию, подтверждение этому — инициированное Панкратовой Совещание историков в ЦК ВКП(б) весной—летом 1944 г. Изданная же Институтом истории АН СССР книга отразила неоднозначную реакцию в сообществе советских историков на возможную смену научных ориентиров, которая немало зависела от внешнеполитического фактора — успешности сотрудничества СССР со странами антигитлеровской коалиции.

⁴¹ Там же. С. 244—246.

«С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР

Виталий Тихонов

«With a Russian scope and American efficiency»: collective and individual forms of research organization at the Institute of History the USSR Academy of Sciences

Vitaliy Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016624-7

Исследование институциональной истории советской исторической науки во многом только начинается¹. Относительно недавно в рамках этого подхода началось полноценное изучение Института истории АН СССР². Но чаще всего «институциональность» оказывается лишь предметной рамкой для исследования истории науки через призму жизни и творчества историков, работавших в том или ином учреждении. Впрочем, некоторые учёные достаточно плодотворно применили элементы неинституционального подхода: анализа неформальных институтов и практик³. Между тем именно особенности организационных

© 2021 г. В.В. Тихонов

¹ Из недавних публикаций следует отметить: *Груздинская В.С., Ключев А.И., Метель О.В.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920—1930-х гг. Омск, 2018. Интересно, что больше всего из исторических институтов «повезло» Институту Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ), которому посвящены две монографии: *Мосолов В.Г.* ИМЭЛ — цитадель партийной ортодоксии. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1921—1956. М., 2010; *Мухамеджанов М.М.* От власти идеи к идее власти. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.; СПб., 2018. Возможно, это связано с тем, что Институт давно стал историей, что создало для исследователей необходимую хронологическую, идеологическую и социальную дистанцию.

² См.: *Шарова А.В.* Историк и время. Маленькие радости большого террора: первые годы Института истории АН СССР // *Одиссей: Человек в истории*. 2004. М., 2004. С. 318—350; *Вовина-Лебедева В.Г.* Историко-археографический институт и Ленинградское отделение Института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. СПб., 2015. С. 6—67; *Бухарин М.Д., Карпюк С.Г.* Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР // *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89. № 11. С. 1162—1168; *Зинич М.С.* Институт истории Академии наук СССР в 1941—1942 гг.: эвакуация и работа в новых условиях // *Архивный поиск. Сборник научных статей и публикаций*. Вып. 3. М., 2020. С. 14—30; *Базанов М.А.* Отложенная реорганизация: первая попытка разделения Института истории АН СССР (1955—1957) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2019. № 1. С. 39—48; *Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В.* «Штатов — избылье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. // *Российская история*. 2020. № 3. С. 173—184; *Бухарин М.Д., Карпюк С.Г.* Институт всеобщей истории АН СССР в эпоху перемен // *Вестник Российской академии наук*. Т. 90. 2020. № 7. С. 647—652; и др.

³ *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трёх поколений историков. М., 2008; *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб., 2016; *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930—1950-е гг.). М., 2017; *Крих С.Б.* Другая история: «периферийная» советская наука о древности. М., 2020.

форм науки напрямую влияли на процесс производства исторического знания, его содержание и качественные характеристики.

Одной из главных проблем истории академических институтов обществоведческого профиля является непрекращающийся поиск оптимальных форм организации исследовательской деятельности. Что должно превалировать в работе научного сотрудника: индивидуальное творчество или совместная работа, авторская монография или коллективный труд? В определённом смысле этот вопрос пронизывает всю историю Института истории/Института истории СССР АН СССР/Института российской истории РАН.

В дореволюционное время исторические исследования проводились в университетах, научных обществах и Академии наук, где доминировал индивидуальный труд. Впрочем, существовали и коллективные формы наукотворчества: без них невозможно обойтись в археологии (достаточно вспомнить Русский археологический институт в Константинополе, открытый в 1894 г.) и археографии (например, Археографическая комиссия). Большими коллективами готовились обобщающие юбилейные труды. Но нормой являлось именно авторское исследование. Пришедшие к власти большевики смотрели на старые учреждения как на центры засилья «буржуазной» интеллигенции, поэтому на протяжении 1920-х гг. развернулась череда реформ образования и академической науки. На первый план выходили научно-исследовательские институты (НИИ).

Стимулом к их развитию послужила Первая мировая война, потребовавшая мобилизации ресурсов на наиболее важных участках науки и производства, в той или иной мере связанных с военными нуждами⁴. Большевики рассматривали НИИ как главную форму организации исследований. Отчасти это обуславливалось опытом Французской революции⁵, на которую они регулярно оглядывались, отчасти — собственным опытом, приобретённым в годы Гражданской войны, когда пришлось в короткий срок мобилизовать ограниченные ресурсы. Ставка на этот тип организации научных исследований объяснялась и общей эволюцией мировой науки от индивидуального к коллективному исследованию. Эксперименты и аппаратура стали настолько сложны, что с ними мог справиться только коллектив высококлассных специалистов. Совместное научное творчество хорошо вписывались и в идейные установки новой власти. Многим казалось, что время учёного-одиночки безвозвратно ушло в прошлое.

Если говорить о более широком фоне развития указанных форм организации науки, то их можно рассматривать в контексте построения современного государства⁶ и общества в рамках советского проекта. По наблюдению С. Коткина, модернность идентифицируется через триаду «массовое производство — массовая культура — массовая политика»⁷. В этой связи уместно говорить о «массовом производстве» научного знания, становящегося неотъемлемым элементом и производства, и культуры, и политики. Идеалом индустриальной эпохи оказывается «индустриальная наука», организованная по

⁴ Подробнее см.: Колчинский Э.И., Зенкевич С.И., Ермолаев А.И., Ретунская С.В., Самокиш А.В. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны. СПб., 2018. Гл. 9.

⁵ О французском опыте мобилизации науки в революционных условиях и создании специализированных институтов см.: Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. Гл. 3.

⁶ Обзор дискуссии о модерности применительно к советской истории: Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М., 2020. Гл. 1.

⁷ Kotkin S. Modern times: the Soviet Union and the Interwar conjuncture // Kritika. 2000. Vol. 2. № 1. P. 111—164.

принципу массового производства. Одиночки сменяются коллективами, построенными по лабораторно-конвейерному принципу.

Выражая дух эпохи, директор ИМЭЛ Д.Б. Рязанов писал неперенному секретарю АН СССР С.Ф. Ольденбургу 18 января 1929 г.: «Время академий прошло, они отжили свой век. Наша эпоха — эпоха научно-исследовательских институтов. Научные учреждения, не только в области естественных, но и гуманитарных наук, должны стать лабораториями, где ведут подлинную коллективную исследовательскую работу»⁸. Одним из активных сторонников перехода к новым формам организации науки являлся Н.И. Бухарин, заявивший в 1931 г. на I всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы: «Тенденция к коллективной организации науки, к упорядочиванию её, к сознательному приспособлению её практическим нуждам глубоко прогрессивна. Но её душит анархическая, лоскутная природа капитализма, раздираемого конкуренцией. Условия планового социалистического хозяйства, наоборот, распахивают ворота этой тенденции, ставя её на принципиально другую классовую основу, заставляя её служить делу социализма»⁹. Таким образом коллективные формы исследований тесно увязывались с плановой организацией общества. Но подобные установки не учитывали специфику отдельных дисциплин, в первую очередь гуманитарного профиля, где коллективизм не давал ожидаемой отдачи. К противоречивым последствиям привело разделение университетов и НИИ¹⁰. Научные изыскания в вузах не прекратились, но отошли на второй план.

Уже в 1920—1930-х гг. историческая наука развивалась преимущественно в формате научных институтов. В Москве появился Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН; 1921—1929). В Ленинграде работала Российская, затем Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК; 1919—1937). Особое место занимала Коммунистическая академия, возникшая на базе Социалистической академии общественных наук (1919—1924). Она должна была не только развивать марксистскую науку, но и апробировать новые формы её организации, соответствующие принципам советского проекта: высокая централизация, плановость, идеологизация, тесная связь теории и практики. Е.А. Преображенский сравнивал новую академию с Госпланом, рассматривая её как центр объединения усилий марксистов¹¹. С начала 1930-х гг. внутри академии можно было наблюдать переход к коллективным формам производства знания в виде бригад, между которыми организовывалось социалистическое соревнование¹². Однако действительность (многочисленные проблемы с кадровым составом, материальными ресурсами, простая бытовая неустроенность) не позволяла марксистам работать под эгидой академии как единый меха-

⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 123, л. 46.

⁹ Бухарин Н.И. О планировании научно-исследовательской работы // Бухарин Н.И. Избранные труды: история и организация науки и техники. Л., 1988. С. 327.

¹⁰ Грэхэм Л. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998. С. 198—200.

¹¹ Гильминтинов Р.Р. Истпроф и особенности профсоюзного историописания в СССР в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2019. С. 65.

¹² Метель О.В. От «рассадника социалистических идей» к «орудию социалистической реконструкции»: основные этапы эволюции Коммунистической академии // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2018. № 2. С. 140.

низм. В 1936 г. не оправдавшую надежд Коммунистическую академию слили с АН СССР¹³.

Своеобразной формой сочетания принципов НИИ с массовым движением явились историко-документальные проекты: Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (истпарт), Комиссия по изучению истории профессионального движения в России и СССР (истпроф), Главная редакция «Истории гражданской войны», редакция «Истории фабрик и заводов»¹⁴ и т.д. Именно в их рамках наиболее рельефно проявилась конвейерная модель производства исторического знания. Для реализации столь масштабных замыслов требовалось привлечение к работе множества непрофессионалов. Для них были разработаны специальные методички по сбору и работе с источниками, а сам процесс организован на принципах разделения труда. Но и здесь реальность скорректировала планы, и зачастую всю работу приходилось выполнять узкой группе людей.

Институт истории АН СССР (ИИ) стал продолжением всех перечисленных форм организации науки. Не в последнюю очередь из-за того, что его основой стали как «старые» академические институты (в первую очередь Историко-археографический институт, образованный в 1931 г. и являвшийся наследником Археографической и Постоянной исторической комиссий), так и собственно Институт истории Комакадемии. После разгрома «школы Покровского» на первые роли в советской исторической науке вернулись «историки старой школы» — носители дореволюционной традиции индивидуального научного творчества. Поэтому с самого начала работы нового института возникли вопросы принципов организации научной работы. Что должно быть во главе угла — монографии или коллективные работы? Интересно, что в вопросах организации труда «значимым иным» для советских учёных оказывались США. Так, первый директор ИИ Н.М. Лукин в объяснительной записке по проекту создания в Отделении общественных наук Академии наук особой исторической группы, в которую бы вошли институты обществоведческого профиля во главе с возглавляемым им институтом, писал, цитируя И.В. Сталина: «Новый Институт должен обладать такими мощными средствами и такими кадрами людей, чтобы он “с русским размахом и американской деловитостью” мог развернуть такую работу в области изучения истории, которая была бы достойной нашей великой эпохи»¹⁵. Записка рисовала идеал централизованной, масштабной и плановой науки. «Научный конвейер» оказывался привлекательной моделью его воплощения. Основой работы должны были стать коллективные труды.

Именно такая установка реализовывалась в предвоенные годы. Во многом это объяснялось тем, что власти требовали от ИИ скорейшего решения проблем с учебниками для школы и вузов. Также Институт выступал центром подготовки обобщающих многотомных историй, целью которых являлись разработка и фактографическое наполнение марксистско-ленинско-сталинской версии отечественной и мировой истории. В дальнейшем эти издания должны были послужить концептуальным ориентиром для советских историков

¹³ См.: Долгова Е.А. Рождение советской науки: учёные в 1920—1930-е гг. М., 2020.

¹⁴ См.: Журавлёв С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

¹⁵ «Центром исторической науки в СССР должен быть Институт истории Академии наук»: Проект директора института академика Н.М. Лукина. 1936 г. / Публ. В.В. Тихонова, А.А. Чернобаева // Исторический архив. 2021. №2. С.77.

и, по меткому замечанию С.Г. Карпюка и С.Б. Криха, «продаваемой» идеей для государства¹⁶. Их подготовка и издание наглядно продемонстрировали бы эффективность работы ИИ.

Центральным «объектом» для Института стала многотомная «Всемирная история»¹⁷. Предполагалось, что в 1938—1939 гг. будет подготовлено шесть томов объёмом более 200 печатных листов¹⁸. Но вскоре издание расширилось: в 1937 г. речь шла уже о 30-томнике¹⁹, а в 1938 г. Лукин говорил о 26-томнике²⁰. Параллельно шла работа над «Историей СССР» (в документах фигурирует и другое название — «История народов СССР»). Издание планировалось в пяти томах общим объёмом 200 печатных листов. Проект возглавлял Б.Д. Греков. Предполагалось, что уже в 1938 г. будут готовы первые три тома, а в следующем году — оставшиеся два²¹. Но издание пришлось расширять до семи томов²², затем предлагалось выпустить 30 томов, наконец, остановились на 15²³.

Вопрос о соотношении индивидуальных и коллективных исследований стал предметом обсуждения на Учёном совете ИИ 15 сентября 1937 г., посвящённом тематическому плану на следующий год. Ряд выступавших считали, что основной упор требуется сделать на многотомники. О выдвижении коллективных работ на первый план говорилось и на заседании парткома. Опасения, что подобные установки приведут к резкому сокращению монографической исследовательской работы, высказал С.К. Бушуев. Обтекаемую позицию занял В.П. Волгин, поддержавший опасения потенциального сворачивания монографий и призвавший «подчинить» отдельные работы задачам написания обобщающих трудов по всемирной истории и истории народов СССР, но при этом «свести к нулю монографические работы — это вырвать живую душу из Института... Монографии и публикации должны быть сохранены, но и те и другие должны быть подчинены плану написания всемирной истории и истории народов СССР»²⁴. В.М. Хвостов указал на опасность «антимонографических настроений», поскольку невозможно подготовить качественную обобщающую работу без её предварительной монографической разработки. Б.Д. Греков заверил, что опасности сворачивания монографических исследований нет, поскольку каждая такая работа полезна для многотомников. П.Н. Шарова, выступившая от имени партбюро, заявила, что речи о сворачивании монографий нет и они должны помочь выполнить задачи новой пятилетки.

Не остались в стороне от обсуждения и «коллективисты». Р.М. Раимов заявил, что создание обобщающих трудов также является формой научно-иссле-

¹⁶ Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 4. С. 1015.

¹⁷ Об особенностях её подготовки и организации работы см.: Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий // Вестник древней истории. Т. 79. 2019. № 1. С. 136—151.

¹⁸ Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности: структуры, люди, идеи. Путеводитель по советской науке о древней истории. М., 2019. С. 57—58.

¹⁹ АРАН, ф. 1577, оп. 5, д. 88, л. 70.

²⁰ Очерки истории исторической науки. Т. V. М., 1985. С. 9.

²¹ План-проспект издания см.: Схема пятитомника по истории СССР // Историк-марксист. 1937. Кн. 1. С. 174—204; Хроника работы сектора «История СССР» Института истории Академии наук СССР [не позднее декабря 1937 г.] // Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1. М., 2016. С. 39—47.

²² Очерки истории исторической науки. Т. V. С. 9.

²³ АРАН, ф. 1577, оп. 5, д. 88, л. 70.

²⁴ Там же, л. 84.

довательской работы, и предостерег от обратного процесса — «форсирования монографий», т.е. ускоренной разработки конкретных тем в ущерб коллективным трудам. А.Л. Попов признал необходимость интенсивной разработки авторских тем («форсирование монографий»), но предложил организовать работу «коллективным путём», т.е. «путём объединения вокруг... руководителя группы привлекаемых молодых работников. Это ускорит работу монографиста и даст практику работы молодым исследователям». Попов назвал это «европеизацией или американизацией типа работы»²⁵. Следует отметить, что предложенные принципы вполне вписывались в пропагандировавшиеся в 1930-е гг. методы повышения эффективности труда, частично заимствованные в США²⁶.

Без сомнения, главными для Института являлись коллективные труды²⁷. Но эффективной работе над ними мешало несколько факторов: недостаток специалистов, обусловленный высокой текучкой кадров (в том числе связанный и с регулярными арестами), быстро меняющаяся политическая конъюнктура, разногласия внутри авторских коллективов по ключевым вопросам. Как следствие, ни один из вышеуказанных проектов до войны не был реализован. Малоэффективной следует признать и организацию работы над другими плановыми темами. Из-за авралов приходилось ломать и без того трудновыполнимые планы и перебрасывать сотрудников с одной темы на другую. Как следствие, толком не выполнялась ни одна²⁸. Дополнительные проблемы приносили периодические кампании повышения бдительности и дисциплины²⁹. Естественно, что организовать эффективную работу коллектива в таких условиях оказывалось непросто. Научное планирование отразило все пороки сталинской модели управления: планов фактически никто не придерживался, а грамотное управление подменялось штурмовщиной, вносившей дополнительную дезорганизацию.

Военные годы и первое послевоенное десятилетие принципиально не изменили ситуацию — упор всё ещё делался на коллективные труды. По бригадному принципу историко-документальных проектов 1920—1930-х гг. работала Комиссия по истории Великой Отечественной войны, тесно сотрудничавшая с Институтом. 9 ноября 1943 г. на Учёном совете ИИ прошло обсуждение перспективного плана работы в послевоенное время. Предлагалось вернуться к подготовке многотомной «Всемирной истории», закончить «Историю Москвы» и опубликовать её к 800-летию юбилею столицы (причём закончить первый

²⁵ Там же, л. 104.

²⁶ Практика выстраивания работы вокруг маститых учёных сохранилась и в дальнейшем. Молодые сотрудники Института помогали мэтрам в подборе материалов, работали на них в архивах, редактировали и вычитывали рукописи. Считалось, что это необходимый этап становления. На деле для тех, кто обладал здоровыми научными амбициями, это была малопривлекательная работа, тормозившая собственные изыскания и фактически превращавшаяся в барщину. Ю.А. Поляков вспоминал, как его прикрепили для помощи к доктору наук, над рукописью которого необходимо было серьёзно поработать: «Я полгода занимался этим неблагодарным делом, а автор — доктор наук — торопил и понукал меня, искренне полагая, что я обязан посвятить его рукописи свои дни и ночи. Пришлось поднять бунт на корабле» (*Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты (Воспоминания историка)*. Кн. 2. М., 2011. С. 64).

²⁷ *Метель О.В.* Сектор новой истории Института истории АН СССР на рубеже 30—40-х годов XX века // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 162. 2020. Кн. 3. С. 199.

²⁸ АРАН, ф. 1577, оп. 5, д. 132, л. 14—16.

²⁹ См.: *Шарова А.В.* Дисциплинированные учёные: Институт истории АН СССР в 1939—1940 гг. // Советская гуманитаристика: мечты и прагматика в 1920—1950-е гг. М., 2020. С. 234—243.

том уже в 1944 г.). Новый план отразил сдвиги в советской идеологии. Греков объявил, что приоритетной темой для ИИ станет история отечественной государственности. Также он должен стать координирующим центром создания истории народов СССР. Особое внимание планировалось уделить 5-тому изданию «История русской культуры», бросить много сил на завершение многотомной «Истории коллективизации», возобновить подготовку к изданию «Исторического словаря», предшествующего «Исторической энциклопедии»³⁰.

Стоит отметить, что обсуждение плана высветило существенные различия в организации работы в подразделениях ИИ. Так, оказалось, что сотрудники секторов, специализировавшихся на зарубежной истории, занимаются преимущественно индивидуальной монографической работой, в то время как специалисты по отечественной истории вовлечены в коллективные труды и на собственное научное творчество времени у них просто не хватает. Эту проблему подняли на заседании Учёного совета 7 февраля 1945 г. по ходу обсуждения доклада Грекова «О работе института за 1944 г. и о перспективном плане на 1945 г.». А.Д. Удадьцов подметил одну особенность — коллективные работы почти всегда буксуют, а вот индивидуальные планы выполняются в срок. М.В. Нечкина призвала дать больше творческой свободы: «Почему же наши сотрудники, которые могут написать монографии, лишены практически этих возможностей... у нас получилось так, что коллективные работы поглотили силы всех сотрудников, и только некоторые счастливицы смогут написать монографии в будущем году. В то же время мы признаём, что коллективная работа не является ведущим звеном, а хотим сделать таким монографию... Неверно заполнять весь план коллективными работами, нужно давать возможность сотрудникам для творческой работы»³¹. Поворот в сторону монографий поддержало и партийное бюро, что и отразилось в резолюции партсобрания ИИ от 24 января 1946 г. («основной формой работы следует признать форму монографического исследования»)³².

Но стремительное изменение идеологического климата в стране не способствовало этому. Идеологические кампании, наоборот, всячески стимулировали коллективизм. Ю.А. Поляков вспоминал: «1949 год нагнал страху, и сотрудники не спешили со своими монографиями»³³. Во-первых, для сталинской эпохи были характерны мегапроекты, важной чертой которых являлась демонстративная монументальность. Во-вторых, не теряла актуальности задача предложить власти «продаваемую» идею, чтобы показать свою значимость. В-третьих, коллективные труды оказывались формой перестраховки от индивидуальных ошибок в условиях быстро меняющейся политической конъюнктуры. Конечно, это выхолащивало оригинальные идеи, делая тексты стерильными и приемлемыми с точки зрения идеологии. Однако коллективные труды предполагали и коллективную ответственность, что существенно снижало накал критики по отношению к конкретным историкам. Многочисленные обсуждения их текстов позволяли тянуть время в непростой ситуации.

Во многом по этим причинам многочисленные планы Грекова остались нереализованными. Только в 1953 г., уже при новом директоре А.Л. Сидорове, увидел свет первый том «Очерков истории СССР». Согласно воспоминаниям

³⁰ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 79, л. 2—20.

³¹ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 101, л. 27—29.

³² ЦГА Москвы, ф. П-211, оп. 2, д. 6, л. 11.

³³ Поляков Ю.А. Минувшее... Кн. 2. С. 73.

одного из его редакторов Н.И. Павленко, издание готовились выпустить ещё в 1952 г., но последовал звонок из ЦК с требованием подчеркнуть в книге добровольность вхождения народов СССР в состав России³⁴. Но и без этих вмешательств процесс подготовки представлял непростое предприятие: «Для создания громадного феодального восьмитомника (восемь томов “Очерков”, посвящённых феодальному периоду. — В.Т.) нужно было привлечь уйму специалистов. Текст написан был заново. Каждый писал по типу “кто во что горазд”. Адов труд был “выбить” тексты из авторов (особенно по народам — писали, как правило, на местах). Начались бесконечные обсуждения, рецензирования и т.п. Так, в качестве рецензии на первый вариант XVII в. я написал разбор страниц на 150. Новосельский и Устюгов (особенно последний) фактически сами переписали весь том, оставив фамилии первоначальных авторов»³⁵.

В 1952 г. вышел первый том «Истории Москвы». В течение следующих лет появились другие тома. Сложнее всего дело обстояло с советским периодом: коррективы внёс XX съезд. На отчётном собрании 8 января 1957 г. Сидоров признавался: «Вторая трудная работа — это работа по “Истории Москвы”. Так хочется поскорее завершить эту работу! Это одно из многотомных изданий, которое над Институтом висит. И что самое обидное, у нас не получилась социалистическая Москва. У нас досоциалистическая Москва сделана, тома напечатаны, а социалистическая Москва была сделана до съезда. После съезда опять внимательно просматривали. Сейчас находится в издательстве и вновь издательство не особенно торопится её издавать»³⁶.

Прорыв в издании многотомников наметился в 1955 г. Из печати вышел первый том «Всемирной истории», ещё шесть томов вышли в макетах для обсуждения. Сидоров отмечал, что издание началось в атмосфере «инерции неведения в возможность справиться с этой задачей»³⁷. В то же время именно при новом директоре произошел радикальный поворот в определении приоритетных форм наукотворчества: был взят курс на превращение монографии в главную его форму. Отчитываясь за проделанную в 1956 г. работу, Сидоров заявил: «Мы добились того, что в плане Института 1956 года монографии занимали главное место, а в плане нашей работы на 1957 год монографии занимают подавляющее место... Теперь особенно необходимо не только со стороны секторов, но и со стороны дирекции обеспечить преобладающее повседневное внимание монографиям». Он подчеркнул: «Дальнейшая работа Института может успешно и творчески развиваться только при условии, если Дирекция, все остальные органы Института и общественность будем оказывать всемерную поддержку авторам, работающим над монографиями»³⁸. Конечно же, коллективные труды никуда не исчезали, шёл поиск разумного баланса между ними и индивидуальным трудом.

При следующем директоре — В.М. Хвостове — возникла идея не продолжать «Очерки по истории СССР», а начать новую многотомную «Историю СССР». Предполагалось подготовить 11 томов, шесть из которых посвятить

³⁴ Павленко Н.И. Воспоминания историка. М., 2016. С. 115.

³⁵ Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 91.

³⁶ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 393, л. 21.

³⁷ Там же, д. 372, л. 6.

³⁸ Там же, л. 13, 14.

досоветскому периоду³⁹. Вскоре решили издавать 12 томов. В рамках ИИ появился специальный сектор по подготовке многотомника во главе с А.В. Фадеевым. Предполагалось, что новое издание будет более компактным и доступным для широкого читателя. Однако сразу же начались ожидаемые трудности с новым историографическим «левиафаном». На отчётном заседании Учёного совета 24 декабря 1964 г. Хвостов посетовал на хроническое нарушение сроков сдачи текстов. Но и сдача не гарантировала необходимого качества материала. Типичной проблемой стало превышение объёмов, что в условиях строгого лимита создавало немало трудностей. Причем такая же проблема отмечалась и в отношении индивидуальных монографий. По мнению Хвостова, срывы имели место из-за слабого контроля: «Конечно, самый главный недостаток здесь, с которым мы встречаемся очень давно, но изжить который не удаётся (правда, принимались некоторые меры, чтобы его изжить), — это либеральность секций Учёного совета по апробации работ. Потом, после апробации, требуется большая дополнительная работа. Главных источников такой практики два. Первое — невнимательность. Никто в Учёном совете внимательно работу не прочёл. Второй источник — нежелание портить отношения». С места кто-то съязвил: «Это первый». Его поддержал смех присутствовавших. Не в силах изменить систему неформальных связей, Хвостов напирал на принципиальность и профессионализм сотрудников, а также инициативу со стороны руководителей секций.

Продолжил тему «Истории СССР» Фадеев, который кратко обозначил успехи и неудачи подготовки издания: «Надо сказать, что не так легко было наладить коллективную работу над этим изданием. Пример отличного выполнения своих авторских поручений подавали, с одной стороны, маститые учёные акад[емики] Дружинин, Нечкина, Хвостов, а с другой стороны, младшие научные сотрудники. Я могу назвать целый ряд имён: Новосельцев, Хорошкевич, Орлик и др. Они вовремя выполняли свои задания. Они старались вложить в небольшой раздел или главу не только свои знания, но и весь свой темперамент учёного-исследователя; темперамент — в самом хорошем смысле этого слова. К сожалению, у нас были и такие авторы, причём в ранге докторов исторических наук, которые прибегали к протоколно-описательной форме изложения... Но эта безответственность выражалась, например, в неуважении к товарищам по работе, к будущему читателю, когда автор представлял рукопись с превышением заказанного ему объёма в три и больше раз. И тут автоматически вступал в действие тот самый печальный фактор, о котором упоминал в своём докладе В[ладимир] М[ихайлович], — это нежелание редактора или руководителя обидеть того или другого заслуженного... И в результате авторские тексты, превышенные во много раз, написанные на недостаточно высоком теоретическом уровне... без учёта последних достижений нашей науки, по многу раз переделывались, на это попросту тратились время, бумага, срывались сроки всех коллективных работ»⁴⁰. Несмотря на трудности, первые четыре тома из первой серии и первый том из второй вышли в 1966—1967 гг.

Важно отметить, что «монографический вопрос» являлся не только технической или организационной проблемой. В годы оттепели он приобрёл и отчётливые идеологические коннотации, оказавшись в центре борьбы между сталинистами и их противниками. Так, в ходе дискуссии начала 1960-х гг.

³⁹ Очерки истории исторической науки. Т. V. С. 27—28.

⁴⁰ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 531, л. 48.

о периодизации советской исторической науки доцент МГУ М.Е. Найдёнов пытался завуалированно отрицать негативное влияние на неё послевоенных идеологических кампаний. В частности, по его словам, именно в 1946–1956 гг. (т.е. до XX съезда) монографии якобы стали ведущей формой исследований, что позволяет расценивать это десятилетие как наиболее плодотворный период для советских историков⁴¹. Против такого утверждения выступил С.О. Шмидт, продемонстрировавший, что перечисленные монографии только опубликованы в первое послевоенное десятилетие, а подготовлены были ранее⁴². Он указывал, опять-таки завуалированно, что идеологические погромы затормозили развитие науки⁴³.

Вообще оттепельные процессы способствовали стремлению историков закрепить монографию в качестве ведущей формы научного труда. В 1965 г. в главном идеологическом рупоре СССР — журнале «Коммунист» — вышла статья Нечкиной с размышлениями о роли монографии в развитии науки. Рассуждая о соотношении между индивидуальным и коллективным трудом, академик поставила под сомнение необходимость тратить на коллективные работы столько сил: «Действительно, многотомники — крупные памятники истории науки. Но не слишком ли их много и не чересчур ли дорого они обходятся стране?»⁴⁴. Она задавала ряд неудобных вопросов: добавляют ли многотомники что-то принципиально новое в науку? Много ли у них читателей? Не устаревают ли они сразу после выхода? По её мнению, многотомники отвлекают слишком много внимания и даже приводят к потере исследовательской квалификации их авторов.

Но времена менялись, либеральные тенденции постепенно сменялись охранительными. Разделение ИИ в 1968 г. на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории создало ситуацию переходного периода. В этих условиях многотомные труды потеряли актуальность. Не сильно напирал на эту форму организации работы и П.В. Волобуев (директор в 1969–1974 гг.). Ситуация изменилась после разгрома «нового направления»⁴⁵, когда одной из форм контроля над работой Института стал акцент на коллективные труды, в которых можно минимизировать авторский взгляд. Кроме того, участием в них было проще реабилитироваться в глазах вышестоящих органов. «Коллективные труды, выполняемые по указке со Старой площади, это явная попытка реабилитации за “новое направление”. Коллективные труды (по истории рабочего класса, крестьянства, разных республик) превратились в настоящий бич для сотрудников Института. В отличие от монографий и разного рода “мелкотемья” (этот термин в Институте часто использует руководство) в коллективные

⁴¹ Найдёнов М.Е. Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. № 1. С. 95.

⁴² Шмидт С.О. О предмете советской историографии и о некоторых принципах её периодизации // История СССР. 1962. № 1. С. 103–104.

⁴³ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 180.

⁴⁴ Нечкина М.В. Монография: её место в науке и в издательских планах // Коммунист. 1965. № 9. С. 80.

⁴⁵ Поликарпов В.В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 349–400; Markwick R.D. Rewriting history in Soviet Russia: the politics of Revisionist historiography 1956–74. Basingstoke; N.Y., 2001. P. 219–233; Шенелева В.Б. Историографическая судьба «нового направления» // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 219–256.

труды крамола просочиться уже не может, ибо они проходят не через одно «сито» обсуждений. В результате всё в них «правильно», а новых идей нет»⁴⁶.

Одним из масштабных коллективных проектов стала «История народов Северного Кавказа с древнейших времён до наших дней». Этот труд предполагался первым в череде обобщающих работ по национально-территориальной тематике. Они должны были прийти на смену республиканским «Историям». В этом проекте нетрудно заметить стремление обосновать «новую историческую общность — советский народ». По инициативе нового директора ИИ А.Л. Нарочницкого также обсуждались проекты подготовки историй Средней Азии и Казахстана, Закавказья и Прибалтики. Однако сбыться полностью этим планам было не суждено: в 1979 г. на фоне конфликта с академиками Отделения истории АН СССР Нарочницкий оказался забаллотирован⁴⁷. После его ухода попыток переориентировать Институт на коллективные труды больше не наблюдалось. Возникла ситуация равновесия: монографии и коллективные проекты дополняли друг друга, а не подавляли. Историки, склонные к самостоятельному творческому поиску, могли найти себя в авторских исследованиях, в то время как склонные к технической работе — в совместных.

Описанное выше «шараханье» между коллективными и индивидуальными формами научной работы во многом обусловлено организационными особенностями советской академической модели. С одной стороны, академические институты ориентировались на «индустриальное», «поточное» производство научного знания. С другой — при создании ИИ возникло фундаментальное противоречие: в общественных науках фигура исследователя-одиночки никуда не исчезла. Именно это создало ситуацию, когда организационная структура приобретала гибридные формы: наличие значительных организационных и интеллектуальных ресурсов позволяло запустить очередной многотомный проект, но стремление к научному самовыражению не позволяло отказаться от монографии как формы исследования. Порой эти подходы сталкивались, мешая друг другу.

Многое зависело от политического контекста и руководителя. Заметно, что во время общественно-политической либерализации «зелёный свет» давался индивидуальному творчеству, в то время как многотомники оказывались формой коллективной перестраховки (в случае обнаружения идейных ошибок виноваты все и одновременно никто). Именно из-за этого коллективные труды процветали в сталинское время и их краткий ренессанс приходится на 1970-е гг., когда давление на Институт усилилось после разгрома «нового направления».

⁴⁶ Шелохаев В.В. Дневник историка. М., 2013. С. 33.

⁴⁷ См.: Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991 годы. М., 2008. С. 358; «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной. М., 2013. С. 563; Булдаков В.П. «Мы уже все были оттаявшими, причём напрочь»: интервью (URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-2044.pdf>).

Первые тридцать лет моей жизни в Институте

Маргарита Вандалковская

The first thirty years of my life at the Institute

Margarita Vandalkovskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016602-3

Вся моя жизнь связана с исторической наукой, которой я увлеклась в школьные годы. Меня интересовала общественная мысль XIX в., особенно деятели этого времени — В.Г. Белинский, А.И. Герцен, их мировосприятие, интеллект, размышления о потребностях жизни. Поэтому поступление на исторический факультет МГУ было вполне осознанным. Учеба в университете значительно расширила и обогатила представления об истории, её сущности, роли и проблемах.

Я думаю, что, все кто учился на истфаке МГУ, с благодарностью вспоминают своих учителей: Л.В. Черепнина, П.А. Зайончковского, И.А. Федосова, Е.Н. Городецкого, С.С. Дмитриева, А.В. Арциховского и др. Получив рекомендацию в аспирантуру, я не имела права воспользоваться ею, так как вышло постановление о необходимости для поступления иметь стаж работы. Мой научный руководитель, участник войны, яркий и мыслящий преподаватель, впоследствии ставший проректором МГУ по гуманитарным наукам, И.А. Федосов направил меня в Институт истории АН СССР к тогдашнему заместителю директора Л.С. Гапоненко, который занимался пополнением кадрового состава и, как я потом узнала, слыл всемогущей личностью. Он любезно принял меня, сказав, что у него есть ставки только для специалистов по советскому периоду, «а если Вы отказываетесь от советского периода, то приходите через три месяца». И я согласилась ждать. Теперь я думаю, что это было наивным решением, я могла и не попасть в Институт. Через три месяца меня зачислили по договору (испытательный срок) и быстро перевели в штат.

Я попала в замечательный научный коллектив: сектор источниковедения, которым руководил известный специалист А.А. Новосельский. Его монографию «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» мы изучали, оказавшись в этом секторе. Алексей Андреевич был умным и мудрым человеком, доброжелательно относился к своим коллегам и особенно к молодёжи.

Сектор вёл большую публикаторскую и источниковедческую работу по разным периодам и проблемам отечественной истории. Летописанием занимался красивый и умный А.Н. Насонов, происходивший из рода участника Крымской войны адмирала В.А. Корнилова; из молодых учёных публикацией летописей занимался В.И. Буганов. Опытные исследователи Е.П. Подъяпольская и А.И. Глаголева готовили к изданию «Письма и бумаги Петра Великого». Характерно, что, будучи первоклассными профессионалами и авторами большого числа научных трудов, они защищали свои кандидатские диссертации в позднем, 50—60-летнем возрасте. Это было знамение времени. Участники

Великой Отечественной войны — бывший офицер-артиллерист М.А. Булыгин и учёный секретарь сектора Л.Н. Пушкарёв — занимались теоретическим источниковедением и публикаторской деятельностью.

Школу источниковедения прошла в эти годы большая группа молодёжи сектора. Среди них С.М. Каштанов, отличавшийся неистребимым юмором, В.А. Кучкин, неистово преданный своим научным увлечениям. Не могу не вспомнить Л.А. Никитину, занимавшуюся английскими хрониками XVI в. о России, которая была влюблена в Шекспира и зорко следила за его переводами на русский. Хорошая память сохранилась о любителе поэзии В.М. Кабузане, Л.И. Ивиной, Л.З. Мильготинной, Я.В. Водарском, которых, к сожалению, уже не стало.

Несмотря на разные темы занятий, сектор объединяла наука об исторических источниках — источниковедение. Об этом заботился Алексей Андреевич. По его рекомендации мы изучали отечественную и зарубежную литературу. Помню, что особой популярностью у нас пользовался источниковедческий труд французского учёного Ш. Сеньобоса.

Оказавшись в секторе, я была включена в группу по подготовке к изданию документов по революции 1905—1907 гг. В этой группе работали Е.В. Иллерицкая, К.И. Платонова и Л.А. Никитина. Но эта работа оставила мрачное впечатление. Некоторые старшие коллеги призывали эсеровские листовки классифицировать как социал-демократические. Мы с Никитиной восстали против этой фальсификации. Сектор нас поддержал, и мы ушли из этой группы. Это был неприятный эпизод.

Моей основной работой стала подготовка к публикации дневников министра внутренних дел П.А. Валуева (1861—1876) и государственного секретаря А.А. Половцева (1883—1892). Ответственным редактором этих изданий был известный учёный, профессор МГУ Пётр Андреевич Зайончковский. Мы работали в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, где хранились дневники. Была сформирована группа, в которой принимали участие сотрудница сектора К.М. Платонова и я, от архива — Герман Михайлович Лившиц, талантливый и образованный учёный, к сожалению, рано ушедший из жизни.

Работа проходила в несколько этапов. У каждого сотрудника была своя часть текста, на отдельных листах отмечались неразборчивые и сомнительные места, несогласованные фразы, трудные слова и т.д. Мы обменивались рукописями и прочитывали их вместе. Далее дневники перепечатывались квалифицированными машинистками, и мы сверяли сделанную ими копию с подлинником. Пётр Андреевич два раза в неделю приезжал в архив и просматривал наши материалы. Следующий этап работы проводился в квартире Петра Андреевича (он жил в высотном доме у Красных Ворот). Из архива ему привозили подлинники тетрадей дневника. Мы просиживали у него по 4—5 часов. Выборочно читали дневник, обращая внимание не только на несуразности текста, но и на переводы с французского языка, выполненные сотрудницей национального комитета историков Н. Розанцевой. Эта многотрудная кропотливая работа, проводимая опытным и требовательным руководителем, каким был Зайончковский, как я осознала позднее, имела для нас большую пользу — она способствовала формированию ответственного отношения к культуре публикаторского труда.

В секторе я выступила со своим первым научным докладом по теме «Допросы А.И. Герцена в следственных комиссиях 1834 г. как исторический источник», по которому затем опубликовала статью в «Археографическом ежегоднике». Жизнь сектора была активной и интересной. Мы, особенно молодёжь, с удовольствием отмечали все праздники. Много пели. Отличался в этом Кучкин, хорошо знавший современные и туристские песни.

В 1962 г. нас постигла печальная весть: наш сектор расформировали. Объяснялось это необходимостью создания двух секторов источниковедения — по советскому и досоветскому периодам. Но до нас доходили слухи, что причиной ликвидации сектора стала ссора Новосельского с Гапоненко, которого Алексей Андреевич обвинил в невежестве. Сотрудникам сектора было объявлено, что они по своему желанию могут выбрать для дальнейшей работы любой сектор, но, разумеется, по согласованию с его руководством. Мой переход в сектор истории исторической науки оказался не случаен. Я со школьных лет интересовалась русской общественной мыслью XIX в. и даже выступала с докладами о В.Г. Белинском.

Определяющей в моём становлении стала встреча с Милицей Васильевной Нечкиной. Под её руководством я защитила кандидатскую и докторскую диссертации. Это была уникальная личность. Она обладала превосходным историческим образованием, высоким мастерством литературоведа, психолога и педагога. Но самое главное — была очень умным и проницательным человеком. Знания и общечеловеческая культура обогащали её талантливую и восприимчивую натуру.

Я много писала о Милице Васильевне. Но, вспоминая о ней, хотелось бы подчеркнуть одну особенность её научного метода — индивидуальное отношение к человеку. Это проявлялось и в научной, и в педагогической деятельности. С целью понять побудительные мотивы личности Милица Васильевна изучала психологию и математику, цenia логику этой дисциплины. Внимание к личностному началу ярко проявилось в её трудах о декабристах, А.С. Пушкине, А.С. Грибоедове, В.О. Ключевском, революционных деятелях 1860-х гг. Изучение человеческой личности, в том числе учёного, по её мнению, не может ограничиваться его трудами. Духовный мир, душевный склад, свойства натуры, облик, привычки, увлечения и т.д. — предмет обязательного изучения, что Милица Васильевна осуществляла в своих исследованиях. Тем самым она расширяла и обогащала представление об историческом творчестве. А науку «история» Милица Васильевна считала именно творчеством, создание же исторических трудов — явлением культурного развития, тесно связанного с общеисторическим процессом.

И в исторических трудах, и в литературных Нечкина придавала огромное значение функции созданного образа, т.е. его восприятию и воздействию на читателя. Применительно к историческому сочинению эта мысль выражена словами Ключевского: «Тайна искусства писать — уметь быть первым читателем своего произведения». Функция художественного и научного сочинения должна быть адекватной замыслам писавшего. Но на практике это не всегда совпадает.

Мне вспомнился один эпизод. Я присутствовала при беседе Милицы Васильевны с художественным руководителем «Театра Сатиры» В. Плучеком. Он, очевидно, знакомый с трудами Нечкиной о Грибоедове, пришёл пригласить её быть консультантом в постановке «Горя от ума». Милица Васильевна

спросила: «Вы, вероятно, на роль Чацкого предполагаете поставить А. Миронова?». И, услышав утвердительный ответ, отклонила предложение, сказав, что Мионов не сможет передать сложность замысла Грибоедова и созданный им художественный образ не выполнит своего назначения. Нечкина считала, что в будущем должна возникнуть научная дисциплина, изучающая процесс художественных и научных трудов. Междисциплинарное сочетание литературы, истории и психологии она признавала весьма плодотворным.

Сектор истории исторической науки во время моего включения в его работу жил напряжённой жизнью. Под началом Милицы Васильевны работали также Научный совет по истории исторической науки и Группа по изучению первой революционной ситуации в России (1859—1861). Заместителем Милицы Васильевны по сектору был Ефим Наумович Городецкий, лекции которого я слушала в университете. Старшее поколение представляли М.А. Алпатов, занимавшийся русской и западноевропейской исторической мыслью XII—XIX вв., и В.А. Дунаевский — специалист по историографии Новой истории стран Запада. Объединение русистов и всеобщников плодотворно сказывалось на работе. Постоянно посещали наш сектор Л.В. Черепнин, в то время заведующий сектором феодализма, с которым Милица Васильевна была очень дружна, Б.Г. Вебер, Б.Ф. Поршнев, А.М. Станиславская и др.

В середине 1960-х гг. сектор завершал работу по подготовке к изданию «Очерков по истории исторической науки в СССР». Первые три тома уже были опубликованы, шла корректура четвёртого тома и подготовка к изданию пятого тома. Всех сотрудников мобилизовали на эту работу. Читали корректуру, причём особая ответственность, как говорил Ефим Наумович, ложилась на молодёжь, которая не имела права пропускать ошибки типографского набора. Следует заметить, что создание «Очерков» сопровождалось острой полемикой и требует специального и документального рассмотрения.

У меня, недавно погрузившейся в научную атмосферу, неизгладимое впечатление оставили обсуждения этого общесоюзного издания. На четвёртом этаже, в заполненном до отказа актовом зале, собирались учёные из разных городов и республик. Здесь можно было увидеть и услышать выступления Б.Г. Могильницкого (Томск), А.К. Бирона (Рига), Б.Ю. Вайткявичюса (Вильнюс), К.С. Худовердяна (Ереван), В.Г. Сарбея (Киев), А.Н. Цамутали (Ленинград), Г.Ф. Дахшлейгера (Алма-Ата) и др. Состояли в Совете по истории исторической науки и постоянно участвовали в его мероприятиях учёные московских институтов и вузов: А.О. Чубарьян, Г.С. Кучеренко, В.И. Дурновцев, О.В. Волобуев и др.

Стимулом развития исторической мысли являлись многочисленные конференции, проводившиеся в разных городах: Москве, Киеве, Вильнюсе, Саратове, Воронеже, Калининe, Смоленске, Сыктывкаре... Помню, как в 1979 г., накануне отъезда на конференцию в Ригу, посвящённую развитию исторической науки конца XIX — начала XX в., Милица Васильевна позвонила и пригласила меня ехать с ней в купе СВ. Я, конечно, беспокоилась, но никогда не забуду этой поездки. Вечером к нам в купе пришёл ехавший на эту конференцию в другом вагоне известный историк из Перми Б.Е. Кертман. Они с Милицей Васильевной поочередно читали стихи Пастернака и Ахматовой. Это продолжалось до четырёх часов ночи. Милица Васильевна прочитала и несколько своих стихотворений (она очень любила и понимала поэзию). Позднее она сказала мне: «Назовите эту поездку ночью поэзии».

Группа по изучению первой революционной ситуации в России, в которой я принимала участие, разрабатывала проблему многоаспектно. Изучались массовое крестьянское движение, деятели освободительной борьбы, прокламационная литература, революционные центры, эпоха в её экономическом и культурном измерении. Заседания группы Милица Васильевна проводила в гостиных Дома учёных. Специалисты по этим проблемам, работавшие как в Москве, так и в других городах Союза, собирались на заседания, делали доклады и обсуждали их.

Мне вспомнилось одно заседание, на котором В.А. Фёдоров делал доклад на основе архивных источников о крестьянском движении в годы первой революционной ситуации. На трибуне оказался Зайончковский и заявил, что никакого крестьянского движения не было, как и революционной ситуации, что это предвзятая точка зрения. После его выступления Милица Васильевна заключила: «Перед нами выступал советник Александра II». Это, разумеется, вызвало оживление и смех. Зайончковский часто выступал с подобными заявлениями, и они постоянно полемизировали с Милицей Васильевной. Но, как свидетельствовали и Пётр Андреевич, и Милица Васильевна, будучи членами ВАК, они всегда выступали единым фронтом против некачественных и бездоказательных диссертаций.

Помимо обсуждений актуальных научных проблем группа в составе Е.Л. Рудницкой, Ю.Н. Емельянова, Л.Ф. Кузьминой, М.Н. Брусиловской, И.А. Желваковой и др. вела большую публикаторскую работу. В ней принимала участие и я. Вышли в свет факсимильные издания «Вольной русской типографии» А.И. Герцена и Н.П. Огарёва; «Колокол», «Полярная звезда», «Голоса из России», «Исторические сборники». К ним прилагался большой справочный материал в виде комментариев и указателей: предметного, именного, географического, литературных персонажей и др. Этот чрезвычайно ценный источниковый материал впервые вводился в широкое обращение.

Моя работа в секторе помогла с выбором темы кандидатской диссертации. На одном из заседаний группы выступила З.И. Базилева. Она упомянула имя М.К. Лемке — первого издателя в России полного собрания сочинений Герцена. Я вздрогнула, подумав: «Вот чем надо заниматься». И вдруг получаю записку от Милицы Васильевны: «Рита, Лемке — вот Ваша тема». Это было радостным совпадением. Работа над кандидатской диссертацией стала счастливым периодом моей жизни. Я месяцами просиживала в архиве Пушкинского Дома в Ленинграде. В это же время ленинградцы Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин занимались трудом Лемке «Святая дружина Александра III» (тайное общество борьбы с крамолой 1881—1882 гг.). Лемке я была обязана знакомству с этими яркими и незаурядными личностями, добрые дружеские отношения с которыми продолжались всю жизнь. А работа о Святой дружине, которую они мне прислали, была опубликована лишь в 2012 г.

С учениками Милица Васильевна вела индивидуальную работу у себя дома. Я помню первое посещение. Волновалась и думала, что ничего не смогу сказать, кроме каких-то общих соображений. Но она как опытный педагог сумела заставить говорить то, о чём я даже не подозревала. На начальной стадии работы Милица Васильевна рассказывала, как надо читать научную книгу, делать выписки, систематизировать собранный материал, составлять картотеку, т.е. делилась техникой написания научного сочинения. Позднее она читала для аспирантов Института лекцию «Как работать над научным докладом», с этой

же темой выступала в Высшей комсомольской школе по просьбе тогдашнего её руководителя, небезызвестного Ю.Н. Афанасьева. Он, кстати, несколько позднее обсуждал в нашем секторе свою докторскую диссертацию об «Анналах», главным оппонентом которой выступал И.Д. Ковальченко, в то время первый заместитель Нечкиной в Совете по истории исторической науки.

Встречи и беседы о собранном материале и замысле построения диссертации проходили систематически. Но они не ограничивались научными темами. Милица Васильевна много рассказывала о себе, своих невзгодах и неудачах, ярко характеризовала окружающих её людей (в этом у неё был особый дар), проницательно судила об особенностях творческого содружества и научного мира, отмечая часто присущие ему амбициозность и непримиримость.

Милица Васильевна пристально следила за ходом работы и ростом учеников. Часто вечером, за день или два до заседания, звонила по телефону и просила выступить по обсуждаемой теме. Приходилось мобилизовывать все свои возможности и готовиться к выступлению. Важно отметить, что молодые сотрудники сектора находились под постоянным благожелательным надзором его руководства. Милица Васильевна и Ефим Наумович не только учили нас, но и умело вовлекали в общую работу. Так, например, на международной конференции в Смоленске (1973), которую проводил наш Институт, я и Г.Д. Алексеева выступали с докладами о диссертациях по историографии. Этим не только обеспечивалось участие молодёжи в работе, но и поступала информация о развитии этой науки в научное сообщество.

Моя докторская диссертация также находилась под пристальным оком Милицы Васильевны. Она выступала на её обсуждении и защите. Оппонентами выступали И.Д. Ковальченко, С.С. Волк и А.Н. Цамутали. Это было в 1983 г.

Одна из последних встреч с Нечкиной, когда она была относительно здорова и активна, состоялась в Узком, где она находилась. Я увидела её идущей по парку. При встрече Милица Васильевна сказала мне: «Все думают, что я гуляю, а я работаю». Её целеустремлённость и преданность профессии поражает. Она жила погружением в мир, который изучала, и работала постоянно, где бы ни находилась. У неё есть статья под названием «Воздух знания». Она создавала вокруг себя атмосферу знания и одаривала ею всех, кто с ней соприкасался.

Отличительная черта работы Института тех лет — сплочённость. Институт был живой. Сектора существовали не изолированно, а в постоянном взаимодействии. На обсуждениях научных работ, как правило, присутствовали сотрудники других подразделений. Источниковеды приглашали историографов и специалистов смежных тем, сектора феодализма и капитализма привлекали к участию в заседаниях историографов и источниковедов. И, что особенно важно, в этой работе активно участвовала молодёжь. Так, например, в обсуждении в секторе феодализма докторской диссертации Л.Н. Пушкарёва о теоретических проблемах источниковедения участвовали молодые историографы сектора истории исторической науки, в обсуждении в секторе капитализма докторской диссертации Е.А. Дудзинской о славянофильстве — историографы. В памяти осталось обсуждение кандидатской диссертации В.В. Шелохаева о кадетской партии: тема была новой и вызвала всеобщий интерес. Смелость Шелохаева и его научного руководителя Л.М. Иванова, как стало очевидно позже, оказалась оправданной: вклад Шелохаева в разработку проблематики российского либерализма общепризнан.

Очень много значило общение молодых сотрудников с маститыми учёными. Разумеется, оно имело разный характер и содержание. Я, например, навсегда сохранила в памяти беседы с Л.В. Черепниным, А.И. Клибановым, Ю.А. Писаревым, С.Л. Утченко, Г.А. Некрасовым и др. Хотелось бы особенно отметить заботливое и осознанное отношение старшего поколения к молодым специалистам. Нам не читали нотаций, не поучали, не назидали, а подавали пример уважительного отношения к коллегам, к которым относили и нас. Это был пример мудрого и нравственного воспитания.

Чрезвычайно важным событием стало разделение в 1968 г. Института на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Мы встретили это с большим огорчением: было ощущение потери образованной и мыслящей части Института; мы лишались возможности слушать наших ораторов-корифеев А.З. Манфреда, С.Л. Утченко и др. Затем пришло осознание, что, хотя проблемы отечественной истории важно рассматривать совместно с всеобщниками, это решается и при раздельном существовании институтов. Время меняет облик коллектива, состав его участников, влияет на рост и совершенствование научного потенциала. Институт российской истории обрёл научную значимость и устойчивую самостоятельность. Мысли о каком-либо объединении с кем-либо теперь вредоносны.

Моя жизнь по сей день связана с прежним сектором. Научный совет по истории исторической науки возглавил И.Д. Ковальченко, и я работала под его началом учёным секретарём. Но это тема последующих воспоминаний.

«Институт выполнял роль центра исторической науки»: из воспоминаний учёных

В 2021 г. Институт российской истории РАН отмечает 85-летие своего основания. Созданный в 1936 г. Институт истории АН СССР, располагавшийся в особняке на Волхонке, 14, в 1960 г. переехал в более скромное здание на улице Дмитрия Ульянова, 19, а в 1968 г. был разделён на Институт всеобщей истории и Институт истории СССР, получивший в 1992 г. своё современное название. Сохранившийся массив официальных отчётов отражает основные направления его деятельности, публикаторскую активность, организацию и участие в различных мероприятиях. Но, разумеется, он не может передать живое отношение сотрудников к происходившему в институтских стенах. А его важно сохранить и зафиксировать, поскольку именно учёные, прочно вписавшие свои имена в историографию, и есть самое ценное, что было и остаётся у Института. В разное время в нём работали 21 действительный член и 12 членов-корреспондентов Академии наук, сотни выдающихся исследователей — докторов и кандидатов наук, сообща формировавших традиции главного научно-исследовательского учреждения страны в сфере отечественной истории.

Летом и осенью 2016 г. при непосредственном участии фонда развития гуманитарных исследований «Устная история» были записаны развёрнутые интервью с А.И. Аксёновым, В.П. Булдаковым, В.Я. Гросулом, А.Е. Ивановым, Н.А. Ивановой, Т.Ю. Красовицкой, Г.А. Саниным, А.Н. Сахаровым и В.В. Шелохаевым, а весной 2021 г. — с С.В. Журавлёвым, Ю.А. Петровым и И.М. Пушкарёвой. Они поделились своими воспоминаниями о различных сторонах жизни Института и его коллектива во второй половине XX — начале XXI в. Книга, включающая полный текст этих бесед с комментариями, в настоящее время готовится к печати. «Российская история» публикует журнальную версию их фрагментов. Разумеется, не следует ждать от рассказчиков документальной точности в передаче некоторых фактов. Часто они высказывают прямо противоположные оценки одних и тех же людей и событий. Но тем нагляднее это демонстрирует всю противоречивость и сложность истории Института.

Материал подготовлен В.Н. Кругловым, В.В. Тихоновым и Ю.С. Филиной

«Попасть сюда в то время было почти невероятной удачей»

И.М. Пушкарёва: В Институт истории АН СССР я пришла 1 июля 1950 г. Когда защитила диплом, старшие товарищи на истфаке говорили: «При распределении надо иметь в виду Академию наук, Институт истории, очень хорошее место». Пришла на Комиссию по распределению, на ней присутствовал учёный секретарь из Института истории А.М. Самсонов. Он имел возможность пригласить шесть окончивших истфак на кафедрах отечественной истории на должности младших научных сотрудников. И он вдруг, отозвав меня в сторону, стал уговаривать: «Какая аспирантура? Надо идти в Институт. Нужно идти к нам младшим научным сотрудником, прикрепиться, сдав не торопясь вступительные экзамены, взять тему или продолжить дипломную работу, написать диссертацию и навсегда обеспечить себя работой». Я осталась ему благодарна на всю жизнь за эту прекрасную рекомендацию.

Двухэтажный дом Голицыных на Волхонке был передан Институту красной профессуры и надстроен ещё на два этажа. Когда я открыла дверь со двора, меня поразило дыхание истории. В вестибюле рядом с гардеробом — большое зеркало XVIII в. в раме из красного дерева, мраморная лестница с витыми перилами каслинского литья. Вверх по мраморной лестнице поднялась на второй этаж — справа огромный зал, где проходил съезд колхозников-ударников, на котором выступал Сталин. А налево от этого зала шёл большой коридор. В конце его располагалось Отделение исторических наук. Жили историки, философы и экономисты, конечно, тесно и жаловались на тесноту. В нашем коридоре стояли старинные диваны, на них вели беседы сотрудники всех трёх институтов. Вспоминаю философа, хорошо известного потом учёного, А.А. Зиновьева, который всегда приходил подолгу с кем-то беседовать на наш чёрный большой диван. Любили его и историки, которые заходили из других учреждений или приезжали из Ленинграда. На втором этаже слева и справа были отгорожены комнаты: машбюро, партбюро, наш сектор истории СССР периода капитализма, сектор феодализма, бухгалтерия, сектор советского общества. Слева по коридору были сектора новой и новейшей истории, научный кабинет, библиотека, в том числе и художественной литературы с новейшими журналами, комната профкома.

Н.А. Иванова: Я поступила в Московский университет на исторический факультет, который окончила в 1960 г. И меня, как и несколько человек с курса, распределили в Институт истории. Тогда это был общий Институт, т.е. тут изучались и отечественная история, и история СССР, и всеобщая история. Мы работали на всяких должностях: научно-технического, младшего научного сотрудника, без степени, помогали нашим старшим коллегам, участвовали в сборе архивного материала. Почему нас распределили, в частности, меня? Здесь был создан сектор по написанию многотомной истории СССР, и нас брали как вспомогательных сотрудников. Когда мы были ещё студентами, на пятом курсе, К.Н. Тарновский нас водил на дискуссии, которые устраивали в Институте. Но тогда он находился в другом здании, на Волхонке, рядом с Музеем изобразительных искусств. Там мы познакомились со всем отрядом специалистов, которые занимались экономической историей. Возглавлял всё это дело А.Л. Сидоров. Он потом, когда я пришла, был уже директором Института, преподавал, и были его ученики, которые с ним работали, в том числе Константин Николаевич. Своя когорта была и у П.В. Волобуева. Институт, можно сказать, кипел, много дискуссий, было очень интересно работать.

Г.А. Санин: Поступил в Институт, в аспирантуру. Вот что меня поразило. Иду, читаю таблички на дверях: «Сектор истории феодализма», «Сектор древнейших государств», «Сектор периода капитализма», «Сектор истории Древнего мира», «Сектор истории Франции», «Сектор истории Канады». Боже ж ты мой! Куда же это я попал?! Со своим-то суконным рылом! Думаю, как же это мне в жизни повезло! И вот это ощущение величайшего счастья, оно у меня сохранилось навсегда. Сажу на заседании сектора истории феодализма. С глубочайшим интересом слушаю и думаю: как бы мне не забыть эти мысли! Корифеи же в секторе-то были. И Л.Н. Пушкарёв, и А.И. Клибанов, и Л.В. Черепнин, и А.А. Зимин, и Н.И. Павленко. И чтобы не забыть, о чём говорили, я стал для себя на каждом заседании записывать ход обсуждения работ. Уже когда защитил кандидатскую диссертацию, со мной поделились, что некоторые сотрудницы решили: раз записываю, значит, должен докладывать кому-то, кто

что говорит! А я без всякой задней мысли пишу, пишу... Очень сожалею, что эти записи свои не сохранил.

В.П. Булдаков: Я в известной степени в Институте оказался случайно. Мне, так сказать, повезло. Помогла И.М. Пушкарёва: она сказала П.Н. Соболеву, что есть вроде как хороший историк, возьмите его. Я за это дело ухватился. Но вынужден был заниматься Октябрьской революцией, не питая к этому никакой склонности, — хотелось заниматься дореволюционным периодом. Попал в подразделение, которое называлось «Сектор Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны», сокращенно «ВОСР и ГВ». Звучит, да? Руководил им Соболев — человек, мягко говоря, консервативных взглядов и убеждений. Писал о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, предлагал задуматься о понятии «политическая армия социалистической революции». Внутри сектора боролся с «групповщиной», старался уравновесить «новаторов» с «охранителями». Ну ничего, он уже был в возрасте, понимаете? Путал институтский коридор с больничным. Но публика была разная. Прямо скажем, работали там люди, весьма и весьма мне симпатичные. Их уже нет. Я до сих пор вспоминаю о них с удовольствием.

Ю.А. Петров: После окончания университета В.И. Бовыкин дал мне рекомендацию в аспирантуру Института, и в 1978 г., сразу по окончании истфака МГУ, я пришёл сюда, переполненный юношескими амбициями и иллюзиями. Получил «четвёрку» на экзамене по специальности и не прошёл в очную аспирантуру. Поступил в заочную аспирантуру, а работать пошёл в Государственный исторический музей, куда меня устроил тот же Валерий Иванович. В общем, всё было хорошо, кроме одного — у меня диссертация не шла, поскольку из-за нагрузки в музее на неё совершенно времени не оставалось. Я понял через какое-то время, что застрял и просто не смогу её завершить. Это был 1985 год. Тогда Валерий Иванович и предложил мне вакансию в его секторе буржуазно-демократических революций. Он меня пригласил на должность младшего научного сотрудника с окладом то ли 110, то ли 120 руб., что было раза в три меньше, чем в музее, с не очень ясными перспективами карьерного роста.

Я пришёл сюда и был поначалу не очень вдохновлен. И дело было не только в деньгах, хотя надо понимать, что тогда ситуация была совершенно иной, и молодому учёному заработать где-либо, помимо основного места работы, было практически невозможно. Публикациями? Кто возьмёт совершенно неизвестного человека? Грантов не было никаких, поэтому материальные соображения играли весьма существенную роль. Но главное, я попал в ситуацию, когда из хоть мало-мальских, но начальников и людей, с которыми считались, стал в 30 лет таким начинающим мальчишкой. Тем не менее я ни секунды не пожалел о переходе — здесь я получил возможность заняться наукой, о которой мечтал. Закончил диссертацию, потому что приобрёл, наконец, возможность и время этим заняться, и в 1986 г. её защитил.

С.В. Журавлёв: В Институт я попал в августе 1989 г. благодаря работавшему здесь моему научному руководителю С.О. Шмидту, а также проявившему участие в моей судьбе заместителю директора Института по науке В.П. Дмитренко. Как раз в это время я выходил на защиту кандидатской в моей *alma mater* — МГИАИ, и вставал вопрос: что делать дальше? А в Институте истории, который был на подъёме, в конце перестройки как раз происходили очень серьёзные и — прямо скажу — весьма привлекательные для научной

деятельности перемены. На слуху были имена Ю.С. Борисова, В.П. Данилова, В.С. Лельчука, Г.З. Иоффе и других сотрудников старшего поколения, которые в период перестройки часто выступали перед студенческой аудиторией, в СМИ. Призывали к отказу от идеологических стереотипов, к рассекречиванию советских архивов, к изучению «белых пятен» истории. Некоторые из выступлений сотрудников Института истории на «Исторических чтениях» в МГИАИ, где я учился в аспирантуре, носили по тем временам сенсационный характер (например, выступления Иоффе об изучении обстоятельств расстрела царской семьи) или даже отличались намеренной провокационностью. Такова, к примеру, была вызвавшая в то время настоящий ажиотаж тема доклада руководителя сектора истории культуры Института истории Ю.С. Борисова «Были ли социализм в СССР?».

Венцом горбачёвской демократии в академической среде стало то, что на административные должности в Институте истории, начиная с руководителя сектора или группы и заканчивая директором, в конце 1980-х гг. люди не назначались, как прежде, а избирались на альтернативной основе, прямым голосованием членов данного коллектива (сектора или института). Были введены и возрастные ограничения для занятия административных должностей. В результате сменилось не только руководство Институт и его подразделениями, но и шло обновление (и параллельно — общее сокращение) кадрового состава. Группа перспективных учёных (В.В. Шелохаев, В.В. Журавлёв, О.В. Хлевнюк и др.) была «рекрутирована» в ИМЛ при ЦК КПСС и в другие партийные научные структуры. Им на смену приходили другие учёные, полные желания «двигать науку», освободив её от идеологической парадигмы. Среди тех, кто, как мне кажется, особенно многое сделал в то трудное время для сохранения лучших традиций Института и для его обновления, я вспоминаю В.П. Дмитренко — избранного коллективом на этот пост заместителя директора, курировавшего советский период. Блестящий исследователь, специалист по истории нэпа, многие работы которого до сих пор не утратили актуальность, Дмитренко проявил себя и на организаторском поприще. Вспоминаются также его глубокие концептуальные доклады на Учёных советах рубежа 1980—1990-х гг. В то время Институт бурлил дискуссиями о переоценке советского прошлого, что во многом увязывалось с потребностью рассекречивания архивов, источниковедческого анализа вводимых в оборот документов, с включением отечественной науки в контекст мировой историографии. Коллизия заключалась и в том, что стремительность и радикальный характер процессов тех лет, желание общества найти простые ответы на сложные вопросы (между прочим, не только на «историческом фронте», но и в сфере экономики и в политике) не очень соответствовали сложившемуся ритму академической жизни и научному стилю полемики.

Если вернуться к вопросу о том, как я в августе 1989 г. оказался принят на работу в Институт, то я так понимаю, что Шмидт заранее отрекомендовал меня Дмитренко. До этого я про Институт, конечно, слышал, немного знал некоторых сотрудников, например, по их выступлениям на кружке источниковедения в МГИАИ, которым руководил Шмидт. Нужно сказать, что я со студенческих лет интересовался источниковедением, по этой специализации писал и кандидатскую диссертацию.

Итак, в 1989 г. мне позвонили из Института и пригласили на приём к Дмитренко. Здание пустовало, август — время отпусков. В назначенное время

к кабинету также подошёл худощавый человек лет сорока пяти. Оказалось, что это А.К. Соколов — руководитель сектора советского источниковедения, в который Шмидт с Дмитренко решили меня определить. Так, в кабинете Дмитренко я впервые познакомился с Андреем Константиновичем, который в дальнейшем сыграл огромную роль в моей научной судьбе и которого я считаю своим вторым учителем, наряду со Шмидтом.

Соколов только в 1987 г. пришёл в Институт, по академическим меркам он считался молодым учёным и перспективным руководителем подразделения. Сразу после краткой беседы мне предложили идти в отдел кадров оформляться. Не скрою, для меня Институт истории СССР был пределом мечтаний, олицетворением самой высокой научной планки: здесь наши кумиры работали, и попасть сюда в то время было почти невероятной удачей. Поэтому когда меня приняли на работу на должность младшего научного сотрудника, причём даже ещё до формальной защиты кандидатской, я был, конечно, совершенно счастлив.

Примерно с этим периодом связана одна любопытная история, красноречиво свидетельствующая об институтских нравах. Дело было в начале 1990-х гг., тогда произошёл очередной всплеск интереса к москвоведению. В Институте было решено создать временную группу для написания очередной версии «Истории Москвы». Дмитренко почему-то решил, что я, 30-летний кандидат наук в должности м.н.с., мог бы возглавить такой научный коллектив. Он вызвал меня в кабинет и ошарашил этим предложением. Я обратился за советом к Шмидту. Тот, хорошо зная негласные институтские правила, сказал, что я, конечно, не должен руководить сотрудниками, имеющими более солидные научные должности и заслуги. Если, конечно, не хочу испортить репутацию в коллективе. Следуя мудрому совету Шмидта, я отказался от предложения Дмитренко.

«Институт был живой»

И.М. Пушкарёва: Институт истории СССР, куда я пришла на работу, был молод, ему было всего 14 лет. Работали в нём, включая научно-технических сотрудников, около ста человек, может быть, с бухгалтерией и другими службами чуть больше. Численно он увеличился к концу 1960-х гг., к тому времени, когда его разделили на два, он вырос в три или четыре раза. Историки в Академии наук были «обласканы» властью. В 1950-е гг. не только возросло число кандидатов и докторов наук, но и появились новые академики, члены-корреспонденты. Греков долгое время один имел академическое звание. А в 1953 г. избрали в академию А.М. Панкратову и Н.М. Дружинина, в 1958 г. — М.В. Нечкину и Е.М. Жукова. Рост числа докторов и кандидатов способствовал подъёму общей научной атмосферы, оживлению деятельности Учёных советов, диспутам в секторах и в Институте, особенно после XX съезда КПСС.

Сотрудники, доктора и кандидаты наук, должны были приходить в присутственные дни — во вторник и четверг — прямо к началу заседаний в секторах — к 14 ч. Институт заканчивал работу в 17.30. Но младшие научные сотрудники без степени, как и, естественно, научно-технические, должны были приходить в 9.30 и до окончания работы оставаться на месте в секторе. До 1953 г. каждый должен был перевешивать металлический круглый табелёк, как на заводе; табельная доска находилась около отдела кадров. На ней значились приход-уход. У каждого сотрудника имелся стол, и здесь шла вся техническая работа.

У нас, младших научных, должна была быть зарплата 1 200 руб. и это было не мало и не много. 4 тыс. получал доктор наук. Но, будучи присланными в Институт по распределению, мы должны были два года «отработать» здесь. Сначала получали 730 руб. в месяц, через некоторое время дали 840, 1 200 я стала получать, когда заканчивала диссертацию в конце 1950-х гг.

Свободно уходить с работы в течение рабочего дня никто не мог. Если нужно было идти в библиотеку, сверять цитаты, библиографию и т.д., мы расписывались об уходе в специальной книге: ушёл в такую-то библиотеку, в такой-то архив. Время от времени нас ждала массовая проверка присутствия в библиотеке или архиве. Приходил сотрудник отдела кадров и сверял, кто сидит в зале. В архивы звонили: «Скажите, у вас сегодня работает такая-то?». После 1953 г. уход с работы в библиотеки и архивы перестал строго контролироваться. Все уходы стали зависеть от заведующих секторами.

За время работы младшим научным сотрудником без степени мне довелось вычитывать и сверять, забирая с пишущих машинок, многие «рукописи» Н.М. Дружинина, В.К. Яцунского, И.Ф. Гиндина, Ю.З. Полевого, В.М. Хвостова, М.В. Нечкиной, М.К. Рожковой, Л.М. Иванова и др. Это были авторы «Очерков по истории СССР», которые не были изданы в годы войны и остались лишь макеты. Их переделывали, заказывали по-новому. Я была бригадиром томов «Очерков», где главными редакторами были Нечкина и Яцунский (их так и не издали, поскольку началась работа над многотомной историей; в «Науке» вышли только «Очерки», подготовленные в секторе истории феодализма). Вываться из этого позволяли только аспирантура и диссертация. К тому же младшие научные сотрудники со степенью получали 2 тыс., а становясь старшими, если удавалось издать книгу, — 3 тыс. Но это было непросто: бумаги в стране не стало, в архивах продолжали списывать с хранения дела, чтобы получить «оборотки». Ставки в Академии наук историкам было получить нелегко.

В 1952 г. для прикрепления к аспирантуре я сдала кандидатский минимум по трём предметам: по истории России XIX в., по философии и иностранному языку. С французским у меня проблем не было, читала тогда свободно «Юманите». Философией занималась в семинаре крупного философа М.А. Лифшица вместе с такими аспирантами, как Ф.М. Бурлацкий, Г.Х. Шахназаров, М.И. Пискотин. В аспирантуре я надеялась продолжить исследование, начатое в дипломной работе «Грановский в общественно-политическом движении в 40—50-е годы XIX века». Но заведующий сектором истории капитализма Л.М. Иванов прямо мне сказал, что диссертация о либерализме и Т.Н. Грановском нежелательна. В Институте о его научных трудах писала тогда С.А. Асиновская, и её коллеги очень волновались, подходили ко мне и просили изменить тему. Профессор Б.П. Козьмин, сотрудник нашего сектора и директор Литературного музея, предложил заняться деятельностью Н.К. Михайловского в «Отечественных записках». Но и тут Иванов заявил, что изучение народников не входит в планы Института. Только в 1957 г. в секторе создали группу под руководством Б.С. Итенберга, которая специально занималась народничеством. Козьмин посоветовал изучить переход «Отечественных записок» с позиции народничества на позиции революционного марксизма. Составив пространный план-проспект, снова подошла с Козьминым к Иванову. Однако Леонид Михайлович настойчиво рекомендовал выбрать один из отрядов рабочего класса и изучать его историю, упомянув, что металлистами уже кто-то занимается в Ленинграде. Рабочему движению 1905—1907 гг. в Институте тогда уделялось

особое внимание. Иванов, защитивший в 1939 г. под руководством Дружинина кандидатскую диссертацию «Государственные крестьяне Московской губернии и реформы Киселёва», лишь выполнял указания начальства. Сам он в то время заканчивал докторскую диссертацию о революции 1905 г. на Украине. Внезапно Козьмин решил, что мне нужно взяться за железнодорожников. Я согласилась. Позже Борис Павлович пояснил, что в этом случае придётся столкнуться со служащими, среди которых будут не только большевики, но и эсеры, либералы. Однако по этой теме он не мог руководить подготовкой диссертации. Между тем в комнате, где шёл разговор, находился Полевой, писавший работу о зарождении марксизма в России. Он был очень хороший человек, кандидат наук, получивший лишь начальное образование, посещая хедер, а затем уже окончивший партийную школу. По заданию сектора я не один раз считывала и редактировала его рукописи, что было для него полезно, и мы не первый год состояли в дружеских отношениях. Поэтому, когда я обратилась к нему, он сразу же выразил готовность стать моим научным руководителем. Иванов, помедлив, посмотрел в окно и произнёс: «Ну, и хорошо».

Леонида Михайловича больше всего интересовало участие железнодорожников во Всероссийской октябрьской политической стачке 1905 г. К 1950 г. её история, как ни странно, оставалась «белым пятном». В ней видели пример руководящей роли большевиков в рабочем движении. Но она бы не состоялась, если бы не железнодорожники. Тема диссертации подразумевала анализ революционной активности не только рабочих железнодорожных мастерских, но и тесно взаимодействовавших с ними служащих, среди которых руководящую роль играли уже не большевики, а члены Всероссийского железнодорожного союза, имевшего бюро в Москве и способного дать команду о прекращении движения и т.д. А это позволяло отойти от схемы «Краткого курса».

Ведомости штатного содержания, квартирного и прочего довольствия в 1905 г. помогли установить численность рабочих и служащих на главных железных дорогах, раскрывали их материальное положение. Обработка этих данных легла в основу моей статьи в третьем номере только что созданного журнала «История СССР». Это было очень почётно и являлось большим событием в жизни начинающего историка. В следующей статье, вышедшей в 1958 г. в «Вопросах истории», я корректировала представления о гегемонии пролетариата, показав рост числа служащих из средних социальных слоёв в рядах зачинателей стачки.

Писать диссертацию приходилось в свободное время, одновременно с плановой работой в архиве, связанной с составлением документальных сборников, и с помощью Гиндину в его подсчётах, касавшихся финансового положения России. Когда текст был напечатан, Полевой, как руководитель, его полистал, поставил подпись. А 18 апреля 1959 г. я успешно защитила диссертацию на заседании учёного совета Института. Одним из оппонентов выступал Н.Н. Яковлев, окончивший Институт красной профессуры и руководивший в 1938 г. устройством Исторической библиотеки, затем несколько лет бывший директором Библиотеки им. Ленина. Вскоре учёные из США копировали рукопись диссертации, переданную в Ленинскую библиотеку, и опубликовали её для внутреннего пользования в штате Вирджиния, где занимались историей железных дорог. Узнав об этом, я с согласия Иванова задумала расширить своё исследование и издать его в виде книги.

После защиты меня сделали учёным секретарём сектора многотомной «Истории СССР». В течение 10 лет я участвовала в подготовке шестого тома и, в частности, главы, посвящённой Февральской революции. Писал её Сидоров, а мне нужно было подбирать для него материалы в архивах. В 1966 г. он умер, и нам с С.В. Тютюкиным пришлось дорабатывать так и не дописанный им текст. Только в 1968 г., после выхода в свет последнего тома первой серии этого издания, я вернулась в сектор истории капитализма.

Общественная жизнь в Институте переплеталась с научной и зависела от многих факторов и обстоятельств, прежде всего — от изменений, происходивших в стране. Очень важен был авторитет профкома, располагавшего неплохими финансовыми возможностями и помогавшего в решении бытовых и материальных проблем. В 1950-е гг. им довольно долго руководил крупный учёный-востоковед профессор А.Ф. Миллер. Это был большой, рассудительный, улыбчивый человек. Его в Институте любили и обращались по всем, даже научным, делам. И он как-то всегда быстро их устраивал, даже если требовалось вмешательство дирекции или хозяйственной администрации.

Именно он склонил филолога Л.Н. Пушкарёва к тому, чтобы освещать научную и общественную жизнь Института в стенной газете, как это тогда было принято и в учебных заведениях, и на заводах. Газета «Советский историк» два раза в год вывешивалась в длинном коридоре, где на несколько метров растягивались 8—10 склеенных листов ватманской бумаги. Её профессионально оформлял рисунками, карикатурами, дружескими шаржами сначала аспирант, а потом младший научный сотрудник В.Д. Тельпуховский. В здании на Волхонке к ней стекались даже экономисты и философы с третьего и четвёртого этажей. Она дружелюбно, но критически отражала успехи и недостатки научной работы секторов и отдельных сотрудников, результаты дискуссий, работу дирекции. Случалось, недовольные шаржами жаловались в Краснопресненский райком. Начиналась проверка, но ничего антипартийного не обнаруживалось, и газета продолжала жить, а её редактор даже премировался райкомом. Её существование прекратилось при В.М. Хвостове, ставшем в 1964 г. академиком.

Профком организовывал и оплачивал культурный отдых сотрудников: посещение выставок, музеев, театров и т.д. В 1950-е гг. среди молодых сотрудников и аспирантов обнаруживались разносторонне развитые таланты. На Новый год и к 8 марта устраивались капустники, которые будоражили жизнь учёных не только молодого, но и среднего и старшего поколений. Некоторые включились в написание текстов для «капустников». Был также объявлен конкурс пирогов. Для него 8 марта 1956 г. 58-летняя М.К. Рожкова, доктор наук и вдова Н.А. Рожкова, испекла пирог с вязигой «Проклятое прошлое». На иных капустниках критиковалось в шутливой форме и институтское начальство. Больше пяти лет в Институте действовал театральный кружок во главе с приглашёнными из театров актёрами (сначала Н.Д. Тимофеевым, а затем — М.М. Новохижиным, будущим директором ГИТИСа). Он участвовал в городских конкурсах театральных коллективов, выступал на сцене театра на Таганке. А.О. Чубарьян танцевал у нас в пачке маленького лебедя. Профком выделял средства на многодневные лыжные походы в подмосковные деревни, где ещё не было электричества, с лекциями о международном положении и концертами художественной самодеятельности.

Раздел Института истории СССР в 1968 г. был плохим делом и для коллектива, и для науки. Особенно это стало ощущаться после переезда в другое

здание Института всеобщей истории. Исчезло то, что взаимно обогащало русистов и «всеобщников». Разъехались институты не сразу. Сначала с улицы Дмитрия Ульянова уехало Отделение исторических наук, которому Президиум АН дал помещение на Ленинском проспекте, затем туда же переместился Институт этнографии. Институт археологии переезжать отказался, и тогда соответствующее предложение получил Институт всеобщей истории.

А.Н. Сахаров: В 1950-х гг. коридоры институтские были полны, никто на месте не сидел. Я и до сих пор помню коридор третьего этажа: серьёзные учёные, доктора наук, известные люди — А.А. Зимин, Л.Г. Бескровный, Н.В. Устюгов, В.К. Яцунский — ходили под ручку и разговаривали друг с другом. Эти дискуссии коридорные были замечательны, в них рождалось много интересных идей. Сейчас коридор пустой, нет ни одного человека. Может быть, это потому, что для этого есть комнаты, где люди встречаются, беседуют, спорят...

В.Я. Гросул: Институт жил очень активной научной жизнью. Это было самое начало 1960-х гг. — период «оттепели», эпоха оптимизма. В Институте имелось несколько очень хороших семинаров для аспирантов: Е.Н. Городецкого, М.Я. Гефтера, К.Н. Тарновского. Взаимоотношения складывались достаточно простые, у нас не культивировалась заносчивость. Аспирантов тогда насчитывалось немало. Насколько помню, на моём курсе обучалось до 30 очников и заочников по отечественной и зарубежной истории. Среди них целый ряд людей, преданных науке и ставших серьёзными исследователями, — С.В. Тютюкин, В.А. Кучкин, Н.А. Иванова, В.Н. Малов, А.В. Гордон. Мы как-то делились между собой, хотя общались постоянно в разных формах: или в рамках секторов, или на различных общественных мероприятиях — вечерах, капустниках, субботниках, воскресниках, на картошку ездили, капусту убирали, и там очень близко соприкасались.

В семинаре у Б.Ф. Поршнева мы ещё в начале 1960-х гг. довольно основательно занимались западной методологией, и я очень ему благодарен за то, что он расширил наш кругозор, привил нам вкус к проблемам методологии, не только методики. Мы ещё тогда хорошо знали А. Тойнби. Борис Фёдорович в этом отношении был прекрасно подготовлен. Он долго жил во Франции, затем написал «Политэкономия феодализма», «Феодализм и народные массы», занимался проблемами формации, во многом я являюсь его последователем в этом отношении и тоже, как и он, формационщик, как был, так и остался, хотя изучал разные методологии и одно время увлекался даже концепциями анархистов. Но пришёл к выводу, что лучше формационной теории пока ничего не создано. Очень сожалею, что наших школьников не учат этому, мне приходится своих студентов в какой-то степени подтягивать в этом отношении. А ведь терминология марксистская используется во многих странах, от неё никуда не денешься. Ну, куда денешься от производительных сил, от производственных отношений, а их, кстати, мало знают сейчас наши аспиранты: не читали 24-й главы «Капитала», не говоря уже о «Капитале» в целом. Мне же пришлось «Капитал» в какой-то степени осваивать в оригинале, на немецком языке, поскольку была необходимость, связанная с моей кандидатской диссертацией. А немецким я не так уж хорошо владею, пришлось мучиться.

Поршнева — фигура во многом уникальная, но хорошо известная. Это был человек очень талантливый, увлекающийся, заводила, генератор идей, доктор исторических и философских, кандидат биологических наук — какую-то рыбку нашёл, сделал кандидатскую диссертацию. «Борис Фёдорович, а зачем Вам это

нужно? — А ради интереса, чтобы себя самого уважать». Выдающийся историк и мыслитель, он выдавал часто идеи разных проектов, некоторые из них были реализованы, другие — нет. Например, большой проект по истории революций. Он возглавил этот коллектив, который начал с того, что подсчитал общее количество революций, немалая работа была проделана. Но Борис Фёдорович скончался в 1973 г., и почему-то эту задумку не реализовали. Во многом потому, что наш Институт разделили.

Вообще-то я должен был стать аспирантом Б.Ф. Поршнева, но он уехал в заграничную командировку, и в конце 1961 г. моим научным руководителем стал Н.М. Дружинин. О чём я, конечно, не жалею. Ему тогда было 75 лет, и мои товарищи говорили: «Ну, он не доживёт до твоей защиты». А он пережил всех их руководителей, прожил сто лет и шесть месяцев. Естественно, я долгие годы общался со своим учителем. Он — выдающийся историк, общепризнанный, его любили все, поскольку это был эталон культуры историка и очень хороший человек. Когда отмечали его юбилей, Б.А. Рыбаков говорил, что в каждом городе должен быть праведник, наш праведник — Николай Михайлович Дружинин. Правда, С.С. Дмитриев поправил: нет, должно быть два праведника... Правда, Николай Михайлович мне говорил: «Ну, какую я школу создал! Никакую школу я не создавал». А я про себя думаю: да зачем Вам создавать школу, когда Вы выше всяких школ. Он возвышался над всеми.

М.В. Нечкина была очень талантливый историк, блестяще, красиво владевшая французским языком, увлекающийся человек, но с ней можно, конечно, было дискутировать. Она занималась не только декабризмом, не только революционным движением, но и методологией, и историографией. Я с ней общался, не могу сказать, что очень тесно, однако немало от неё почерпнул.

Конечно, были школа М.В. Нечкиной, школа Л.В. Черепнина — в области феодализма, школа Владимира Терентьевича Пашуто — по Древней истории, была общепризнанная школа И.И. Минца — по Октябрьской революции, школа Е.Н. Городецкого — по советскому источниковедению, а по источниковедению феодальному — школа В.И. Буганова. И.М. Майский был дипломатом, а не профессиональным историком, но у него много интересных книг по Испании, Англии. Я уже не говорю о таких профессионалах, как А.И. Неусыхин, М.М. Смирин, А.А. Новосельский, Н.В. Устюгов, А.С. Нифонтов, А.М. Анфимов — крупнейший специалист по истории крестьянства России Нового времени, крупный историк-аграрник, В.К. Яцунский, который возглавлял комиссию по истории сельского хозяйства и крестьянства. В Институте было у кого поучиться. У меня не так много было аспирантов, где-то около 13. Думаю, сейчас на местах, в республиках, работают наши выпускники, которые сами создали свои школы.

Докторскую диссертацию я защитил в январе 1975 г., мне было 36 лет. Я тогда стал самым молодым доктором по истории в Советском Союзе. Это была редкость, поскольку как-то не было принято, чтобы защищались до 40. Между кандидатской и докторской необходима дистанция, я 10 лет выдержал, однако пришлось поспешить, поскольку отец мой смертельно заболел и сказал: «У тебя три книги, надо защищать, потому что мне осталось немного, у семьи появятся материальные проблемы». Мама была пенсионерка, сестра моя инвалид, жена как младший научный сотрудник получала немного, двое детей. При защите возникли некоторые проблемы: «Ты куда лезешь, малый?». Но защитился. Зарплата у меня была неплохая — 400 руб. Наука находилась почти на первом месте по оплате.

Четыре года я был председателем профкома Института, и хорошо помню, что у нас было 550 членов профсоюза: около 500 сотрудников и порядка 50 пенсионеров. Тогда профсоюз вёл большую работу, раз в 10 большую, чем сейчас. И это, конечно, была большая нагрузка. Поэтому я потом очень радовался, что ушёл и смог спокойно отдаться только проблемам науки. Помимо прочего, профком занимался премированием и социалистическим соревнованием. Каждый год подводили итоги: какой сектор занял первое место, кто из сотрудников дал наибольшую отдачу, выдавали значки «ударник коммунистического труда» или «ударник пятилетки». Для этого была своя продуманная шкала оценки в баллах: кто и что издал, какова сложность решения задачи, участие в конференциях, научно-вспомогательная и публикаторская работа, написание примечаний и много других показателей.

Как председатель профкома я отвечал и за культуру. Мы в обязательном порядке отмечали Новый год, 23 февраля, 8 марта, 1 мая и 7 ноября. На каждый праздник приглашали (естественно, за плату) актёров из лучших московских театров. У нас выступали И.В. Ильинский, А.П. Кторов, Н.О. Гриценко, А.П. Зуева, ещё молодой Г.В. Хазанов. Сценарии капустников обычно писали заранее, одним из мастеров тут был Л.Н. Пушкарёв. Латинист А.В. Подосинов, работавший у В.Т. Пашуто, оказался очень талантливым актёром, мы всегда с интересом его слушали. Сейчас он заведует кафедрой древних языков в МГУ. Для детей организовывали ёлки, в них обычно участвовали профессиональные артисты, а Деда Морозы были наши (тот же Саша Подосинов). Несколько раз в год за счёт средств профкома совершались разного рода экскурсии. Мы хорошо изучили Подмоскovie, иногда уезжали и дальше.

Н.А. Иванова: Старшее поколение на заседаниях сочиняли стихи, друг на друга эпиграммы писали. Неформальная жизнь тоже была очень активной и интересной — устраивались вечера и капустники. Мы выступали, даже куда-то ездили — тогда было распространено чтение всяких лекций через общество «Знание», ну и просто поездки. Контакты были очень тесные. Институт был «головным» в стране в области отечественной истории. Сейчас мы общаемся в основном заочно, через литературу, очень много работ выходит. А тогда общались напрямую — через руководителей или через группу по истории рабочего класса и Совет по истории Октябрьской революции, где знали практически всех учёных, которые работали по данной тематике на периферии. Если устраивалась конференция, то посылали приглашение этим людям. Конференции по аграрной истории проводились в разных городах, где имелись «аграрники». Приезжали люди сюда и просили, скажем, оппонентов для защиты, отзывы какие-то, привозили монографии, давали отзывы. Были дискуссии в журналах, были прямые каналы связи с Ленинградским отделением Института и с другими учреждениями АН — на Урале, Дальнем Востоке, в Якутии, с вузами. Формально они все были связаны, и если что-то требовалось, то приезжали сюда (к тому же Л.М. Иванову) и советовались, какой сюжет взять, что актуально. Так Институт выполнял роль центра исторической науки.

Когда в секторе намечался какой-нибудь интересный доклад, собирались все. Устраивались обсуждения, было интересно. Но интересно или неинтересно, два раза в неделю ходили обязательно. В конце 1970-х или начале 1980-х гг., когда начались всякие «закрутки гаек» по части дисциплины, нам предписали являться каждый день утром и расписываться в журнале, что ты ушёл в библиотеку, или сидеть на рабочем месте. Но это было недолго, потому что кабинеты

у нас маленькие и многого здесь не сделаешь, можно только общаться. Пытались устанавливать контроль, вводились план-карты (это такая тетрадка, где записывались каждый сотрудник, его плановая тема и что он должен сделать в этом году), по которым отчитывались поквартально. Планировалось написать где-то 20 печатных листов, максимум — 25. Но, бывало, человек не успевал закончить монографию за положенные пять лет, потому что вклинивались другие работы (то справку «сверху» поручат подготовить, то коллективный труд, то юбилей), тогда сроки сдачи плановой монографии переносились.

У неостепенённых сотрудников зарплаты были очень низкие, да и кандидаты и доктора испытывали необходимость искать подработки в вузе или где-то ещё. Но всё-таки жить было можно. Сотрудники никаких привилегий не имели. Но было общее правило, что кандидат наук может иметь дополнительные 12 кв. метров площади, если получает квартиру или покупает кооператив. Никому квартиры не давали, однако уже в 1960-х гг. стоял кооперативный дом АН СССР на пересечении улиц Вавилова и Дм. Ульянова, и в нём можно было купить квартиру. Но для этого требовалось прописаться в Москве. А это оказывалось, наверное, труднее, чем купить, потому что прописку давали или в Моссовете, или ещё выше. Тем не менее наши руководители, в частности П.В. Волобуев, нескольким сотрудникам такую прописку обеспечили. В Институте создавали сектор народов, и приглашали учёных из разных городов, в том числе В.Я. Гросула, подавали список, просили дать прописку под кооператив. И ряд учёных, которые были у нас аспирантами, включили в этот список. Так В.В. Шелохаев, П.Н. Зырянов, Н.Ф. Бугай получили возможность приобрести кооперативные квартиры. И я тоже в этот список попала, и выехала из своего Нахабино в Москву.

Почти все сотрудничали с обществом «Знание» — не скажу, что в обязательном порядке, но почти. Эта организация распределяла лекции по нужной проблематике (какая-то кампания или юбилей), и мы выступали в Москве на разных предприятиях, в цехах или в учреждениях. Если коллектив состоял из интеллигенции, можно было делать более или менее серьёзный доклад, мог получиться и какой-то разговор. Но часто это была профанация, всё делалось формально, «для галочки». Это называлось «знания в массы»: во время перерыва рабочие слушали, что тогда-то и так-то готовилась революция, прошёл какой-нибудь пленум ЦК и т.п. Они кушают, а им рассказывают... Ещё устраивались поездки по Советскому Союзу. Был прекрасный выезд в Армению. У нас учился аспирант Симонян, и вот через «Знание» мы ездили в Ереван и там выступали, посмотрели кое-что. Гонорар если и был, то очень маленький. Дополнительно заработать было непросто.

Г.А. Санин: В секторе истории феодализма под руководством Л.В. Черепнина я прошёл хорошую археографическую школу у Т.С. Майковой и Е.П. Подъяпольской. Подготовка очередного тома «Писем и бумаг Петра Великого» — это всё-таки высший класс археографии, какого я уже не встречаю в современных изданиях. Черепнин распорядился, чтобы до тех пор, пока группа не завершит подготовку 13-го тома (нам на это отводилось 5 лет), никакой другой работы не делать. И действительно, у меня доведение кандидатской диссертации до монографии прекратилось.

Как проходили заседания в секторе феодализма? Обсуждали мы однажды, откровенно говоря, совершенно слабую работу северокавказской исследовательницы об отношениях России с народами Северного Кавказа в конце XVIII в. Женщина стройная, чернобровая — красавица невероятная! И её драконят

все выступающие, особенно Е.Н. Кушева! Подъяпольская пишет записку Л.Н. Пушкарёву: «О, грозный Лев! Неужели и ты вонзишь свои когти в эту прекрасную газель?». Пушкарёв ей отвечает: «Да, завертелась карусель! Погибла бедная газель!». Дальше эта записка попадает в руки А.И. Клибанову, и он прибавляет: «Пусть ей поставили нули, но сердце будет вечно юно! И я с неистовством Меджнуна пою волшебную Лейли!».

В другой раз обсуждали текст исследователя из Перми, посвящённый перерастанию мелкотоварного производства в промышленность. Он усматривал его уже в конце XVIII в. и, в частности, утверждал: «Так соль постепенно, в процессе товарного производства, превращалась в серебро». Меня это задело. А работа скучнейшая: соль, соль и соль. Клибанов пишет, уже от скуки: «Что делали бы мы без соли? У Грина не было б Ассولي, у Грига не было б Сольвейг...». И дальше записка переходит ко мне. Я тогда ещё в аспирантуре учился. Думаю, для такой работы надо что-то попроще, приписываю: «А в артиллерии б без соли не знали б до сих пор буссолей!». И заканчиваю: «Однако соль как ни мусоль, всё ж серебром не сделать соль!». Клибанов увидел, улыбается, показывает — хорошо!

Что мне действительно мешало — это наша научно-организационная работа. В 1975 г. из сектора феодализма А.Л. Нарочницкий перевёл меня в сектор истории внешней политики России. В нём работало 28 человек. Я был учёный секретарь. Постоянно требовались всевозможные справки, отчёты, характеристики; когда учёным секретарём Института была Т.В. Осипова, бумаги шли одна за одной. Я сотрудников не загружал, составлял сам, но очень много времени уходило. Алексей Леонтьевич, конечно, годовой отчёт сектора не писал — он академик, директор, заведующий, — а писал я, 15 лет. Но это было и полезно, между прочим — для расширения кругозора и систематизации представлений о внешней политике.

А.И. Аксёнов: Академия в советские времена всё-таки жила ещё старым уставом. А старый устав — вольный: каждый свободен в выборе режима рабочего дня, подхода к раскрытию темы и всего прочего. Когда я в 1969 г. только пришел в Институт аспирантом, Н.И. Павленко, обращаясь к молодым, сказал: «Мы работаем в учреждении, может быть, единственном в Советском Союзе. Вы сами себе хозяева, но легко при этом впасть в один грех — грех ничего неделания, и единственное, что может вас спасти от этого греха, — самодисциплина». Вдруг объявили кампанию за укрепление дисциплины, ну и всё — постоянные звонки из отдела кадров: «А вот у вас там есть такой-то исследователь али нету?». Всяко бывало. Вообще такие кампании устраивались под определённого человека. Ежели начальству требовалось убрать какое-то лицо из Института, возможности для этого были хорошие — нарушение дисциплины, по формальному признаку.

Как правило, в секторах заседания проводились по поводу обсуждения какой-то темы, доклада какого-то сотрудника, и это было обязательным, непременным присутствием. И тогда обсуждения в научном смысле были строже, потому что отношение было совсем другое, требовательнее, что ли. Может быть, уровень учёных был немного другой, поэтому и обсуждения проходили подчас с очень хорошей, серьёзной критикой. Но эта критика, я должен сказать, никогда не переходила к уничтожению. Бывали довольно серьёзные замечания, но до оргвыводов они не доводились, это были сугубо научные суждения.

В.В. Шелохаев: Сотрудники сектора истории капитализма отнеслись ко мне, прибывшему в Институт в 1969 г. с периферии, со вниманием, деликатностью и готовностью помочь. Это никогда не забывается. Это был большой научный коллектив: К.Н. Тарновский, А.Я. Аврех, И.Ф. Гиндин, К.Ф. Шаццлло, П.Г. Рындзюнский, Э.С. Виленская, М.С. Волин и многие другие. В секторе работали представители разных поколений, что позволяло сохранять преемственность, передавать накопленный опыт. Среди сотрудников были те, кто прошёл сталинские лагеря (С.М. Дубровский, Э.С. Виленская, И.Ф. Гиндин), горнило Великой Отечественной войны, кто вступил на научную стезю в послевоенный период и в «оттепель». Нам, молодым аспирантам, было у кого поучиться и выдержке, и полемическому таланту, и мужеству переносить с достоинством гонения бюрократов от науки. Со своей стороны я испытывал к моим коллегам искреннее уважение и признательность, ибо каждый из них был личностью и уже сделал себе имя в науке. Такая же обстановка доброжелательности и подлинного увлечения научными изысканиями царила в те годы и в Институте в целом. Это был огромный коллектив, включавший археологов, этнографов, специалистов по всеобщей и отечественной истории. И все они умещались в одном здании. Нас, молодых аспирантов, разместили в общежитии на ул. Вавилова, за которое в те годы мы платили символическую сумму — 2 руб. 50 коп. в месяц. Завтраки, обеды и ужины в столовой также стоили копейки. Мы жили по трое в комнате со всеми удобствами. Эти условия способствовали усердной работе в архивах и библиотеках. В Институте была своя специализированная библиотека, в которую по межбиблиотечному абонементу можно было выписать любую литературу.

В советский период отношение к науке измерялось не материальными показателями. В науку, как правило, шли не за заработком, а по зову души. Когда я выбирал будущую профессию, не возникал вопрос: сколько мне будут платить, хватит ли для существования. Вместе с тем АН содействовала строительным кооперативам сотрудников, имела разветвлённую сеть санаториев, домов отдыха, лечебных учреждений. Кандидаты и доктора получали довольно высокую заработную плату (320—400 руб. в месяц), которая позволяла им безбедно жить, покупать книги, выписывать газеты и журналы (причём не только сугубо профессиональные), регулярно посещать театр и кино, с комфортом проводить длительные летние отпуска.

Общественная жизнь в Институте была разнообразной. Это партийные и профсоюзные общеинститутские собрания (то же в секторах), разного рода юбилейные даты (например, 50-летие Института), вечера художественной самодеятельности с приглашением артистов театров, встречи, организуемые самими сотрудниками. Часто приглашались выдающиеся полководцы, видные политические и общественные деятели, крупные отечественные и зарубежные учёные. В памяти остались встречи с маршалом И.Х. Баграмяном, президентом АН СССР А.П. Александровым, Т. Хейердалом. А какие в Институте были «капустники», в которых принимали активное участие доктора и кандидаты наук!..

Я с ностальгией вспоминаю то неповторимое время. И вижу особое благоволение судьбы в том, что продолжил работу в секторе истории буржуазно-демократических революций в России после защиты кандидатской диссертации. Работа над ней была завершена досрочно, в 1971 г., и меня приняли на работу на должность научно-технического сотрудника, поскольку я не имел московской прописки, а после её получения — на должность младшего научного сотрудника. Конечно, какие-то шероховатости в работе больших кол-

лективов неизбежны, но если руководитель не только талантлив, но и открыт для творческого диалога, ситуация, как правило, складывается плодотворная. Так, на протяжении почти 15 лет моего учёного секретарства у нас с руководителем сектора В.И. Бовыкиным конфликтов не возникало, а трения преодолевались переговорным путём. Вообще, сектор всегда занимал лидирующие позиции в Институте, а его сотрудники часто поощрялись. При этом существовали контрольные тетради, в которых сотрудникам следовало фиксировать своё пребывание в течение рабочей недели. Временами проверку этих записей осуществляли сотрудники отдела кадров. Иногда прибытие сотрудников регистрировалось у дверей Института. За невыполнение плана мог грозить выговор. Пришлось мне несколько лет пробыть членом народного контроля, который контролировал выполнение сотрудниками плановых заданий.

До прихода в 1974 г. А.Л. Нарочницкого на пост директора Института научная работа сотрудников состояла в подготовке индивидуальных монографических исследований, на которые давалось 5 лет. Алексей Леонтьевич же решил сосредоточить усилия на подготовке обобщающих трудов по истории рабочего класса, крестьянства и национальных регионов. Видимо, считал, что над коллективными трудами легче осуществлять «идеологический» контроль. Но они отнимали огромное время, которое тратилось на бесконечное обсуждение глав, их переработку и проч. Впрочем, он допускал и возможность работы над индивидуальными монографиями, лично осуществляя контроль над их тематикой. Так, например, по его указанию изменили название моей первой монографии, подчеркнув её идеологическую направленность.

В.П. Буддаков: После «оттепели» начался какой-то необратимый процесс. Да, действительно, были заморозки, но с людьми что-то такое случилось, что возврата к прежнему уже не могло быть. Я пришёл в 1967 г. в сектор истории СССР периода империализма. Руководил им прекрасный человек — Л.М. Иванов. Поскольку в МГУ я занимался культурой у С.С. Дмитриева, то попытался в качестве темы кандидатской навязать что-то такое из Серебряного века. Леонид Михайлович меня, естественно, сдерживал. Кончилось тем, что сам придумал тему, позднее она стала звучать так: «“Легальный марксизм” и эволюция либерально-буржуазной идеологии в России». Неожиданный, но по-своему удачный выбор. Хотя, конечно, пришлось писать совсем не то, о чём думал. Диссертацию вымучивал. Это естественно и обычно для того времени, к сожалению.

У каждого была своя, как говорится, компашка, свои собутыльники, свои увлечения и неприятели. Мое пребывание в Институте разделилось на два неравных периода. Период аспирантуры — три года. Потом я отправился в армию, затем работал в одном интересном учреждении, именуемом Госкомиздат СССР. И вернулся, по-моему, в 1976 г. только после всех этих странствий. Это уже был совсем другой период. Что поменялось? Атмосфера поменялась. Люди другими стали... Период «застоя» сказался весьма основательно. Тут ведь многое зависело от общей политической атмосферы, от дирекции. Можно с определённой уверенностью сказать, что соответствующего пошиба директор, если думает, как бы угодить начальству, может за несколько лет Институт просто засушить в полном смысле слова. Увы, увы, это было. Институт превращался в какую-то пустыню, что ли.

Т.Ю. Красовицкая: Когда пришла в Институт в 1983 г., вполне была готова писать монографию и делать из неё докторскую диссертацию. Но доктор-

ские очень придерживали. У нас в секторе истории культуры докторами были В.С. Лельчук, Ю.С. Борисов и Л.В. Иванова, а В.Д. Есаков, А.П. Ненароков оставались кандидатами с 20-летним стажем. И я не могла перешагнуть через этих людей, понимала, что им уже 60 лет, а мне ещё 40 нет. Тогда все в секторе писали эту хваленую «Общую историю Великого Октября и становление советской культуры». Там каждому отводилось по печатному листу, но на это тратились годы. Безумная трата научных ресурсов. Проводилось огромное количество конференций, например, о периодизации культурного строительства, выяснялось, когда у нас началась культурная революция — в 1917 г. или в 1929 г., как Сталин написал в «Кратком курсе». Серьёзные люди об этом писали. Конференции проводились в хороших местах — Одессе, Баку, Таллине, Новосибирске, где издали целых три тома о том, что такое советская интеллигенция. Конечно, основная тема этих конференций была ерундовая. Но они всегда давали возможность вытащить со всех концов страны людей, которые занимаются наукой, но не могут приехать в Москву и там устроиться. На этих конференциях завязывались связи, шёл обмен мнениями и знаниями, архивными находками.

Средством заработать деньги служили преподавание и общество «Знание». Я ездила во все национальные регионы, не была только на Чукотке, несколько раз побывала на Дальнем Востоке, у сибирских народов (ханты-манси, ненцы, нанайцы...), Кавказ и так знала — Дагестан и Чечню, Армению, Азербайджан, Грузию. И это очень много дало: то, что смотрела в архивах или читала у других исследователей, — знание книжное, а здесь всё шупаешь, видишь жизнь людей.

С.В. Журавлёв: Когда я в 1989 г. пришёл в Институт, здесь еще работало порядка 500 человек. В присутственные дни в коридорах стоял шум и гам, люди активно общались между собой. Было довольно много молодёжи. Действовала даже волейбольная команда, которая периодически ходила играть в спортзал соседней школы. Через некоторое время мы пришли в профсоюз просить, чтобы нам купили теннисный стол. И его вскоре привезли вместе со всем необходимым: ракетками, шариками. Наверное, это был 1990 или 1991 г. Мы поставили этот стол напротив нынешнего Центра культуры — там, где одна из лестниц, по которой тогда реже ходили. Играли в теннис в присутственные дни (естественно, между заседаниями и другими мероприятиями или после них). Игра имела популярность, сотрудники приходили и поиграть, и посмотреть, и поболеть за «своих». Помню, хорошо играл А.В. Ковальчук.

Последние свои месяцы до отпуска действовали, но весьма формально, комсомольская и партийная организации. По профсоюзной линии экскурсий и культурных мероприятий было немало и, естественно, весело отмечали праздники, особенно новогодние. На ёлки сами сотрудники делали представления: наряжали кого-то Дедом Морозом и Снегурочкой, устраивали концерты, в том числе для детей сотрудников. Однако в начале 1990-х гг. жизнь единым коллективом стала сходить на нет, в условиях атомизации социальной сферы она переместилась в центры.

Трансформация из Института истории СССР АН СССР в Институт российской истории РАН в 1992 г. прошла для нас практически незаметно. А в целом 1990-е гг. оказались причудливым сочетанием творческой эйфории и больших ожиданий от «архивной революции» на фоне безденежья, экономической и политической нестабильности, методологической неопределённости, постоянных слухов о всё новых планах реформирования науки, и в связи с этим опасений

за судьбу Института и Академии наук в целом. Коллектив Института сжимался буквально на глазах. Часть сотрудников и аспирантов ушли сами — кто в бизнес, кто в госструктуры, где лучше платили. Других увольняли по разнарядке сверху. Например, уволили всех младших научных сотрудников без степени. Особенно сильно пострадал вспомогательный персонал, в секторах практически не осталось секретарей, ведших делопроизводство. В запустении оказался богатейший архив Института: из трёх или четырёх архивистов не осталось ни одного, работу архива на несколько десятилетий пришлось «законсервировать».

Постепенно в Институте остались либо подвижники, которые без науки совершенно не мыслили свою жизнь, либо учёные старшего поколения, уже добившиеся признания профессии, которым поздно было менять сферу деятельности. В моральном и в материальном плане резкое падение доходов и перемены в отношении к учёным в обществе воспринимались очень болезненно, ведь в советские времена научная профессия считалась одной из самых престижных, и учёные относились к высокооплачиваемой и уважаемой элите. Накопления в условиях реформ, конечно, обесценились, но у многих коллег из старшего поколения имелась хотя бы «подушка безопасности» в виде приобретённых в советские времена квартир и дач. Молодым историкам, которым нужно было создавать семьи и поднимать детей, в материальном плане пришлось труднее. Вспоминаю, как назначение летом 1992 г. Е.Т. Гайдара и.о. главы российского правительства было воспринято сотрудниками Института с надеждой. Мол, сам он из научной среды, да и родные работают в гуманитарном институте — наверняка подскажут, что науку и учёных нужно материально и морально поддержать. Ничего подобного, однако, не произошло.

На одну зарплату прожить стало невозможно. Кто-то подрабатывал в вузах, в архивах, занимался репетиторством, кто-то устраивался ночным сторожем. Дошло до того, что сотрудники Института расхватали ставки уборщиц и «по совместительству» мыли коридоры. Наиболее весомым источником доходов с учётом разницы курса валют стали зарубежные гранты, но воспользоваться ими могли преимущественно молодые учёные.

Мне в этом смысле повезло. В 1994—1995 гг. по одной из программ я более полугода изучал документы по своей теме в США — сначала в Национальных архивах в Вашингтоне, затем в Гуверовском институте в Стэнфорде. Вторые полгода в США по программе Фулбрайт пришлось уже на середину 2000-х. В 1990-е гг. состоялось и моё знакомство с германскими коллегами. Особенно сильное впечатление произвело общение с лидерами мировой истории повседневности и микроистории А. Людке и Х. Медиком из ныне уже, к сожалению, не существующего Института истории общества М. Планка в Гёттингене. Так что я не склонен оценивать постсоветские десятилетия исключительно в тёмных тонах. Наиболее светлые воспоминания связаны с коллегами по центру и с опытом международного сотрудничества, с интеграцией в мировое научное сообщество, где Институт находился на лидирующих позициях.

Наш сектор (сначала советского источниковедения, позже — центр новейшей истории России и политологии) выделялся в Институте во многом благодаря неординарной личности А.К. Соколова. Он был человеком знающим и креативным. Одним из немногих в коллективе, кто владел компьютером, понимал значение современных информационных технологий и стремился к их внедрению. Многие вещи, которые появлялись сначала у нас, затем подхватывались другими научными подразделениями и становились достоянием всего Института. Благодаря полученному Соколовым гранту РГНФ, наш центр

был первым укомплектован компьютерной техникой (компьютерами, принтерами и сканерами). В помещении нашего центра был смонтирован первый институтский сервер, отсюда же в 1990-е гг. мы наладили выход в Интернет и устойчивую связь по электронной почте, а М.Ю. Мухиным был создан первый «самодельный» сайт Института. Техническое обеспечение всего этого хозяйства, а постепенное и обслуживание компьютерной техники Института в целом взял на себя приглашенный Соколовым из РГГУ в середине 1990-х гг. А.Н. Родионов.

Всё это середина — вторая половина 1990-х гг. Многие вещи делались нами отчасти полуофициально, поскольку руководство Института на первых порах беспокоилось по поводу «бесконтрольного пользования сотрудниками Интернетом».

В 1990-е гг. наш центр стал выделяться активным сотрудничеством с иностранными коллегами. Пример показывал Соколов, научные заслуги которого довольно рано получили международное признание. Он имел обширные контакты среди иностранных учёных, которые, приезжая в Россию для работы в архивах, пользовались возможностью забежать к Андрею Константиновичу за консультацией или просто в знак признательности подарить свою книгу.

В Институте, как правило, часам к пяти уже никого не было. А в предбаннике нашего центра жизнь продолжалась. Андрей Константинович иногда допоздна засиживался с гостями, да и мы, его молодые сотрудники, тоже были не прочь составить компанию. На столе появлялось пиво с орешками или какие-то более серьёзные напитки, непринуждённый разговор хорошо шёл и под чай или кофе с печенюшками. Научные темы чередовались с откровениями «про жизнь» и загадочную русскую душу. Такие посиделки способствовали не только завязыванию дружеских отношений, но и профессиональному росту, там же рождались и идеи новых научных проектов.

Ю.А. Петров: Пришёл я младшим научным сотрудником и к концу 1980-х гг. ещё даже с половиной коллег не познакомился — их было так много, и они были такие важные. Да и знакомиться было практически негде, каких-то общественных собраний проводилось немного. А актовый зал не вмещал, наверное, и половины сотрудников. В середине 1980-х гг. тут больше 400 человек работали, а может и 500. Институт постоянно рос, в основном за счёт «советских» секторов. Этот период был приоритетным, считалось, что им-то и надо заниматься. Остальных вроде бы ценили, но больше мирились с тем, что есть ещё какие-то «феодалы» или занимающиеся XIX в. Когда я пришёл к учёному секретарю Л.М. Гаврилову с заявлением, В.И. Бовыкин объяснил: «Я беру нового сотрудника, заниматься будет экономической историей дореволюционного периода». Тот удивился: «Как, опять дореволюционного? А кто же будет заниматься историей рабочего класса, крестьянства?». Таких, однако, хватало и без меня.

В центре был очень хороший, дружелюбный коллектив. Тогда работали Ю.И. Кирьянов, А.Е. Иванов, Н.А. Иванова, И.М. Пушкарёва, А.Н. Боханов. Состав был мощный. Мы проводили время в дискуссиях в 34-й аудитории. Проходили заседания в творческой атмосфере — такой, что я даже первое время робел выступать с отзывами на доклады, за что получил нагоняй от научного руководителя, который требовал быть бойчее. В той же 34-й аудитории отмечался каждый праздник, традиция эта сохраняется и сейчас. Сектора устраивали застолья, и это было, может быть, даже интересней, чем заседания, потому

что здесь языки развязывались и люди говорили много такого, о чём в официальной обстановке помалкивали. Посиделки иногда сопровождались музыкальными номерами. Я очень люблю Высоцкого, Окуджаву, кое-что брался исполнить. Есть у меня и любимые песни, например: «Я вчера закончил ковку, / Я два плана залудил, / И в загранкомандировку / От завода угодил. / Копоть, сажу смысл под душем, / Съел холодного язя / И инструкцию послушал, / Что там можно, что нельзя». Причём эта песня в конце 1980-х гг. была очень актуальна. Те, кто ездил в «загранку», сразу узнавали инструкцию для отъезжающих, переложенную в стихотворной форме.

Мы с А.М. Анфимовым часто курили на лестничной площадке (тогда это ещё было можно) и беседовали. Он проявлял интерес ко мне и рассказывал какие-то важные штучки. Так, от него я усвоил одно очень важное определение статистики, которое он дал как бы в шутку. По его словам, статистика подобна дамскому купальнику: показывает многое, но скрывает главное. И он был прав абсолютно, поскольку проработал с ней всю жизнь.

Как-то мы стояли в очереди в столовую с покойным ныне историком А.С. Аветяном, занимавшимся внешней политикой, и он сказал: «Слушайте, чего нам ещё-то надо? У нас и так санаторный режим». Столовая была неплохая, присутственных дней всего два, а остальные свободны. Да все советские люди мечтали бы жить в таком режиме. Работать здесь было привилегией, надбавки за учёные звания и степени давались автоматом и пожизненно. Верно говорят, мы в науке какую-то ренту получали, и это вызвало приток случайных людей, которых интересовали именно выгоды. Правда, была система «живой очереди»: монографии не чаще чем в пять лет, и за неё не заплатят, потому что вы уже зарплату получали. Это довольно жёсткое условие, особенно для людей, которые писали охотно, много и неплохо, но не могли ничего с этими рукописями сделать.

В 1990-х гг. начался, можно сказать, голод. У меня двое детей, их надо было кормить. Конечно, открылись возможности заработать на стороне: публиковаться в газетах, журналах, получать за это гонорары. Но это были копейки, которые не стоили трудов и отнимали много времени, отвлекали от науки. В 1994 г., когда был создан РГНФ, историки впервые обрели возможность получать гранты — небольшие, но хотя бы позволявшие прокормить семью. Появились международные связи. Я впервые поехал на стажировку за границу, в Германию, в апреле 1992 г.: фонд «Штифтунг Фольксваген» давал гранты молодым российским учёным, занимавшимся историей и проблемами отношений России и Германии. Я получил у них грант, по тем временам очень большие, просто гигантские деньги — 3 тыс. марок в месяц (примерно 2 тыс. долларов), такие суммы нам тут и не снились. Благодаря этой стажировке мне удалось привезти часть денег домой и остаться в науке — иначе вставал вопрос, чем заниматься, чтобы элементарно прожить.

Кстати, соблазн больших иностранных денег в 1990-е гг. был очень силён, и оставаться в науке было совсем непросто. Мне это удалось: я нашёл направление, которое начал развивать с помощью коллег — история российского предпринимательства. Собственно, это было то же, чем я занимался в советское время, но немножко под другим названием. В итоге в 1999 г. защитил докторскую диссертацию «Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика». Это кульминационная точка в карьере учёного, потом опубликовал книгу по диссертации, которая получила Макариевскую премию 2-й степени в 2002 г., и дальше жизнь наладилась.

«Серьёзный был директор...»

И.М. Пушкарёва: В 1950 г. бюро Отделения и Институт истории возглавлял академик Б.Д. Греков. Их помещения разделял зал, где заседал Учёный совет. В комнате директора находились столы его заместителей, С.Л. Утченко и А.А. Новосельского, и учёного секретаря. В 1953 г. Б.Д. Греков умер, директором до 1959 г. был А.Л. Сидоров, заместители оставались всё те же, а бюро Отделения возглавил академик М.Н. Тихомиров, учёным секретарём ещё раньше был назначен Л.Н. Пушкарёв.

Жизнь коллектива зависела в какой-то мере от позиции руководства. А это были директор и всегда в тесном с ним тандеме секретарь парткома; не меньшую роль в их связи с коллективом играл председатель профкома. На всех этих должностях были видные учёные, все — доктора наук. Они определяли общий тон работы Института. Во всяком случае, директора были, конечно, проводниками советской идеологии, а их исследовательский интерес становился определяющим для всех секторов. Так, в 1933 г. в Ленинграде с докладом «Рабство и феодализм в Древней Руси» выступил Греков, тогда — восходящее светило советской науки. Он настаивал на формационном подходе к исторической науке в марксистском понимании её. Естественно, когда в 1938 г. он стал директором Института, то принял разработку этой проблемы, прежде всего на примере положения крестьян в Древней Руси. Эта тематика стала основной и в исследовательских планах заведующего нашим сектором Н.М. Дружинина и остались у него навсегда. История крестьянства стала преобладающей и в других секторах. Эта зависимость от интересов директора в шутиливой форме, но очень точно отражена в газете «Советский историк» Пушкарёвым: «Путь из варягов в греки / Насколько было сил, / Борис Димитрич Греков, / Подробно изучил. / Он был у нас директор / И правил без помех, / А феодальный сектор / Любил он больше всех». В общении у него был такой «питерский стиль», чего ни у кого потом из директоров не было. И вообще во времена Грекова к нам приезжало очень много сотрудников ЛОИИ. Там работал его сводный брат с другой фамилией, который тоже часто бывал у нас — на Учёных советах и не только. И вообще была такая патриархальная обстановка.

С приходом А.Л. Сидорова всё изменилось. Сам он был из крестьян Нижегородской губ., слушатель партийных школ, окончил Институт красной профессуры, тогда как Греков происходил из семьи дореволюционных чиновников далеко не средней руки, окончил Варшавский университет, работал в учебных заведениях Петербурга. Приход Сидорова в Институт отвечал нарастанию партийности в науке. В 1928 г. он критиковал И.И. Минца за антипартийные взгляды, выступал с позиций «национальной» школы в изучении империализма. В его взглядах было немало противоречий. Но ему историческая наука в России должна быть благодарна за доклад на Учёном совете в 1957 г. о пусть и опосредованном, конечно, но пересмотре догм «Краткого курса», за умение увлечь этим своих учеников. В результате начала воссоздаваться естественная линия развития ряда важных проблем в советской историографии. По словам Льва Никитича, Сидоров «Серьёзный был директор, / Экономистов бог, / Капитализма сектор / Он пестовал, как мог». При этом «Он правил нами долго, / Бранил, а не ласкал, / По матушке по Волге, / Случалось, пускал...».

Совершенно другим был сменивший его на посту директора Института В.М. Хвостов, сын известного в XIX в. историка М.М. Хвостова, лауреат двух Сталинских премий, имевший в МИД ранг чрезвычайного и полномочного по-

сланника 1-го класса. Он «директор был природный, / Высокий интеллект. / При нём международный / Усилился аспект... / Здоровался он, будто / С песчинкою — гора... / Пришла для Института / Тут новая пора». Действительно, он был очень высокого роста, смотрел сверху вниз на всех и определённо казался надменным. Его сразу стали побаиваться в коллехтиве, обходили в коридоре, старались иметь дело с его заместителями, учёным секретарём, председателем профкома. Хвостов сразу же захотел создать в Институте сектор по истории международных отношений. Его замысел был полостью воплощён в жизнь директором Института в 1974—1979 гг. А.Л. Нарочницким.

Заместители играли иногда не меньшую роль, чем директора. Например, при А.Л. Сидорове и П.В. Волобуеве 17 лет заместителем директора был тесно связанный с отделами науки и идеологии ЦК КПСС Л.С. Гапоненко. Он раньше был профессором Академии общественных наук. Как писал Лев Никитич, «Пришёл к нам замдиректор / Гапоненко Лука. / Уж он советский сектор / Баюкал на руках! / Старался современность / Он выдвинуть вперёд, / Загнал поглубже древность, / Терпи, честной народ! / Он правил в Институте / Почти пятнадцать лет. / Во всём дошел до сути, / Знал кадры и бюджет, / И, как Макиавелли, / Ходы все изучил. / Но вот на этом деле / Он астму получил». Стихи эти были напечатаны в газете «Советский историк», получили одобрение в парткоме и профкоме, знали о них и в Краснопресненском райкоме КПСС. Они передают атмосферу общественной жизни тех лет.

А.Е. Иванов: П.В. Волобуев был очень умный человек и очень крупный историк. Но ему не давали работать. 50% монографий Института отсеивалось в АН и никогда не увидело свет. Я же работал в дирекции фактически, в редакционно-издательском отделе. Там при очень забавных обстоятельствах познакомился с академиком И.И. Минцем. Это яркая фигура, умнейший человек, оратор прекрасный. Он затеял бюллетень международной комиссии по Октябрьской революции и Гражданской войне. Принесли мне рукопись на редактирование. Думаю, покажу, как надо. Открыл — первая статья Минца. Когда его слушаешь — впечатление одно, а когда читаешь — совсем другое: какой-то местечковый стиль, все слова нужно переставить в обратном порядке. Чем я и занялся. Всех прочих академиков (болгарских, румынских и т.д.) вообще разделал — всё выкрасил. Принёс, положил Минцу на стол, он открыл, посмотрел и говорит: «Вы можете выйти». А потом спрашивает: «А кто этот Иванов, откуда появился?». Ему говорят: «Ну, его только что взяли». — «Сейчас же пойду к Волобуеву и скажу, чтобы он его уволил немедленно». Мне тут же передали. Заранее никто не предупредил, что академика нельзя править — всё должно быть в первозданном виде, потому что это гениально. Ну, думаю, конец мне пришёл. Жду, когда Волобуев вызовет и выгонит. Нет, принесли обратно бюллетень, вся моя правка принята — кроме Минца, который взял и убрал подальше своё писание. А потом он очень хорошо, тепло и уважительно ко мне относился. Но как к нему потом отнеслись... Раньше, когда он приезжал, дамы спускались вниз, вели его, впереди бежал Витя Миллер и кричал: «Дорогу академику Минцу!». А когда всё рухнуло, никто его больше не встречал. И этот бедный, полуслепой и почти глухой старик маленького роста, как Король Лир, натёкался на всех, а на него смотрели презрительно: пошёл, мол, отсюда. Это было очень печально.

Потом пришёл к нам академик А.Л. Нарочницкий, но он был абсолютно чужой нашему Институту человек. Он очень не любил наших сотрудников и опасался, что они могут его подвести. И поэтому, когда из Института военной

истории выгнали кучу полковников, он их взял и сказал: «Да, они, конечно, люди не очень даровитые, но меня методологически не подведут». И они не подвели, действительно. Просто пять лет отработали, заработали по «Волге», не сдали ни одной строки, развернулись и ушли.

«Смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы». Мы были ему чужие. Когда ему приносили какую-нибудь бумагу подписать или приходила вёрстка, он хватал ручку и начинал править, выскребать оттуда всякие, как ему казалось, вредные для него вещи. И всё время боролся с «новым направлением», и это так ЦК надоело, что его прогнали и вместо него прислали С.С. Хромова. И, как ни странно, в Институте наступила тишина. Он стремился умиротворить обстановку. И, кстати, ему это удалось. Гонимым, К.Н. Тарновскому и В.П. Данилову, он дал возможность, наконец, защитить диссертации, и всё успокоилось вокруг них. Мне дал должность старшего научного сотрудника. Я стал вдруг преуспевающим материально человеком! Получал 120 руб. А доктор — 160 руб. Всё было очень противоречиво: с одной стороны, очень жёсткая методологическая дисциплина, с другой, забота, чтобы учёный получал и не нуждался. Это было, никуда не денешься.

В.П. Буддаков: Я застал ещё П.В. Волобуева. Об этом человеке могу совершенно искренне сказать только хорошее. Наверно, никого так не любил, как его. Затем был А.Л. Нарочницкий. Человек тяжёлый, охранительного такого типа. Долго здесь он не усидел. Его просто не переизбрали в своё время. То, что холодом от него веяло, всем было известно. У него была такая кликуха «сэр Алекс». Действительно, можно было зайти в его кабинет — он мог не предложить присесть, и прочее. В общем, как-то сверху вниз разговаривал, прямо скажем. Известен тем, что он контролировал полностью институтскую продукцию, страницами вычёркивал в чужих рукописях то, что не нравится, как хотел. Это всё было. Меня не затронуло, к счастью. С.С. Хромов был такой весельчак коммунистический, в меру циничный. Ну и бабник, говорят. Правда, на него никто не обижался, сколько мне известно. Я к нему как-то относился также примерно, несколько весело. Он всё писал то про Ф.Э. Дзержинского, то про С.К. Орджоникидзе — какие они были великие деятели. До конца жизни, под 90 лет, уже не будучи директором, сидел в РГАСПИ, причём упорно так, всегда на одном месте, что-то там такое выписывал. Мы с ним радостно здоровались. Конечно, это был человек своего времени. Но не злой. У него кликуха была «Хромосёма» или «Хромосём», он, наверное, знал, но относился к этому спокойно. Что интересно, он считался «специалистом» абсолютно по всем периодам и всем проблемам. Если нужно было ехать за границу, отправлялся только сам. Для него кто-то писал соответствующий доклад, он там выступал и все удивлялись, какой он всезнающий человек и как такое может быть.

А.П. Новосельцеву я очень симпатизировал. Может быть, потому что мы запросто курили на лестнице вместе. Он был демократичным, хотя про него всякие гадости говорили: алкоголик, ещё что-то такое. Мне это было совершенно по барабану, чисто по-человечески я к нему хорошо относился. И вообще себя как-то поймал на том, что отношение к коллеге определялось симпатиями личного характера, а не какими-то научными заслугами, т.е. можно было не соглашаться и ругаться, но и оставаться в дружеских отношениях. Ничего удивительного, на мой взгляд, здесь нет. Это, в общем-то, естественно. Про А.Н. Сахарова я говорить не буду. Я его откровенно не любил. Правда, не сразу это сложилось.

В.Я. Гросул: В.М. Хвостов, будучи инициатором создания нашего сектора стран народной демократии, считал его своим детищем и часто к нам приходил. Простой аспирант, я несколько раз беседовал с ним, академиком, по поводу своей темы, значимость которой не сразу признали. Но мне удалось её объяснить, и он меня понял, за что я ему очень благодарен. Хотя говорили, что он человек заносчивый, барин. Потом возник конфликт между ним и партийной организацией. Но Владимир Михайлович был, конечно, человек умный, знающий. И лично мне он оказал большую помощь, оставил меня в Институте.

А.Л. Нарочницкий занимался всеобщей историей и хорошо относился к моим первым книгам. Правда, потом у нас с ним возник конфликт, поскольку я стал заниматься революционной тематикой, а ему это не нравилось, но затем мы с ним помирились. Я прекрасно знал С.С. Хромова, был у него председателем профкома, входил в «тройку». Был в дружеских отношениях с А.П. Новосельцевым, он был директором, а я был секретарём партбюро, возглавлял партийную организацию. Он был ранее секретарём партбюро и очень хотел, чтобы я его сменил. Главная задача директора — создать условия для работы исследователя, это самая главная задача. И когда я был секретарём партбюро, тоже так считал.

А.Н. Сахаров: С 1984 по 2000 г. был очень интересный и плодотворный период в моей работе. Я многому научился у людей, с которыми сотрудничал: на работах, с которыми знакомился, на дискуссиях, на Учёных советах, докладах, которые там заслушивал. Это всё расширяло и кругозор, и диапазон исторический, и образовывало меня как человека, как учёного, очень помогало. Конечно, многие свои вещи (не знаю, какие они — хорошие или плохие) не написал бы, если бы не работал в Институте.

Применительно к российской истории полагаю, что где-то в конце 1980-х, в 1990-е гг., в начале XXI в. учёные нашей страны на основании открытых источников достигли большего, чем зарубежные. Я встречался со многими по проблемам, связанным с 1920—1930-ми гг., по которым источники у нас были раскрыты, но ещё не доступны за рубежом, и они оказывались на периферии этих исследований. Институт занимал и, я думаю, до сих пор занимает ключевые позиции в исследовании вновь открытых материалов.

Творческая личность — это личность и талантливая, и где-то ограниченная, и где-то очень широкая. Личность, которая очень остро (порой слишком остро) реагирует на внешние импульсы, на критику, в частности. Личность очень ранимая, к которой надо относиться по-особому. Творческий человек — это всё-таки человек, наделённый определённым талантом. Я в шутку говорил, что в Институте российской истории каждый человек — это штучный товар и требует к себе штучного отношения. Людей похожих нет. Это надо учитывать, и я старался это учитывать. Может быть, хорошо, может быть, иногда не удавалось мне это делать.

С.В. Журавлёв: Не могу похвастаться богатым опытом общения с директорами. Кроме Ю.А. Петрова, разумеется. При А.Н. Сахарове, в кабинете которого за 20 лет я побывал, наверное, лишь пару раз, старался держаться подальше от начальства. Меня, конечно, не оставило равнодушным недостойное поведение Андрея Николаевича по отношению к моему учителю С.О. Шмидту, которого он откровенно травил и в итоге заставил уйти из Института. Кстати, Шмидт считал Сахарова «не бесталанным учёным, но подленьким человеком». Неоднократно я наблюдал и то, как А.К. Соколов возвращался в центр

с трясущимися руками после «проработок» директора. Позже он иногда проговаривался, что доставалось ему в том числе за моё поведение. Например, однажды, с его слов, гнев Сахарова вызвало то, что я был приглашён и с успехом выступил с докладом в университете Вены, а главная австрийская газета даже поместила об этом заметку. Когда следом за мной в этот университет приехал с визитом Сахаров, ему сказали, что об уровне Института уже знают по выступлению Журавлёва. Это вызвало приступ ревности с последующим резким выговором Соколову. Примерно в тот же период времени корреспондент «ВВС» приехал в Институт с просьбой дать интервью об одном революционере. После интервью он поблагодарил и добавил, что мой английский лучше, чем у директора, у которого он, как оказалось, брал интервью прямо до меня. Зная о ревности Сахарова, я подумал, как мне повезло, что директор давал интервью первым, и поэтому у корреспондента не было возможности сообщить Сахарову то же самое. Иначе повторение «австрийского инцидента» могло бы вызвать непредсказуемые последствия.

Бесспорно, Сахаров останется противоречивой фигурой в истории Института. Он руководил им в трудное время, когда далеко не всё от него зависело, но сумел в итоге сохранить Институт. Сахаров был жёстким, властным администратором и умелым оратором. Так и не подружившись с компьютером и будучи загруженным административными обязанностями, он старался находить время для занятия наукой. Одной из серьёзных ошибок, которые он совершил, была ликвидация источниковедения как исследовательского направления в Институте. Политические воззрения этого бывшего номенклатурного работника коренным образом поменялись после распада СССР, неизбежно оказав влияние на приоритеты в деятельности Института. Он позиционировал себя как государственный и выступал последовательным сторонником «антинорманизма», ратовал за реабилитацию монархии, негативно отзывался о большевиках и советском прошлом, рассматривая его с позиции «тоталитарной» концепции. В фаворе оказывались учёные, подстраивавшиеся под его мнение или придерживавшиеся схожих с руководством позиций, а не совпадавшие с ними предпочитали открыто не афишировать свою точку зрения. Это порождало нездоровую атмосферу в коллективе. Освобождение науки от советских идеологических мифов порой сопровождалось новым мифотворчеством, в основе которого, по большому счёту, лежала та же политическая конъюнктура, но с иным знаком.

В.В. Шелохаев: С директорами я общался исключительно по служебным делам и по их личному вызову. Будучи секретарём комсомольской организации Института, два раза общался с Б.А. Рыбаковым — исключительно по делам комсомола. С П.В. Волобуевым встречался чаще, ибо он по своей тематике был самым тесным образом связан с сектором капитализма. Несколько раз встречался с ним во время подготовки конференции во Львове в 1972 г., проведение которой в итоге было запрещено отделом науки ЦК. С А.Л. Нарочницким говорил всего два раза: в первый — относительно организации избирательной кампании, а во второй — он мне разрешил работать над темой монографии «Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии в 1907—1914 гг.». С С.С. Хромов принял меня один раз, когда я переходил на работу из Института в ИМЛ при ЦК КПСС. Опыт этих встреч лично меня никак не воодушевлял. Ю.А. Петров пригласил меня вернуться в Институт и сменить на посту заведующего центром истории России XIX—XX вв.

А.П. Корелина, давно стремившегося уйти в отставку. Юрия Александровича я знаю со времени его аспирантского пребывания в секторе истории буржуазно-демократических революций. Он сразу же проявил себя как талантливый человек, способный генерировать и реализовывать новаторские идеи. Затем многие годы сотрудничали в РГНФ. Работать с талантливыми людьми всегда приятно. Поэтому я без колебаний принял его предложение и в апреле 2012 г. возвратился в родные пенаты.

Ю.А. Петров: С.С. Хромов был человеком партийной номенклатуры и все эти ритуалы хорошо соблюдал, поэтому говорить что-то конкретное о его руководстве не могу. Это небожитель, у которого я в кабинете ни разу не был. Я с ним если и пересекался, то во время каких-нибудь торжественных собраний, когда из зала слушал доклад. А.П. Новосельцева я тоже не знал лично, и тоже ни разу у него в кабинете не был. И мне, что называется, не по чину было, чего мне там делать? Но — не знаю, его ли эта заслуга или нет, — обстановка с его избранием начала сильно меняться. Это был, конечно, результат и того, что в стране происходило. Помню возбуждённое настроение каких-то ожиданий (видимо, общее тогда). Мы все чего-то ждали, чего-то хотели, хотя не очень понимали, чего именно. Но когда разрешили вдруг провести выборы директора, чего не было никогда (директор — номенклатурная должность, его «спускали» сверху)... Помню, были две кандидатуры — В.П. Шерстобитов и Новосельцев, выступали их доверенные лица. И обстановка была такая, что выбрали Анатолия Петровича. Все были просто в шоке от собственной смелости и дееспособности! Для тогдашнего молодого поколения это, конечно, прорыв. Мы почувствовали, что перестройка дошла, наконец, и до нас.

Новосельцев оказался человеком из другой когорты. Никаких гаек административных не закручивал, не пытался «сорвать стоп-кран» и предотвратить какие-то «нежелательные явления». Он был кабинетным учёным — и прекрасным, надо сказать, учёным, знал столько древних языков! Работы у него замечательные, я смотрел кое-какие из них и высоко ценил. Очень жаль, что он так рано скончался и не успел сделать многого из того, что задумал. А каким он был администратором — даже не знаю, у меня нет данных, чтобы об этом судить. Но при нём — благодаря ему или нет — всё начало резко меняться. Какие-то идеи появились: давайте сделаем это, давайте напишем то, издадим сборник «Россия в 1913 году»...

Я не хочу говорить плохо о своём предшественнике А.Н. Сахарове, но какая-то атмосфера — как у Райкина: «мерзопакостная» — наступила во всём. Я себя чувствовал с коллегами нормально, а с начальством — нет, совсем некомфортно. Поэтому, когда поступило предложение перейти на работу в Центральный банк и возглавить там сектор истории, я его принял. Тем более что, не скрою, и в финансовом отношении это, конечно, было весьма выгодно. Работал там с 2004 по 2010 г., но Институт не забывал. Со временем мне стало несколько томительно. Я сделал хорошие и очень важные проекты: это и двухтомная энциклопедия «Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г.» (М., 2008), и двухтомная «История Банка России, 1860—2010» (М., 2010), выпущенная к 150-летию Центрального банка, и каталог собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России «Российские ценные бумаги» в трёх томах (М., 2010). При этом я был членом исполнительного комитета Международной ассоциации экономической истории, участвовал в мировых конгрессах, т.е. из науки не уходил.

Но рамки банка мне становились тесноваты, и в 2010 г. я решил попробовать баллотироваться на должность директора Института. Это можно было сделать либо по решению Учёного совета Института, либо по письму академиков. Я, конечно, понимал, что на Учёном совете шансов у меня нет. И решил принять участие по письму дружественных академиков. Мне казалось, что эпоха Сахарова себя изжила. Она привела к падению авторитета и уровня Института. Надо отдать должное, в 1990-е гг. Сахарову удалось удержать Институт, спасти его. Но последнее его десятилетие показывало, что Институт деградирует, я это видел. И из желания что-то сделать для заведения, которое никогда не забывал и с которым связи никогда не терял, пошёл на эту авантюру. Хотя чувствовал, что даже в самом Институте не всем это нравится, а некоторые в коридорах отпускали издевательские реплики, мол, денег заработал в банке, а теперь решил себе ещё и должность занять важную.

Если говорить о выборах, то, конечно, ситуация получилась довольно гнусная. Сахаров и поддерживающая его группа (а возглавлял её академик В.А. Виноградов) выдвинули тогда комбинацию, при которой директором стал бы А.А. Данилов — человек, потом печально прославившийся. Но его никто всерьёз не воспринимал, считалось, что он будет менеджером, а всё останется по-прежнему. Эту комбинацию мне удалось порушить, хотя знаю, что и в самой Академии, и в Отделении моя кандидатура не воспринималась в качестве желательной.

В результате я выиграл выборы. Прямо скажу — своей заслуги в этом не преувеличиваю. Результат был скорее протестным, и в основном сыграли роль филологи, поскольку у нас общее Отделение. Филологи припомнили Сахарову его редакторство в издательстве «Наука» (он там их обижал) и дружно проголосовали «против». Думаю, если объективно оценивать этот исход, Институт удалось избавить от большого скандала. Если бы Данилов стал директором — с учётом того, что через год-два вскрылись обстоятельства его деятельности в качестве председателя диссертационного совета МПГУ, — Институт получил бы очень сильный репутационный удар. Считаю, что поступил правильно — и надеюсь, что это было полезно и для Института, а может быть, и для всей исторической науки.

«Идеология имела большое влияние в нашей исторической науке»

И.М. Пушкарёва: Научное ядро Института в 1950-е гг. представляли старшие научные сотрудники, окончившие Институт красной профессуры или РАНИОН, профессора МГУ. Когорта старых большевиков ещё задавала тон при обсуждении работ. К ним относились с большим почтением, как и к учёным, начавшим свою деятельность до 1917 г. На Учёном совете Института в 1950-е гг. ещё появлялся и высказывал свои мысли В.Д. Бонч-Бруевич, выступал Е.В. Тарле, говоривший о Крымской войне, в секторе новой истории проходили встречи с И.М. Майским. Участниками революционного движения были Н.М. Дружинин и А.М. Панкратова. Б.П. Козьмин, окончивший юридический факультет Московского университета в 1910 г., долго работал в «Обществе политкаторжан и ссыльных переселенцев». Вместе с тем всё заметнее становилось присутствие сотрудников и аспирантов, вернувшихся с войны. При общении фронтовики, конечно, задавали тон. А.Л. Сидоров, став директором в 1953 г., активно начал выдвигать молодых учёных. При этом Институт выполнял поручения Президиума Академии наук, идеологического отдела, отдела науки

ЦК КПСС, был связан с Министерством образования. Это находило отражение прежде всего в деятельности секторов отечественной и всеобщей истории XIX—XX вв., хотя опосредованно затрагивало и другие сектора, особенно когда речь заходила о марксизме и общественных формациях.

В начале марта 1956 г. Президиум ЦК постановил разослать заключительный доклад Н.С. Хрущёва XX съезду партийным организациям с грифом «не для печати». В «Правде» появилась передовая статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?» и, наконец, разрешили зачитывать доклад на закрытых партийных собраниях. В нашей парторганизации читка проходила в апреле в актовом зале Октябрьского райкома КПСС на Шаболовке. Вопросы и обсуждение после прочтения запрещались, а текст запирался в сейфах в местных партийных комитетах. Ошеломлённая услышанным, я молча переживала вместе с товарищами. Крушение иллюзий испытали тогда многие, и у меня это чувство сохранялось ещё долго.

В начале 1950-х гг. райкомы партии и комсомола требовали от нас прежде всего организации общественных работ на субботнике, при Хрущёве — встреч на Ленинском проспекте иностранных гостей. На комсомольских собраниях мы слушали сообщения «о жизни и работе» каждого из нас. Обсуждали и новые книги, это тоже входило в обязанность. Обычно собирались у кого-нибудь дома. Например, в большой квартире А.М. Соловьёвой, в присутствии её мамы-художницы, говорили о повести К.Г. Паустовского «Золотая роза».

От позиции партийной организации зависело очень многое. Любая бумага шла из Института за тремя подписями: директора, секретаря партбюро и председателя профкома. Это были уважаемые в коллективе люди. Мягко, но требовательно они должны были проводить соответствующую времени идеологическую политику, разбираться в запутанных проблемах и вместе с тем беречь кадры. В 1950 г. секретарём партбюро был Л.М. Иванов, фронтовик, ученик Н.М. Дружинина, ставший по его рекомендации в 1951 г. исполняющим обязанности заведующего нашим сектором (его докторская диссертация была на подходе, вскоре он был утверждён в должности и занимал её до самой смерти в 1972 г.). Во главе парткома его сменила Н.А. Сидорова, доктор наук, одновременно и заведующая сектором истории Средних веков, защитившая диссертацию о П. Абеляре. Она была смелым секретарём, могла открыто сказать то, что другим могли и не простить. Ведь партком находился под контролем Особого отдела ЦК. Её преемником стал фронтовик и будущий академик Г.Н. Севастьянов, позднее заведовавший сектором истории США, — добрый, умный, глубоко интеллигентный человек.

Секретари партийной организации Института выполняли трудную, особенно на исходе «оттепели», задачу, выступая посредниками между учёными и отделами ЦК партии. В 1960-е гг. в партбюро появились другие настроения и люди, заявлявшие о неприемлемости бюрократических принципов руководства наукой. В партбюро защищали А.М. Некрича, выпустившего в 1965 г. книгу «1941. 22 июня», обвинявшую Сталина в неподготовленности СССР к войне. В 1967 г. Некрич был исключён из партии решением КПК, в обход первичной организации. В.М. Хвостов счёл невозможным участвовать в конфликте с ЦК, а партбюро во главе с В.П. Даниловым полностью оторвалось от директора, который молча недоумевал, наблюдая за обстановкой. В последний день работы, шествуя по коридору, к выходу он, прощаясь с кем-то, громко произнёс: «Институт это не академическое учреждение, а собрание вольных художников».

Я это слышала сама. Возникший конфликт ускорил давно намечавшийся раздел Института.

Ещё более болезненным оказался разгром «нового направления» в 1970-е гг. Во время «оттепели» после XX съезда КПСС учёные Института решили освободиться от слепого следования постулатам «Краткого курса». В центре дискуссий оказались предпосылки социалистической революции и социально-экономическая история России XIX — начала XX в. А.Л. Сидоров ставил перед учениками (М.Я. Гефтером, П.В. Волобуевым, В.И. Бовыкиным, К.Н. Тарновским и др.) конкретные научные задачи: исследовать роль иностранного капитала, степень зависимости России от мировых держав, возникновение монополий в российской промышленности, своеобразие политической надстройки империи. Шла работа с источниками. Ученики Сидорова В.А. Емец и А.М. Анфимов публиковали архивные материалы об экономическом положении России накануне революции. Но поскольку архивная база не была ещё разработана, обсуждение правильности или неправильности тех или иных положений сводилось к их сопоставлению со словами Ленина и других классиков марксизма. Переоценка экономических предпосылок социалистической революции и готовности к ней рабочего класса вела к пересмотру соотношения классовых и политических сил, роли партий, включая и большевиков. В 1957 г. в «Вопросах философии» появилась статья Волобуева «Ленин о диалектике отсталости и революции в России», но в начале «оттепели» она осталась незамеченной.

В 1959 г., покинув пост директора Института, Сидоров возглавил Научный совет «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». На проводившихся им конференциях, в которых активно участвовал институтский сектор истории капитализма, доклады так или иначе касались зрелости русского капитализма, развития его монополистических форм, многоукладности экономики империи. Благодаря авторитету Сидорова споры по этим вопросам проходили спокойно. В 1961—1964 гг. появились книги А.М. Анфимова о русской деревне начала XX в., П.В. Волобуева об экономической политике Временного правительства, К.Н. Тарновского об изучении предпосылок 1917 г. в советской историографии. Решение намеченных Сидоровым задач продолжалось и после его смерти в марте 1966 г.

Между тем заведующий Отделом науки ЦК С.П. Трапезников, опубликовавший в середине 1960-х гг. большим тиражом книгу «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос», стал претендовать на звание члена-корреспондента Академии наук. А в 1970 г., за год до его участия в выборах, в члены-корреспонденты избрали П.В. Волобуева, назначенного в 1969 г. директором Института истории СССР. И Павел Васильевич на заседании бюро Отделения истории дал нелицеприятную характеристику работам Трапезникова, что явно повлияло на решение академиков. На следующий год Трапезников предпринял вторую попытку, заявил, что учёл многие замечания, но опять проиграл выборы. Поэтому Отдел науки и, в частности, заведующий сектором науки и учебных заведений С.С. Хромов стали предвзято относиться и к Волобуеву, и к возглавляемому им Институту, где все эти обстоятельства мало кому были известны.

Уже в 1970 г. в Отделе науки подвергся критике сборник статей о российском пролетариате. Тогда же появилось выражение «новое направление». Ещё в 1956 г. Сидоров пригласил в Институт историка-экономиста И.Ф. Гиндина, готовившегося к защите докторской диссертации о банках и экономической политике царского правительства. Иосиф Фролович активно участвовал во

всех обсуждениях, был очень горячим оратором. В начале 1970-х гг. после одной из дискуссий он, выйдя в коридор, громко сказал, что речь шла о «новом направлении». Его слова подхватили сотрудники Института, дошли они и до Отдела науки ЦК КПСС, где Хромов и другие сразу причислили Волобуева к «новому направлению». Сам Волобуев в 1997 г., относил к этой группе единомышленников К.Н. Тарновского, И.Ф. Гиндина, В.П. Данилова, Л.М. Иванова, А.Я. Авреха, А.М. Анфимова, К.Ф. Шацилло, М.С. Симонову и В.В. Адамова (из Свердловска). Сохраняя верность ленинским положениям о наличии материально-организационных предпосылок для победы социализма в России, они в своих научных изысканиях и публичных выступлениях, по сути, ничего подобного не обнаруживали.

Обстановка постепенно накалялась. В конце 1971 г. Отдел науки предложил Волобуеву провести в Институте собрание и обсудить на нём все проблемы, связанные с историей революции и её освещением московскими и ленинградскими историками. Заседание было намечено на 9 марта 1972 г. Волобуева отговаривали от его проведения, сомнения высказывали заведующие секторов В.И. Буганов, Л.Г. Бескровный, А.П. Новосельцев, Ю.А. Поляков, П.Н. Соболев, а они были не робкого десятка. Павел Васильевич сказал мне тогда: «Не волнуйся, мы хорошо подготовились, приедут хлопцы из Питера». Он имел в виду В.И. Старцева и О.Н. Знаменского. Действительно, для подготовки к дискуссии было приложено немало сил. Как ни парадоксально, но борьбу с догматизмом и начётничеством планировалось вести с помощью этих же методов: на ротاپринте издали цитатник, в котором положения, подвергавшиеся критике, подтверждались цитатами из работ Маркса и Ленина, перед президиумом на длинном столе, покрытом зелёным сукном, стояли в ряд тома Полного собрания сочинений Ленина. Этого не ожидали ни сотрудники аппарата ЦК, ни оказавшиеся в президиуме представители Черемушкинского райкома. В результате сторонники «нового направления» отбили все нарекания, но уже на следующий день в кулуарах продолжавшегося собрания заговорили о том, что надо бы ради спасения Института признать за собой некоторые методологические ошибки.

Волобуев ходил на приём к главному идеологу — секретарю ЦК М.А. Суслову. Тот разговаривал с ним любезно. Но в 1972 г. в печати один за другим появлялись резкие отзывы о работах сотрудников сектора истории капитализма, а затем на них обрушился журнал «Вопросы истории КПСС». В июне 1972 г. по инициативе секретаря ЦК академика П.Н. Поспелова и не без участия Отдела науки бюро Отделения истории АН СССР приняло постановление, осуждавшее «новое направление», которое обвинялось в покушении на теорию формаций, в отрицании закономерности их смены, в игнорировании предпосылок Октябрьской революции. Ряд изданных Институт истории СССР книг «не рекомендовалось» использовать в учебном процессе. Вскоре отменили и конференцию, которую Тарновский должен был организовать во Львове в октябре 1972 г. для обсуждения положения рабочего класса в капиталистической России.

13 октября 1972 г. П.В. Волобуев и секретарь партийной организации В.И. Неупокоев, используя свои знакомства, опубликовали в «Правде» покаянное письмо о готовности учесть критику и исправлять допущенные ошибки. 6 января 1973 г. в «Правде» вновь отмечалось, что Институт истории СССР принимает сделанные замечания. Но это не помогло. 21—22 марта 1973 г. в Отделе науки состоялось совещание с участием представителей Черёмушкинского райкома и историков партии из разных учреждений Москвы и Ленинграда.

Оно началось с доклада Трапезникова, в котором «новому направлению» вменялось в вину преувеличение стихийности Февральской революции и оппозиционности либерального движения, умаление роли большевиков и сомнение в готовности пролетариата к гегемонии в борьбе за социализм. Ответственность за это возлагалась персонально на Волобуева. Докладчик и те, кто выступил в его поддержку, указывали на «грубые методологические ошибки», которые «допускал Институт истории», отступивший от ленинского учения. В частности, горячо оспаривалось мнение Авреха о том, что крестьянство было классовой опорой самодержавия, Тарновского упрекали за недооценку развития в России капиталистических отношений, критиковались также М.С. Волин, Ю.И. Кирьянов, М.С. Симонова, С.В. Тютюкин, Г.М. Деренковский.

В Институте пришлось создать комиссию из заведующих секторами, которая обещала новыми трудами доказать верность марксистско-ленинской методологии и т.д. В 1974 г. Волобуев был снят с поста директора и переведён в другой институт старшим научным сотрудником. Тарновский, Емец, Аврех, Симонова перешли в другие сектора. Но и после ухода Волобуева давление на сотрудников продолжилось, а редактирование их трудов в издательстве «Наука» приостановилось. В 1971 г. Учёный совет утвердил Волобуева ответственным редактором моей книги «Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях». Затем Павел Васильевич предложил, чтобы им стал В.И. Селицкий (поддерживавший его в марте 1972 г.). Но вёрстка всё равно пролежала в типографии целый год, предлагалось даже её сократить, поскольку оценка профессиональной организации железнодорожных служащих и их участия в революции 1917 г. вызывала подозрение.

При А.Л. Нарочницком научные дискуссии прекратились, возникли зоны умолчания, упал интерес к методологическим и теоретическим вопросам, к постановке крупных проблем, дирекция меняла формулировки исследовательских тем и названия книг. Институт медленно вползал в идеологический застой.

Н.А. Иванова: Сейчас человек, если сталкивается с какими-то проблемами, остаётся один на один с администрацией, с заведующим в лучшем случае, а тогда всё решалось тройкой: партком, местком и администрация. Наш партком с 1965 г. возглавляли В.П. Данилов и его помощник К.Н. Тарновский. Они составили предложения по улучшению работы Института и демократизации обстановки в науке, и это обсуждалось, имело резонанс, но не имело практического результата. Потому что эти предложения подали в отдел науки ЦК КПСС, но реакции никакой не последовало. А потом, когда в 1970-е гг. начали «закручивать гайки», всё пошло в обратную сторону: критика, увольнения, сокращения, снятие Волобуева с поста директора, перевод ряда сотрудников из сектора капитализма в другие сектора, а это означало смену проблематики. «Новое направление» обвинили во всех смертных грехах. Хотя что такое «новое направление»? В науке должны быть новые направления, если мы будем всё время идти по накатанному пути, то как развиваться науке? Ничего в нём такого не было, было иное, чем раньше, понимание ряда вопросов, но из него сделали нечто ревизионистское, антимарксистское...

Идеология, конечно, имела большое влияние в нашей исторической науке. Учёные пытались различным путём выйти за её рамки. Каким образом? Например, через изучение ленинских работ в развитии. Ленин был для нас бог, его труды цитировали и этим всё обосновывали. Но Ленин говорил в конце XIX в. одно, а после революции 1917 г. совершенно другое. Не потому даже, что ме-

нял убеждения, просто менялась ситуация, атмосфера. И вот пытались проследить эволюцию этих взглядов, говорили: «Вы нас упрекаете в том-то, а Ленин, по существу, выходил на то же самое». «Новое направление» связано с многоукладностью. Ленин писал о многоукладности в 1919 г., хотя в конце XIX в. он утверждал, что у нас капитализм победил. Конечно, самый важный путь — выйти за идеологию, за доктрину путём привлечения фактического материала. Когда учёные изучают материал или архивный, или из опубликованных источников, то находят новые вещи, можно даже и не связывать это с большой идеей, но сам материал подводит к новым выводам и показывает новые пути исследования. И писали книжки, которые вроде как в той же доктрине, но по фактическому материалу выходили за её рамки.

В.В. Шелохаев: Тенденция к изменению подлинно научного климата наметилась после критики, прозвучавшей со стороны отдела науки ЦК КПСС. Возглавлявший его С.П. Трапезников активно приступил к «выкорчёвке» «нового направления» в исторической науке. Прервана была творческая работа гефтеровского семинара, представителей «нового направления», в том числе из нашего сектора, перевели в другие подразделения. Ужесточился идеологический контроль над докладами и сообщениями, с которыми сотрудники Института должны были выступать на научных конференциях. После смерти Л.М. Иванова в январе 1972 г. приступили к «дележу» нашего сектора как одного из очагов «нового направления». На его базе возникли сектора капитализма (его возглавил А.М. Анфимов) и империализма, который вскоре преобразовали в сектор истории буржуазно-демократических революций в России (им руководил В.И. Бовыкин).

Представители «нового направления» воспринимали «оттепель» как попытку отказа от жёстких формулировок «Краткого курса», полагали, что настало время для возврата к подлинному прочтению и осмыслению классиков марксизма-ленинизма, рассмотрения исторического процесса как многомерного исторического явления. Эта логика получила, в частности, отражение в знаменитом докладе партбюро Института в 1965 г. По сути, он попытался «просигнализировать» об идеологических тенденциях, начавших проявляться после октябрьского пленума ЦК 1964 г. Представители «нового направления» на научных конференциях 1967, 1970 и 1972 гг. как-то пытались удержать историческую науку от правого поворота, однако сделать это не удалось, ибо рычаги управления наукой находились в иных руках. Можно лишь констатировать, что рубеж 1960—1970-х гг. стал переломным временем. Это, естественно, не могло не сказаться и на атмосфере в Институте, на тематике исследований его сотрудников. С закручиванием идеологических гаек живая общественная жизнь стала подменяться помпезными обсуждениями творений Л.И. Брежнева.

А.Е. Иванов: Я пришёл в Институт в 1971 г. Это была довольно глухая пора, когда никакой внутренней общественно-культурной жизни почти не было. Но ранее Институт был очень на слуху у интеллигентной московской публики. Данилова я в глаза не видел, но знал, что он вызывал трепетное отношение в кругах диссидентствующей интеллигенции, очень относительно либеральной. Все мы в то время полагали, что если бы жив остался Владимир Ильич, то жизнь в стране была бы совершенно другой: без репрессий, гармоничной, был бы социализм с человеческим лицом. Такая вера была не только у меня, это было всеобщее убеждение.

Все вопросы решались в отделе науки ЦК. Тут даже говорить нечего. Институт подвергался жесточайшим гонениям с его стороны. Коллектив оказался разбит надвое: тех, для кого «Краткий курс» был библией, и тех, кто хотел сказать новое слово. И те, кто шёл за отделом науки, дай им возможность, казнили бы тех, кто на противоположной стороне. Там ведь как происходило. Во-первых, придумали «новое направление» в историографии — ревизионистское и чуть ли не фашистское. Под этот каток попало довольно много людей. П.В. Волобуева спасло только то, что он был член-корреспондент АН, его сослали в Институт истории, естествознания и техники. Очень хороший институт, тихая заводь. И он там 10 лет находился в ссылке, занимался историей науки. Потом вернулся сюда, когда произошла амнистия, и продолжил научную работу, стал академиком, но здоровье ему, конечно, подорвали так, что он скоро умер.

Наиболее трагической фигурой оказался выдающийся историк К.Н. Тарновский, написавший блестящую монографию о мелкой кустарной промышленности. Его травили нещадно. В 1970 г. он защитил в Институте докторскую диссертацию «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки». ВАК её зарубил и не вернул ему. Только когда пришёл к нам С.С. Хромов, он собрал некоторых гонимых, понимая, что это источник беспокойствия и подспудного недоброжелательства по отношению к руководству Института, и предложил защитить новые работы. Тарновский ездил в наше Ленинградское отделение, потому что здесь бы его «завалили», и там защитил в 1981 г. диссертацию «Ленинская “Искра” в борьбе за создание марксистской партии в России». А когда он умер, его жену вызвали в ВАК, вручили ей диплом о второй защите и вернули текст. Я видел эту рукопись, на которой стоял штамп «секретно».

Профком В.Я. Гросула всегда старался нам помочь, выписывал какие-то премии. Профком вообще был хорошей организацией. А Н.А. Ивницкий просто спас меня от изгнания из Института. Я даже не ожидал, что он встанет на мою защиту. Меня травил негодяй Микулович, полковник в отставке, который в отделе кадров сидел. Я же учился с П.И. Якиром, мы домами дружили. И подписал пару писем в защиту А.И. Гинзбурга, Ю.Т. Галанкова и, кажется, генерала П.Г. Григоренко. Микулович это узнал и пытался меня отсюда вытурить. Но Волобуев вызвал меня к себе и сказал: «Нужно сделать так, чтобы местком проголосовал против Вашего изгнания из Института. Поговорите». А когда я от него вышел, ко мне подбежала А.Л. Хорошкевич со словами: «Эти сволочи хотят Вас, такого прекрасного человека и редактора, уволить. Мы проголосовали единогласно за то, чтобы Вас оставить». Местком проголосовал, спасибо Ивницкому. И мне Павел Васильевич сказал: «Я имею право дезавуировать любое решение, но я своим правом не воспользуюсь». Потом, когда тучи рассеялись, началась светлая пора свободы, мы с ним паспорта получали заграничные, и он спросил: «Ну что, Вас выпустили?». Я удивился: «А что, меня не выпускали что ли?». — «Ну, конечно, Вы были невыездной».

Травили, травили всех подряд. Вообще тут такая была тяжёлая, смрадная обстановка. Но люди держались за Институт, потому что и те и другие любили историю. А в отделе науки ЦК кричали: «Почему у вас так много по феодализму работ? Зачем он нужен нам, этот феодализм?». Поэтому здесь были нравы те ещё. Гарантированно проходило всё, что о революции, о рабочем классе как гегемоне и о крестьянстве. Моя книга пять лет пролежала в столе, задерживалась и вычёркивалась из всех редакционно-издательских планов, потому что в

ней были либеральная профессура, какое-то студенчество, которое выглядело гораздо более революционным, чем рабочий класс. Существовали чисто догматические требования, которые не исполнять нельзя было... Но нам очень помог, между прочим, Ленин. Потому что подберёшь цитатку и оправдаешь своё.

Помню, когда защищал кандидатскую, должен был получить рекомендацию от «треугольника», в частности от парткома. Ну, думаю, всё, конец — не пустят. Идет секретарь парткома А.А. Преображенский. Я к нему, блеющим голосом: «Александр Александрович!..». — «На какой предмет?». — «Да вот, диссертацию защищать надо». — «С удовольствием подписываю!». Взял и подписал. И его преемник Ю.А. Тихонов был очень спокойный человек. Так что я к парткому относился настороженно, но вреда они мне большого не приносили.

Перестройка дала абсолютную свободу для историографии, это очевидный факт, который опровергнуть нельзя. И воспользовался этой свободой А.Н. Сахаров. Раньше у нас всё время писали какие-то многотомники бесконечные, коллективные работы: история рабочего класса, история крестьянства и чёрт знает ещё что... «Братская могила». При Сахарове всё это прекратилось, было сказано: пишите монографии, ребята — то, что любите, и то, что вам интересно. Сменился режим работы, кончилась диктатура партии, установился режим свободы исследования и все стали писать с упоением. Не помню ни одного случая, чтобы прорабатывали за какие-то ошибки. Могли отвергнуть как недобросовестное исследование, плохое и т.д. Но разноса за методологию — ничего этого не было, как написал, так и публикуем. Я пользовался этой обстановкой: написал «Высшую школу», а потом ещё пять монографий. И мы до сих пор пользуемся этой свободой от крепостной зависимости, пишем свои любимые монографии.

А.И. Аксёнов: Директор не мог своей волей закрыть какое-то подразделение, открыть новое. Это всё можно было сделать только через согласие с профкомом и парткомом, но там сидели все наши товарищи, пусть старшие, но мы друг друга знали... Все мы люди как люди, кто-то попал в вытрезвитель — ну что ж, дело житейское. Из вытрезвителя приходит бумага, а куда? Прежде всего, в партком, но секретарь вызывает: «Ну-ка, дружок, давай на беседу». Побеседовали и всё. Дальше бумага не шла, а ведь могла бы пойти — со всеми последующими осложнениями. Тоже один из факторов этой самой общественной жизни... Секретарь парткома — человек, который, как говорится, ногой открывал дверь к директору, что очень немаловажно. В известной мере он отстаивал и интересы простого исследователя. Мало ли в какое положение мог попасть сам сотрудник. Скажем, дирекция вынуждена ставить вопрос о его отчислении, и здесь роль парткома и профкома, без всякого сомнения, очень значима, потому что они могли поддержать дирекцию, а скорее всего — не поддержать.

Чтобы избежать идеологического давления, лучше было заниматься древностью, в крайнем случае капитализмом. Потому что отношение к советской истории как к таковой было довольно снисходительным. Имелась в виду не только слабая источниковая база, но и то, как люди пишут: конъюнктурно или неконъюнктурно. А неконъюнктурно тогда писать по советскому периоду было практически нельзя. Была ещё такая наука «история партии», которая была для многих вектором, по которому можно легко идти, написать кандидатскую в этом духе и т.д. Я идеологически был всё-таки защищён своим XVIII столетием.

Г.А. Санин: В середине 1970-х гг. я три года был в составе партбюро Института и ведал организацией субботников и воскресников, а также плодородной базой — организовывал работу, которую учёные не должны были делать. Через «не хочу», но народ ходил. Партком обсуждал наиболее важные проблемы, высказывались мнения и обсуждение было абсолютно спокойным, свободным, демократическим. Партком не навязывал решений дирекции, как и дирекция не навязывала решений парткому. Мы просто работали в одном направлении. Но, конечно, случались спорные и напряжённые моменты, скажем, дело Г.Д. Алексеевой. Она писала о Н.И. Бухарине, и ей доставалось — и по линии дирекции, и партком высказывал мнение. В этом плане мне, конечно, было легче, я писал по истории феодализма. Ссылки на документы партии и правительства есть? Есть. Ссылки на работы Ленина есть? Есть. Всё в порядке. А что там внутри написано — это Главлит мало интересовало.

В.П. Булдаков: Без всякой цензуры все знали, что можно писать, а что нет. Разумеется, соблазн перейти границы дозволенного присутствовал всегда... Как бы то ни было, если доктор наук, то в течение пяти лет должен выложить 20 листов монографии и тут же получить особую премию. Люди «разумные» этим пользовались: одну монографию слепили, потом чуточку изменили тематику — другую выдали. Переписывали самих себя. В известном смысле курорт, а не научное подвигничество. Ещё писали коллективные работы, ненавидя их. Я не составлял исключения. Ужас перед такого рода трудами у меня до сих пор сохранился.

Я ходил на открытые партийные собрания. Все ходили. Запомнил любопытный случай. Я был проформгом, а тогда определённые документы — характеристики — подписывал «треугольник». И я не хотел подписывать характеристику на одного деятеля. Меня уламывали. В конечном счёте я подписал с большой-большой оговоркой — «особое мнение». И ортодоксальные партийные товарищи по этому поводу страшно негодовали. Не нравилось это. Против партии пошёл. Хотя я этого вовсе не хотел.

А.Н. Сахаров: Когда я касался русского крестьянства или дипломатии Древней Руси, идеология влияла: следовало знать, что об этом думали и писали классики марксизма-ленинизма. Надо сказать, что я читал их с большим удовольствием, потому что К. Маркс и Ф. Энгельс были людьми огромного общественного, научного, исследовательского диапазона, а кроме того, блестящими беллетристами, замечательными писателями. Соприкосновение с работами Маркса и особенно Энгельса стало для меня большим откровением, и я об этом вспоминаю с большим удовольствием. До сих пор иногда смотрю некоторые из них: и «Немецкую идеологию», и полемику Маркса с П.-Ж. Прудоном. Это были замечательные мыслители и отрицать их влияние невозможно. И я его с удовольствием использовал там, где моя тема соприкасалась с работами классиков марксизма-ленинизма. Но не скажу, что это органично вытекало из необходимости моей работы. Это было во многом формально. Интересно, но формально. Можно было использовать это, а можно было не использовать, ничего бы не изменилось. Это был привесок, и такое формальное привешивание их высказываний к каждой работе было, конечно, ненужным и вредным. А на этом строились очень многие работы даже в Институте истории. Люди щеголяли знанием трудов «классиков», ловили друг друга на неправильном цитировании. Не думаю, что это усиливало научный элемент их работ. Эта идеологическая ортодоксальность, закоснелость «краткокурсовая» шла от сталин-

ских установок, от борьбы с инакомыслием. И все, кого он подбирал под себя и с кем сотрудничал, это носители закостенелых догм марксизма-ленинизма. На самом деле никакого марксизма там не было. Ленинизм, сталинизм — может быть, был. Думаю, если подойти с тех позиций к диалектике Маркса и Энгельса, им бы очень сильно досталось от ЦК КПСС.

Я отнесился довольно сочувственно к «новому направлению», потому что это научная мысль. Это были люди очень интересные в научном плане, ищущие: и П.В. Волобуев, и К.Н. Тарновский, и Ю.И. Кирьянов, и А.Я. Аврех, и другие. Помню даже, когда был в издательстве «Наука», меня вызвал на беседу будущий директор Института С.С. Хромов и сказал: «Послушай! Мне кажется, что ты всё-таки в глубине души сочувствуешь Волобуеву». Я сказал, что я ему не сочувствую — мне интересны мысли, которые высказывает учёный. Хромов мне сказал: «Ну, ты смотри!». Я понял, что надо смотреть. Ведь даже не сочувствие, а просто подозрение, что работник издательства «Наука» может сочувственно относиться к «новому направлению» и в чём-то это выразить — в разговоре, поддержке или отсутствии критики, — уже считалось криминалом. И за это мне тогда заведующий сектором истории выговорил.

В 1985—1986 гг. идеология стала потихоньку слабеть, размываться. Это всё ещё очень чувствовалось, но уже шли обсуждения, уже проросли семена и Н.И. Бухарина, и Л.Д. Троцкого, и А.И. Рыкова. Этого не боялись, многие об этом говорили уже без осуждения, хотя были и противники. Короче говоря, постепенно шло вширь и вглубь, и это было очень интересно, научно и перспективно. Это был, я считаю, замечательный период в истории Института и нашей науки — освобождение от идеологических пут, от культа, от догм. Всё это рухнуло на рубеже 1980—1990-х гг. Думаю, что мы не были до этого частью мировой науки. Мы позиционировали себя как часть науки и выступали на конгрессах, наши статьи печатались за рубежом, но органической частью науки как таковой мы всё-таки не были в силу огромного количества ограничений — политических, организационных и идеологических. А когда эта стена рухнула, наша наука действительно стала частью общемировой.

Ю.А. Петров: Мы уже в середине 1980-х гг. понимали, что в исторической науке трактуется в идеологических целях. Было настороженное отношение к занимающимся советским периодом — знали, что среди них много конъюнктурщиков. Там были достойные люди — такие как, скажем, И.Е. Зеленин или В.С. Лельчук, действительно учёные, но превалировали занимавшиеся сугубо доктринальными темами с заданными результатами. Мы понимали, что это не наука, и не считали их за своих.

«Фига в кармане» у нас была, но мы её по тем временам не часто доставали. Присутствовали скепсис и понимание того, что что-то должно измениться, хотя мы не понимали, что и как, и никто из нас, конечно, не предполагал, что через пару-тройку лет исчезнут Советский Союз и Коммунистическая партия. Обновленческие настроения были сильны, но консервативные, может быть, даже сильнее. Приверженность догмам, следование указаниям были, что называется, в крови — и в мозгу — многих из старшего поколения. Есть даже анекдот, похожий на быль, когда после одного из бурных обсуждений в зале Учёного совета, после разговоров о свободе слова вышел на трибуну один сотрудник и сказал: «Я всё понимаю: гласность, перестройка, это замечательно. Но какие же будут указания?». Вот это — квинтэссенция настроений части людей того времени. Они ждали, что им скажут, что делать.

В.И. Бовыкин к тому времени уже ушёл с заведования сектором буржуазно-демократических революций — почувствовал, что на волне перестройки ему начинают предъявлять претензии из-за разгрома «нового направления», в чём, я убеждён, он, как человек достаточно дипломатичный и умный, не участвовал. Он не разделял позиции К.Н. Тарновского, призывов к изучению многоукладности, и мне тоже эта идея не близка. Многоукладность это заимствованный у Ленина концепт, за которым реального содержания немного. Но я глубоко убеждён, что разгром «нового направления» — преступление тогдашней номенклатуры. Нельзя через колено ломать людей и, по существу, закрывать целое направление, которое было абсолютно безопасным. Опасение того, что они каким-то образом чему-то там навредят — чушь, они были такие же убеждённые партийцы, как и те, кто их критиковал в ЦК. Повторяю, у этой теории многоукладности были оппоненты, не все с ней соглашались, в том числе и Бовыкин. Но никаких карательных мер он не применял, я это знаю точно. Наоборот, хотел, чтобы Тарновский защитился. К тому, что ему не дали защититься, он отношения не имел. Но, тем не менее, шлейф в виде сплетен и слухов тянулся и очень негативно на Бовыкина действовал. Может быть, это стало одной из причин того, что он так рано, в 70 лет, ушёл из жизни от инфаркта.

Молодым всё-таки было проще. Мы сильно властью не были ни обласканы, ни избалованы, поэтому нам с ней расставаться было не так жаль. К концу 1980-х гг. общим местом стал выход из партии. Но я именно в 1989 г. вступил в КПСС. По каким соображениям? Не скрою, наверное, и карьерным, может быть, плохо, в отличие от моих коллег, предвидел исход событий. Но главным образом, потому что поверил Горбачёву, что он реально хочет модернизировать страну, и хотел быть каким-то образом полезным в этом деле. Так что не скрываю и не стыжусь того, что был членом партии, билет не сжигал и не выбрасывал, он у меня хранится.

В.Я. Гросул: В 1990-е гг. трудности были самого разного порядка. Мы потеряли две трети состава Института, у нас было почти 500 работников, но не только научных сотрудников. А сейчас 160. Мы потеряли ряд направлений. У нас практически погребено декабристоведение, мы потеряли историю народничества, социал-демократии, крестьянства, рабочего класса, т.е. непосредственных производителей. Перестали изучать низы, и это неправильно.

Политика, конечно, оказывала и будет оказывать влияние на историю всегда, пока существует государство. Между начальником и историком всегда были и будут противоречия. Историк хочет писать то, что он думает, а у государства свои цели. Ну, а кто сильнее — начальник или историк? Сами понимаете. Но вместе с тем сейчас, конечно, можно писать вполне объективные труды. При всём тяжёлом положении страны сегодня всё-таки можно высказывать своё мнение, и в рамках нашего Института в том числе. Историк же должен быть, прежде всего, великим тружеником, чтобы вычерпать огромное количество источников, не потонуть в них, и найти в них главное — пружины. Это вообще-то, я считаю, часто от Бога: уметь находить главное, не запутаться.

С.Д. Яхонтов. Воспоминания 1853—1942 гг.

Дневники и воспоминания историков прошлого неизменно вызывают повышенный интерес у современных исследователей. И это вполне естественно. Ведь история исторической науки не сводится к преемственности или диалектической смене концепций и подходов, к постепенному накоплению знаний и увлекательному обретению новых парадигм. За научными школами и институтами, за часто сухими академическими текстами стоит живой и нередко болезненный опыт надежд, разочарований, встреч и столкновений, диалога и разобщения их создателей, хранителей, критиков. Порою это прорывается в предельно жёстком и даже скандальном виде, достаточно вспомнить мемуары С.М. Соловьёва или А.А. Зимина. Между тем и Соловьёв, и Зимин работали в сравнительно спокойные и в целом благополучные для отечественной историографии времена. Что же говорить о тех, «кто посетил сей мир в его минуты роковые»? Чтение дневников Ю.В. Готье оставляет незабываемое впечатление. Но в них отражено лишь несколько лет преодоления «погибели» и боли.

Воспоминания, включающие и дневниковые записи, рязанского историка, педагога, краеведа и архивиста Степана Дмитриевича Яхонтова (1853—1942), изданные исследовательским коллективом под руководством доктора исторических наук профессора П.В. Акульшина, позволяют увидеть в развитии панораму последних 40—50 лет существования Российской империи и первых десятилетий советской России¹. Особый колорит им придаёт сочетание множества мельчайших бытовых деталей и личных характеристик с непрерывно нарастающим драматизмом описываемых событий — от патриархальной, но отнюдь не идиллической провинциальной жизни середины XIX в. до гонений 1930-х гг. и катастроф 1941 г. При этом действие происходит в основном не в столицах и не на окраинах (и тем, и другим посвящена обширная, в том числе и мемуарная, литература), а в самой что ни на есть коренной, глубинной России, во многом остающейся ещё не то загадкой, не то фигурой умолчания. Нельзя не отметить и то, что воспоминания эти принадлежат человеку, вышедшему из беднейшего слоя сельского духовенства, добившемуся видного положения в губернском обществе и полностью отдавшему себя России, Русской Церкви и русской науке, но никогда не идеализировавшему и не приукрашивавшему ни страну, ни народ, ни общественность, ни государственную или церковную иерархию. Он рассказывал о своей долгой и трудной жизни честно и резко. И тем интереснее этот рассказ читать и анализировать. В его обсуждении приняли участие доктора исторических наук Ф.А. Гайда, И.Н. Гребенкин, О.А. Милевский и А.К. Тихонов.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

¹ Яхонтов С.Д. Воспоминания / Под ред. П.В. Акульшина. Т. 1. 1853—1917. 928 с. Т. 2. 1917—1942. 800 с. М.; Рязань: АИРО-XXI, Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, 2017.

В огромном мемуарном наследии минувшего века особое место занимают воспоминания, охватывающие не просто несколько десятилетий, а длительные периоды, смены исторических эпох². Пережив их и связанные с ними «минуты роковые», испытав на себе различные социальные метаморфозы, наблюдательные мемуаристы оставляли порою яркие свидетельства, передавая свой уникальный опыт потомкам. К числу таких произведений, безусловно, относятся и обстоятельные записки представителя русской провинциальной интеллигенции, известного рязанского педагога, историка, краеведа С.Д. Яхонтова (1853—1942).

Родившись в семье сельского псаломщика, Степан Дмитриевич с детства приучил себя к упорному труду и самодисциплине. Патриархальные нравы семьи и образование, полученное в духовных учебных заведениях, сформировали у него глубоко религиозные и консервативные взгляды. Окончив Московскую духовную академию, он почти полвека отдал преподаванию истории, музейному и архивному делу в Рязани. Ученик В.О. Ключевского и Е.Е. Голубинского, Яхонтов и в собственной жизни старался уловить нечто исторически значимое — непрерывно вёл дневник, фиксировал свои впечатления, вызванные как повседневными бытовыми мелочами, так и крупными общественно-политическими событиями, хранил множество бумаг, отражавших всё, с чем ему приходилось соприкасаться. Впоследствии он включил в текст воспоминаний значительные фрагменты дневниковых записей и многочисленные документы, связанные с его научной и преподавательской деятельностью и частной жизнью, а также письма, фотографии, вырезки из газет и т.п. Как профессиональный историк Яхонтов понимал масштаб и значение этого труда и то, «какой бесценный архив мой должен был остаться в потомство» (II, с. 677).

За долгие годы Яхонтов повидал несколько эпох, принял участие в бессчётном количестве дел и событий. Будучи ещё молодым преподавателем духовной семинарии в Екатеринославе, он испытал сильное душевное потрясение при известии о трагической гибели Александра II. «Но вокруг, в городе — незаметно было большого горя, — с недоумением и разочарованием отмечал мемуарист, — и тут-то я почувствовал, что атмосфера здесь другая, нежели какой я был заряжен» (I, с. 348). Подобные настроения и сама обстановка быстро растущего промышленного центра Новороссии мало импонировали натуре Яхонтова. Это способствовало скорому возвращению в Рязань, где наиболее плодотворно раскрылся его творческий потенциал, благополучно сложилась семейная жизнь. Однако и тут он с сожалением и возмущением наблюдал за переменами в нравах и поведении горожан. «Дорогой, святой праздник! — восклицал Степан Дмитриевич в дни Пасхи 1896 г. — Что с тобою сделала даже Рязань! Что же творится в столицах!» (I, с. 519).

² *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. В 2 т. М., 1955; *Врангель Н.Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков / Публ. А. Зейде. М., 2003. См. также воспоминания Б.А. Энгельгардта «Потонувший мир. Контрреволюция»: ОР РГБ, ф. 218, к. 305, 306, 384.

На склоне лет Яхонтов напишет: «Я всё-таки жил и общегосударственной жизнью, а она со вступлением [на престол] Николая II не обещала хорошего». Кончина Александра III его глубоко огорчила как «общерусское горе», а доходившие до провинции слухи смущали: «В наследника не верует никто. Не находят в нём признаков хорошего царя... Наследник будто не хочет жениться, потому что есть танцовщица полька. Об Алисе говорят: “Чистая немка”. Народ зовёт её “Гессенской мухой”. Характерно... Царевича заберёт в руки эта “муха”» (I, с. 516—517). В восприятии рязанского педагога поражение в войне с Японией тесно переплелось с Первой русской революцией, когда «бунтовские приёмы уже проявлялись... Тыл изменял в лице своих поставщиков продовольствия, железнодорожники изменяли, доктора изменяли, сёстры милосердия разлагали тыл; офицеры изменяли, запасные — саботажники и сдававшиеся охотно в плен. В тылу и всюду проникали пропагандисты политической забастовки: “Чем хуже, тем лучше”, — вопили в тылу» (I, с. 569—570). К изменению государственного строя Яхонтов отнёсся скептически. Тяготая к «Союзу 17 октября» и будучи известным и уважаемым в городе человеком, он отказался выдвигать свою кандидатуру в I Думу, а в дальнейшем дистанцировался от политических партий.

Начало Первой мировой войны Яхонтов встретил настороженно. «А глупая Рязань орёт: “Ура!”, — ворчал он в дневнике, реагируя на взрыв наивного патриотизма городских обывателей, веривших в мощь русского оружия и скорую победу над врагом. — Мальчишки хулиганят, и это патриотической манифестацией называется! Богу молиться надо пред таким испытанием. Как можно всё опошлить! Великое чувство обратили в забаву! Повторяется одно и то же. Музыка в садах, фейерверки, маскарады и разные гулянья. Глупо и пошло, Рязань!» (I, с. 611).

Россия потеряла в той войне около 4 млн человек. Среди них оказался и третий сын Степана Дмитриевича — призванный из запаса прапорщик Мстислав Яхонтов, погибший в начале 1915 г. на р. Бзуре. Отец отправился на фронт за его телом, и описание данной поездки — одно из самых пронзительных мест в мемуарах. Личная трагедия отца соединилась с изумлением и глубоким разочарованием очевидца, перед которым открылась безобразная изнанка войны. «В дальнейшем, — отмечал он, — всё подтверждало мою мысль: не победить нам с такой армией. Гнетущее настроение это не покидало меня во всё время» (I, с. 905).

К 1917 г. Яхонтов занимал видное положение среди представителей губернской элиты. Статский советник, награждённый пятью орденами, начальник Мариинской женской гимназии, председатель Рязанской учёной архивной комиссии, гласный городской думы уже подумывал о заслуженной пенсии. Революционный взрыв не просто разрушил эти планы, но изменил сам уклад жизни: отменены чины и обесценились прежние заслуги, упразднена учёная архивная комиссия, реформирована гимназия, разграблено крестьянами небольшое имение в родном селе Ухорь. Яхонтов и люди его круга видели в революции торжество «взбунтовавшегося хама», стихию разрушения и бессмысленного насилия, с которой невозможно примириться. Сдержанное, но бескомпромиссное описание окружающей действительности во всех её безобразных проявлениях становится с этого времени важнейшим мотивом в воспоминаниях и дневниках Степана Дмитриевича.

Вместе с тем Яхонтов сохранил верность своей профессии и не отказался от сотрудничества с новой властью в деле сохранения исторических и культурных памятников, став при большевиках главным организатором музейного и архивного дела в губернии. Он не скрывал, что «этика не позволяла обращаться к врагу-насилънику», но, как и многим другим старым специалистам тех лет, ему приходилось «идти на услуги обидчику... ради того, что музей будет сохранён, если я займусь им, иначе вещи все растащат» (II, с. 72). С 1918 по 1927 г. он работал заведующим Губернским архивным бюро. Под его руководством в Рязанской губ. была создана сеть архивных учреждений, что позволило сохранить от гибели огромное количество документов дореволюционной эпохи. При этом, по словам Яхонтова, «губархивом сделано было, чтобы архивы были выданы обществу и служили науке» (II, с. 172).

Однако после десяти лет плодотворной работы в архиве и музее Яхонтова обвинили в профессиональной некомпетентности, воровстве экспонатов и религиозной пропаганде. В конце 1929 г. его арестовали, и он несколько месяцев провёл в тюрьме под следствием. Оправданный судом, Степан Дмитриевич вышел на свободу, но уже не смог вернуться к работе, проведя последние годы жизни в забвении и нужде, которая переходила порой в борьбу за существование. Особенно удручало его закрытие и разрушение храмов, преследование священников. На страницах дневника он не скрывал своего неприятия современности, видя вокруг картину всеобщего уныния и запустения. Отчасти этому способствовал глубоко провинциальный облик Рязани: «Нынешняя, скорее, захолустный уездный город или большое село — деревня» (II, с. 699). Действительно, областной центр обошла стороной даже индустриализация 1930-х гг.

Весной 1936 г. Яхонтов последний раз побывал в Москве, но происходившие там перемены могли лишь огорчать любителя старины: «Москва перестраивается. Все тротуары и площади асфальтированы. Домов много сломали ради света и простора. В центре трудно узнать. Исчезла старая Москва, но исчезла и физиономия её. Дома громадные в одиннадцать—двадцать этажей торчат, как кочки, рядом с двух-трёхэтажными, а то и ниже. Нет нигде линии ни правильно ломаной, ни ровной. Страшное впечатление — кто-то вскопал и не пригладил. Может быть, лет через двадцать выровняется всё. Красивые и полезные места уничтожены: напр[имер], уничтожен на Театральной сквер, всегда, бывало, набитый детишками... На башнях кремля, как [на] корове седло, уселись золочёные пятик[онечные] звёзды с серпами и молотами вместо гербов. Лишь часы на Спасской башне ещё напоминают о чём-то... Но авто и трамваи — сущее зло. На обширной площади вы не застрахованы, что не будете раздавлены. Несутся, как сумасшедшие, и делают пешеходов такими же. Идти, думать, благодумствовать, гулять невозможно, а только можно перебегать, вертя головой во все стороны. Отсюда нервность, отвратительное настроение... Исчез человек! Кто в автомобиле, те и хороши... Москвы издали не видать. Храмов очень мало осталось, и физиономия её изменилась. Получается плоское бабье лицо. Недаром кухарка начинает управлять. Потянуло меня из Москвы!». Только метро заслужило скупую похвалу: «Богато, хорошо устроено, но без нужды роскошно. Полезное учреждение. Даже место прогулки» (II, с. 727—728).

Разразившуюся войну Яхонтов воспринимал мистически, как воздаяние за грехи и пороки современного мира. Полагая летом 1940 г., что «Франция и Англия накануне гибели», он утверждал: «И законно это возмездие за то, что обе эти страны были гнездом нечестия, приютом революционного воспитания...

Вот небо и вооружило грозного мстителя в лице Германии. А кто же будет мстителем бывшей России?! А будет!!!» (II, с. 758). Но к началу 1941 г. у него не осталось сомнений и в том, что «Германия совсем озверела» (II, с. 761).

Ещё ранее, в конце сентября 1939 г., Степан Дмитриевич констатировал, что «произошёл новый — это уже четвёртый раздел Польши». Но его отношение к случившемуся было по меньшей мере противоречивым. Он был доволен тем, что Польша «сходит с исторической карты» (хотя и с сочувствием отзывался о поляках, «которые дали миру столько гениев»). По его словам, «надо бы радоваться, что замученная историческими насилиями огромная часть р[усского] народа будет воссоединена опять с Русью». Но он осознавал, что на присоединённые территории «идёт рабство хуже монгольского», и сомневался, «сохранится ли р[усская] народность в том виде, как мы её знали доселе, т.е. с её обычаями и главное — верностью дедовской вере». «Я прихожу в ужас от предстоящего, — писал Яхонтов, — когда будут ломать народную жизнь; разрушать храмы; веру православную, как и у нас». Да и то, что «русское войско нахлынуло, как стервятник на падаль», ему явно не импонировало (II, с. 745).

Нападение Германии на СССР, по существу, не изменило настроения Яхонтова. Осенью 1941 г. его одолевали мрачные предчувствия «разрушения рус[ского] гос[ударства]», ему оставалось лишь размышлять о том, «почему мы не можем победить», и ожидать приближавшейся смерти (II, с. 764—766). Он уже «приготовился оставить всё» и удивлялся рассказам о том, будто «в городе есть слух, что я выслан из Рязани. Смешали с сыном. Куда? Меня только в могилу можно сослать, чтоб не мешался. Да и за что? Я не родинолубец. Завтра попробую пригласить священника — принять Св[ятых] Т[айн]. Вот только, что мне нужно» (II, с. 770). И всё же под бомбёжками в прифронтовой Рязани больной и беспомощный старик не прекращал делать записи в дневнике. Теперь уже ему казалось, что «самое дорогое для будущего ценное — это мои автобиографические записи» (II, с. 771, 773). Эту мысль мемуарист не уставал повторять в последние свои дни.

Воспоминания С.Д. Яхонтова, охватывающие почти восемь десятилетий, дают серьёзный повод для размышлений о судьбах его современников, поднимавшихся в пореформенные десятилетия на волне радикальных перемен, охвативших русское общество, но не всегда сочувствовавших тому, что называют сегодня модернизацией, переживших великий революционный переворот, сокрушивший старую Россию, и оказавшихся в печальном положении «бывших» людей. Понять смысл происходивших процессов и найти своё место в быстро менявшемся мире было невероятно трудно. Об этом свидетельствуют и грандиозные мемуары Степана Дмитриевича, на страницах которых строгий историк спорит с пристрастным очевидцем.

Андрей Тихонов: Трудная судьба «маленького человека»

Andrey Tikhonov (Vladimir State University, Russia): The difficult fate of the «little man»

DOI: 10.31857/S086956870016623-6

Краеведение составляет важную часть исторического знания, позволяющую наиболее точно восстановить картину происходившего в разных местах, установить существенные детали событий общероссийского и даже мирового значения. Каждый регион России имеет своих хранителей и исследователей древности. Но Рязанской земле особенно повезло. Под редакцией профессора

П.В. Акульшина изданы обширные воспоминания её главного краеведа конца XIX — первой трети XX в. — С.Д. Яхонтова, которые раскрывают все оттенки жизни этой части России во всей её красоте. К печати их подготовили сотрудники Государственного архива Рязанской области Т.П. Синельникова, Н.В. Пономаренко, В.М. Попова и М.В. Гольцева. Участвовал в работе над книгой и внук мемуариста Б.Г. Белоглазов.

Яхонтова можно назвать создателем рязанского краеведения. Он был членом Рязанской учёной архивной комиссии, устройтелем и директором губернского архива и краеведческого музея, пожизненным членом Императорского Православного Палестинского общества и одним из его руководителей в губернии. Основная ценность его мемуаров — в целостности описания сложной эпохи и внимании к мелким деталям быта. В них отражена трудная судьба «маленького человека» второй половины XIX — первой трети XX в. Детство Яхонтова прошло в большой семье (восемь братьев и сестра) сельского пономаря, в бедности и в постоянных поисках пропитания и сравнительно сносных условий существования. Надежду на его прочное улучшение могло дать только образование. Неудивительно, что Степан Дмитриевич подробно описал своё обучение, начиная с уездного училища и до Московской духовной академии, где, во многом под влиянием В.О. Ключевского, он увлёкся историей, что и предопределило его дальнейшую деятельность.

За исключением нескольких лет, проведённых в начале 1880-х гг. в Екатеринославе, Яхонтов никогда не покидал надолго Рязанский край и оставил в мемуарах яркие портреты его жителей: учащихся и учащихся, священнослужителей и дворян, простых обывателей и прежде всего — родственников и домочадцев самого Степана Дмитриевича. Оставаясь умеренным консерватором, он в 1905—1907 гг. поддерживал «Союз 17 октября», но затем вышел из него «и с этих пор ни в каких политических партиях не состоял и политикой не занимался» (I, с. 567). После 1917 г. Яхонтов болезненно воспринимал политику большевиков и особенно их жёсткое отношение к Церкви. В 1920—1930-е гг. его симпатии были на стороне «тихоновцев», которым партийно-государственные органы пытались противопоставить раскольников-обновленцев.

В 1920-е гг., в «золотое десятилетие российского краеведения», несмотря на нищету и бытовую неустроенность, Яхонтов сумел наладить работу местного архива и музея, которыми успешно руководил в 1919—1929 гг. Но вскоре власть решила «очиститься» от выходцев из дореволюционной интеллигенции и духовенства, видя в них своих потенциальных противников. А именно они в основном и занимались тогда краеведением, которое представляло собой одну из форм демократической самостоятельности населения и опиралось на традиции, сложившиеся ещё на рубеже XIX—XX вв. Возникшее в результате «дело краеведов» завершилось арестами во многих регионах страны. Новому составу Центрального бюро краеведения во главе с П.Г. Смидовичем такие люди, как Яхонтов, были уже не нужны. В 76 лет его обвинили в воровстве музейных экспонатов и даже продержали в тюрьме. Последующие годы стали для него временем выживания: из своего дома на центральной Астраханской улице ему пришлось переехать в более скромное жильё на окраине Рязани, он оказался практически без средств на одежду, питание и дрова для отопления, всё чаще давали о себе знать болезни, а воспоминания о минувшем переплетались с ожиданием приближавшегося конца.

Любопытно, что схожим образом складывалась и судьба «владимирского Яхонтова» — Неофита Владимировича Малицкого, также происходившего из духовного сословия, обучавшегося в семинарии, ставшего в советские годы создателем архива и музея в соседней губернии, арестованного и осуждённого по «делу краеведов» и уже не вернувшегося к активной деятельности. Но именно благодаря ему во Владимире уцелели многие уникальные документы (в том числе относящиеся к XVI в.), а Государственный архив Владимирской области является одним из наиболее богатых источниками в провинциальной России.

Фёдор Гайда: Подвиг энтузиаста

Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow): Enthusiast's feat

DOI: 10.31857/S086956870017205-6

В течение всей своей долгой жизни С.Д. Яхонтов сохранял удивительное здравомыслие, осмотрительность, критичность, оставаясь при этом настоящим энтузиастом, преданным своему делу и идеалам. Будучи выходцем из духовной среды, выпускником рязанской семинарии и Московской духовной академии, преподавателем истории в учебных заведениях Рязани, он во многом разделял славянофильские взгляды. В 1877—1878 гг. его увлекали речи И.С. Аксакова (I, с. 775), в 1914 г. к войне он отнёсся «патриотически» (I, с. 899). Став в 1906 г. одним из организаторов местного отдела «Союза 17 октября», он уже в следующем году, разочаровавшись в работе Думы, вышел из партии и навсегда потерял интерес к политической деятельности (I, с. 567).

В 1883—1915 гг. основным занятием Степана Дмитриевича являлось преподавание в Рязанской духовной семинарии. «Бывало, идёшь в класс, — вспоминал он, — несёшь уйму новых сведений из истории, знаешь, что их тотчас же подхватят, поймут твои выводы, заинтересуются и в тот же или на следующий урок поставят тебе вопросы, которые обнаруживают, что брошенные тобой мысли прошли чрез хорошую мозговую работу. Ну как же в такую плодородную почву не бросать с увлечением хорошие семена! И я работал и работал. С затхлыми сведениями и взглядами в класс не являлся. Я рвался из сил овладеть современной историей и её вспомогательными дисциплинами, чтобы принести всё это в класс» (I, с. 457). Вместе с тем Яхонтов видел, что «семинарии [18]70—[18]80-х годов как будто изменяли сами себе: лучшие ученики покидали её и валом валили вон, в светские учебные заведения». «Сказать по правде, — признавался он, — обидна была для церкви, в узком, конечно, смысле, потеря лучших сил, возвращённых однако же на её средства (тоже в неточном смысле). И вот, с воцарением Александра III, сделана была попытка сначала урегулировать этот поток, а потом и совсем запрудить его». По мнению Яхонтова, «подходящий человек для того был налицо — [К.П.] Победоносцев». Более того, «лучшего человека и выбрать было нельзя. И если дело церкви не получило надлежащего лечения, то не Победоносцев тут виноват, как не виноват царь, что только взнуздal Россию, а не избавил от воздействия современности». В результате преобразование семинарий не только не способствовало «борьбе с тем ядом, который уже действовал в церкви и её школе — с времён реформ Толстого», но лишь ожесточило семинаристов, которым затруднялся доступ в университет (I, с. 475). Одновременно с 1890-х гг. в духовных учебных заведениях усилился «формализм», увеличилась дистанция между учащими

и учащимися, «ученички стали мельчать», а «бесцветность нарождалась» (I, с. 457—458).

И постепенно «как в гимназиях привилегированных изуродованный классицизм сулил тип “белоподкладочника”, так и в семинариях нарождался тип попа велосипедиста и вальсёра. Этот тип проявился предо мною на епархиальном съезде 1917 года в Рязани. Тут предо мною явились созревшие фрукты “красного духовенства”, ещё не оформившееся обновленчество» (I, с. 474—475, 477). Так или иначе, в начале XX в. «революция настигла семинаристов, когда они уже перестали быть семинаристами, так же, как и духовенство наше, когда оно само себя уже упраздняло и как сословие, и от служения алтарю» (I, с. 457).

Отношение к Февральской революции 1917 г. у Яхонтова было вполне трезвым. «У меня и мне подобных была только сумма разных чувств и дум, — вспоминал он позднее. — В смутном настроении проносилось: неудачный ход войны, который не мог быть удачным оттого, что “знамя пало”; правление государством не могло быть лучшим оттого, что ярлык другой пришьют; ведь правление — это суть люди, а они не переделались вдруг. Кто такое Временное правительство? С какого неба оно свалилось? Кто их знал? Знаем мы “общественное благо”. Отдельные личности могут быть такими друзьями человечества, но целая ватага? — позвольте не верить. А теперь и вовсе “мутная вода”. В ней действуют борьба честолюбий, борьба за власть, за “Я”. Этим временем пользуются эгоисты и проходимцы. Вместо “тебя” — “Я”! Посмотрите, кто в Наполеоны полез, — Керенский — ничтожнейшая личность с точки зрения самоотречения от личных выгод... И вообще-то в правительстве так, а в республиканском — это общее правило. Волчьи аппетиты! Растравливание аппетитов — общее руководящее правило, когда призывается к власти весь одурачиваемый народ. Этими временами пользуются все недовольные, все честолюбивые, все мстящие, все хулиганящие, все посягающие на чужое, всё порочное, всё самомнящее, всё распущенное, всё фальшивое, и т.д., и т.д., — вся накипь, всё лезет наверх, всё требует себе куска, места, — это буря страстей, которая создаёт хаос не только государственный, общественный, но духовный, нравственный. Оттого в революции гибли не только государства, но и народы. Не всегда сразу, но выпущенные язвы приводили к концу» (II, с. 16).

В целом, по оценке Яхонтова, «беспокойный и подвижный был [19]17 г., но и легкомысленный. Духовенство, раз уже сдвинулось со своего места, остановиться не могло» (II, с. 59). Сам же Степан Дмитриевич, сохраняя верность традиционной церковности, погружался в водоворот нестроений епархиальной жизни, оказавшейся под сильным влиянием внешней среды. Владыка Дмитрий (Сперовский), занимавший рязанскую кафедру с 1911 по 1917 г., казался Яхонтову образцовым архипастырем. Придерживаясь консервативных взглядов, преосвященный критиковал «немцев», «евреев» и разнообразные общественные пороки, связывая с ними нараставшее в народе нравственное разложение и приближение революции. Яхонтову во многом импонировала такая позиция. Однако архиерею угрожали физической расправой, и в июне ему пришлось уйти на покой и уехать в Москву.

Тем временем в первые месяцы после краха старого порядка, наполненные повышенной театральностью, по всей стране проводились съезды православных приходских советов, подражавших рабочим и крестьянским депутатам. Учебный процесс в семинарии и училище прекратился, при этом появились «пастырские курсы» с вольным составом преподавателей, ничему толком не учивших. До избрания нового предстоятеля епархией и её хозяйством несколько

месяцев распоряжался «исполком» («епархиальное бюро»), состоявший из городских клириков (II, с. 52—58).

Нового епископа избирал епархиальный съезд, депутатом которого стал и Яхонтов. «Когда я попал в эту гущу “распоясывавшегося” рязанского духовенства, — вспоминал позднее Степан Дмитриевич, — я очень опечалился. Люди почтенные, из духовенства, позволяли себе, не стесняясь, пред всеми, глумиться над своим сословием и над порядками церковными; не разбирали выражений, унижающих православие. Духовенство с внешней стороны вело себя, как в кабаке: хаяли сами себя, гоготали мальчишески, топали, необузданно восторгаясь ораторами с кафедры, метавшими громы и молнии на свою же церковь, — не стыдились своих же прихожан, мирян, с которыми приехали. Я был свидетелем издевательских острот одного почтенного годами и наукой протоиерея, и мои симпатии к нему кончились. Особенно этим манером отличались дьяконы и псаломщики, попавшие в съезд. Грустно! У меня тогда же составилась какой-то внутренний, безответный приговор: не такому духовенству спасать страждущую церковь!». Между тем «много вопросов обсуждалось: о дележе доходов, о делении на приходы (кто где живёт — новый принцип), об издании своей газеты — “Голос свободной церкви”; об открытии пастырских курсов; об учреждении при епископской церкви епархиального совета в помощь епископу; о финансовом состоянии Рязанского духовного училища — смета на его содержание и др.». Яхонтова, несмотря на его критическое отношение к большинству, выбрали председателем ревизионной комиссии съезда, членом епископского совета и уполномоченным от мирян Рязанской епархии на Всероссийском соборе (II, с. 57—58). Впрочем, попытки восстановить финансовую дисциплину вскоре вызвали конфликт между ним и рядом влиятельных фигур, захвативших в свои руки местные церковные средства.

В новые епископы съезд большинством голосов выдвинул смотрителя Сапожковского духовного училища архимандрита Серафима (Руженцева), происходившего из придворного духовенства и долгое время служившего в Стрельне. Там он приобрёл барские замашки, но с началом революции быстро перешёл «на новые рельсы» и в борьбе за кафедру развернул масштабную предвыборную кампанию под демократическими лозунгами. Яхонтов считал его авантюристом и поддерживал меньшинство, сплотившееся вокруг викарного епископа Михайловского Павла (Вильковского). В результате Синод направил в Рязань комиссию, которой пришлось отменить выборы³. С. Руженцев стал в дальнейшем одним из основателей обновленческого раскола 1922 г.

Вскоре после падения Временного правительства и избрания патриархом Тихона (Беллавина) из Москвы в Рязань прибыл архиепископ Иоанн (Смирнов), управлявший затем епархией вместе с епископом Павлом. Однако её продолжало лихорадить: созданный для решения дел «на новых началах» церковно-епархиальный совет оказался завален доносами и клеветами. Возникшая в 1917 г. газета реформистски настроенных священников «Голос свободной церкви» активно боролась с консервативными архиереями. Желая ободрить верующих, владыка Павел организовал «христианские вечера», где читались лекции и проходили концерты духовной музыки. Устраивались и общегородские крестные ходы. Благодаря усилиям «терпеливого» архиепископа Иоанна и деятельного епископа Павла, по словам Яхонтова, в 1918—1919 гг. духовенство

³ Гераськин Ю.В. 1917 год и ситуация в Рязанской епархии // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1. С. 69—72.

«несколько отрезвилось» и «в Рязани выдвинулось несколько ораторов, которые звали народ к церкви и христовозветной старине» (II, с. 59—65).

С началом открытых гонений ситуация резко изменилась. Ещё в 1918 г. красноармейцы разогнали епархиальный съезд. В 1920 г. комиссар юстиции Якубовский подверг погрому архиерейский дом, сопровождая насилие демонстративным кощунством над Святыми Дарами (II, с. 65—67). Сменивший в том же году скончавшегося владыку Иоанна архиепископ Вениамин (Муратовский) проявил себя слабым и уступчивым человеком. Паства не любила его, доходило даже до публичных оскорблений, которые архиерей пропускал мимо ушей (II, с. 67—69). Кампания по изъятию церковных ценностей не встретила с его стороны никакой критики, он не только сохранил полную лояльность, но и всячески содействовал варварским действиям властей, сопровождавшимся многочисленными хищениями. Так, члены комиссий открыто ходили с украденными перстнями на руках (II, с. 219—227). Яхонтов утверждал, что своей мягкостью и беспринципностью преосвященный Вениамин фактически подготовил епархию к обновленческому расколу (II, с. 639), к которому и сам позднее присоединился.

Яхонтова также пытались привлечь к раскольнической деятельности. В 1922 г. его вызвали в рязанский окружной отдел ОГПУ и предложили ему как лицу, пользующемуся авторитетом в среде духовенства, возглавить новый печатный орган и развернуть агитацию за «церковную революцию». Степан Дмитриевич отказался (II, с. 207—208). Он был гораздо ближе к занявшему в 1923 г. кафедру архиепископу Борису (Соколову), который решительно и бескомпромиссно боролся с обновленцами и «был боец за правосл[авную] церковь: не капитан, не полковник, а генерал боевой» (II, с. 640). Владыка неоднократно подвергался арестам и высылкам из Рязани, но продолжал руководить епархией по переписке до своей кончины в 1928 г. В условиях, когда в церковной среде упорно толковали о том, что власти убили патриарха Тихона, это требовало немалого мужества (II, с. 65, 218—219).

В начале 1930-х гг. последовала новая волна гонений: храмы сперва сдавали в аренду общинам верующих, затем закрывали под предлогом создания клубов и столовых, ломали на кирпич или передавали обновленцам. Быстро исчезали и домовые церкви. Запрещалось собирать средства на нужды епархии и ремонт городского собора, пока в нём ещё совершались богослужения. К концу десятилетия в Рязани из 32 храмов действовал только один, не считая обновленческих (II, с. 485, 726). Кражи церковного имущества никогда не раскрывались. Население в массе своей уже относилось к происходившему равнодушно, как к чему-то неизбежному. В 1936 г. был арестован и в 1937 г. расстрелян архиепископ Ювеналий (Масловский), прославленный позднее как священномученик (II, с. 478—479, 650—666). Кафедра не замещалась до лета 1942 г.

Подобное торжество материализма и социализма удручало Яхонтова. «Материалист — тот же кальвинист, — писал он в дневнике в 1933 г., — только без Бога. Человеч[еской] личности нет. Человек — продукт среды и за свои поступки не отвечает. Не он творец жизни, а наоборот, экономич[еские] законы определяют его. Достоев[ский] говорит: “У них не человечество, развившись историч[еским] живым путём до конца, само собою оборотится, наконец, в нормальное общество, а напротив, социальная система, выйдя из какой-либо математической головы, тотчас же устроит всё человечество и в один миг делает его праведным и безгрешным, без всякого исторического и живого пути”. Мёртвая доктрина». Сам же Степан Дмитриевич полагал, что «экономических

законов самостоятельных и экономич[еской] необходимости нет, а все явления экономич[еского] порядка мыслимы только как деятельность человека, существа нравственного и способного подчинять все свои действия [мотивам] чистого добра. Самостоятельный и безусловный для человека [закон] один — нравственный, и необходимость одна — нравственная». При этом «социал[изм] стоит на одной и той же почве с мещанским царством — на почве господства материального интереса. Как у капиталистов человек берётся лишь как экономич[еский] деятель: у одних экономич[еский] материал — капитал меньшинств, а у других — интерес рабочего, который такой же своекорыстный и не выше противников своих» (II, с. 706—707).

В столь неблагоприятных и даже враждебных условиях жизнь Яхонтова становилась настоящим подвигом. Со свойственным ему энтузиазмом в послереволюционные годы он берётся за устройство в губернии архивного и музейного дела. Собственно археологический музей появился в Рязани ещё в начале XX в., а Степан Дмитриевич заведовал им с 1905 г. В 1911 г. при содействии епархиального начальства Яхонтов создал и церковный музей, где хранились облачения, утварь, старинные иконы. Тогда же начались реставрационные работы (II, с. 70—85). Сохранение этого достояния после 1917 г. требовало невероятных усилий. Вместе с тем музейные фонды пополнялись ценностями, поступавшими из разорённых усадеб, монастырей и храмов. В конце 1920-х гг., когда многое уже было сделано, Яхонтову довелось пережить ещё более суровые испытания и невзгоды: арест, увольнение, нищета, болезни и немощь. За несколько месяцев до его смерти к этому добавилась и война, которая воспринималась им как неотразимое возмездие, сулившее неминуемую гибель безбожному государству и общественному строю. Падший мир погибал, а умиравший старик тем временем всё острее ощущал, ожидал и пронзительно описывал приближение — уже не столько врага, сколько вечности.

Олег Милевский: Элегия о провинциальной России

Oleg Milevsky (Surgut State Pedagogical University, Russia): Elegy on provincial Russia

DOI: 10.31857/S086956870016613-5

Региональная история в России активно развивается. В силу громадных расстояний между столичными архивами и большинством университетских городов именно локальные сюжеты всё чаще привлекают внимание исследователей и обогащают отечественную историографию. Благодаря подвижнической деятельности учёных и архивистов за последние годы российское научное сообщество получило ряд новых и весьма важных источников. Выяснилось, что в провинции хранится масса интересного и ещё не опубликованного материала. В губернских городах Российской империи тоже текла научная жизнь, работали весьма даровитые историки, краеведы, этнографы, старательно изучавшие и сберегавшие памятники родной старины.

Воспоминания С.Д. Яхонтова, бывшего одним из них, поражают своим объёмом, охватом огромного временного периода и многообразием сюжетов, затрагивающих разные стороны и пласты жизни русского общества. Это действительно завораживающее, часто очень грустное, а местами страшное повествование о судьбе провинциальной России начала XX в., полностью изменившей свой облик под влиянием войн и революций. Автор с горечью наблюдал, как «новые города строятся на новых местах, а мы столетние исторические города переделываем по нашей фантазии: ломаем исторические здания, чтобы

втиснуть в них наши “домыслы”, стильные исторические храмы обращаем в гаражи и склады под картофель и капусту» (I, с. 19).

28 ноября 1941 г. Яхонтов записал в дневнике: «Два ящика моих воспоминаний: поверьте, очень ценны! Но до кого они дойдут?» (II, с. 773). Теперь, если бы не скромный тираж, они были бы уже доступны широкому кругу читателей. Однако, готовя их к печати, публикаторы (П.В. Акулышин, Б.Г. Белоглазов, В.В. Коростылёв, Н.В. Пономаренко, Т.П. Синельникова) проделали гигантскую источниковедческую и текстологическую работу над автографом, состоящим из 14 книг (общим объёмом около 2 700 листов) с многочисленными поправками, исправлениями, рукописными схемами и рисунками мемуариста. При этом были сохранены и атрибутированы фрагменты дневниковых записей и писем Яхонтова, включённые им в текст воспоминаний.

Начинаются они с описания истории, топографии и природы родного села Яхонтова — Ухоря и его окрестностей. Тут же он как профессиональный историк характеризует местное дворянство (I, с. 51—53). Очень подробно, без излишних прикрас и идеализации, Яхонтов описал все периоды своего обучения и становления как преподавателя и учёного. Он начинал учёбу в Скопинском духовном училище, затем учился в рязанской семинарии, а закончил своё образование в Московской духовной академии, где на него произвели сильное впечатление лекции В.О. Ключевского. Степан Дмитриевич был буквально очарован. «Милый Василий Осипович!, — вспоминал он на склоне лет. — Ни до, ни после не встречал я такого “Человека”, такого историка-художника слова и “воскресителя” прошлого русской жизни!» (I, с. 232).

28 июня 1880 г. Яхонтов получил место преподавателя латинского языка в Екатеринославской духовной семинарии, где проработал с августа 1880 по октябрь 1883 г. Вернувшись в конце 1883 г. в Рязань, Яхонтов прожил там следующие 59 лет, из которых 33 года преподавал историю в духовной семинарии, женском епархиальном училище, Мариинской женской гимназии, частных женской гимназии В.П. Екимецкой и мужской — Н.Н. Зелятрова.

Как справедливо отмечают публикаторы, его воспоминания о Екатеринославе и Рязани конца XIX — начала XX в. «являются подлинной энциклопедией жизни губернского города центральной России» (I, с. 11). Эти главы представляют большой интерес и для историков повседневности; особенно полно в них отражён быт женских и духовных учебных заведений. Вместе с тем талантливый и тонкий наблюдатель, а также очень практичный и бережливый человек, Яхонтов не упускал из виду и таких мелочей, как цены на рынке, стоимость домов и их ремонта, сорта груш и яблок, которые выращивались в садах, рецепты наливок и т.п. (I, с. 402, 815). Он с любопытством подмечал разницу в характере и поведении русских и украинцев и фиксировал распространение в среде разночинной интеллигенции «украинской идеи». С такой же точностью он описывал и перемены, происходившие в Рязани после революции.

Взгляды Яхонтова, убеждённого монархиста и консерватора, складывались с раннего детства под влиянием чтения (сказки, песенники, жития святых, лубочные картинки), сильной православной религиозности и патриархальных нравов семьи и села, где он родился и вырос. Он верил в «тысячелетнюю Русь» и её духовные традиции, считал идеалом царствование Александра III, в его высказываниях проскальзывали элементы панславизма и антисемитизма (I, с. 315, 317, 321, 336, 458).

Так или иначе, революционные потрясения, свидетелем которых он являлся, и знаковые общественно-политические события — русско-турецкая

война 1877—1878 гг., покушения народовольцев на императора Александра II и цареубийство 1 марта 1881 г., смерть Александра III и вступление на престол Николая II, Манифест 17 октября 1905 г. и выборы в Государственную думу, русско-японская и Первая мировая войны и т.д. — не оставляли Яхонтова равнодушным и весьма эмоционально описывались в его дневниковых записях и воспоминаниях. Обострённую реакцию у их автора вызывали и события, связанные с борьбой «великих держав» за передел мира. Так, 31 декабря 1900 г. Яхонтов давал в дневнике моральные оценки военным конфликтам в Китае, на Филиппинах и в Южной Африке. Тогда он видел в них «три фрукта духовной культуры XIX в.», оставившего «отвратительное наследство», и грядущий «англосаксонский рай», в основе которого — «разбой, грабёж и наглое плутовство» (I, с. 532).

Советский период жизни Яхонтова освещён в восьми книгах, отразивших его впечатления от крушения монархии, экономической разрухи, ужасов гражданской войны, гонений на Церковь, ареста и тюремного заключения в 1929—1930 гг. до начала Великой Отечественной войны. Церковная политика большевиков вызывала у Яхонтова особенно яростное неприятие. Ведь вера оставалась для него важнейшей ценностью. «Преданность Церкви есть продукт всей моей жизни, а теперь только ею и живёшь, и крепишься, в храме только отдых для души; всю прошлую церковностью и дышишь до дна», — утверждал он в конце 1930-х гг. (II, с. 666).

Яхонтов описал и свою деятельность в губернском архиве и музее в 1919—1929 гг. Несмотря на достигнутые тогда успехи в организации краеведческой работы, музейного и архивного дела в губернии, итог этой работы не внушал мемуаристу оптимизма. «1929 год был для нас особенно тяжёл, — констатировал он. — Я из своего окошечка, конечно, не видел, что творилось во всём свете, но что около замечал, то убеждало меня в том, что в ближайшие годы из любимой старины русского быта останется немного, и я, как последний могиқан или последний язычник римлянин, кричу и записываю свою памятную книжечку» (II, с. 531). Формирование нового советского человека вызывало у Степана Дмитриевича, сохранившего приверженность старым идеалам, стойкое неприятие. Его отношение к переменам, происходившим в стране, корректно и убедительно проанализировано П.В. Акулышиным в послесловии ко второму тому «Советская эпоха в жизни и воспоминаниях С.Д. Яхонтова» (II, с. 788—797).

В последние десять лет жизни Яхонтов часто размышлял в дневнике о внешней политике СССР и «западных демократий», отзываясь о ней, как правило, весьма нелицеприятно. Когда Германия напала на Советский Союз, историк делал пессимистические прогнозы. «Война развивается до разрушения русского государства, — сетовал он 11 ноября 1941 г., видя, что враг уже находится на подступах к столице. — Общее наше — развал. По моему предсказанию, хотя не от одной причины» (II, с. 765). К счастью, это мрачное пророчество не исполнилось. Советские люди и руководившие ими власти, столь жёстко критиковавшиеся Яхонтовым, нашли в себе силы отразить врага и одержать победу. Более того, перелом в этой борьбе был уже близок. Однако откликнуться на разгром немецких войск под Москвой Степан Дмитриевич не успел. Он умер накануне Рождества 6 января 1942 г., оставив после себя ценнейший источник, позволяющий понять, как чуткий провинциальный историк на протяжении почти 80 лет воспринимал большие и малые события, происходившие с ним и вокруг него.

Людмила Мошкова

Рец. на: М.В. Корогодина. Памятники церковного права в рукописях XV — начала XX века (Описание рукописного отдела Библиотеки РАН. Т. 11. Вып. 1). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 640 с.

Ludmila Moshkova

(Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow)

Rec. ad op.: M.V. Korogodina. Pamyatniki tserkovnogo prava v rukopisyah XV — nachala XX veka (Opisanie rukopisnogo otdela Biblioteki RAN. T. 11. Vyp. 1). Moscow; Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S086956870016615-7

Подготовка печатных описаний рукописных книг, хранящихся в России, — основная задача сотрудников библиотек и архивов. Тем самым они помогают исследователям ориентироваться в безбрежном море славянской рукописной книги. Однако отдельные описания выпускаются лишь в Российских национальной и государственной библиотеках, Российском государственном архиве древних актов, Библиотеке РАН, где и подготовлено настоящее издание, и некоторых других хранилищах¹. Безусловно, работа по описанию — дело долгое и кропотливое. К тому же это занятие не слишком благодарное: ни один археограф, кроме, пожалуй, А.В. Горского и К.Н. Невоструева, не создал себе в науке имя только как автор описаний. Этот вид деятельности отчасти можно считать благотворительностью, так как археограф работает не для себя, а для массы часто неизвестных ему пользователей. Поэтому выход каждого нового описания — уже само по себе событие.

Издание, подготовленное заведующей Отделом рукописей Библиотеки Российской академии наук (БАН), доктором исторических наук М.В. Корогодиной, включает опи-

сания рукописей, содержащих канонические тексты. Это трудные для работы источники, поскольку их отличительная черта — большой объём и вариативность помещённых в них статей. Всего в книге представлено 103 кодекса, т.е. в неё включено описание большого массива рукописных книг самого разного содержания. Совершенно очевидно, что это результат многолетнего упорного труда, завершившийся выходом солидного издания.

Предисловие, которое призвано ориентировать читателя в материале, написано подробно и обстоятельно, с изложением авторских принципов описания. Как известно, каждый археограф работает по своим правилам (или в рамках той или иной школы), но главное для него — последовательно их выдержать. Пожалуй, именно с точки зрения соблюдения декларируемых принципов описания и имеет смысл рассматривать данное издание.

Исследовательница совершенно оправданно разделила включённые в том рукописи на девять разделов в зависимости от их содержания. Подобный подход позволяет читателю прекрасно увидеть как общее, характерное для всех (или большинства) руко-

писей одного раздела, так и особенности каждого манускрипта. Отчасти такой подход сродни расположению рукописей в каталоге в порядке их названий, так как объединённые в одном разделе книги сходны по составу. Следует только приветствовать сведения описания содержания некоторых книг в таблицы (с. 244—254, 270—297, 312—327, 342—359), поскольку это позволяет наглядно представить материал и дать читателю возможность самостоятельно его сопоставить. Однако надо отметить, что этот путь, облегчающий работу пользователя, по временным затратам более трудоёмок для автора: упорядочивание содержаний и разнесение отдельных статей по графам таблицы (с их последующей сверкой) может отнять у составителя намного больше времени, чем рутинное перечисление глав.

Можно поспорить с тем, что автор не повторяет «достаточно подробные печатные описания» (с. 12) из-за незначительности возможных добавлений. Полагаю, что каждый каталог должен быть *самодостаточным*, поэтому отсылка к иной книге не всегда удобна читателю. Более того, здесь нет опасности повтора: каждый автор предлагает своё видение книги: два археографа опишут одну рукопись по-разному и каждый найдёт в ней что-то особенное.

Конечно, можно найти в предисловии и мелкие погрешности. Например, словосочетание «сборники неустойчивого состава» представляется не совсем корректным: эти рукописи крайне разнообразны по содержанию², а все сборники устойчивого состава, как правило, имеют собственные названия. Недоумение также вызвала фраза: «Наиболее сложным вопросом... являлась характеристика языкового извода, поскольку в ней необходимо было отразить... регион происхождения рукописи» (с. 13).

При её прочтении приходят в голову весьма сложные конструкции для описания сочетания этих совершенно разных определений. К счастью, всё оказывается достаточно просто: извод определяется стандартно, но в квадратных скобках указывается место, где, по мнению автора, книга была написана.

Нумерация и количество тетрадей в схеме описания рукописей (с. 14—15) указываются в том случае, если они сохранились. Такой подход, конечно, экономит составителю массу времени, поскольку иначе пришлось бы устанавливать границы тетрадей по листовой формуле, однако он не отличается последовательностью.

Заявленное составителем правило, что «знаки препинания ставятся согласно современным нормам русского языка» (с. 15), представляется слишком жёстким и трудно выполнимым: составитель работает преимущественно в рамках процитированного текста, объём которого может быть недостаточен для правильной постановки знаков препинания. Помимо этого, подобное требование — совершенно очевидная и неоправданная модернизация, поскольку исправление синтаксиса — это уже критика текста. Для примера несоответствия текста в книге изложенному принципу можно привести инципиты глав 60 и 65 в Номоканоне «Зонар»: «Муж иже еще убьет жену своею волею» (здесь и далее «ъ» в конце слов и «ѣ» в цитатах мною не употребляются. — Л.М.): «Иереи аще вкусит от ложа скотнаго» (с. 229); а также начальные слова глав 86, 90, 91, 94, 95 и др. (с. 230). Хорошо это видно в указателе инципитов, которые начинаются словами «Иереи аще» (с. 550), «Мних аще», «Мних входяи» (с. 556). К тому же кавычки в данном указателе (равно как и многоточие в конце цитируемого текста) представляются совершенно излиш-

ними. Не выделяются запятыми и приложения, стоящие после имени, например: «Тарасия архиепископа Константинаграда» (с. 45), «Феофила архиепископа Александрийского» (с. 97) и др. Хотелось бы, чтобы принцип расстановки знаков препинания выдерживался на протяжении всей книги, раз уж он заявлен.

Большое недоумение вызывают правила воспроизведения текста. Непонятно, почему сохранены «ъ», «ь» и «ѣ», в то время как остальные кириллические буквы заменены на современные (с. 15). Филологи и лингвисты не одобряют указанный подход. Мне же такое выборочное сохранение букв представляется пережитком советского прошлого, когда в гарнитурах не имелось необходимых кириллических букв. Правильней было бы отказаться от подобной передачи текста, особенно если это касается рукописей XV—XVI вв.

Весьма похвальным и оправданным является помещение научного названия статей, которое «не очевидно из самоназвания текста» (с. 15). В большинстве случаев это помогает читателю сразу представить тот византийский по происхождению «оригинал», который в славянских рукописях имеет совершенно иное название. Но и здесь не всё гладко. Так, инципит «В всяку прю и клеветы и шепты» (с. 536) встречается трижды. В первых двух случаях текст определён как выписки из «Закона судного людем» (с. 39, 55), в третьем такое уточнение отсутствует (с. 121). Научное название статьи — «Сказание об опресноках» Никиты Стифата — приведено только два раза (с. 104, 424), в остальных десяти случаях его нет (с. 34, 51, 64, 79, 88, 98, 111, 124, 134, 155³). Но этот пример может быть оспорен: самоназвание статьи достаточно очевидно — «Никиты мниха прозвитера манастиря Студийскаго, пореклом Скифита, к

латинам о опресноках» (с. 34). Добавление научного названия «Толкование литургии» (с. 61, 111) также можно считать избыточным. Замеченные погрешности свидетельствуют о том, что том описаний готовился долго, составитель не всегда помнил, что и где он должен добавить, а унификация при сдаче труда в печать была проведена недостаточно жёстко.

Радует, что при составлении библиографии составительница отказалась от указания книг, где та или иная рукопись просто упоминается. Полное перечисление всех упоминаний ничего не может дать исследователю, но сильно экономит время составителя. Однако иногда приведённая библиография вызывает недоумение. Так, на с. 425 антилатинские статьи сопровождаются ссылкой на книгу А.Н. Попова⁴, но без указания, что текст издан по данному списку (обычно автор это оговаривает). В 11 других случаях (с. 34, 51, 64, 79, 89, 98, 111, 124, 134, 155, 364) труд этого исследователя не упоминается. Значит ли это, что Попов привлекал первую упомянутую рукопись для подведения разночтений? Такое положение содержится в предисловии (с. 15), но без обращения к указанному труду понять это нельзя. Однако из книги Попова становится ясно, что данные статьи приводятся «по списку 1284 года»⁵, а отнюдь не по рукописи XV в. из собрания А.И. Яцимирского. Следовательно, данная ссылка «ложная» и, вероятно, осталась со времён начального этапа работы над томом, когда принципы описания ещё не были окончательно сформулированы и автор следовал нормам, принятым в БАН.

Рецензируемая книга снабжена указателями инципитов, имён, топонимов, языковых изводов и шифров рукописей. Среди этого набора явно не хватает указателя названий произведений, хотя при знании инципита

и/или имени автора (если он указан) нужное произведение можно найти.

Указанные выше недочёты и погрешности не мешают пользоваться книгой и лишь в малой степени влияют на качество рецензируемого труда, поскольку касаются в первую очередь оформления. Высказанные замечания не ставят под сомнение главное — общий высокий уровень всех подготовленных описаний и квалификацию составителя — великолепного знатока канонических текстов.

В заключение необходимо отметить, что М.В. Корогодиной охвачен очень большой и, самое главное, разнообразный материал. Можно только восхищаться археографом, свободно работающим с рукописями как XIX, так и XV столетий. Несомненно, публикация вызовет значительный интерес у самой широкой аудитории, поскольку канонические памятники в той или иной степени входят в сферу занятий многих исследователей как в России, так и за рубежом.

Примечания

¹ См., например: *Сергеев А.Г.* Описание бумажных рукописей XIV века Библиотеки Рос-

сийской академии наук. М.; СПб., 2017; *Анисимова Т.В.* Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. Т. 2. № 101—200. М., 2019; *Левшина Ж.Л., Филонов Е.А., Шевченко Е.Э., Шибачев М.А.* Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. Вып. 7. СПб., 2020; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 3. Сборник аскетический — «Священные параллели» Иоанна Дамаскина / Под ред. Л.В. Мошковой. М., 2020. Среди крупнейших отечественных хранилищ особняком стоит Государственный исторический музей: создаётся впечатление, что сотрудники Отдела рукописей принципиально не занимаются подготовкой каталогов, хотя их собрание является одним из богатейших в России.

² Практически все книги, описания которых включены в третий выпуск Каталога РГАДА, относятся к «сборникам непостоянного состава», но тем не менее по содержанию их можно разделить на аскетические, богослужебные, житий и слов, канонические, энциклопедические и др. (см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века... Вып. 3. С. 5—6).

³ В последних двух случаях дана ссылка на печатную Кормчую (М., 1653), из которой текст и выписан.

⁴ *Попов А.Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875.

⁵ Там же. С. 126.

Константин Ерусалимский

Рец. на: В.Н. Козляков. Смутное время в России начала XVII века. М.: Квадрига, 2021. 556 с.

Konstantin Yerusalimskiy

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: V.N. Kozlyakov. Smutnoye vremya v Rossii nachala XVII veka. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S086956870016608-9

Монография о Смутном времени продолжает серию исследований и исторических биографий Вячеслава Николаевича Козлякова, посвящённых драматичным событиям рубежа

XVI и XVII вв.¹ В своей новой работе (во многом дополняющей его же труд 2007 г.)² автор поставил задачу пересмотреть основные вехи Смуты с учётом новейших достижений историо-

графии. После основного повествования первой части книги, охватившего период от времени правления Ивана Грозного до избрания Михаила Романова на царство, во второй части приведены очерки, главным образом касающиеся событий 1612 г. и общих проблем изучения Смутного времени в России. Один из них посвящён видному специалисту по истории данной эпохи А.Л. Станиславскому. Книга не нацелена на создание генеральной новой концепции. Её задача состоит скорее в том, чтобы связать известные в науке события с наработками наших дней, увидеть новые горизонты знания и отреагировать на недавние дискуссии. Новации в подходе к Смутному времени в книге Козлякова заметны, они позволяют многое в тех событиях увидеть в новом свете.

На фоне исследований В.И. Ульяновского, А.В. Лаврентьева, Б.А. Успенского, А.А. Булычёва, А.Л. Баталова своевременно появление в обобщённой работе о Смуте значительных сюжетов, посвящённых религиозности, символизму, ментальностям. Планы Бориса Годунова воздвигнуть в Кремле Святая Святых (храм, посвящённый Воскресению Христову, название которого апеллировало к ветхозаветному храму Соломона и к Гробу Господню), строительство Лжедмитрием I — возможно, из материалов недоделанного храма царя Бориса — своего дворца, императорский титул того же Лжедмитрия и идея общехристианского похода против Османской империи, проект создания университета в России, страшные для современников видения и знамения, портретные изображения царствующих особ, выплаты шведам из рати кн. М.В. Скопина-Шуйского денег из переплавленных фигур апостолов для того же недостроенного храма, сочинения патриарха Гермогена, кн. Ивана Хворостинина или Авраамия Па-

лицына рассматриваются не только как «отражения реальности» или «мир фантастического», а как часть исторической реальности, нередко в годы Смуты оказывавшей определяющее влияние на ход событий.

Исследователь признаёт, преодолевая тягу к метафизическим и детерминистским конструкциям, немалую роль исторической случайности. Опричнина не предопределялась каким-либо ходом исторического развития. Не была закономерностью и смерть царевича Дмитрия. Никто не предопределил отсутствие потомства у царя Фёдора Ивановича. Однако в последующих событиях также оказалось немало непредсказуемых поворотов, число которых росло по мере вплетения страны в клубки неопределённости. Своевременный приход к Лжедмитрию I донских казаков под Чернигов и опоздание тогда же посланного Борисом Годуновым войска кн. Н.Р. Трубецкого и П.Ф. Басманова — это, как пишет автор, мало заметный поворотный момент истории, «когда выбор дальнейшего пути всей страны зависит от случая» (с. 90—91). Таких «случайностей» и стечений обстоятельств в дальнейшем становилось всё больше именно потому, что открытые структуры легитимности и волевые решения частных лиц занимали непривычно значительное место в масштабных событиях, а само понятие «события» требует иной оптики, потому что исторический процесс в этот период точнее представить из перспективы гражданского противостояния, а не солидарных решений.

Как показывают работы Козлякова, исследователю Смуты приходится отказываться и от привычного взгляда на политическую историю России. Одна из самых популярных для монографических опусов эпоха «главной личности» в российской истории непривычно сменяется периодом,

когда у власти оказываются слабые политики, претенденты и женщины. Ценными открытиями в этой области исследователь делится, когда описывает роль в событиях Смуты цариц. Передача власти в 1598 и 1605 гг. была невозможна без решений Ирины Годуновой (причём как о пострижении в монахини, так и уже в качестве монахини — о её согласии на участие брата в выборах на российский престол) и Марфы Нагой (как в качестве названной матери царя, так и его соправительницы в Вознесенском монастыре Кремля). После смерти Бориса Годунова власть фактически перешла к царице Марии Григорьевне, и от её решений (и, конечно, её окружения) зависел исход борьбы с «царевичем Дмитрием Ивановичем» на юге и во всем государстве. Коллизии последней истории невозможно понять вне тех решений, которые принимали Марфа Нагая, поменявшая своё мнение о «сыне», и действующая царица Марина Мнишек, принявшая Лжедмитрия II в качестве мужа, тем самым признав его тождество с Лжедмитрием I.

Благодаря книге Козлякова, всё отчётливее выявляется роль Земских соборов. Помимо хорошо известных общих собраний, на которых принимались решения о возведении Бориса Годунова, Василия Шуйского и Михаила Романова, сегодня обсуждаются и другие подобные мероприятия. Собор после смерти царя Бориса Фёдоровича, на котором целовали крест царице Марии Григорьевне, царю Фёдору Борисовичу и царевне Ксении Борисовне, как считает исследователь, был только «видимостью» (с. 109). Ещё одно «подобие земского собора» относится к июню-июлю 1605 г., когда самозванный Дмитрий Иванович решал судьбу кн. В.И. Шуйского (с. 131). Собор, несомненно, нарекал позднее царём того же Василия Шуй-

ского в Москве у Лобного места, хотя и в данном случае, по словам исследователя, важен был эффект всеобщего решения, тогда как и в самой Москве «многие даже не знали, что происходит наречение нового царя» (с. 182—186, 188). Собор, возможно, с элементами государственного переворота сопровождал подготовку к выступлению царя Василия Ивановича из Москвы после поражения войска под Калугой в мае—июне 1607 г. (с. 212—214). Острый момент в стане Василия Шуйского наступил в июле-августе 1609 г., когда наёмники шведского короля отказались продолжать боевые действия до передачи Корелы и выплаты жалованья — по этому вопросу потребовалось «подобие земского собора» в Москве (с. 267). Подобие собора имело место при присяге тушинских бояр и рыцарства Сигизмунду III Вазе 29 декабря 1609 г. (с. 303). Ссылки на решения «всей земли» стали общим местом после сведения Василия Шуйского с престола в 1610 г. (особенно после приговора Первого ополчения 30 июня 1611 г.). И пиком освободительной истории был Земский собор 1613 г. Скепсис самого же автора в отношении части из названных в книге соборов вполне оправдан. Труднее оценить соборные заявления Василия Шуйского в 1606 г. К ним царь возвращался неоднократно и вряд ли воспринимал их как чистую формальность (ср. на с. 187, 290—291, 299). Нет ясности и с политическим значением «уложенной грамоты» Михаила Романова — соборная практика сохранила своё значение в первые годы правления юного царя и вряд ли обязательства царя и «земли» не были взаимными.

Весьма значительны наблюдения учёного за сословной структурой России Нового времени³. С эпохой Смуты и её кануном связывается в науке начало закрепощения крестьянства.

Как показывает исследователь, приводя новые интерпретации и опровергая мнения коллег, в этой области многие вопросы остаются нерешёнными и спорными. Козляков доказывает, что частичное восстановление Юрьева дня в 1601—1602 гг. было попыткой власти спасти зависимых людей детей боярских от вымирания.

Определяющая роль в событиях Смуты принадлежала служилым людям и казачеству. По отношению к последнему новые рубежи знания открыты в работах Станиславского. Казачество складывалось в военную силу накануне и во время Смуты, события которой укрепляли их ряды и создавали двойственный, но для многих притягательный образ свободных воинов на государственной службе. В то же время дворянские корпорации формировали свои локальные оплоты, сумевшие не только отстоять в «войне всех против всех» интересы «служилых городов», но и выставить к концу Смуты оказавшие определяющее влияние на служилый класс консолидированные требования на Земских соборах. Это очевидно уже в движении рязанских детей боярских во главе с Прокопием Ляпуновым, в деятельности сына боярского из Епифани Истома Пашкова во время восстания И.И. Болотникова, но особенно ярко — начиная с осени 1608 г., когда служилые города начали выбирать между Лжедмитрием II и Василием Шуйским.

Впервые в таком значительном объёме, во многом вслед за исследованиями Ю.М. Эскина, А.П. Павлова и И.О. Тюменцева в данной области, учтена история придворных иерархий и местничества. Именно местническое неприятие зятя С.Н. Годунова кн. А.А. Телятевского позволило осуществить, по сути, военный переворот в армии Фёдора Борисовича Годунова под Кромами в мае 1605 г. (с. 113—

115). Местнический счёт влиял и на матримониальную политику Лжедмитрия I в отношении кн. Ф.И. Мстиславского и кн. В.И. Шуйского (с. 162), и на рост напряжённости в стане защитников Василия Шуйского после битвы за Брянск в начале 1608 г. (с. 230), и на разделение элит в годы правления Василия Шуйского между Москвой и Тушинским лагерем, и на выступление кн. А.В. Голицына против окольничества, пожалованного королём Сигизмундом III И.Н. Ржевскому (с. 317, 350), и др. Позднее обновлённый местнический счёт оказывал определяющее влияние на стабилизацию Государева двора в конфликтах периода правления Михаила Романова, когда определялись придворные группировки и кланы (с. 487—493). Благодаря местническим делам осуществлялось давление на Ф.Н. Романова и его родственников при Борисе Годунове, а также на Б.Я. Бельского, позднее — на кн. Д.М. Пожарского и на родственников «изменников» эпохи Смуты — Салтыковых, князей Трубецких и др. (с. 440—441).

После работы Козлякова вряд ли возродится гиперкритический подход к политическому выбору Боярской думы летом 1610 г., когда решался вопрос, оставаться при Лжедмитрии II или договариваться о вступлении на трон Владислава Жигимонтовича. Выбор в пользу королевича Владислава, конечно, был сложным и драматичным решением, которое представлялось московской знати и детям боярским в части регионов Российского царства спасительным и невольно запустило целый комплекс процессов, обернувшихся выходом страны из политического кризиса. Возрождение концепции Смуты С.Ф. Платонова на этом уступает, впрочем, другим аргументам, в частности А.Л. Станиславского и Р.Г. Скрынникова, решившихся выразить назревавший

ещё в работах Ю.В. Готье, С.Г. Томсинского, Н.Е. Носова и В.Н. Бернадского взгляд на события Смуты как на гражданскую войну. В этой войне «народные» массы, как и «правительственные» силы, боролись за суверенитет; казачество же было не мятежной «вольницей», а одной из политических сил вплоть до выборов царя Михаила Романова. Первое же ополчение в историографии нередко воспринимается как дворянско-казачье в противовес всенародному Второму ополчению (дискуссия в книге Козлякова на с. 503—507, 514—516).

Сегодня можно считать доказанным, что «люди Смутного времени» не занимали сторон раз и навсегда, а роли их причудливо менялись. Падение Тушинского лагеря не прошло бесследно как для сторонников королевича Владислава, так и для ополченцев, дав надежды на трон кн. В.В. Голицыну и Я.-П. Сапеге, приведя к власти кн. Д.Т. Трубецкого, Ф. Андронova, М.Г. Салтыкова, подарив перспективы лидерства Ф.Н. Романову, а затем повлияв и на выбор его сына Михаила на российский престол. При этом царь Дмитрий Иванович, как известно, вновь восстал из мёртвых в образе «воровского царя Сидорки», который, как и сын Марины Мнишек Иван, прочертил линию разлада между Первым и Вторым ополчениями (хотя последнее из них почти сразу стало выступать от имени обеих ратей, в том числе в рассылаемых по стране грамотах и посольствах). Ясно и то, что политическим ориентиром Второго ополчения стал главный соперник короля Сигизмунда III шведский король Карл IX. В отношении ополченцев с кремлёвским гарнизоном это вносило непреодолимую непримиримость. И этот же фактор стал определяющим в расколе между лидерами обоих ополчений и казачеством (которое требовало государя из местных родов)

после занятия ими Москвы в ходе подготовки избирательного Земского собора. Впрочем, казачество не было единой силой в этих событиях (с. 506).

Насыщенный интерпретациями язык книги иногда не выдерживает множества факторов, которые приходится учитывать. Расправа Лжедмитрия I с Шуйскими, как полагает автор, «прекратила всякие опасения» его и его сторонников, что кн. В.И. Шуйский «станет разоблачать самозванного царя» (с. 133). Это — сомнительное объяснение как самой показательной казни и столь же картинного помилования Шуйского в июне 1605 г., так и расстановки сил в майских событиях 1606 г. Вряд ли Василий Шуйский знал намного больше, чем кн. Фёдор Мстиславский и Филарет Романов, которых Лжедмитрий не только не преследовал, но и возвысил. Тем более что сам царь Дмитрий признавался Яну Бучинскому, что в деле Шуйских стремился показаться своим подданным милостивым царём, а не тираном (с. 153).

Впрочем, отношения царя Дмитрия с Боярской думой остаются под большим вопросом в связи с лакунами в дошедших до нас источниках, из-за которых и логика повествования Козлякова скорее предположительная, чем утвердительная. Мы не знаем, насколько широким был заговор, приведший царя к гибели, и можем только догадываться, готовился ли он задолго до восстания. Предметом споров остаётся и вопрос о том, насколько многочисленные источники, созданные уже после гибели Самозванца, отражают прижизненные представления его российских современников. Трудно вписать в общую схему конфликта между царём и Боярской думой, например, такие факты, как переговоры Ивана Безобразова ещё в начале 1606 г. с польским королём о возможном смещении Дмитрия с

престола, информацию перебежчиков Хрипуновых о готовящейся мести короля самозванцу или информированность Юрия Мнишека о готовящемся восстании в Москве против его зятя. Да и польские послы были крайне недовольны поведением московского царя и видели его вину в событиях 17 мая 1606 г.

Можно было бы попенять автору, что по мере углубления в Смуту его оценки участников событий становятся всё более полярными и драматично-окрашенными. Говорится, например, о «чудовищно фальшивом гриме» в самоидентификации Лжедмитрия II с царём Дмитрием Ивановичем (с. 231, 244, 280). Сторонникам второго Самозванца приписано губительное для них и для их предводителей «желание завоевать сразу много городов и уездов» (с. 263), а о кн. М.В. Скопине-Шуйском говорится, что он поплатился жизнью за то, что «потревожил опричные тени» (с. 284). Позиция подканцлера Короны Польской Феликса Крыйского в отношении Московского государства на сейме 1611 г. почему-то названа политикой «двойных стандартов» (с. 309). Лидерам Первого ополчения вменено, что те «стали думать больше о собственных интересах, чем об общем земском деле, ради которого они пришли под Москву» (с. 338, 340, 342). При этом созыв Второго ополчения напоминает автору «историю Жанны д'Арк» (с. 365).

В целом, противники Василия Шуйского, а затем ополчений (обоих или трёх, с учётом рати кн. А.А. Репнина и А.С. Алябьева) изображены несколько безжизненно, они будто бы почти ничем не мотивированы, кроме наживы и властолюбия. Повествование заметно поменяло бы оттенки смыслов, если бы актёрство Самозванца было осмыслено как таковое — как востребованная и приемлемая

роль, с которой приходилось мириться не только формально подчинённым ему польско-литовским войнам, но и его названной жене Марине Мнишек, и многим высшим сановникам государева двора в Тушино, принявшим его за царя Дмитрия Ивановича. На фоне предположений Козлякова о любви Василия Шуйского к перебежчикам и даже двойным перебежчикам напрашивается мысль, что юные «перелёты», в первую очередь стольники из придворных семейств, шли на сторону нового Самозванца с молчаливого согласия царя Василия или даже в его интересах (с. 244—245).

В то же время нижегородское сопротивление и по форме, и по своей сути было движением, сопоставимым с шляхетскими конфедерациями, угрожающими стабильности государственного порядка. Небесспорно в приложении к героям повествования звучат некоторые характеристики, почерпнутые из сочинений публицистов и иноземных свидетелей эпохи Смуты. Например, высокие оценки Годуновых в трудах Джерома Горсея, Исаака Массы, кн. Ивана Катырева-Ростовского — все названные, конечно, не могли не восторгаться Годуновыми. Менее охотно Козляков принимает оценки Лжедмитрия I в сочинениях Станислава Немоевского и того же Массы. Не вызывает согласия оценка отношений Сигизмунда III с Лжедмитрием I. Неоднократно в книге звучит мысль, что король был благосклонен к царевичу (с. 81, 137, 138, 143, 144). Между тем убедительнее звучит версия об использовании царевича королём для дестабилизации обстановки в России на фоне доходящих до Сигизмунда III слухов о матримониальных проектах между Россией и Швецией. Ни о какой особой благосклонности короля к Самозванцу из Московии сведений нет; да и вряд ли тайные договорённо-

сти о пропуске кучки добровольцев, не поддерживаемой никем в Москве и состоявшей из эмигрантов-москвитов, казаков и обнищавшей шляхты, без согласия сейма и при нейтралитете короля можно считать проявлением такой милости.

Вызывают вопрос некоторые фактические решения автора. В одном случае «во ста первом на десять году» раскрыто как 1601—1602 гг. (с. 63), тогда как речь идет о 1602—1603 гг. (слухи о контрабандной торговле З.П. Ляпунова с Доном). Ещё одно спорное решение — «пол осма милеона» в сноске поясняется как «750 000 рублей» (с. 157), а это всё же — 7 млн 500 тыс. (речь идёт о предполагаемых тратах Лжедмитрия I). Неразбериха коснулась и рассказа о конце 1609 — начале 1610 г.: многие указанные здесь события, датированные 1609 г., на самом деле относятся к 1610 г. (с. 280—283). Чья-то забывчивость при подготовке книги (говорится о выделении шрифтом, но сам шрифт не изменён) лишила читателя возможности понять, в чём же отличие между редакциями крестоцеловальной записи Первого ополчения (с. 336). Статус Новгорода в глазах шведских властей по договору 11 июля 1611 г. всё же невозможно сопоставить с положением Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, поскольку Люблинская уния создала федеративное государство, чего не предусматривал «новгородско-шведский альянс» (с. 348).

Нерешёнными остаются многие частные вопросы, прописанные в книге со всей детальной тонкостью, но не раскрытые из-за нехватки или неразрешимой противоречивости источников. Неясно (даже после долгих дискуссий второй половины прошлого века), какими путями двигались к Москве летом-осенью 1606 г. сторонники И.И. Болотникова и ещё не явленного

вновь царя Дмитрия Ивановича, когда именно «после Покрова» пришли под стены столицы и как датировать Коломенскую битву с болотниковцами ноября-декабря того же года. Своя гипотеза, вполне убедительная по аргументации, позволила Козлякову датировать мятеж кн. Р.И. Гагарина и других придворных лиц против царя Василия Шуйского декабрём 1608 г., а выступление патриарха Гермогена 25 февраля 1609 г. считать отдельным событием, направленным на примирение сторонников царя Василия Ивановича. Неясно, какая дата (25 или 29 мая 1611 г.) была крайней для явки в Первое ополчение; когда именно перед нижегородцами впервые выступил со своей легендарной речью Кузьма Минин; когда соборные старцы Троице-Сергиева монастыря возили обращение монастырских властей к кн. Д.Т. Трубецкому и кн. Д.М. Пожарскому; какого числа открылся Земский собор 1613 г. Что же касается национального праздника наших дней, то исследователь занимает недвусмысленную позицию: в 1612 г. 22 октября приходилось на 1 ноября по григорианскому календарю, это был день штурма Китай-города казаками кн. Трубецкого, а вовсе не день победы ополченцев над кремлёвским гарнизоном. В наши же дни 22 октября приходится на 4 ноября, когда в православной Церкви празднуется день Казанской иконы Божией Матери, список которой заказал кн. Пожарский во время пребывания его ополчения в Ярославле. Лишь отчасти подтверждается источниками легендарный подвиг Ивана Сусанина: спорны и время его гибели, и сами обстоятельства (скорее не болото, а казнь на пыточном столбе). От решения этих и подобных спорных вопросов зависят существенные детали в понимании событий Смуты, однако обязанность историка оставлять

открытыми те вопросы, на которые источники ответов не дают. И в этом смысле также книга В.Н. Козлякова — ценное слово на предельных рубежах наших знаний.

Примечания

¹ Козляков В.Н. Михаил Фёдорович. М., 2004; Изд. 2. М., 2010; Козляков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005; Изд. 2. М., 2018 (пер. на польск. яз. изд. в 2011 г.); Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007; Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009; Козляков В.Н. Борис Годунов. М., 2011; Изд. 2. М., 2017; Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012; Козляков В.Н. Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М., 2014.

Александр Пученков

Двенадцать месяцев из жизни революционного Крыма (апрель 1919 — апрель 1920 г.)*

Alexander Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

Twelve months in the life of the revolutionary Crimea (April 1919 — April 1920)

DOI: 10.31857/S086956870016619-1

В двух монографиях московского историка М.В. Владимирского освещены события Гражданской войны в Крыму от захвата полуострова красными в апреле 1919 г. до отставки А.И. Деникина с поста главнокомандующего Вооружёнными силами на юге России (ВСЮР) и передачи им своих полномочий барону П.Н. Врангелю 22 марта (4 апреля) 1920 г. Эта диалогия — пример по-настоящему творческого и талантливого исследования, выводы и наблюдения которого будут востребованы историками.

Короткий период владычества в Крыму большевиков в апреле—июне

² Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. Основная часть обсуждаемого далее издания состоит из перепечатки данной работы, к которой добавлен небольшой вводный раздел о новейшей историографии проблемы, но удалена приведённая в издании 2007 г. «Утверждённая грамота» Михаила Романова 1613 г. Впрочем, ей посвящены специальные разделы в книге: Козляков В.Н. Московское царство. СПб., 2019. С. 163—193.

³ Об этом см. расширенное и дополненное новыми материалами переиздание докторской диссертации исследователя: Козляков В.Н. Служилые люди России XVI—XVII веков. М., 2018. См. также: Лантева Т.А. Эволюция служилого «города» // Сословия, институты и государственная власть в России: (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 684—693.

1919 г. до сей поры находился на периферии исследовательского внимания. Советская историография, по сути, не объясняла причины быстрой победы белых в Крыму в июне 1919 г., ограничиваясь туманными рассуждениями о сложившейся там «весьма напряжённой» обстановке, «подрывной работе» контрреволюционных элементов, «жесточайшей экономической разрухе» и «обострённой классовой борьбе»¹. По словам Владимирского, «от “пришли” до “ушли” прошло всего 75 дней. Но за этот краткий период имело место столько событий и парадоксов, на которые

Материал подготовлен в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783-1920 гг.)».

* Владимирский М.В. Красный Крым 1919 года. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2016. 304 с. (I); Владимирский М.В. Белый деникинский Крым: Июнь 1919 — март 1920. М.: Кучково поле, 2019. 320 с. (II).

в других случаях потребовались бы годы» (I, с. 4). Об уникальности ситуации свидетельствовало уже то, что «у большинства крымских наркомов (все они были большевиками) в качестве заместителей работали меньшевики», выходили газеты меньшевиков и левых эсеров, а «единичные расстрелы второго прихода красной власти в Крым меркнут по сравнению с первым появлением красных в Крыму, когда шла массовая резня “непролетарских” элементов под безальтернативным лозунгом “Смерть буржуйам!”». Не менее массовые репрессии происходили и в ходе третьего прихода красных в Крым после разгрома Врангеля» (I, с. 68). Поэтому «соблазнительно представить Крымскую ССР 1919 года как образец гуманного решения, как некий красный режим “с человеческим лицом”. И хотелось бы понять, какова же степень такой мягкости, каковы предпосылки, причины и последствия такого феномена» (I, с. 4).

Свою задачу при написании монографии 2016 г. автор видел не в том, чтобы доказать, «насколько правы были белые или красные в борьбе за Крым, а в том, чтобы максимально подробно показать — что же представлял собой крошечный по времени кусок крымской истории — Красный Крым 1919 года» (I, с. 5). Для этого он разворачивает перед читателями три «панорамы» — военных действий, политической борьбы и повседневной жизни, подробнейшим образом рассматривая каждый из этих аспектов на основании документов, извлечённых из архивов Москвы и Республики Крым, а также газет изучаемого времени. Кстати, зачастую только из местной печати можно узнать о том, кто тогда находился на полуострове. А там в годы Гражданской войны работали М.А. Волошин, И.С. Шмелёв, В.И. Вернадский, Б.Д. Греков и многие другие выдающиеся деятели науки и культуры.

Как констатирует Владимирский, весной 1919 г. добровольцы не смогли оказать красным серьёзного сопротивления в Крыму. Позднее, уже в эмиграции, Деникина даже подозревали в умышленном оставлении данной территории якобы из-за желания «проучить» «строптивое» Второе краевое правительство С.С. Крыма, с которым у Антона Ивановича действительно не сложились отношения. Конечно, можно отбросить эти недостоверные измышления, но следует признать, что удержание Крыма весной 1919 г. не рассматривалось главнокомандующим белых в качестве приоритетной задачи, поскольку у него хватало и более острых проблем. И вряд ли «такая беспечность верхов Добровольческой армии в отношении обороны Крыма объяснялась уверенностью в скором взятии Москвы» (I, с. 14). Полуостров был важен для Деникина лишь до той поры, пока он рассматривался как база для контингентов союзников, когда же выяснилось их нежелание драться с большевиками, он сразу же оказался на периферии Гражданской войны.

Между тем относительно лёгкий захват Крыма вызвал у победителей состояние, близкое к эйфории. Красноармейцы, нередко поощряемые их командирами, были склонны к грабежу и насилиям. Неудивительно, что «отношение населения к армии быстро ухудшалось», и «с первых же дней возникли разного рода противоречия между армейским руководством и гражданской властью», пытавшейся «по мере возможности защищать население... от произвола и красных командиров, и рядовых солдат» (I, с. 63). Амбициозный герой покорения Крыма П.Е. Дыбенко, опиравшийся на поддержку В.А. Антонова-Овсеенко, по-видимому, желал возглавить местное правительство, но из-за конфликта со ставленником Москвы большевиком Ю.П. Гавеном (и многими другими лицами и в центре, и

на местах) получил лишь должность народного комиссара по военным и морским делам Крымской республики. А председателем её Совнаркома (и одновременно наркомом здравоохранения) стал Д.И. Ульянов, брат Ленина, оказавшийся «весьма подходящей фигурой, уравновешивающей взаимные упреки военных и гражданских властей», «вставшей между Ю. Гавеном и П. Дыбенко» (I, с. 67). Как писал Дмитрий Ильич своей сестре Марии, «вследствие болезни Гавена, приковавшей его к постели, его нельзя было избрать председателем, хотя он наиболее подходил бы к этому, как известный хорошо по прошлому году севастопольским и симферопольским рабочим и матросам. Временно, за неимением лучшего, посадили меня — в ожидании сильного кандидата с севера от вас. Работы много, планы широкие у нас, но без помощи от вас и Киева сядем на мель — полное отсутствие денег и т.п.»². По сути, сложился триумvirат Гавен—Ульянов—Дыбенко (I, с. 169). Младший брат Владимира Ильича, мягкий и добродушный человек, земский врач «чеховского» интеллигентского склада, по мнению Владимирского, явно тяготился обязанностями главы Совнаркома и уделял больше внимания своему любимому детищу — наркомату здравоохранения. Тем не менее он «исправно тянул эту лямку, вникая во множество проблем и вопросов», подписанные им документы «показывают полную адекватность и действенность на высоких постах», а слухи о его пьянстве и запоях не находят подтверждения в источниках. Собственно, «всерьёз... склонность к вину стала мешать Д. Ульянову позже — в 1921 году, когда он вновь оказался наркомом здравоохранения, но в совершенно новых условиях красного террора... Как результат — в 1921 году Д.И. Ульянова

убрали из Крыма по просьбе сослуживцев, чтобы он не компрометировал своего брата» (I, с. 184—185).

Выстраивая отношения с татарским населением, составлявшим до 40% жителей полуострова, Совнарком старался избежать прежних ошибок. Как вспоминал в 1926 г. видный участник установления советской власти в Крыму, первый коммунист из крымских татар И. Фирдевс, «в 1918 г. кроме большевиков единственной реальной силой, которая была организована и политически могла сгруппировать вокруг себя [другие], было национальное движение татар. Это национальное движение было, так сказать, одним из таких мощных факторов, к овладению которым нам нужно было стремиться. Все наши попытки в период 1918 года овладеть этим национальным движением и направить его в русло советской власти нам не удавались»³. В 1919 г. комиссариат по делам национальностей, который возглавил Фирдевс, занялся пропагандой и агитацией среди мусульман. Однако «полностью преодолеть недоверие татар, в недавнем прошлом являвшихся откровенными врагами большевистского режима красной Тавриды, удалось лишь внешне. Татары сделали вид, что поверили новому режиму. Они охотно пользовались теми привилегиями, которые им предложили большевики, участвовали в местных ревкомах — но только для того, чтобы заступаться за соплеменников перед властью» (I, с. 199). Конечно, «процесс перестройки национального сознания должен быть длительным и постепенным», а «краткость советского периода и кампанейщина, традиционно свойственная работе коммунистов, не могли дать и не дали существенных результатов». В итоге «перелома настроения широких татарских масс в пользу советского строя добиться не удалось» (I, с. 200).

Рассматривая «панораму повседневности», автор отмечает, что и тут «из трёх периодов красной власти второй период в плане личных свобод всё-таки оказался самым мягким» (I, с. 254). Так, «жизнь во время второго прихода красных в Крым была не слишком сытная — немного голоднее, чем при Краевом правительстве, но несравненно сытнее, чем во время голода 1921 года после победы над врангелевцами» (I, с. 264). Новая власть проявляла заботу о памятниках культуры. Под охрану взяли Воронцовский дворец и дом А.П. Чехова в Ялте. Деятельность ведомства Д.И. Ульянова, на которое возлагались функции социальной защиты крымчан, видимо, не вызвала особых нареканий. В условиях тяжелейшего дефицита средств Дмитрий Ильич ухитрялся изыскивать и деньги для пособий, и детские кровати для приютов. Ему удалось даже открыть первый в Севастополе дом престарелых и специальный приют для детей-подкидышей (I, с. 298). Несмотря на недостаток бумаги, «помимо трёх основных газет, выходило ещё полтора десятка менее значимых и менее тиражных» (I, с. 282—286). Неимущих граждан освободили от платы за обучение детей (I, с. 288). Намечался перевод из Симферополя в Севастополь Таврического университета, где отменялись переходные, вступительные и выпускные экзамены и отметки, а также обязательное ношение формы (I, с. 289—290).

За недолгое время существования республики структуры советской власти так и не удалось организовать, и они сохраняли чрезвычайный характер⁴. Боеспособность формирований немногочисленной местной Красной армии была невелика. По словам белогвардейца С.Н. Шидловского, «с каждым днём стояния у них дух падал, у нас поднимался»⁵. Опасаясь окружения, красные стали быстро

уходить на север, эвакуировав учреждения республики в Никополь, а затем в Киев. При этом, как докладывал в августе 1919 г. один из подпольщиков, оставшийся в Севастополе для ведения партийной работы, «эвакуация Крыма, в частности Севастополя, произошла довольно неожиданно» и «была проведена без всякого заранее намеченного плана»⁶. Неудивительно, что «в советских газетах никаких сообщений об оставлении Крыма красными не появилось. Давать подобную информацию было не принято» (I, с. 109). Фактически это было паническое бегство, и «если сравнить скорость завоевания Крыма красными в апреле (около 20 дней) со скоростью их ухода в июне (около 10 дней), имея в виду движение войск от Перекопа до Ак-Моная и в обратном направлении, то оказывается, что уходили красные вдвое быстрее, чем приходили» (I, с. 108).

Во второй книге дилогии Владимирский осветил деникинский период истории Крыма, продолжавшийся с июня 1919 по март (апрель) 1920 г. Если «в своё время задача советских историков состояла в том, чтобы доказать, что деникинский период для крымчан был плох — хуже некуда», то теперь «перед автором возникал соблазн опровергнуть подобный тезис», показав это время как самое спокойное и благополучное «для среднего обывателя» (II, с. 8). Но в целом, по признанию историка, «данная книга была задумана как зеркальное отображение... предыдущей», и в ней предполагалось установить: «Удалось ли деникинской администрации радикально изменить повседневную жизнь крымчан к лучшему». Впрочем, Владимирский не забывает о том, что «задача у деникинцев была совершенно другая — борьба “не на жизнь, а на смерть” с большевистским режимом Москвы» (II, с. 8). Крым же и

другие регионы воспринимались ими исключительно как средство для освоения страны. Вместе с тем «важным идеологическим столпом Белого движения на юге России являлась великодержавность», а «лозунг “Россия единая, великая и неделимая” исключал не только попытки самоопределения народов бывшей империи с целью отделения от России, но и создание автономных национальных образований на её территории» (II, с. 28).

Соответственно «с приходом деникинцев Крым потерял собственный орган государственного управления. Так, если раньше в Крыму было Крымское краевое правительство, а затем Временное правительство Крымской ССР, то теперь Крым вошёл составной частью в Таврическую губернию, включающую кроме него северные уезды — Днепровский, Мелитопольский и Брянский. Таким образом, руководство Крымом понизилось с правительственного уровня до губернского» (II, с. 22). Свою позицию Деникин предельно искренне высказал во время торжественного обеда в Симферополе 24 сентября 1919 г.: «Через всю русскую историю красной нитью проходит стремление к объединению и собиранию земли Русской. Повинуясь этой идее, русский народ штыками и плугом прошёл от Москвы до морей Великого океана. Только два безумных периода, изменивших этой идее, знает Россия. Период удельно-вечевой и наш кошмарный период, когда как наросты на больном теле, как мыльные пузыри, возникают самостоятельные государства, которые и лопнут, как мыльные пузыри. Этой участи не избег и Крым, который за последний год надевал разные маски. Но маскарад окончен, маски сняты и, одевшись в русский трёхцветный национальный флаг, Крым больше его не снимет. Я поднимаю свой бокал за процветание Крыма и всех тех его

деятелей, которые честно служат русской идее» (II, с. 100—101). Кстати, точно так же Антон Иванович относился и к государственным образованиям, возникавшим в Закавказье, на Кубани и на Дону. «О какой гибкости национальной политики генерала Деникина можно говорить после его тоста в Симферополе? — недоумевает Владимирский. — Произнося свой тост, он сравнивал новые государства с мыльными пузырями, которым суждено лопнуть, как мыльные пузыри. При этом он предрекал, что все эти новообразования снова оденутся в российский трёхцветный флаг. Иными словами, национальный вопрос, по его мнению, будут решать только великороссы. Такой подход, несомненно, не способствовал дальнейшему улучшению политического климата в стране» (II, с. 102—103).

Историк тщательно исследовал легальную политическую жизнь Крыма (и прежде всего деятельность кадетов, меньшевиков и эсеров), кооперативное и профсоюзное движение на полуострове, работу большевистского подполья, которая велась чрезвычайно активно и не затухала вплоть до разгрома Врангеля; за рамками монографии остались партизанские отряды красных (II, с. 59). Естественно, говорится и о противниках подпольщиков — контрразведке и крымском отделении Осведомительного агентства (ОСВАГ). Как справедливо утверждает автор, «сотрудники ОСВАГа не сумели чётко сформулировать и донести до народа идеологию Белого движения. Все понимали, что борьба ведётся против большевиков, но мало кто мог объяснить, “за что, собственно, воюет Белая армия”. Никто, в том числе и руководство ВСЮР, не формулировало эту идеологию, вместо этого господствовал официальный принцип непредрешения, то есть решение всех принципиальных вопросов отклады-

валось до победы, после которой Учредительное собрание должно было решать судьбу страны. Кроме того, деятели ОСВАГа не знали своей целевой аудитории и пытались привлечь симпатии крестьян и рабочих с помощью абстрактных лозунгов, а иногда и откровенного лубка» (II, с. 82—83).

В монографии профессионально анализируется положение рабочих, состояние промышленности и сельского хозяйства, денежное обращение и финансы⁷, цены на продовольствие и причины дороговизны. Характерно, что «период продовольственного благополучия крымчан» длился всего три-четыре месяца, тогда как «и до, и после... в Крыму было с продуктами либо плохо, либо очень плохо, либо катастрофически плохо» (II, с. 119). Приводя таблицу цен с января по март 1920 г., Владимирский констатирует, что «отставание зарплат от стоимости жизни составляло в январе 2,3 раза, в феврале — 2,9 раза, в марте — 1,5 раза» (II, с. 124). Впрочем, по меркам Гражданской войны, всё обстояло отнюдь не самым безрадостным образом. На полуострове выходили газеты (II, с. 165—171), давал концерты А.Н. Вертинский, читал лекции В.М. Дорошевич, действовала Таврическая учёная архивная комиссия (II, с. 161—164), проповедовали видные служители Церкви (в частности, епископ Вениамин (Федченков)) (II, с. 172—180)⁸.

Едва ли не самые интересные страницы книги посвящены последним месяцам денikinского правления. Автор подробно сообщает об обороне Крыма войсками Я.А. Слащова, о мятеже капитана Н.И. Орлова (II, с. 200—215) и драматической процедуре смены главнокомандующего ВСЮР.

Слащов показан Владимирским как талантливый полководец, без успехов которого история никогда бы не узнала про феномен врангелев-

ского Крыма. «Превосходно понимая эффект своего появления в конной атаке или пехотных цепях, — пишет исследователь, — Яков Александрович стремился воздействовать на воображение солдат, представляя перед ними в ореоле какого-то сказочного героя. Этому способствовала и необычная, выдуманная самим генералом форма: опушённая чёрным мехом короткая белая куртка, меховая же шапка, летящая за плечами белая бурка» (II, с. 187). И если в советской историографии Слащова представляли едва ли не самым свирепым «среди других белогвардейских генералов-палачей»⁹, то Владимирский хотя и не оправдывает его жестокость, но признаёт её вынужденной: «Конечно, основная работа генерала Слащова была связана с фронтом, со своим отрядом. Свою задачу он видел главным образом в том, чтобы удерживать общество в страхе и повиновении, заставляя его выполнять единственную обязанность — помогать фронту» (II, с. 195). Не отрицает исследователь и эффективности карательных мер: «По свидетельству очевидцев, для тыла, тыловых офицеров, всякого рода шкурников и паникёров Слащов был сущей грозой. Перед поездом Слащова висели на столбах по нескольку дней и офицеры, и солдаты, и рабочие, и крестьяне. И над каждым из них чёрная доска с прописанными на ней подробно фамилией, положением и преступлением казнённого, а через всю доску шла подпись мелом самого Слащова с указанием, сколько дней надлежит труп казнённого висеть на столбе (в зависимости от вины 1, 2 или 3 дня). Причём молва склонна была преувеличивать число смертных приговоров. На самом деле по приговорам, утверждённым Я.А. Слащовым, за крымский период его деятельности было казнено немногим более тридцати человек» (II, с. 196—197).

Уход Деникина с поста главного командующего историк убедительно объясняет предательством со стороны группы представителей высшего командного состава, включая А.П. Кутепова. Именно его слова о том, что добровольцы более не доверяют своему вождю, стали для Антона Ивановича «финальным ударом», после которого он заявил о желании уйти в отставку и поручил Военному совету избрать себе преемника (II, с. 223—227). Конечно, на протяжении всего его правления «в газетах регулярно появлялись сообщения о поимке большевиков и о расправе над ними», но «для остальных законопослушных граждан со свободой было намного лучше, чем при красной власти». Поэтому, полагает М.В. Владимирский, «среднего обывателя деникинский режим устраивал практически до конца 1919 года. И на этом фоне пышно расцвели и легальная политическая жизнь, и культура» (II, с. 241).

Владлен Измозик

Православное духовенство Крыма в годы великих потрясений*

Vladlen Izmozik

(Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Russia)

Orthodox clergy of Crimea during the years of great upheavals

DOI: 10.31857/S086956870016609-0

За последние 30 лет в нашей стране появилось немало работ, посвящённых положению различных конфессий в период Великой российской революции 1917—1922 гг. В них не раз освещались взаимоотношения духовенства и верующих с государством на разных этапах — от падения монархии до окончания Гражданской войны, и процессы, протекавшие внутри Церкви, и специфика отдельных регионов,

Примечания

¹ Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. II. Симферополь, 1957. С. 194.

² Ульянов Д.И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., 1984. С. 268.

³ Государственный архив Республики Крым, ф. П-150, оп. 1, д. 776, л. 1.

⁴ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 209.

⁵ Шидловский С.Н. Записки белого офицера. СПб., 2007. С. 27.

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 35.

⁷ Подробнее см.: Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны. Изд. 2. СПб., 2018.

⁸ О владыке Вениамине (Федченкове) см.: Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб., 2020. С. 326—365.

⁹ Надинский П.Н. Указ. соч. С. 219.

и судьбы иерархов. Вместе с тем, естественно, в этой огромной и ещё недостаточно изученной теме до сих пор остаётся много лакун. Поэтому появление новой монографии, базирующейся на солидном массиве источников и литературы, стремящейся к объективной оценке происходивших событий, к пониманию духовной жизни исследуемого времени, не может не привлекать внимание историков.

* Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.

В монографии А.С. Пученкова и В.В. Калиновского православное духовенство показано активным участником коренного перелома в жизни одной из окраин России — Крымского полуострова. Этот пограничный регион в полной мере испытал на себе и удары неприятеля в конце Первой мировой войны, и братоубийственное революционное лихолетье. Местному клиру приходилось вместе с паствой приспосабливаться к новым политическим режимам, сменявшим друг друга. Пученкову и Калиновскому удалось многогранно показать эту метаморфозу, осмысление которой важно для понимания трагедии Русской Церкви в XX в.

К числу безусловных достоинств монографии следует отнести её фундаментальность. Авторами привлечены материалы из архивов Крыма, Санкт-Петербурга, Москвы, США. Многие из них впервые вводятся в научный оборот и заставляют по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные эпизоды. В частности, новаторски представлено участие епископа Вениамина (Федченкова) в заговоре против А.И. Деникина и раскрыта важная роль духовенства в приходе к власти в Белом движении барона П.Н. Врангеля. Документы из РГА ВМФ позволили описать служение архиепископа Таврического Дмитрия (Абашидзе) на Черноморском флоте во время Первой мировой войны. Особо стоит отметить внимательную и кропотливую работу Пученкова и Калиновского со столичной и крымской периодикой 1917—1920 гг.

Книга имеет чёткую и продуманную структуру. Три её главы («Таврическая епархия в годы Первой мировой войны», «От надежд — к тревогам: Таврическая епархия в 1917 г.» и «Таврида, кровью умытая») соответствуют основным поворотам в ходе великих потрясений.

В первой главе прослеживается активное участие священнослужителей в патриотических манифестациях, организации благотворительной помощи воинам и членам их семей и т.п. При этом архиепископ Димитрий (Абашидзе) сопровождал Черноморский флот во всех походах с мая 1915 по начало апреля 1916 г., пробыв на боевых кораблях почти 11 месяцев, и неоднократно оказывался вместе с командой под огнём неприятеля. Эту службу архиерей сочетал с управлением Таврической епархией. Кроме обычных административных забот, многократно умножившихся после начала войны, он поддерживал усилия губернатора Н.Н. Лавриновича по успокоению антинемецких настроений в губернии, где немцы составляли около 6% населения и занимали достаточно важные позиции в экономической и общественной жизни. В августе 1914 г. владыка подготовил и издал в виде небольшой брошюры обращение к верующим, которых предостерегал против межнациональной вражды (с. 57). «Мы должны, — заявлял он, — мы обязаны пред Богом... проявлять особенную нежную братскую любовь к тем нашим соотечественникам, которые по происхождению и языку отличаются от нас, ибо всякая малейшая даже небрежность с нашей стороны к ним особенно болезненно отзовется в их любящем русском отечестве сердце» (с. 58). Проповедь епископа, безусловно, способствовала тому, что в Таврической губ. борьба с «немецким засильем» свелась в основном к переименованию улиц и населённых пунктов. В либеральной печати в рассуждениях тогда ещё епископа Дмитрия увидели довод против изъятия собственности у немецких землевладельцев. Известный журналист и издатель Б.А. Суворин даже обвинил его в защите экономических интересов немцев и в стремлении уго-

дить этим обер-прокурору Св. Синода В.К. Саблеру (с. 59—60, 63—64). В защиту преосвященного несколько раз выступила симферопольская газета «Южное слово», близкая к губернской администрации (с. 64—67). В результате, став вскоре архиепископом, он всячески демонстрировал приверженность к правым монархическим организациям. В частности, весной 1916 г. при его поддержке появилась брошюра сельского священника П. Парнасова «Вопль русской души», резко осуждавшая немцев Тавриды.

Впрочем, авторы уделяют внимание не только колоритной фигуре местного предстоятеля. Не менее подробно они рассказывают о героизме флотских священников и мужественном поведении духовенства во время обстрелов Феодосии и Ялты в 1914—1915 гг. Для содействия больным и раненым воинам и семьям солдат в епархии создавались попечительские советы, оказывавшие денежную, продовольственную и иную материальную помощь оставшимся без кормильцев. В Крыму открылось тогда множество госпиталей, в том числе и небольшие церковные лазареты. В храмах в 1915 г. шёл сбор средств на нужды государственной обороны, в конце 1916 г. в них звучали призывы к приобретению облигаций военного займа. Одновременно военнотружущим посылались необходимые на фронте вещи, увековечивалась память павших героев-воинов, проявлялась забота о беженцах, появившихся в городах Крыма после поражений русской армии летом 1915 г. И всё же нараставшим с конца 1915 г. экономическим трудностям духовенство могло противопоставить лишь слова молитвы и проповедей.

Во второй главе анализируется реакция крымских священнослужителей на процессы, происходившие в 1917 г. По мнению авторов, «революционные события оказались неожиданностью

для всех слоёв общества» (с. 160). С этим, конечно, нельзя согласиться. Наоборот, хорошо известно, что с конца 1916 г. приближение катастрофы остро ощущалось в российском обществе, хотя, разумеется, никто не знал, когда именно она разразится. Поэтому неудивительно, что и местные пастыри, даже наиболее консервативные, и их паства, включая чиновников, мгновенно приветствовали свержение монархии, а гражданские и духовные власти даже соревновались в скорейшем выражении лояльности революционному режиму. Архиепископ Димитрий 8 марта телеграфировал М.В. Родзянко, что узнал известие об отречении Николая II и существовании Временного правительства только 4 марта в 12 часов дня и «беспрекословно принял решение повиноваться». Владыка опасался, что кн. С.В. Горчаков, управлявший губернией с конца января 1916 г., мог донести в Петроград о нежелании архиепископа сообщать верующим о произошедшем перевороте и отменять поминовение императора в церквях. Между тем ещё 5 марта в «Послании пастве Таврической» архиерей утверждал, что «ныне Сам Царь небесный занял престол русского царства, дабы Он единый всесильный был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас бывшими руководителями государственной жизни нашей» (с. 165). А весьма деятельный протоиерей А.П. Эндека, неоднократно выезжавший на фронт в 1914—1916 гг., награждённый несколькими орденами и многократно выступавший с патристическими лекциями, в тот же день с восторгом ораторствовал на митингах как «непримиримый враг всего прошлого и страстный защитник нового порядка». Симферопольское пастырское собрание 7 марта решило «временно, до утишения страстей» снять

в духовных и церковных школах портреты особ Императорской фамилии. Священники произносили проповеди о жертвах свободы, о том, что падение царизма стало возмездием за преступное отношение правящей династии к своему долгу, призывали к единству и поддержке Временного правительства.

Единичные монархисты подвергались тогда порицанию со всех сторон. Так, архимандрит Адриан (Демидович) произнёс 5 марта проповедь против революции и интеллигенции (её текст выявлен авторами в РГИА), и в мае его перевели в Курскую епархию. Весной 1917 г. в Мелитопольском уезде крестьяне начали арестовывать «наиболее ретивых черносотенных батюшек», некоторые клирики стали использовать политические доносы в личных целях, а возникший Симферопольский союз демократического духовенства и мирян развивал идеи радикальных преобразований в Церкви. Повсеместно шла организация приходских советов с участием прихожан и даже прихожанок. Состоявшийся же в мае епархиальный съезд клира и мирян выявил наметившиеся разногласия: одни ратовали за свободу и поддержку завоеваний революции, у других сформировалось враждебное или выжидательно-пассивное отношение к ней.

Тем временем на протяжении 1917 г. как в губернии, так и в стране в целом нарастали антицерковные настроения. В июне несколько команд Черноморского флота потребовали призвать в армию всех годных к военной службе монахов, поскольку «их деятельность в монастырях бесполезна». О слабости влияния Церкви на общество свидетельствовали и летние выборы в органы местного самоуправления. Их первым заседаниям во многих городах предшествовали торжественные молебны, однако в Севастополе Союз духовенства

и мирян собрал всего 366 голосов и провёл в городскую думу лишь одного кандидата, столько же представителей имелось у него в Керчи и Алуште. К октябрю многие сельские общества Крыма ходатайствовали об изъятии церковных земель и передаче их крестьянским обществам. Отвечать на подобные вызовы духовенство как корпорация оказалось не в состоянии.

Третья глава, название которой отсылает к роману А. Весёлого «Россия, умытая кровью», рассказывает о противоречивых попытках православных иерархов взаимодействовать с правительствами в Крыму в 1918—1920 гг. Первым кровавым событием, потрясшим многих жителей, стал самострел группой матросов в Севастополе в декабре 1917 г. семи офицеров и священника М. Чефанова, оправданного накануне революционным судом. При этом Севастопольский совет военных и рабочих депутатов, осудивший эту расправу, не смог или не захотел разыскать и наказать убийц. Их безнаказанность привела к новым убийствам священнослужителей. Под влиянием толков о том, что в Симферополе на колокольне кафедрального собора установлен пулемёт, храм был обстрелян, а его настоятель арестован. Проявив личное мужество, владыка Димитрий отправился в революционный штаб и убедил его создать комиссию для проверки ложного слуха. 14 апреля архиепископ писал патриарху Тихону: «Одному только Богу ведомо, что терпим мы здесь в Крыму, ставшем вторым Кронштадтом... Нас, церковных людей, всячески донимают» (с. 317). В конце апреля, когда Крым оккупировали германские войска, преосвященный Димитрий обратился к жителям Симферополя с посланием, в котором напомнил про «ужасные дни», прожитые под властью большевиков, призывал верующих дистанцировать-

ся от любой политической власти, отказаться от «взаимного истребления» и жить в мире «со всеми своими согражданами», к каким бы народам они ни принадлежали (с. 319—320). В ноябре 1918 г., после поражения Германии в Первой мировой войне, созданное немцами в Крыму марионеточное правительство генерала М.А. Сулькевича, готовившего проведение «Крымского поместного собора», уступило власть коалиционному правительству учёного-агронома кадета С.С. Крыма. Министром народного просвещения, культов и здравоохранения «против своей воли» стал эсер С.А. Никонов. Священнослужители вызывали у него отвращение. Тем не менее он подготовил законопроект, предусматривавший выдачу скудного единовременного пособия «бедствовавшему сельскому духовенству, которое осталось практически без средств к существованию» (с. 324—325). Но уже в конце апреля 1919 г. на полуострове образовалась Крымская Советская Социалистическая Республика во главе с Д.И. Ульяновым, продержавшаяся всего 75 дней. Характерно, что и в эти два с половиной месяца не обошлось без разграбления некоторых обитателей и убийства отдельных представителей клира (с. 331).

В июне 1919 г. Крым заняли войска А.И. Деникина. Крымчане нередко ждали белых как «освободителей», но первые же их действия и безрассудная жестокость многих разочаровали. В этой ситуации 22 августа епископ Севастопольский Вениамин (Федченков), ставший в феврале викарием Таврической епархии, направил Деникину письмо, в котором утверждал, что его армия «пошла в значительной части по пути разгула: массовые аресты, расстрелы по деревням, нещадные реквизиции, неразборчивая месть имевшим хоть какое-нибудь отношение к большевизму». В результате в

тылу Добровольческой армии вновь «накаплиется горючий материал». При этом иерарх был вовсе «не против наказаний, даже и решительных, где они необходимы», и всячески сочувствовал борьбе с большевизмом (с. 333—335). К сожалению, авторы умалчивают о реакции генерала на это обращение. Впоследствии владыка принял активное участие в заговоре против Деникина, агитируя в пользу барона Врангеля, при котором, по мнению авторов, «фактически сам себя назначил» на должность управляющего военным и морским духовенством, вошёл в состав Совета министров и даже прослыл «вдохновителем церковного антисемитизма» (с. 369). После неудач войск Врангеля Временное высшее церковное управление инициировало проведение 12—14 сентября 1920 г. дней покаяния (приурочив их к празднованию Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня), рассчитывая молитвами и постом поднять дух армии и народа. Но добиться этого уже не удалось.

Как отмечают Пученков и Калининский, «в риторике П.Н. Врангеля постоянно присутствовали мотивы защиты попранной православной веры». По совету владыки Вениамина барон учредил в своей армии орден Св. Николая Чудотворца с девизом «Верую спасётся Россия». Учитывались церковные интересы и при подготовке аграрной реформы в Крыму. Руководивший ею А.В. Кривошеин, в прошлом — один из ближайших сподвижников П.А. Столыпина, предлагал передать крестьянам поместья крупных землевладельцев. Приходская и монастырская собственность оставалась при этом неприкосновенной, что не нравилось арендовавшим её крестьянам. Врангель просил архиепископа Димитрия, чтобы епархия, поддержав земельную реформу, добровольно отказалась хотя бы от части

своих владений. Однако Временное высшее церковное управление сочло подобную жертву несвоевременной, а отторжение церковного имущества допускало лишь по согласованию в каждом конкретном случае с духовным ведомством. В ноябре 1920 г. вместе с Врангелем Крым покинуло немало представителей духовенства, прекрасно понимавших, что может их ожидать в Советской России. Другие, включая архиепископа Димитрия, решили остаться на родной земле и разделить с верующими предстоящие гонения.

Завершает книгу небольшая глава «Вместо послесловия», рассказывающая о последующей судьбе 11 героев исследования. Восемь из них под-

вергались репрессиям. В частности, преосвященный Димитрий (Абашидзе) в 1920—1930-х гг. неоднократно оказывался под арестом и скончался 1 ноября 1942 г. в оккупированном немцами Киеве. Не менее причудливо сложился путь владыки Вениамина (Федченкова), жившего в эмиграции в 13 странах и вернувшегося в СССР в 1948 г. митрополитом.

К сожалению, авторы не исследовали отношения клириков Таврической епархии с мусульманами и иудеями. Да и о священнослужителях Черноморского флота в книге можно найти лишь отдельные упоминания. Но это ни в коей мере не умаляет ценности работы, проделанной А.С. Пученковым и В.В. Калиновским.

* * *

Юлия Бирюкова

Под сенью православного креста: духовенство Крыма в 1914—1920 гг.*

Yulia Biryukova

(Don State Technical University, Rostov-on-Don; Saint Petersburg State University, Russia)

In the shadow of the Orthodox cross: the clergy of the Crimea in 1914—1920

DOI: 10.31857/S086956870016600-1

Монография А.С. Пученкова и В.В. Калиновского — первое специальное исследование, посвящённое крымскому духовенству 1914—1920 гг. и обобщающее результаты их многолетней работы, уже отразившейся в ряде публикаций¹. Авторы попытались «объективно и без замалчиваний разобраться в истоках этой трагедии, понять мотивации действий духовенства на сломе эпох» (с. 23—24). Их труд изначально осложняла ограни-

ченность источниковой базы, связанная с тем, что в 1920—1930-е гг. в архивах производились чистки, в ходе которых сохранялись преимущественно документы, передававшие отталкивающие черты духовенства (с. 20). Поэтому материалы приходилось искать не только в Москве, Санкт-Петербурге и Республике Крым, но и в Бахметьевском архиве в Колумбийском университете (США). Обращались авторы и к фондам РГА ВМФ и РГАЛИ,

Материал подготовлен в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

¹ Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.

которыми редко пользуются историки Церкви. Не менее ценная информация извлечена ими из публикаций в крымской периодической печати.

Книга начинается с освещения деятельности крымского духовенства в годы Первой мировой войны. Неудивительно, что внимание авторов сразу же привлекает фигура архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе) — неординарного «харизматичного и пассионарного» человека, для которого патриотизм составлял «основу его политической философии и идейных взглядов» (с. 28). Не прекращая управлять епархией, он в то же время служил на Черноморском флоте как обычный корабельный священник, подчинённый протопресвитеру военного и морского духовенства. Как пишут Пученков и Калиновский, «впоследствии... именно опыт пребывания на флоте и тесное общение с матросами, а также панагия на Георгиевской ленте... помогали таврическому архипастырю при общении с революционно настроенными людьми, а иногда в буквальном смысле спасали ему жизнь» (с. 51—52).

Вместе с тем владыка выезжал в наиболее пострадавшие от обстрелов города, выстраивал конструктивные отношения с губернской администрацией и органами самоуправления (с. 96—99) и руководил епархиальной благотворительностью. Конечно, она регулировалась предписаниями Св. Синода, но на местах священнослужители активно проявляли инициативу (с. 100). Создавались церковные комитеты помощи пострадавшим, потерявшим кормильцев и беженцам, попечительства и братства иногда весьма успешно контролировали организацию дела (с. 126). При этом пожертвований стекалось в Таврический епархиальный комитет в десятки раз больше, чем это требовалось для текущих нужд (газеты публиковали подробные отчё-

ты), и епархия постоянно расширяла сферу своей ответственности.

Однако в 1917 г. наиболее активная часть таврического духовенства во главе с архиереем и священниками, героически проявившими себя во время войны, горячо и единодушно поддержала свержение монархии и не скрывала радости от того, что Церковь перестала быть «прислужницей старого режима» (с. 166—167). Впрочем, схожие настроения преобладали и в других епархиях. Повсюду шли пастырские собрания, говорили об освобождении и новой роли священства, о необходимости Поместного собора с широким представительством белого духовенства и мирян. Причём защитником их прав называли обер-прокурора (с. 170—175).

На прошедшем в мае в Крыму Таврическом епархиальном съезде духовенства и мирян, как и на всех подобных мероприятиях в разных частях России, признавалось необходимым восстановление соборности и самостоятельности Церкви по отношению к государству, преобразование управления епархией на новых принципах (создание приходских и епархиального советов, временного исполнительного комитета и т.п.), проведение выборов клира и назначение ему жалованья с отменой платы за требы (с. 210—244). Сравнительно консервативно держалась лишь часть сельского духовенства (с. 196). Но хотя революционные власти разных уровней проявляли повышенный интерес к содержанию проповедей, благодаря умелой политике владыки Димитрия епархии до конца осени удавалось сохранять относительное спокойствие. Этому не помешали даже безуспешные попытки викарного епископа Сильвестра (Братановского) занять архиепископскую кафедру (с. 300).

Постепенно вызревали противоречия и внутри духовного сословия.

Так, в возникновении симферопольского отделения Союза демократического духовенства и мирян (ранее в историографии считалось, что эта петроградская организация не имела сторонников в провинции) и в работе Всероссийского съезда духовенства и мирян в июне 1917 г. авторы видят черты будущего обновленческого раскола (с. 216—217, 249—250). Но всё же данный Союз оставался скорее политической, а не церковной структурой, а съезд по мере сил направлял стихийные искания клириков и прихожан в конструктивное русло, подготовив многие решения Поместного собора 1917—1918 гг. Тогда как советское обновленчество, развернувшееся с подачи большевиков, являлось отнюдь не движением за те или иные реформы в Церкви, а попыткой создания её двойника. Поэтому едва ли стоит искать какое-либо «обновленчество» ранее 1922 г.

Пученков и Калиновский описывают выборы таврических делегатов собора, среди которых оказались, в частности, владыка Димитрий, С.Н. Булгаков и архимандрит Вениамин (Федченков), и кратко характеризуют их роль на его заседаниях (с. 266—285). В самой же епархии в конце 1917 г. учащались случаи присвоения церковной собственности и иных уголовных преступлений, направленных против духовных лиц.

Однако большевики особой популярностью тогда на полуострове не пользовались. Тем более тяжёлое впечатление произвели начавшиеся при их власти в декабре 1917 г. убийства священников, разграбление епархиального и монастырского имущества, захват семинарии и духовного училища, самосуд матросских банд (с. 310—317). Непросто складывались отношения епархии и со сменившими большевиков правительствами М.А. Сулькевича и С.С. Крыма. При

Сулькевиче, опиравшемся на поддержку оккупировавших полуостров германских войск, развернулась дискуссия между сторонниками и противниками автокефалии Украины и Крыма (с. 323). Коалиционное правительство во главе с кадетом Крымом решило руководствоваться постановлениями Всероссийского Поместного собора 1917—1918 гг. и, не испытывая никакой симпатии к Церкви, всё же финансировало деятельность епархиального управления и признавало его одним из официальных учреждений (с. 326).

Большое внимание авторы уделяют известной критике Белого движения епископом Вениамином (Федченковым). При этом им удалось выявить не использовавшееся ранее исследователями письмо владыки к А.И. Деникину, в котором архиерей подробно излагал свою позицию и с сожалением отмечал, что христианство оставалось для белых лишь традицией, но не было «важнейшей или необходимой частью жизни». И всё же он не сомневался в том, что Добровольческая армия «делает Божье дело» (с. 335—336). Генералы и священнослужители пытались остановить разложение войск. Но, как убедительно показано в книге, предотвратить их разгром было уже невозможно.

Тем не менее, по словам авторов, «несмотря на все сложности, духовенство продолжало в самых тяжёлых условиях проводить богослужения и по мере сил и разума помогать своей пастве». Поэтому они полагают, что «образ Крыма как “последней обители”, последнего осколка старой России, для которой православие было если не основой, то важной частью традиции, следует считать в полной мере справедливым» (с. 378—379).

Таким образом, в своём фундаментальном труде А.С. Пученков и В.В. Калиновский успешно рекон-

струировали особенности церковной жизни Крыма в контексте социально-политических и военных потрясений 1914—1920 гг. Взвешенно оценивая исторические события во всей их сложности и противоречивости, без уклонения в апологетику или в критику, они изобразили духовенство, переживавшее накануне революции внутрисловный кризис, без ненужной ретуши, во всём многообразии человеческих характеров, мотиваций и представлений о благе Церкви.

Примечание

¹ Калиновский В.В., Пученков А.С., Самыловская Е.А. Служение архиепископа Димитрия (Абашидзе) на Черноморском флоте // Вопросы

сы истории. 2020. № 4. С. 18—33; Калиновский В.В. «Германофильство» епископа Димитрия (Абашидзе) в годы Первой мировой войны: архиерейский ответ на «немецкий вопрос» // Научный диалог. 2020. № 9. С. 336—357; Калиновский В.В., Петров И.В., Пученков А.С. «Деникинский» церковный собор в наработке новейшей российской археографии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. Т. 4. 2019. № 4. С. 28—34; Пученков А.С., Калиновский В.В., Петров И.В. Православное духовенство Крыма и начало Первой мировой войны: настроения епархиального руководства и рядовых священников // Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки. Материалы. Волгоград, 2018. С. 318—334; Петров И.В., Пученков А.С. «Черновики будущего»: проблема антисемитизма в рядах таврического духовенства в 1914—1917 гг. // Вопросы истории. 2019. № 12-2. С. 205—220.

Иван Петров

Жизненный путь митрополита Вениамина (Федченкова) в современных латвийских исследованиях*

Ivan Petrov

(Saint Petersburg State University, Russia)

The Life Path of Metropolitan Benjamin (Fedchenkov) in contemporary Latvian Studies

DOI: 10.31857/S086956870016616-8

За последние 30 лет в каждой из трёх балтийских республик появилась своя традиция рассмотрения истории православной Церкви в XX в. В Литве наибольшее внимание ей уделила Р. Лаукайтис, скептически характеризующая взаимоотношения Московской патриархии с богоборческой властью в СССР¹. В Эстонии наиболее острой проблемой оказалась каноничность перехода местных православных приходов в 1923 г. в юрисдикцию

Константинопольского патриархата. При этом мнения исследователей предсказуемо разделились². В Латвии учёные освещали прежде всего деятельность клириков Прибалтийского экзархата и «Православной миссии в освобождённых областях России» в годы Великой Отечественной войны и нацистской оккупации. К этой теме не раз обращались и российские, и латвийские специалисты³.

Материал подготовлен при поддержке гранта президента РФ для молодых кандидатов наук, проект № МК-4539.2021.2 «Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941—1991 гг.».

¹ Евфросиния (Седова), инокиня. Служение митрополита Вениамина (Федченкова) на Рижской кафедре (1948—1951 годы). Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgads «Saule», 2016. 320 с. (I); Седова Г.В. (Евфросиния, инокиня). Рижская епархия 1944—1964. Из истории православия. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgads «Saule», 2020. 384 с. (II).

Вместе с тем в последние годы заметно возрос интерес к личности митрополита Вениамина (Федченкова), эволюционировавшего от ярого сторонника Белого движения до советского патриота, вернувшегося из эмиграции. В частности, ему посвящены две научные монографии инокини Евфросинии (Седовой). Галина Вадимовна Седова — многолетний редактор газеты Латвийской Православной Церкви «Виноградная лоза» и серьёзный учёный, недавно защитившая в университете Даугавпилса докторскую диссертацию и неоднократно выступавшая на научных конференциях в Латвии, России, Бельгии и т.д., феномен в современной церковной историографии. В своих работах, хотя и написанных в «житийном» стиле, она опирается на документы из латвийских архивов и свидетельства очевидцев.

Примечательно, что её монография «Служение митрополита Вениамина (Федченкова) на Рижской кафедре (1948—1951 годы)» на две трети состоит из публикации тщательно откомментированных источников, наилучшим образом передающих атмосферу изучаемого времени. В первых главах данного исследования читатель знакомится со сложным положением православного духовенства и верующих в одной из беднейших епархий Русской Православной Церкви (I, с. 41). До владыки Вениамина ею временно управлял архиепископ Виленский и Литовский Корнилий (Попов), в прошлом — виднейший представитель обновленческого движения. Разумеется, влиятельный архиерей, прошедший много лет в эмиграции, выстраивал взаимодействие с местным духовенством иначе, чем его предшественник. По словам автора, он «с особым вниманием относился к клирикам» и заботился о них «по-отечески» (I, с. 41). Возникавшие же кон-

фликты между священнослужителями и новым митрополитом в книге объясняются слишком большой автономией епархиального совета в 1945—1947 гг. (I, с. 43—45) и даже саботажем. Так, фактически руководивший епархией протоиерей Николай Смирнов отказывался менять манеру своего общения с правящим архиереем, а при осложнении ситуации пользовался своими хорошими связями с уполномоченным (I, с. 45). Целая глава посвящена докладу митрополита Вениамина патриарху Алексию I о положении православия в Латвийской ССР и неправильном порядке контактов между епископом и представителями власти в условиях советской атеистической системы (I, с. 46—61). В панегирическом ключе изображаются исследовательницей визиты митрополита Вениамина по вверенным ему приходам (I, с. 64), а также празднование столетнего юбилея епархии и приуроченный к нему съезд благочинных в середине июля 1950 г. (I, с. 74—84).

Всё, что могло бы омрачить благостную картину деятельности митрополита Вениамина в Латвии, упоминается вскользь или нейтрально. Так, о славословии главы Рижской епархии в адрес Иосифа Сталина сказано: «Среди исследователей есть мнение, что владыка подобострастно относился к советской власти и к И.В. Сталину, полагаю, данное мнение предвзятое, так как архиепископ с искренним уважением относился вообще к власти, и в частности к руководителю советского государства, и этого не скрывал» (I, с. 64—65). Далее на основе писем и воспоминаний пространно характеризуется его отношение к существовавшим в СССР порядкам, при этом слова архиерея, участвовавшего в просталинской пропаганде в США в годы войны, но не видевшего большевистских репрессий 1920—1930-х гг. или же «первого советского года» в

Прибалтике, почему-то сравниваются с записями в дневнике высланной в Уфу латвийской школьницы (I, с. 65—66). Кстати, иерарх Церкви действительно заявлял о поддержке любой власти и столь же рьяно служил режиму барона П.Н. Врангеля в Крыму, где призывал расправиться с большевистской диктатурой⁴. Мастер интриги, некогда стоявший во главе военного духовенства Белого Крыма, теперь с большим удовольствием печатал здравицы в честь Сталина на страницах своего бюллетеня «Вести»⁵. Впрочем, по мнению исследовательницы, он искренне верил в преобразование советской власти (I, с. 71).

Описывая перевод митрополита из Латвии в Ростов, автор подробно освещает его несбывшиеся планы создать скит в Дубултах, разногласия, возникшие у него с уполномоченным по делам Русской Православной Церкви по Латвийской ССР А.А. Сахаровым, и общее разочарование архиерея, вызванное положением дел в епархии. Из книги видно, что, несмотря на свой советский патриотизм, он напрасно надеялся на «взаимное понимание и сотрудничество» с атеистическими властями (I, с. 103). К тому же «владыка допускал промахи как администратор и относился слишком идеалистически к некоторым вопросам. Хорошо известно, что его мягкость и сердечность расценивались как наивность, но ведь праведные люди нередко бывают наивными. Правда, совсем не наивным человеком считали правящего архиерея уполномоченные» (I, с. 104). Это довольно спорно, поскольку, к примеру, митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) или же архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий), прошедшие через репрессии, гораздо жёстче отстаивали церковные интересы. Но митрополит Вениамин вернул-

ся в СССР, не зная того государства, которому предоставил свои услуги в тяжёлый военный период. Приехав, он обнаружил далёкую от своих представлений картину «Святой Руси, обрамлённой красной звездой». Тот стиль управления епархией и общения с властью, который подходил для российских антибольшевистских властей, не устраивал руководство сталинского СССР. Вместе с тем владыка не обличал развернувшиеся гонения с той энергией, какой отличалась ранее его борьба с нацизмом. Отдельные же «печалования» не были услышаны советскими органами. По сути, митрополит стал «безмолвным свидетелем» происходившего. Желая изменений, он никогда не пересекал опасной черты. Его возвращение лишь подтвердило невозможность примирения белого и красного даже в случае отказа от идеалов Гражданской войны.

Основу второй монографии Г.В. Седовой «Рижская епархия 1944—1964. Из истории православия» составили материалы РГАСПИ, ГА РФ и Национального архива Латвии (фонды Президиума Верховного совета и Совета министров Латвийской ССР, уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР по Латвийской ССР, Министерства юстиции, Общества латвийско-зарубежных связей и дружбы и др.). Исследовательница более подробно изучила следственные дела православных клириков, репрессированных как в «первый советский год», так и в послевоенный период, работала с делами депортированных из Латвии 14 июня 1941 г. и 25 марта 1949 г. (ф. 1894 и 1987), анализировала данные, связанные с биографиями уполномоченных Н.П. Смирнова и А.А. Сахарова, извлекая их из фонда личных дел номенклатурных работников ЦК КП Латвии. Хорошо известна Седовой российская, латвийская и

немецкая историография, причём как церковная, так и светская. Собранные же ею интервью с очевидцами событий тех лет придают работе уникальность, поскольку круг свидетелей быстро сужается. Удивительно, но несмотря на близость к священноначалию, автор не ссылается на источники из архива Латвийской Православной Церкви. Видимо, он до сих пор закрыт, хотя епархиальные хранилища всё чаще открываются даже для светских исследователей.

Книга включает три главы: в первой рассматриваются государственно-церковные отношения в советской Латвии в 1944—1964 гг., во второй характеризуется жизнь епархии, а третья посвящена особенностям «форм и проявления репрессий в период советизации». Подобная структура логична и позволяет всесторонне осветить тему.

Весьма ценной является информация о латвийских уполномоченных и депортациях 1941 и 1949—1950-х гг. При этом Седова различает подходы к работе «горячего партийца» Н.П. Смирнова и представителя советских органов государственной безопасности А.А. Сахарова, которому явно отдаёт предпочтение, хотя оба они многое сделали для дискредитации и ослабления Церкви. Более того, именно Сахаров сыграл роковую роль в судьбе некоторых псковских миссионеров и других представителей «православной Латвии». Но, как отмечает исследовательница, он привёл «канцелярию в порядок», изучил положение православной Церкви и был более независим в отношениях с партийно-государственным аппаратом Латвии, чем его предшественник (II, с. 60—64). Первоначально он даже смог «обаять» митрополита Вениамина (Федченкова) (II, с. 63). На рубеже 1950—1960-х гг., в период «хрущёвских гонений», Сахаров «со знанием

дела решал вопросы контроля над выполнением советского законодательства о культах» (II, с. 68). Так, в монографии со ссылкой на латвийскую прессу (но без указания конкретных материалов) говорится о его причастности к закрытию православных храмов в республике (II, с. 60). Будучи, по словам Евфросинии (Седовой), «исполнительным функционером и незаменимым работником» (II, с. 71), Сахаров проработал уполномоченным вплоть до 1980-х гг. И в старости он отказывался давать интервью журналистам и историкам, однако после смерти его отпевали по православному обряду (II, с. 60—61). Удивительно, но кажется, что, помимо митрополита Вениамина, именно чекист Сахаров предстаёт в изображении инокини Евфросинии одним из главных положительных героев.

О большинстве архиереев, служивших в Риге, упоминается только в восторженном ключе. Исключение составляет лишь одиозный Филарет (Денисенко), о котором мимоходом сказано: «Непродолжительное время управлял епархией епископ Лужский Филарет (Денисенко) — с 4 февраля по 27 августа 1962 года. Но в связи с краткостью его пребывания на кафедре в памяти духовенства осталось то, что архипастырь изучал иностранные языки, а в дальнейшем был направлен на одну из кафедр Западной Европы» (II, с. 131).

Раскрывая отношение латвийского общества к противостоянию Советского Союза и нацистской Германии, Седова усматривает в нём некие параллели со спорами «пораженцев» и «оборонцев» в годы Первой мировой войны (II, с. 226). Тем самым она, по сути, уравнивает выражение патриотических чувств к империи, защищавшей интересы Церкви, и к главному на тот момент атеистическому государству в мире (тем более в совети-

зированной в 1940—1941 гг. Прибалтике). В параграфе «Проявление коллаборационизма в среде духовенства» (II, с. 254—265) прослеживаются обстоятельства нацистской оккупации и контакты православного духовенства с немцами. Так, ярким примером коллаборациониста являлся священник Димитрий Околович, который с воодушевлением приветствовал вермахт, радуясь в середине июля 1941 г. тому, что пришёл конец «врагам латышского народа» и православные не остались «во власти красного дракона»⁶. Впоследствии, столкнувшись с реалиями «оттепели», он вынужден был снять сан. Подробное описание газетной кампании, предпринятой тогда против таких пастырей, как Иаков Легкий и Димитрий Околович, несомненно, стало авторской находкой.

Не менее ценны и собранные в монографии сведения о закрытии православных храмов в Латвийской ССР (отдельно по Курземе, Видземе, Земгале и Латгале, Риге и её окрестностям). Проведённые Евфросинией (Седовой) подсчёты настолько точны и скрупулёзны, что фактически создают исчерпывающую картину данного процесса. Столь же тщательно показана монастырская жизнь в Латвии в 1940—1960-х гг., и прежде всего — деятельность игумений Тавифы (Дмитрук) и Магдалины (Крисько). Гораздо более осторожно описаны аресты клириков и депортации мирян, в том числе в 1944—1953 гг. (II, с. 205—227). Вписывая их в общий контекст репрессий послевоенных лет, исследовательница по каждому пострадавшему священнику даёт ссылки на дела из Национального архива, пишет о пытках и выдавливании показаний из обвиняемых. При этом она констатирует: «Основным источником в изучении темы репрессий против клириков и мирян Рижской епархии остаются судебно-следственные дела архива КГБ Латвийской ССР. Архивные ма-

териалы из данных источников несут субъективный характер, в них много противоречий и открытой фальсификации. Изучение их требует тщательного отбора и критического анализа» (II, с. 227).

Нельзя не признать, что исследования инокини Евфросинии (Седовой) внесли значительный вклад в изучение истории православной Церкви в Латвии и заметно расширили её источниковую базу. Важно, чтобы они дошли до российского читателя, интересующегося периодом гонений.

Примечания

¹ *Лаукайтис Р.* Вопрос об автокефалии православной церкви в Литве в 1918—1940 годах // Церковь в истории России. Вып. 5. М., 2003. С. 362—373; *Лаукайтис Р.* Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского) 1941—1944 // Православие в Балтии. 2015. № 3(12). С. 97—109; *Лаукайтис Р.* Православные монастыри в Литве: советский период истории // Православие в Балтии. 2016. № 6(15). С. 77—93; *Лаукайтис Р.* Репрессии против духовенства Литовской епархии в период сталинизма // Православие в Балтии. 2018. № 8(17). С. 149—162; *Лаукайтис Р.* Социальные аспекты репрессий: переход на нелегальное положение в Литве в 1944—1953 гг. // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18—20 октября 2012 г. М., 2013. С. 393—401; *Лаукайтис Р.* Эпилог Российской империи в Литве: русские эмигранты в 1918—1940 гг. // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. XII. Таллин, 2012. С. 8—21.

² *Григорий (Папатома), архим.* Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране. Богословская правда о Православной Церкви Эстонии. Таллинн, 2007; *Прекуп И., свящ.* Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин, 1998; *Балашов Н., прот., Прекуп И., прот.* История эстонского православия и попытка ее недобросовестной ревизии: О книге архимандрита Григория Папатомаса «Несчастье быть маленькой Церковью в маленькой стране» // Вестник церковной истории. 2011. № 1/2 (21/22). С. 251—310; *Прекуп И., прот., Балашов Н., прот.* Проблемы православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатомаса «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». Таллин, 2013.

³ Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убитые. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940—1955). М., 1999; Гаврилин А.В. Уголовные дела православных священников как источники изучения сталинских репрессий на территории Латвии // Церковь и время. 2010. № 52(3). С. 193—218; Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.; Тихвин, 2009; Гаврилин А.В. Латвийские

священнослужители на Американском континенте. М., 2013.

⁴ Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 гг. СПб., 2020. С. 353.

⁵ Петров И.В. Православная Балтия 1939—1953 годов. Период войн, репрессий и международных противоречий. СПб., 2016. С. 339.

⁶ LNA, f. 1986, apr. 1, l.40001, l. 84.

Никита Гусев

Рец. на: М.А. Бирман. П.М. Бицилли (1879—1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

Nikita Gusev

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: М.А. Birman. P.M. Bicilli (1879—1953). Zhizn' i tvorchestvo. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870016606-7

Тема Русского зарубежья, долгие годы табуированная в отечественной исторической науке, активно изучается последние три десятилетия. Однако на периферии исследовательского интереса остаётся судьба русских подданных на Балканах и, в частности, в Болгарии¹. Среди наиболее заметных эмигрантов, перебравшихся в Софию, — историк, филолог и литературовед П.М. Бицилли, крайне редко упоминавшийся в научной литературе. Восполнить этот пробел попытался в своей книге М.А. Бирман.

Пётр Михайлович Бицилли (1879—1953) родился в Одессе в семье высокопоставленного банковского служащего. Детство он провёл безбедно, но страдал из-за проблем со здоровьем и выпустился из гимназии позже своих ровесников. В студенческие годы он увлёкся революционными идеями, из-за чего дважды отчислялся с историко-филологического факультета Новороссийского университета и окончил его только в 27 лет, приступив на кафедре всеобщей истории к «подготовке к званию профессора» (с. 31). Бицилли «определил фактиче-

ски самостоятельно свой путь исследователя, то есть формировался как учёный, не имевший постоянных и систематических наставников» (с. 35). Первая статья Петра Михайловича вышла только в 1912 г., но в его ранних трудах был виден профессиональный историк с «литературным дарованием» (с. 43).

Преподавание в гимназии и на Одесских высших женских курсах требовало времени и значительно тормозило научные изыскания Бицилли. В 1910 г. ему пришлось срочно заменять заболевших тифом коллег и отказать от зарубежной командировки. По словам современника, Пётр Михайлович «подготавливал и писал своё исследование в вакационное время, урывками» (с. 44). В результате магистерскую диссертацию он защитил только в мае 1917 г. (с. 48). В разгар Гражданской войны в Одессе вышла его работа «Элементы средневековой культуры», где анализировались ментальность средневекового человека, его восприятие мира. Книга осталась незамеченной научной общественностью и была переиздана

уже в постсоветские годы (с. 59—60). Революцию Бицилли не принял, его «юношеский “роман”» с идеями преобразования общества быстро закончился (с. 51). «Вскинувшийся мелким бесом демон революции» (по его же выражению) вынуждал одесскую интеллигенцию эмигрировать, и Пётр Михайлович не стал исключением. В 1918 г. он отказался от профессорской должности в Саратове, а в январе 1920 г. вместе с женой и трёхлетней дочерью покинул Россию (с. 63).

Судьба привела Бицилли в научное захолустье — университет в Скопье, только что созданный сербскими властями. Лишённый доступа к литературе по специальности, Пётр Михайлович значительно расширил сферу своих научных интересов и увлёкся историософией, литературоведением, русской поэзией. Тогда же завязалось его общение по переписке с основателями евразийства — Г.В. Флоровским, Н.С. Трубецким, П.П. Сувчинским и др. В 1923 г. Бицилли пригласили на должность заведующего кафедрой всеобщей истории историко-филологического факультета Софийского университета, и в 1924 г. он переехал в Болгарию. Лекции он читал на болгарском языке (с. 101) и, несмотря на «убийственный акцент», пользовался у студентов большой популярностью². От большинства своих русских коллег он отличался стремлением быть более понятным слушателям³.

До 1932 г. положение Петра Михайловича оставалось достаточно прочным. Но затем, в условиях экономического кризиса, руководство Болгарии пошло на сокращение штатов преподавателей, что едва не привело к уходу Бицилли из университета. Лишь благодаря академику В. Златарскому он сохранил должность. Даже в этот период Пётр Михайлович выпускал научные труды, продолжал работу со студентами. Сре-

ди слушателей его курсов были будущие именитые болгарские учёные Х. Гандев и И. Дуйчев, которые всегда (даже когда все старательно «забывали» многолетнего заведующего кафедрой) «не стеснялись заявлять о том, что они — ученики Бицилли, и гордились своим учителем» (с. 176). Перерыв в преподавательской деятельности наступил в связи с эвакуацией университета и бомбардировками Софии англо-американскими войсками в 1943—1944 гг.

Радикальные перемены в жизни учёного произошли после установления в Болгарии власти Отечественного фронта, контролируемого коммунистами. В 1946 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении эмигрантам в Болгарии прав на советское гражданство. По предположению Бирмана, Бицилли, идеализируя ситуацию в Советском Союзе, планировал вместе с семьёй вернуться на родину. После войны он трижды подавал документы на советское гражданство, но каждый раз следовал немотивированный отказ (с. 249—253). В 1948 г. он достиг возраста, в котором должен был покинуть кафедру, причём без пенсии, поскольку оставался иностранцем. Ранее по ходатайству университета в подобных случаях преподавателям продлевали контракт, но навстречу Бицилли руководство университета не пошло. По мнению автора, причиной тому являлось отношение новых властей Болгарии к русским эмигрантам (с. 261—263).

В послевоенные годы Пётр Михайлович столкнулся с «почти неразрешимой проблемой пробивания рукописей в печать» (с. 271). Отодвинутый от науки и покинутый многими, он писал И.А. Бунину в 1951 г.: «Полное одиночество, тоска, скука, утомительное безделье и предвкушение приближающегося перехода в Ничто»

(с. 274). Показательно, что Софийский университет никак не отреагировал на его смерть в 1953 г. (с. 276).

Научное наследие Бицилли Бирман разделил на 13 блоков: «Труды по античности и средневековью», «Сочинения по всеобщей истории», «Труды по теории исторической науки, историософии, историографии и преподаванию истории», «Сочинения о классиках русской литературы», «Публикации по “философии нации” и нациогенезису», «Сочинения по истории России, российской государственности и культуры (проблемы руссиеведения)», «Труды о теории и истории мировой и русской литературы», «Сочинения по теории и истории русского литературного языка и по фольклору», «Публикации по социологии, психологии, искусствоведению, религиоведению, философии», «Труды о А.С. Пушкине и на темы пушкинистики», «Сочинения о современной европейской и русской культуре и на культурологические темы», «Публикации о творчестве современных русских писателей» (с. 291—292). Всего, по подсчётам Бирмана, Бицилли опубликовал 381 работу (с. 279).

Автор проделал большую работу, привлёк большое количество источников. Исследование опирается на архивы России, Болгарии, Македонии и США, воспоминания и документы из личных архивов родных и близких Петра Михайловича. В конце книги представлены список изданий, где выходили публикации Бицилли, хроника его жизни и творчества, списки псевдонимов и криптонимов, перечень спецкурсов, прочитанных в Софийском университете в 1924—1948 гг. Наиболее ценные приложения — «Труды и письма П.М. Бицилли», опубликованные за 1912—2015 гг., и список литературы за 1912—2016 гг., посвящённой жизни и деятельности Петра Михайловича. Несмотря на ве-

сомый вклад Бирмана, большое количество документов о Бицилли до сих пор не введены в научный оборот, к примеру — письма и рукописи его работ, хранящиеся в ИРЛИ РАН (с. 293). Детали жизни Бицилли, возможно, содержатся в неопубликованных мемуарах его зятя — профессора А.П. Мещерского⁴.

Бирман опровергает устоявшиеся ошибки и неточности в биографиях Бицилли. Яркий пример — статья в «Большой российской энциклопедии», в которой неверно указан год окончания гимназии и утверждается, что в 1920 г. Пётр Михайлович переехал в Сербию, а не в Македонию. В той же статье сообщается, что в 1944 г. Бицилли якобы принял советское гражданство, но это «не избавило его от грубых идеологичес[еских] проработок», и в 1948 г. он был «изгнан» из университета⁵. В рецензируемой книге рассказано о всех трёх случаях отказа в гражданстве и опубликована копия прошения Петра Михайловича с просьбой пересмотреть эти решения (с. 252).

Таким образом, работа М.А. Бирмана будет интересна не только специалистам, изучающим русскую эмиграцию и отечественную историческую науку, но и широкому кругу читателей. Об этом свидетельствуют и две рецензии на монографию⁶. О жизни Бицилли автор повествует в контексте событий в межвоенной Европе. Это не только биография учёного, но и срез жизни русской интеллигенции, волею судеб оказавшейся после революции 1917 г. на Балканах.

Примечания

¹ См., например, хотя и не полный, но солидный справочник: Руска емиграция в България. 1878—2006. Библиографски указател / Съст. Е. Денева, С. Рожков. София, 2006.

² Косик В.И. Софии русский уголок. М., 2008. С. 73.

³ Ратиев А. То, что сохранила мне память. София, 1999. С. 507.

⁴ Косик В.И. Софии русский уголок. С. 61.

⁵ Коростелёв О.А., Черкасов П.П. Бицилли // Большая российская энциклопедия. Т. 3. М., 2005. С. 567—568.

⁶ Васильева М.А. Летопись жизни и творчества П.М. Бицилли // Ежегодник Дома Русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2019; Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский альманах. 2020. Вып. 1—2.

Ольга Елина

Рец. на: Р.А. Фандо. Университет им. А.Л. Шанявского на фоне смены эпох. М.: Акварель, 2018. 252 с.

Olga Elina

(S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: R.A. Fando. Universitet im. A.L. Shanyavskogo na fone smeny epokh. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870016607-8

Народный университет им. А.Л. Шанявского — яркое явление в отечественной культуре. Он вобрал в себя лучшие организационные модели образования, известные в мировой практике начала XX в. Это успешный пример проявления просвещённого российского меценатства в образовательной сфере. На фоне активного развития негосударственной высшей школы в сегодняшней России назрело осмысление исторического пути, пройденного первым частным университетом. Обобщить этот уникальный опыт призвана монография Р.А. Фандо. Автор обнаруживает знакомство с историографией и детально останавливается на достигнутых ею результатах. Введён в научный оборот внушительный массив архивных документов, хранящихся в Отделе рукописей РГБ, ЦГА Москвы, РГАЭ, АРАН.

Структура работы видится логичной и интересной. Фандо использует не только традиционный хронологический подход, но и проблемный принцип, что представляется рациональным. Книга написана лёгким, образным языком, что побуждает к

заинтересованному прочтению. В монографии представлено более 150 иллюстраций, многие из которых публикуются впервые. Это фотопортреты и групповые снимки, проекты и интерьеры здания на Миусской площади, сцены лекционных и лабораторных занятий, карикатуры на профессоров, афиши студенческих спектаклей. Если отвлечься от текста и разглядывать одни только изображения, можно составить достаточно полное представление об истории университета. Добавим к этому высокий уровень полиграфического исполнения книги.

В первой главе автор возвращает читателя на век назад, когда были основаны первые общественные и частные учебные институты — Московская практическая академия коммерческих наук (1810), Лазаревский институт восточных языков (1827). В 1906 г. было создано Общество народных университетов, декларировавшее их преимущественно просветительский характер. В качестве примера рассматривается деятельность Томского городского народного университета (основан в 1916 г. известным

просветителем П.И. Макушиным). Ссылаясь на классические труды А.Е. Иванова, автор отмечает стремительный рост числа слушателей негосударственных вузов в 1897—1914 гг. — с 6,7 тыс. до 42,2 тыс. человек.

Фандо защищает и развивает свой главный тезис: появление негосударственных вузов — итог борьбы либеральной интеллигенции за демократизацию высшей школы, открывавшую дорогу в университеты для новых групп учащихся, в том числе женщин. На страницах книги представлены материалы слушательниц и профессоров Московских высших женских курсов — В.А. Варсонофьевой, В.И. Вернадского, Н.Д. Зелинского, Н.К. Кольцова, С.А. Чаплыгина, А.А. Чернова и др. Позднее они вошли в число преподавателей Университета Шанявского, что говорит о преемственности преподавания в негосударственных вузах.

Большое внимание в главе уделено меценатству, которое автор рассматривает как важнейший фактор развития интеллектуального потенциала России рубежа XIX—XX вв. Здесь коротко представлен весь спектр гуманитарной и просветительской деятельности: создание больниц, картинных галерей, музеев, театров, издательств известными купеческими кланами (Бахрушины, Солдатенковы, Рахмановы, Шукины, Морозовы), учреждение Х.С. Леденцовым Общества содействия успехам опытных наук.

Вторая глава посвящена организациям первого частного университета. Подробно описана служба А.Л. Шанявского: зачисление по рекрутскому сиротскому набору в Тульский кадетский корпус, учёба в Академии Генерального штаба, участие в дальневосточной экспедиции Н.Н. Муравьёва-Амурского. После ранней отставки в чине генерал-майора Альфонс Леонович завещал семейные капиталы

на создание высшего учебного заведения. Л.А. Шанявская продолжила дело мужа, вела долгую переписку и переговоры с чиновниками, наносила личные визиты П.А. Столыпину. Супругов Шанявских, замечает Фандо, объединяла вера в идеалы науки и просвещения.

Открывшийся 1 октября 1908 г. Народный университет должен был стать первым «вольным» вузом в России, дающим образование по широкому спектру дисциплин, с присуждением выпускникам дипломов. В его создании по просьбе Шанявских участвовал М.М. Ковалевский, директор Высшей школы общественных наук в Париже. Однако на пути реализации проекта обнаружилось немало препятствий: ведомственные проволочки, возвраты на доработку, юридические ловушки, бесполезные парламентские дискуссии. И хотя правительственный контроль всё-таки присутствовал (отчёты, утверждение штата профессоров, уставов кафедр и др.), в университете гарантировалась свобода преподавания и исследований, невмешательство чиновников в разработку учебных и исследовательских программ.

Преподавательскому составу и студентам Народного университета посвящена третья глава. Перечислены полномочия попечительского и академического советов, факультетских собраний, преподавательских комиссий, соединённого комитета с участием студентов. Так, попечительский совет состоял из ведущих преподавателей, благотворителей, членов Московской городской думы. В его функции входило утверждение бюджета, структурных изменений, специальных циклов лекций. Академический совет занимался разработкой деталей учебного плана, выбором преподавателей и проч. Как отмечает Фандо, в университете сложилась живая система самоуправления. Для чтения лекций приглашались

известные учёные (В.Я. Данилевский, Н.М. Книпович, И.П. Павлов и др.). В 1911 г. вследствие репрессивных мер министра народного просвещения Л.А. Кассо из Московского университета пришли В.И. Вернадский, Н.Д. Зелинский, А.А. Мануйлов, М.А. Мензбир, П.А. Минаков, Б.К. Млодзиевский, В.К. Рот, А.П. Соколов, Н.А. Умов, В.П. Сербский, К.А. Тимирязев, А.Б. Фохт, С.А. Чаплыгин, А.А. Эйхенвальд.

В этой же главе Фандо приводит данные о численности, возрасте, происхождении, гендерном составе «шанявцев». Если на начальном этапе Народный университет привлекал главным образом лиц старше 30 лет с образованием ниже среднего, то со временем среди его слушателей стали преобладать более молодые выпускники вузов и средних учебных заведений. Автор исследует предпочтения различных социальных групп в выборе предметов и циклов лекций, характеризует материальное положение студентов, размер платы за обучение, самоорганизацию и взаимопомощь в вопросах медицины и поддержки малоимущих, кружковые объединения. Отражением демократизма образовательной политики являлась возрастающая популярность университета среди иудеев.

Приводя статистические выкладки состава слушателей, Фандо выделяет их категории по профессиональным занятиям до поступления в университет Шанявского (служащие, учителя, студенты других школ, лица свободных профессий). Несомненный интерес представляло бы и выделение групп в рамках традиционной сословной принадлежности: купцы, мещане, почётные граждане, крестьяне, казаки, священнослужители. Хотелось бы также узнать, насколько выражена была в университете Шанявского тенденция к сословной демократизации студенчества, которую прослеживает в своих

работах А.Е. Иванов¹. Полагаю, что этим материалом можно дополнить следующие издания монографии.

В четвёртой главе прослежена образовательная практика трёх университетских отделений. В рамках академического отделения, ориентированного на углубленное систематическое образование, работали два факультета: естественно-исторический и общественно-философский. Скоро стала очевидной слабая подготовка многих студентов, для чего создали подготовительное («научно-популярное») отделение. Помимо базовых курсов, на нём преподавались музыка, русская и зарубежная литература, история искусства — отражение бурного развития культурной жизни империи начала XX в. В программу были также включены практические дисциплины, такие как сельское хозяйство, кооперация, статистика, что давало слушателям начальную профориентацию. Университет чутко реагировал на экономические и социально-политические тенденции. Так, летом 1917 г. в нём читался курс лекций по истории революционного движения, демократии и социализму, политическим партиям, рабочему вопросу, гражданским правам и обязанностям, местному самоуправлению.

Слушатели факультетов академического отделения самостоятельно определяли для себя учебный процесс. Обучение на общественно-философском отделении преследовало прикладные цели повышения правовой и экономической грамотности. На нём традиционно обучалось значительно больше студентов (в 1916 г. — более 900). Курсы и семинарские занятия вели философы С.Н. Булгаков и И.А. Ильин, историки А.А. Кизеветтер и Ю.В. Готье, литературоведы М.Н. Розанов и Ю.И. Айхенвальд, юристы и правоведы Г.Ф. Шершеневич и М.Н. Гернет. На естествен-

но-историческом факультете популярным был организованный в 1911 г. П.П. Лазаревым физический «семинарий», лекции М.В. Павловой по палеонтологии, курс кристаллохимии Ю.В. Вульфа, лабораторные занятия по химии, прежде всего органической (Н.Д. Зелинский, А.Н. Реформатский, А.Е. Чичибабин и др.). Успешно работала зоологическая лаборатория Н.К. Кольцова. Некоторые пробелы в области биологии автор объясняет стремлением преподавателей дать студентам знания с учётом насущных жизненных потребностей, свободой в разработке содержания лекций.

Нововведением университета Шанявского стала организация специальных практических курсов по усовершенствованию врачей и педагогов, кооперации и местному самоуправлению, народному и внешкольному образованию, развитию кинематографа, музейно-выставочной работе, библиотечному делу и проч. Заметим, что внимание к библиотекам — одна из сильных сторон деятельности Народного университета. Автор подробно описывает богатые книжные собрания от частных жертвователей.

Объёмная пятая глава посвящена развитию науки в университете Шанявского — теме, практически не затронутой в историографии. Рассмотрены школы физика П.Н. Лебедева, биолога Н.К. Кольцова, палеонтолога М.В. Павловой, химиков Н.Д. Зелинского и А.Е. Чичибабина. Развитие юридических дисциплин связано прежде всего с гражданско-правовыми исследованиями Г.Ф. Шершеневича.

В шестой главе повествуется о жизни университета в годы Первой мировой войны и революции, его судьбе в Советской России. Освещён широкий спектр вопросов: отношение студенчества к войне, участие преподавателей в военных действиях, просветительская работа среди солдат и

увечных воинов, деятельность политизированных сообществ, национализация и ликвидация учебного заведения большевиками. Уместными и интересными представляются выдержки из дневников и рукописей, проливающие свет на гражданскую позицию отдельных профессоров и студентов в революционную эпоху.

Можно согласиться с итоговым выводом Фандо: Народный университет являлся «зеркалом российского высшего образования». В деятельности этого вуза сочетались просветительство и академизм, характерные для периода демократизации высшего образования начала XX в. Универсализм в обучении, широкая гуманистическая направленность, прогрессивные унастроения профессоров и студентов позволяют считать университет Шанявского не только ярким явлением культурной жизни России начала XX в., но и важным элементом формировавшегося тогда гражданского общества. В заключении автор отмечает, что изученная модель подготовки студентов и организации научного процесса имеет прямое отношение к настоящему российской высшей школы, тенденциям её развития в будущем.

Примечание

¹ Например: *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999.

Рец. на: О.А. Валькова. Штурмья цитадель науки: женщины-учёные Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 792 с.

Evgeniy Pchelov

(Russian State University for Humanities, Moscow; S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: O.A. Valkova. Shturmuya tsitadel' nauki: zhenshchiny-uchonyye Rossiyskoy imperii. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870016620-3

Женщины-учёные в России — одна из важнейших тем гендерной истории. Общеизвестен образ С.В. Ковалевской, которая в советское время была символом борьбы женщин за место в науке. Определённой известностью в профессиональных кругах пользуются имена Ю.В. Лермонтовой, О.А. Федченко, Л.П. Цераской, М.В. Павловой, М.П. Садовниковой-Кольцовой, А.А. Глаголевой-Аркадьевой, Н.Н. Ладыгиной-Котс. В постсоветское время особое внимание привлекала фигура кн. Е.Р. Дашковой — организатора научных исследований, ставшей популярным образом русского «дамского века». Однако эти единичные примеры не составляли цельной картины присутствия женщин-естествоиспытателей в научном пространстве дореволюционной России.

Восполнить этот пробел призвано исследование О.А. Вальковой, охватившее период от начала XVIII в. до падения Российской империи. На страницах этого труда, опирающегося на огромную источниковую базу (архивные документы личного происхождения, научная периодика, литературные произведения, памятники искусства), перед читателем разворачивается процесс постепенной профессионализации исследовательской работы женщин в области точных и естественных наук. Показано, как из

разрозненного, индивидуального любительства в конечном итоге сложилось целое сообщество женщин-учёных, ставшее органичной частью научного мира позднеимперской России.

Первая часть книги посвящена дореформенному периоду. Отправная точка повествования — 1710-е гг., когда в Петербург по приглашению Петра I приехала дочь Сибиллы Мериан Доротея Мария Гзель — первая в истории страны женщина, принятая на службу в Академию наук. Доротея Мария преподавала живопись в Фигурной палате Академии наук, зарисовывала зоологические экспонаты Кунсткамеры и завершила третью часть книги своей матери, посвящённой происхождению и питанию гусениц (чему способствовало её путешествие вместе с Мериан в Суринам). Главы о второй половине XVIII — начале XIX в. носят новаторский характер. Если женщины-учёные второй половины XIX — начала XX в. ещё упоминаются в исследованиях (пусть разрозненно и эпизодически), то предшествующее время представляло собой почти абсолютную *terra incognita*. Да и личный вклад кн. Дашковой в науку (а не её административно-организаторская деятельность) до сих пор не был предметом специального рассмотрения. Валькова же обращает внимание на серьёзный интерес княгини к естественной истории и на собирание ею

коллекций минералов, окаменелостей и гербария.

Автор попыталась собрать воедино скупые сведения о любительницах наук того времени. В основном они принадлежали тогда к кругу русской аристократии, а некоторые были связаны родством с мужчинами-учёными. Например, супруга выдающегося физика кн. Д.А. Голицына Амалия Самуиловна, которая, будучи весьма образованной в математике, философии и других научных областях, собрала в своём доме кружок учёных, получивший европейскую известность. Надо заметить, что такая «генеалогическая традиция» (дочери или жёны учёных) сохранялась в гендерной истории науки.

Затрагивается и другой интересный вопрос — появление в России в начале XIX в. словосочетания «учёная женщина». Автором привлечён большой литературный и лингвистический материал, выяснена семантика этого понятия, определены его генезис и круг бытования. В одной из глав рассказывается о том, как формировались естественнонаучные знания образованной благородной барышни в России в первой половине XIX в. Среди наиболее известных случаев — поэтесса А.П. Бунина, которая обучалась, в частности, физике и математике, и мать Л.Н. Толстого М.Н. Волконская, чьи учебные тетради по агрономии, математической, физической и политической географии дошли до нас. Как отмечает автор, образование девушек (по крайней мере, в некоторых дворянских семьях) в плане наук не слишком отличалось от образования мальчиков. Здесь, как мне кажется, было бы интересно подробнее рассмотреть опыт Смольного института благородных девиц и подобных учреждений, где в курс обучения входили и научные дисциплины.

Следующие главы первой части книги подробно характеризуют такие явления, как создание женщинами естественнонаучных коллекций и посещение ими публичных научных мероприятий. Особо отмечены собрания учёных редкостей кн. А. Яблоновской («Натуральный кабинет» с коллекциями минералов, ископаемых, чучел животных, анатомических препаратов и др.) и кн. Дашковой («Кабинет редкостей натуральной истории» с коллекциями минералов и руд, «натуральных» и окаменелых животных, гербарием и др.), переданные позднее Московскому университету. Заметно, как европейские традиции кунсткамер входили в русскую культурную жизнь, в том числе и через польское посредничество. Валькова впервые осветила вклад в науку Е.П. Фадеевой, занимавшейся ботаникой, орнитологией, минералогией и другими естественнонаучными областями.

Отдельная глава посвящена книге кн. Е.И. Голицыной «Анализ силы», изданной в Петербурге на французском языке в 1835—1837 гг. Княгиня, лично общавшаяся со многими известными учёными, в том числе с математиком М.В. Остроградским, полагала, что открыла ни много ни мало новый способ математических вычислений. Она настойчиво добивалась отзыва о своём труде, но в Академии наук отвергли её сочинение как совершенно ненаучное. Действительно уже тогда было видно, что «барыняхватила через край». Валькова считает книгу Голицыной «первой научной публикацией российской женщины». Однако это всё же явное преувеличение, так как не ясна ни её тематика, ни общий профессиональный уровень. Тем не менее сам факт появления такого сочинения свидетельствовал об активном проникновении научных знаний (и даже научных амбиций) в среду светских дам той эпохи.

В монографии собраны упоминания учёных-женщин и их трудов в российских общественно-литературных журналах первой половины XIX в. Автор приходит к обоснованному выводу, что даже эти краткие заметки и скупые похвалы сыграли немалую роль в приобщении к науке женской аудитории.

Во второй части рассматривается процесс профессионализации научной деятельности женщин в России 1850-х гг. Теоретические обоснования права женщины на труд, в том числе и научный, нашли отражение в политико-экономических теориях М.Н. Вернадской. Важнейшим вопросом было получение женщинами права на высшее образование и допуск к определённым профессиям во второй половине XIX в. Вальковой удалось выявить и охарактеризовать идейные, исторические, правовые основания качественно нового этапа в гендерной истории российской науки.

В третьей части даётся подробная характеристика роли женщин в работе Русского химического, Русского географического, Русского астрономического и ряда других обществ. Пожалуй, центральное место в этом разделе занимает биография О.А. Федченко (урождённой Армфельд), вошедшей в 1864 г. в число членов-основателей московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (до неё учредителями подобных объединений выступали исключительно мужчины). «Легитимация» женщин в составе научных организаций отражала продолжавшийся рост их исследовательской деятельности. В частности, выдающихся результатов добились химик Ю.В. Лермонтова, энтомолог О.Г. Полетаева и десятки других не менее значимых для истории науки дам.

Четвёртая часть книги посвящена процессам, происходившим в начале

XX в. Как показывает Валькова, в это время появилось много «любительниц наук», которые порой даже не имели соответствующего образования, но тем не менее приносили ощутимую пользу для накопления знаний. Вместе с тем немало женщин трудились уже и в рядах профессиональных учёных. В их числе астрономы Л.П. Цераская и Н.М. Субботина, палеонтолог М.В. Павлова, физик А.А. Глаголева-Аркадьева. Валькова анализирует, какие возможности имелись у них в высших учебных заведениях и в академических учреждениях империи, а также условия и достижения их независимой деятельности. Любопытна и глава, посвящённая частным женским научно-исследовательским инициативам. Среди её героев — гр. Е.П. Шереметева (внучка кн. П.А. Вяземского и супруга гр. С.Д. Шереметева), которая, заинтересовавшись естествознанием, организовала сбор ботанических коллекций в своих имениях. Автор показывает разнообразие форм исследовательской работы женщин. К началу XX в. в той или иной степени их «присутствие» ощущалось уже практически во всех дисциплинах. Тогда же они становились полноправной частью научного сообщества.

В пятой части монографии приводятся статистические сведения о российских естествоиспытательницах второй половины XIX — начала XX в. В этот период женщины всё активнее участвовали в работе научных обществ. Автор свела в таблицы данные о численности, происхождении и социальном статусе участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей (проводились в 1867—1913 гг.). Одна из таблиц посвящена и членству в естественнонаучных обществах и учреждениях представительниц династии Романовых. К сожалению, среди почётных членов Императорского Русского географического общества

не упомянута вел. кн. Александра Иосифовна. Ещё ждёт своего детального исследования многообразная организационно-научная деятельность принцессы Е.М. Ольденбургской (урождённой герцогини Лейхтенбергской). Больше внимание стоило бы обратить и на покровительство обществ садоводства со стороны российских императриц и великих княгинь. Среди приложений неплохо было бы увидеть свод-

ную информацию о членстве российских женщин в академиях, в том числе зарубежных. Так, кн. Дашкова являлась иностранным членом Филладельфийского научного общества. Но это скорее пожелания на будущее, не отменяющие безусловные достоинства рецензируемой монографии — фундаментального труда и важной вехи в гендерной истории отечественной науки.

Наши авторы

Башнин Никита Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургской академии художеств им. Ильи Репина

Белякова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета

Белякова Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет)

Бирюкова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону), ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Вандалковская Маргарита Георгиевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Гребенкин Игорь Николаевич, доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина

Гусев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Елина Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Ерусалимский Константин Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета

Измозик Владлен Семёнович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича

Корогодина Мария Владимировна, доктор исторических наук, исследователь Санкт-Петербургского государственного университета, заведующая Научно-исследовательским отделом рукописей Библиотеки РАН

Мельникова Любовь Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного педагогического университета

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН; доцент Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Мошкова Людмила Владимировна, главный специалист Российского государственного архива древних актов

Петров Иван Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Печатнов Валентин Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ

Печатнов Владимир Олегович, доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Пчелов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Тарасов Аркадий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета

Тихонов Андрей Константинович, доктор исторических наук, профессор Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Усачёв Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ

Устинова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Архиереи Русской Церкви

<i>М.В. Корогодина</i> Архиерейская хиротония и «исповедания» епископов в первой трети XV в.	3
<i>А.Е. Тарасов</i> После Исидора: русская митрополичья кафедра в 1440-е гг.	10
<i>Е.В. Белякова</i> К вопросу о статусе епископата в Русской Церкви XVI в.	19
<i>А.С. Усачёв</i> Восприятие центральных светских и духовных властей переписчиками книг в XVI в. (по материалам выходных записей)	32
<i>Н.В. Башнин</i> Митрополит Иона (Думин): книжник и политик	48
<i>А.В. Морохин, И.А. Устинова</i> Смерть патриарха Иоакима и выборы главы Русской Православной Церкви в 1690 г.	61

Россия и мир

<i>Л.В. Мельникова</i> «Одно из самых красивых украшений Парижа»: возведение русского посольского храма и культурно-политическое значение проекта	71
<i>В.О. Печатнов, В.В. Печатнов</i> Русская дипломатия и Православная Российская Церковь в США (1867—1917)	83
<i>Н.А. Белякова</i> Поездка кардинала Ф. Кёнига по Советскому Союзу в 1980 г.: церковная диплома- тия в условиях холодной войны	97

Институты и общности

<i>И.В. Петров</i> Православные приходы Новгорода и окрестностей в период нацистской оккупации	105
---	-----

Профессия и сообщество

<i>И.К. Богомолов</i> Великая российская революция в современной зарубежной историографии	114
--	-----

К 85-летию Института российской истории РАН

<i>Л.А. Сидорова</i> «Под грифом Института истории АН СССР»: смена научных ориентиров в условиях складывания антигитлеровской коалиции	132
<i>В.В. Тихонов</i> «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индиви- дуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР	144

Первые тридцать лет моей жизни в Институте	155
«Институт выполнял роль центра исторической науки»: из воспоминаний учёных	162

Диалог о книге

С.Д. Яхонтов. Воспоминания 1853—1942 гг.	198
И.Н. Гребенкин: Провинциальный историк на сломе эпох	199
А.К. Тихонов: Трудная судьба «маленького человека»	202
Ф.А. Гайда: Подвиг энтузиаста	204
О.А. Милевский: Элегия о провинциальной России	208

Обзоры и рецензии

Л.В. Мошкова — М.В. Корогодина. Памятники церковного права в рукописях XV — начала XX века (Описание рукописного отдела Библиотеки РАН. Т. 11. Вып. 1)	211
К.Ю. Ерусалимский — В.Н. Козляков. Смутное время в России начала XVII века	214
А.С. Пученков — Двенадцать месяцев из жизни революционного Крыма (апрель 1919 — апрель 1920 г.)	221
В.С. Измозик — Православное духовенство Крыма в годы великих потрясений	227
Ю.А. Бирюкова — Под сенью православного креста: духовенство Крыма в 1914—1920 гг.	232
И.В. Петров — Жизненный путь митрополита Вениамина (Федченкова) в современных латвийских исследованиях	235
Н.С. Гусев — М.А. Бирман. П.М. Бицилли (1879—1953). Жизнь и творчество	240
О.Ю. Елина — Р.А. Фандо. Университет им. А.Л. Шанявского на фоне смены эпох	243
Е.В. Пчелов — О.А. Валькова. Штурм цитадель науки: женщины-учёные Российской империи	247
Наши авторы	251

CONTENTS

Bishops of the Russian Church

M.V. Korogodina (Saint Petersburg State University, Russia) Consecration of Bishops and «Lists of Creed» in the first third of the 15 th century	3
A.E. Tarasov (Lomonosov Moscow State University, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow) After Isidor: Russian Metropolitan See in the 1440 th	10
E.V. Belyakova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow) On the issue of the status of the episcopate in the Russian Church in the 16 th century	19

<i>A.S. Usachev (Russian State University for the Humanities, Moscow; Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia)</i>	
Perceptions of central secular and spiritual authorities in Russian regions in the 16 th century (based on the materials of the colophons of manuscripts)	32
<i>N.V. Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg Repin Academy of Fine Arts)</i>	
Metropolitan Iona (Dumin): scribe and politician	48
<i>A.V. Morokhin (National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow), I.A. Ustinova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The death of Patriarch Joachim and the election of the head of the Russian Orthodox Church in 1690	61

Russia and the world

<i>L.V. Melnikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
«One of the most beautiful decorations of Paris»: the construction of the Russian embassy church and the cultural and political significance of the project	71
<i>V.O. Pechatnov, V.V. Pechatnov (both – Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia)</i>	
Russia's diplomacy and Russian Orthodox Church in the U.S.A. (1867–1917)	83
<i>N.A. Beliakova (Institute of World History, Russian Academy of Sciences; First Sechenov Medical University, Moscow)</i>	
Cardinal König's Trip to the Soviet Union in 1980: Church Diplomacy during the Cold war	97

Institutions and communities

<i>I.V. Petrov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Orthodox parishes in Novgorod and the surrounding area during the Nazi occupation	105

Profession and the community

<i>I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The Russian Revolution in the contemporary foreign historiography	114

To the 85th anniversary of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

<i>L.A. Sidorova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
«Under the stamp of the Institute of History, the USSR Academy of Sciences»: changing scientific guidelines in the light of formation of the anti-Hitler Coalition	132
<i>V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
«With a Russian scope and American efficiency»: collective and individual forms of research organization at the Institute of History, the USSR Academy of Sciences	144
<i>M.G. Vandalkovskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The first thirty years of my life at the Institute	155
«The Institute played the role of a center of historical science»: from the memoirs of scientists	162

Discussing recent books

S.D. Yakhontov. <i>Memories of 1853–1942</i>	198
<i>I.N. Grebenkin (Ryazan State University named for S. Yesenin, Russia): Provincial historian at the break of epochs</i>	199
<i>A.K. Tikhonov (Vladimir State University, Russia): The difficult fate of the «little man»</i> . .	202
<i>F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow): Enthusiast's fear</i>	204
<i>O.A. Milevsky (Surgut state pedagogical University, Russia): Elegy on provincial Russia</i> . .	208

Reviews

<i>L.V. Moshkova (Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: M.V. Korogodina. Pamyatniki tserkovnogo prava v rukopisyah XV — nachala XX veka (Opisanie rukopisnogo otdela Biblioteki RAN. T. 11. Vyp. 1)	211
<i>K.Yu. Yerusalimskiy (Russian State University for the Humanities, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: V.N. Kozlyakov. Smutnoye vremya v Rossii nachala XVII veka	214
<i>A.S. Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Twelve months in the life of the revolutionary Crimea (April 1919 — April 1920)	221
<i>V.S. Izmozik (Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Russia)</i>	
Orthodox clergy of Crimea during the years of great upheavals	227
<i>Yu.A. Biryukova (Don State Technical University, Rostov-on-Don; Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
In the shadow of the Orthodox cross: the clergy of the Crimea in 1914–1920	232
<i>I.V. Petrov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
The Life Path of Metropolitan Benjamin (Fedchenkov) in contemporary Latvian Studies	235
<i>N.S. Gusev (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: M.A. Birman. P.M. Bicilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo	240
<i>O.Yu. Elina (S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: R.A. Fando. Universitet im. A.L. Shanyavskogo na fone smeny epokh	243
<i>E.V. Pehelov (Russian State University for the Humanities; S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: O.A. Valkova. Shturmuya tsitadel' nauki: zhenshchiny-uchonyye Rossiyskoy imperii	247
Contributors to this issue	251

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор
Мац А.Г.	— Младший редактор

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

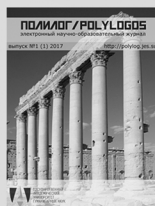
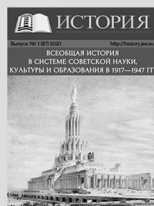
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ
История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА
Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА
Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).